

Мария Пироговская

Запах
между медициной
и моралью
в русской культуре
второй половины
XIX века

МИАЗМЫ СИМПТОМЫ УЛИКИ

Мария Пироговская

*Запахи
между медициной
и моралью
в русской культуре
второй половины
XIX века*

МИАЗМЫ СИМПТОМЫ УЛИКИ

Санкт-Петербург, 2018

УДК 17.021
ББК 87.75
ПЗЗ

Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Рецензенты: *В. А. Дымиц* (д-р хим. наук);
Е. А. Вишленкова (д-р истор. наук)

Пироговская, М.

ПЗЗ Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века / Мария Пироговская — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 392 с. : ил., [2] с. цв. ил.

ISBN 978-5-94380-267-6

Монография посвящена тому, как в России второй половины XIX века воспринимались и осмыслились запахи.

Чувственный и когнитивный опыт, который человек получает через различные каналы восприятия, традиционно исследуется в рамках естественных наук. Но у чувственного восприятия есть и важный социальный аспект. Для нормального функционирования каждому обществу необходимы согласованные представления о плохом и хорошем, здоровом и опасном, прекрасном и отвратительном. Эти представления захватывают и область чувственных ощущений. В книге рассматривается тот период российской истории, когда один общественный консенсус сменялся другим, а границы между приемлемыми и неприемлемыми запахами переопределялись. На примере многочисленных конфликтов вокруг миазмов и ароматов автор демонстрирует стратегии включения чувственного опыта в социальные процессы.

Книга написана на основе анализа официальных документов, национальной прессы и специализированных медицинских изданий, мемуаров и архивных материалов и адресована всем, кто интересуется междисциплинарными штудиями, историей повседневности и социальными исследованиями медицины.

УДК 17.021
ББК 87.75

Для оформления обложки использовано изображение по лицензии Shutterstock.com.
Фото автора на обложке © Даниил Ландау.

ISBN 978-5-94380-267-6

© М. М. Пироговская, 2018
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2018

Оглавление

Предисловие.....	7
ВВЕДЕНИЕ	10
Что исследуют антропология и история чувств: социум и сенсориум	10
Как изучать запахи: обоняние и социальное воображение	23
Российская история чувств: обоняние.....	33
ГЛАВА 1. Контекст: теории и практики	42
Теория миазмов: европейские источники, российская рецепция	42
«Миазмы» и «контагии»: эпидемиология в социополитической перспективе.....	65
Борьба с миазмами в России XVIII–XIX веков: государственные меры и частные практики.....	76
Понятие «общественного здоровья» в пореформенной России	90
«Европейская чистота» и «азиатское неряшество»	109
ГЛАВА 2. Инструменты: слова и модели	126
Слова: классификации запахов и становление русского ольфакторного словаря	126
Запахи как симптомы: медиализация и естественнонаучный взгляд на повседневность	152
До и после эпидемий: санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи	187
Образцы: синтез санитарии и бактериологии на гигиенических выставках.....	235

ГЛАВА 3. Нормы и вариации	256
Запахи как социальные характеристики.....	256
Медикализация бедности и запах «другого»	276
Всему свое место: смешанные запахи и ольфакторный нейтралитет.....	295
Понятие «хорошего тона» и феминизация чувствительности.....	304
Ольфакторное антиповедение: вариации нормы.....	321
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Запахи модерна и чувствующие субъекты	332
Библиография	337
Указатель	382
Summary.....	389

Предисловие

Эта работа началась с удивления: почему в поэзии русского Серебряного века так часто упоминаются экзотические запахи и названия духов? Что эти названия значили для поэтов и их читателей — и что поэты хотели тем самым сообщить своим читателям? Традиционное литературоведение не давало удовлетворительных ответов на эти вопросы. Я листала каталоги парфюмерных фабрик Брокара и Ралле и читала руководства 1900-х годов по хорошему тону. Но что общего между советами для элегантных дам и поэзией символистов? Поиск ответов сначала привел меня на факультет антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, а затем заставил углубиться в проблематику социальной истории медицины и антропологии чувств. По пути я оказалась на конференции в Туре, где познакомилась с тем, как на сходные вопросы отвечают французские историки третьего поколения школы «Анналов» и их ученики и ученицы, и в библиотеках Берлина и Хельсинки, богатство которых порой приводило меня в замешательство, заставляя вновь и вновь пересматривать теоретические рамки работы и расширять круг источников.

В том, что изначальная смутная идея в конце концов воплотилась в книгу, есть вклад множества людей. Основой этой книги стала кандидатская диссертация, которую я писала под руководством Альберта Кашфулловича Байбурина, — спасибо ему за неизменную поддержку и доброжелательную критику (и за то, что не позволял мне нарушать дедлайны — ну, почти). Я благодарна преподавателям и слушателям Европейского университета — за ежидные вопросы, за удовольствие обсуждать методы и мелочи, за ту обстановку, которая побуждает к интеллектуальному поиску и заинтересованному разговору: Николай Борисович Вахтин, Валерий Аронович Дымшиц, Георгий Ахиллович Левинтон, Михаил Лазаревич Лурье, Михаил Михайлович Кром, Елена Владимировна Лярская, Александра Михайловна Пиир, Илья Владимирович

Утехин, Сергей Анатольевич Штырков — спасибо вам за это. Начальная стадия работы была поддержана стипендией Центра европейских исследований при Европейском университете, а окончательную правку я вносила, будучи приглашенной сотрудницей Коллегиума высших научных исследований при Хельсинкском университете (Helsinki Collegium for Advanced Studies). На разных этапах работы над рукописью я получала комментарии, консультации, отзывы и советы Сергея Абашина, Анны Афанасьевой, Андрея Возьянова, Елены Ермолаевой, Александры Ипполитовой, Катрионы Келли, Андрея Костина, Даниэля Мората, Ханса Риндисбахера, Дмитрия Сичинавы, Сергея Соколовского и Елены Трубиной. Я хочу выразить признательность Аркадию Блюмбауму, Дмитрию Калугину, Уго Кортте, Алексею Куприянову и Кириллу Осповату, разговоры с которыми об истории и антропологии, об обществе и политике, о медицине и науке в разные годы помогали мне в осмыслении и интерпретации моего материала. Кроме того, эта книга была бы совсем другой без профессиональных знаний Никиты Елисеева, библиографа Российской национальной библиотеки, и доброй воли друзей и коллег, приславших мне труднодоступные статьи и щедро деливших ссылками: Екатерина Божокина, Зинаида Васильева, Маша Горшкова, Алексей Евстратов, Светлана Клейнер, Анна Клепикова, Ольга Литвяк, Ольга Пантелеева, Дарья Хитрова — ваша помощь была бесценна. Все ошибки и неточности, разумеется, остаются на совести автора.

И наконец, я благодарна своим близким, без поддержки которых ничего бы не было.

* * *

Некоторые разделы и фрагменты основаны на уже опубликованных статьях, которые подверглись существенной ревизии во время написания книги. В основу главы «Европейская чистота» и «азиатское неряшество» легла статья, вышедшая в сборнике «Сделано в Европе: взгляд российских исследователей» (СПб., 2014) под редакцией Елены Белокуровой и Марии Ноженко. Начальные разделы второй главы представляют собой переработанные публикации в журнале «Новое литературное обозрение» (От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 144–164; Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации

быта в России второй половины XIX века // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 140–169). Третий раздел той же главы — «До и после эпидемий: санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи» — это дополненный вариант статьи, напечатанной в журнале «Антропологический форум» (Ветлянская чума 1878–1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 198–229). Я благодарю редакции за разрешение включить в книгу этот материал.

*Санкт-Петербург–Берлин–Санкт-Петербург–
Хельсинки–Санкт-Петербург*

Введение

Что исследуют антропология и история чувств: социум и сенсориум

Эта книга посвящена роли запахов в социальном воображении определенного исторического периода и тем самым следует историко-антропологическому подходу к чувствам и чувствительности. Это значит, что чувства — и в первую очередь обоняние — будут пониматься как конвенциональные и исторически изменчивые явления, формируемые социумом, а чувствительность и чувственный опыт человека — как элементы, производящие социальные ситуации и производимые ими¹. Возникшая в последние десятилетия XX века антропология чувств, или ощущений (англ. *anthropology of the senses*, фр. *anthropologie sensorielle*, нем. *Anthropologie der Sinne*, итал. *antropologia delle sensazioni*), была нацелена на анализ тех культурных значений, которыми «чувства как средства коммуникации и посредники нашего опыта и наших знаний о мире» обладают в том или ином обществе², и тех социальных кодов, которые «определяют, что представляет собой приемлемое сенсорное поведение, и указывают, что же значит чувственный опыт разного рода»³. Своим формированием она была обязана сразу нескольким областям социального и гуманитарного знания. В частности, в ее развитие внесло вклад новое искусствоведение, занимавшееся историей разглядывания и созерцания⁴. Но прежде

¹ Hsu E. The Senses and the Social: An Introduction // *Ethnos*. 2008. Vol. 73. N 4. P. 433.

² Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations // *La Ricerca Folklorica*. 2002. N 45: *Antropologia delle sensazioni*. P. 17. Здесь и далее перевод сделан мной, если это не оговорено особо. — М. П.

³ Herzfeld M. *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 245.

⁴ См., например: Baxandall M. *Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style*. Oxford: Clarendon Press, 1972.

всего она была бы немислима без сдвига исследовательского внимания с исторических событий к социальным отношениям и культурным представлениям, без антропологического интереса к «другому» и без спора социальных и естественных дисциплин о природе и воспитании (*nature vs. nurture*), который посеял сомнения в неизменности и стабильности чувств и ощущений, производимых сенсорными системами человеческого тела.

Примечательно, что в социальных науках дискуссия о чувствах началась с лингвистического изучения вернакулярных классификаций цвета, поиска универсальных цветовых номинаций и попыток построить эволюционную траекторию их освоения⁵. Значит ли это, что зрение и особенности его применения заинтересовали западных исследователей в первую очередь в соответствии с европейской культурной иерархией чувств, где зрению, ассоциирующемуся с разумом и анализом, отводилось первое место? В таком случае появление новых когнитивных и лингвистических исследований о номинациях и классификациях запахов, опровергающие представления о рудиментарности и малозначимости человеческого обоняния, можно в какой-то мере счесть заслугой культурной антропологии чувств⁶.

По замечанию канадской исследовательницы Констанс Классен, «история и антропология чувств зиждутся на убеждении, что чувственное восприятие — явление столь же физическое, сколь и культурное: чувственный аппарат, которым оснащено тело человека, моделируется тем обществом, в котором этот человек живет, и пять чувств, выделяемых более или менее строго в различных традициях, оказываются не только средствами восприятия физических явлений, но и способами передачи культурных ценностей»⁷.

⁵ Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969; Conklin H. C. Review of Basic Color Terms // American Anthropologist. 1975. Vol. 75. N 4. P. 931–942; Sahlin M. Colors and Culture // Semiotica. 1976. Vol. 16. N 1. P. 1–22.

⁶ См., например, ряд работ Асифы Мажид и ее соавторов: Burenhult N., Majid A. Olfaction in Asian Ideology and Language // The Senses and Society. 2011. Vol. 6. N 1. P. 19–29; Majid A., Burenhult N. Odors Are Expressible in Language, as Long as You Speak the Right Language // Cognition. 2014. Vol. 130. N 2. P. 266–270; Whuk E., Majid A. Revisiting the Limits of Language: The Odor Lexicon of Maniq // Cognition. 2014. Vol. 131. N 1. P. 125–138; Majid A., Speed L., Croijmans I., Arshamian A. What Makes a Better Smeller? // Perception. 2017. Vol. 46. N 3–4. P. 406–430.

⁷ Classen C. Foundations for an Anthropology of the Senses // International Social Science Journal. 1997. Vol. 49. N 153. P. 401–412.

Можно сказать, что чувства оказываются неотъемлемой частью социальных отношений: они формируют социальные группы и создают границы между ними. С этой точки зрения любое общество, будучи «основано на консенсусе (т. е. буквально — на *чувствовании*)», организовано чувственным образом постольку, поскольку чувствовали же — явление социальное⁸.

Согласованность представлений о плохом и хорошем, здоровом и опасном, прекрасном и отвратительном распространяется и на сенсорные впечатления, на то, как телесный опыт оформляется в соответствии с культурными нормами⁹. Помимо сугубо индивидуальных вариаций чувствительности в каждом обществе будут работать согласованные чувственные представления и различаться приемлемые и неприемлемые запахи, разрешенные и запрещенные прикосновения, температурные режимы — желанные в одних ситуациях и вызывающие тревогу в других. Этим различием, отделяющим приемлемое от неприемлемого, приятное от пугающего, упорядоченное от хаотичного, управляет «здоровый смысл» — существующая в культуре система самоочевидностей, которая позволяет носителям этой культуры быстро справляться с огромным спектром жизненных ситуаций¹⁰.

Однако стоит сразу оговорить, что эта согласованность может быть неполной, частичной или непоследовательной, ведь способы воспринимать окружающий мир меняются не только от культуры

⁸ Приведенная формулировка содержится в анонсе журнала *The Senses and Society* (www.nyu.edu/classes/bkg/web/SensesSociety.pdf — Дата обращения: 31.05.2018). См. также: *Howes D. Charting the Sensorial Revolution // The Senses and Society. 2006. Vol. 1. N 1. P. 113–128.* Этого подхода придерживается и возглавляемая Хоувзом монреальская исследовательская группа CONCERT (Concordia Sensoria Research Team), которая занимается антропологическим анализом чувств и ощущений на современном материале (<http://www.centreforsensorystudies.org> — Дата обращения: 31.05.2018). Стоит, впрочем, отметить, что латинский глагол *consentire* и образованное от него существительное *consensus* могли значить как единство чувств (переживаний), так и единство мнений (суждений), в том числе в юридическом смысле (*Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. 4e éd. Paris: C. Klincksieck, 1959. P. 614*).

⁹ *Herzfeld M. Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society. P. 245.*

¹⁰ *Гирц К. Здоровый смысл как культурная система // Неприкосновенный запас. 2007. 4 (54). С. 19–42.* См. также: *Douglas M. Self-evidence // Douglas M. Implicit Meanings: Essays in Anthropology. London; Boston; Melbourne; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1984. P. 276–281.*

к культуре, но и внутри конкретной культуры. Наконец, чувственный консенсус редко бывает статичным и незыблемым: на него влияют социальные изменения, от крупных потрясений до малозаметных на первый взгляд колебаний.

Итак, в рамках антропологического подхода чувства — и в узком, и в широком смысле, от телесных ощущений до моральных норм — рассматриваются как посредники в отношениях человека и общества, а чувственное восприятие (или, точнее, чувственный семиозис¹¹) — как изменчивый и специфичный для той или иной культуры способ постижения мира, по необходимости включающий в себя определенные, обусловленные контекстом социальные и культурные смыслы¹². Специфику этих способов постижения, их конфигурацию — т. е. некоторую совокупность чувственных кодов, символическую нагрузку тех или иных впечатлений, стратегии и практики наделяния чувств социальным смыслом и структурные последствия этих практик и предстоит анализировать историку или антропологу. Главная опасность на этом поприще — этноцентризм, побуждающий принять роли и значения, которыми наделяет чувства культура исследователя, за естественную данность. Например, само по себе выделение пяти чувств в качестве стандарта и последующий поиск их аналогов в «чужих» культурах, с неизбежным отсечением данных, не укладывающихся в матрицу «осязание — обоняние — вкус — слух — зрение», также можно рассматривать как специфичные для западноевропейской традиции, опирающейся на учение Аристотеля о душе и чувственном восприятии как одной из форм познания¹³. В других традициях границы ощущений порой располагаются иначе, а отдельных чувств может насчитываться больше десятка¹⁴. Есть и примеры радикальной трансформации

¹¹ Herzfeld M. *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 242.

¹² Об историческом изучении чувствительности см.: Wickberg D. What is the History of Sensibilities? On Cultural Histories, Old and New // *The American Historical Review*. 2007. Vol. 112. N 3. P. 661–684.

¹³ Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 102–136; Он же. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 394–422.

¹⁴ См., в частности, описание чувственной конфигурации у народа анло-эве, проживающего в юго-восточной Гане: Geurts K. L. *Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002.

чувств: так, в языке хауса (Нигерия) выделяются два термина — для зрения и для невизуального (мультимодального) способа восприятия¹⁵.

Некоторым противоядием может стать знакомство с кросс-культурными штудиями. Сравнительные описания языков чувств демонстрируют, что даже при выделении привычных для европейца пяти чувств их можно концептуализировать и группировать по-разному, с различной степенью абстракции, и по-разному использовать для осмысления мира¹⁶. Различаться могут места, за-нимаемые чувствами в культурном универсуме, значения, при-

¹⁵ *Ritchie I.* Fusion of the Faculties: A Study of the Language of the Senses in Hausaland // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 194–195.

¹⁶ См., например: *Gossen G.* Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974. P. 18–45; *Gell A.* Magic, Perfume, Dream // *Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism* / ed. by I. Lewis. London; NY; San Francisco: New York Press, 1977. P. 25–38; *Reichel-Dolmatoff G.* Desana Animal Categories, Food Restrictions and the Concept of Color Energies // *Journal of Latin American Lore*. 1978. Vol. 4. N 2. P. 243–291; *Seeger A.* Nature and Society in Central Brazil: The Suyá Indians of Mato Grosso. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. P. 80–120; *Almagor U.* The Cycle and Stagnation of Smells: Pastoralists-Fishermen Relationships in an East African Society // *Res: Anthropology and Aesthetics*. 1987. Vol. 13. P. 106–121; *Roubin L. A.* Le monde des odeurs: Dynamique et fonctions du champ odorant. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989; *Stoller P.* The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989; *Classen C.* Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // *American Ethnologist*. 1990. Vol. 17. N 4. P. 722–735; *Feld S.* Sound as a Symbolic System: The Kaluli Drum // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 79–99; *Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London; NY: Routledge, 1993; *Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling, and Skill. London: Routledge, 2000; *Howes D.* Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2003; *Exploring the Senses: South Asian and European Perspectives on Rituals and Performativity* / ed. by A. Michaels, Ch. Wulf. New Delhi; Abingdon: Routledge, 2014. Среди новейших антропологических исследований, посвященных обонянию, стоит назвать книгу о парфюмерном ремесле Йемена и его роли в выстраивании идентичности (*Jung D.* *Ethnography of Fragrance: The Perfumery Arts of Adan/Lahj*. Leiden; Boston: Brill, 2011) и монографию об осмыслении запахов в индийской религиозной традиции (*McHugh J.* *Sandalwood and Carrion: Smell in Indian Religion and Culture*. NY: Oxford University Press, 2012).

даваемые каждому из них, оценка надежности тех или иных чувственных данных, классификационные возможности¹⁷. Даже классические традиции демонстрируют серьезные несовпадения: например, древнееврейская культура трактовала знание и понимание как слышание, а древнегреческая — как видение, далекое, впрочем, от западноевропейского видения Нового времени¹⁸. У бра- зильского племени суйя слух и речь считаются социальными спо- собностями, а зрение и обоняние — антисоциальными, связанными с колдовством, опасностью и животным миром¹⁹. Для некоторых чувств существуют лишь косвенные способы культурного произ- водства: таковы ноцицепция (ощущение боли), термоцепция (ощу- щение температуры) или кинестезия (ощущение движения)²⁰. Тем не менее и они могут участвовать в создании космологии и со- циальной символики: так, цоциль, одна из локальных групп ин- дейцев майя, для описания мира и общества пользуются разрабо- танной системой термальных метафор²¹. Но есть чувства, которые с позиций культуры и вовсе представляют собой слепые пятна. В норме они незаметны, а их вынужденное осмысление и про- блематизация возникают лишь при поломке соответствующей сенсорной системы — и остаются уделом индивида, не попадая в поле общественной рефлексии. В качестве примера ощущения, для которого в западноевропейской культуре нет ни слов, ни смыс- лов, американский невролог Оливер Сакс приводит проприоцеп- цию — суставно-мышечное чувство, или ощущение *себя-в-теле*: его утрата ставит в тупик и врача, и пациентку, и окружающих, не умеющих назвать и тем самым понять происходящее²².

¹⁷ Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations. P. 18.

¹⁸ Ong W. J. The Shifting Sensorium // The Varieties of Sensory Experience. P. 26–27.

¹⁹ Seeger A. Nature and Society in Central Brazil. P. 83.

²⁰ Иногда в исследовательской литературе термины «кинестезия» и «про- приоцепция» могут использоваться как синонимы. Тем не менее есть тенденция понимать кинестезию как форму активного осязания, направ- ленного вовне, а проприоцепцию — как форму внутреннего отклика тела. О кинестезии и телесных метафорах см.: Potter C. Sense of Motion, Senses of Self: Becoming a Dancer // Ethnos. 2008. Vol. 73. N 4. P. 444–465; Smith R. Kinaesthesia and Touching Reality // 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. 2014. N 19 (Published online: <https://www.19.bbk.ac.uk/articles/10.16995/ntn.691/> — Дата обращения: 31.05.2018).

²¹ Gossett G. Chamulas in the World of the Sun. P. 18–45, 47–52.

²² Сакс О. Бестелесная Кристи // Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. М.: АСТ; Астрель; По- лиграфиздат, 2012. С. 72–86.

Следует сразу отметить, что, с точки зрения современных антропологов, любые различия в концептуализации чувств носят культурный, а не биологический, как считалось еще век назад, характер. Ранняя антропология предполагала, что восприятие туземца и восприятие современного европейца качественно различны. В частности, этот вопрос входил в исследовательский план кембриджской антропологической экспедиции Хэддона–Риверса в Торресов пролив 1898 года²³. Несмотря на то что проведенные исследования выявили различия, пренебрежимые на уровне физиологии, и значительные культурные (в номенклатуре цветов, манере рисования и письма), европейцы интерпретировали эти данные как свидетельство повышенной чувственности аборигенов — в противовес «цивилизованной рациональности»²⁴. Чтобы уйти от эволюционистских схем и картезианского дуализма души и тела, разума и чувства, антропологии понадобилось больше полувека.

Одной из попыток систематизировать обширный этнографический материал и показать огромное разнообразие возможных смыслов и значений на примере обоняния, выделенного более или менее с западноевропейских позиций, стала коллективная монография Констанс Классен, Дэвида Хоувза и Энтони Синнота *Aroma: The Cultural History of Smell* (1994). В этой книге обоняние как символический и социальный язык описано и «горизонтально», на основании этнографических данных, и «вертикально», диахронически, — от классической древности до маркетинговых отчетов современных парфюмерных концернов²⁵. Тем самым антропология и история не конкурируют, а вполне плодотворно сотрудничают: неевропейские данные «остраняют» привычный читателю европейский материал, а описание европейского отношения к запахам в динамике позволяет предположить существование точно такой же динамики у более «экзотических» ольфакторных языков (тем самым ставя под сомнение возможность использовать их для каких-либо эволюционистских построений).

В целом можно сказать, что история и антропология чувств представляют собой не столько области знания, сколько подходы, позволяющие обнаружить новый материал или по-новому взгля-

²³ Goody J. *The Anthropology of the Senses and Sensations*. P. 17–18.

²⁴ Herzfeld M. *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 247.

²⁵ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. NY; London: Routledge, 1994. Далее в ссылках на эту книгу я буду пользоваться переизданием 2004 года (London; NY: Routledge, 2004).

нуть на уже известный²⁶. Антропологический подход проблематизирует саму западноевропейскую матрицу «пяти чувств»; историк демонстрирует ее подвижность и изменчивость, ее зависимость от множества факторов разного калибра. В каждый период культура наделяет каждое из чувств своим весом в практиках символического обмена и формирует общие контуры чувствительности, проводя границы между возможным и непозволительным. Исследование чувств и чувствительности становится, таким образом, одним из ключей к осмыслению социальных процессов и пониманию того, как создаются и соотносятся отдельные группы, представления, индивидуальное и коллективное, границы между своим и чужим, как конструируются и перераспределяются политическая власть и моральный авторитет. История и антропология чувств — это своего рода ракурсы или окна, сквозь которые можно увидеть классические объекты изучения в новом свете и обнаружить прежде ускользавшие смыслы²⁷.

То, что при исследовании чувств и чувствительности история и антропология не только зачастую имеют дело с общим материалом, но и занимаются порой сходными проблемами, — один из результатов встречного движения исторических и социальных наук. Этот процесс начался в 1920-е годы в трудах французской Школы «Анналов» и немецких социологов повседневности (прежде всего Георга Зиммеля), которые задались вопросами о социальном измерении истории и диахроническом измерении социальной среды. Несмотря на методологические споры — а в какой-то степени и благодаря им — и взаимную ревность²⁸, этот

Smith M. M. *Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History*. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 3–4; Reinartz J. *Past Scents: Historical Perspectives on Smell*. Chicago: University of Illinois Press, 2014. P. 3–4; Herzfeld M. *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 241–242. Smith M. M. *Sensing the Past*. P. 5.

Во время работы над рукописью мне выпало удовольствие послушать доклад нидерландского антрополога Хенка Дриссена, в котором отношения двух дисциплин, антропологии и истории, были остроумно охарактеризованы как «нарциссизм всё уменьшающихся различий» (*Driessen H. Anthropology and History: Narcissism of Decreasing Differences?* Доклад, прочитанный на воркшопе Bridging Disciplines, Scales, and Methods. Synergies between History and Anthropology Today Высшей школы по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы 21 июля 2017 года в Реренсбурге). См. также анализ взаимоотношений двух дисциплин в обзорной монографии Майкла Херцефельда: *Herzfeld M. Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 55–89.

процесс продолжается до сих пор. Позитивистскую историософию второй половины XIX века, нацеленную на анализ и описание «события», на выявление исторических закономерностей, сменила «новая историческая наука», тяготевшая к преимущественному изучению синхронии, а не диахронии; эпохи, а не события; обычного и повседневного опыта, а не катаклизмов; масс, а не элит²⁹. Прямым результатом этого смещения исследовательского фокуса стало выдвижение на первый план социальной теории; под влиянием работ Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера произошло сближение истории с социальными дисциплинами — социологией, антропологией, экономикой. Именно социологическая школа Дюркгейма «задавала правила игры» и позволяла ставить вопросы на стыке областей знания — истории и социологии, истории и психологии, истории культуры и этнологии³⁰. Для «новой исторической науки», и в частности для Марка Блока, человек ни в коей мере не был константой в историческом процессе. Блок утверждал, что человек изменчив и что вместе с эпохой изменяются его мировоззрение, его эмоциональный язык, его чувствительность, а вместе с ними и нормы поведения и прочие компоненты социальной системы³¹.

Изучая способы мировосприятия и процедуры мышления, которые не проблематизируются их носителями, но исподволь определяют их социальное поведение, оказываясь своеобразным невидимым «скелетом» под видимой «плотью» повседневного взаимодействия³², историк имеет дело с представлениями и эмоциями, с различными режимами чувственного восприятия, субъективностью и чувствительностью в широком смысле слова. Во второй половине XX века к этой проблематике обратились представители разных социальных и гуманитарных наук, однако истоки социальной и культурной истории чувств можно увидеть уже в работах старшего поколения Школы «Анналов», в свою очередь инспирированных трудами по исторической психологии Шарля

²⁹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 33.

³⁰ Лазарев А. Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра // Мандру Р. Франция раннего Нового времени. 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. С. 11.

³¹ Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство Сабашниковых, 2003. С. 136–137.

³² Wallace A. F. C. Culture and Personality. 2nd ed. NY: Random House, 1970. P. 143.

Блонделя и Люсьена Леви-Брюля. Поскольку социальная история в понимании «анналистов» — это прежде всего история людей, одним из центральных вопросов становится вопрос восприятия, т. е. того, как человек прошлого ощущал и осознавал окружающий мир.

Впервые проблема исторического изучения чувствительности и чувственного восприятия была затронута в статье Люсьена Февра «Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого» (1941). Сфокусировавшись на принципиальной возможности исследования чувств, Февр предложил различать эмоцию как непосредственную физиологическую реакцию на какой-либо стимул и выражение эмоции³³. Взятая в социальном измерении, эмоция оказывается «результатом целого ряда опытов совместного существования», общим конвенциональным языком для выражения индивидуальных переживаний и, более того, неким «общественным институтом»³⁴. Таким же исторически обусловленным конвенциональным языком Февр считал и чувственное восприятие. В книге «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» (1942) он выдвинул тезис о «визуальной отсталости» (фр. *retard de la vue*) социальных низов XVI столетия, предположив, что тогда люди опирались в первую очередь на слуховые впечатления³⁵. Эту гипотезу о связи конфигурации чувств с историческим контекстом подхватили представители следующих поколений Школы «Анналов» — Жак Ле Гофф и Робер Мандру³⁶. В частности, Мандру развивал идеи Февра в своей монографии 1961 года, говоря о специфической иерархии применения, социальной полезности и символическом смысле чувств в XVI веке. На его взгляд, тогда слух занимал первое место, осязание — второе, а зрение, которому

³³ Февр Л. Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 109–125.

³⁴ Там же. С. 111–112. См. также рецензию на эту книгу ученика Февра Робера Мандру (*Mandrou R. Pour une histoire de la sensibilité // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1959. N 3. P. 581–588).

³⁵ Febvre L. Le Problème de l'incroyance au XVIe: La religion de Rabelais. Paris: Albin Michel, 1942. См. фрагмент об иерархии чувств в английском переводе: Febvre L. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 424–432.

³⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 393–439; Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500–1640). Essai de psychologie historique. Paris: Albin Michel, 1961. См. соответствующий фрагмент в русском переводе: Мандру Р. Франция раннего Нового времени. С. 84–98.

в раннее Новое время еще не приписывалась классифицирующая, организующая и свидетельская функция, — лишь третье. Постепенный сдвиг внутри этой конфигурации в пользу зрения Мандру объяснял ренессансным развитием науки: «Телескоп Галилея и первые микроскопы были инструментами научного прогресса, но с ними появилось и новое видение, более тренированное и дальнозоркое»³⁷.

Одновременно с «анналистами» — и независимо от них в силу принадлежности к другой дисциплине и другой научной традиции — проблемой чувственного восприятия и чувственной иерархии занимался канадский философ и теоретик коммуникации Маршалл Маклюэн — и пришел к сходным выводам. В книге «Галактика Гутенберга» (1962) Маклюэн поставил вопрос о социальных и исторических аспектах чувствительности и ввел понятие «великого водораздела» (англ. *great divide*), который отделил человека Средневековья, постигающего мир посредством всех органов чувств, от человека Нового времени, благодаря изобретению Гутенберга — книгопечатанию — усваивающего информацию преимущественно с помощью зрения³⁸.

Как и Норберт Элиас (чья книга 1939 года о «процессе цивилизации» на тот момент еще не была переведена на английский и не попала в широкий научный оборот), Маклюэн отмечал в европейской истории постепенное усиление индивидуализма. Однако в концепции Маклюэна ключевая роль в этом процессе отводилась не распространению манер, занимавшему Элиаса, а зрению, которое выдвинулось в социальное пространство благодаря развитию новых способов хранения и передачи информации. В отличие от рукописной культуры Средневековья, остававшейся уделом элит, книгопечатание создало огромные возможности для «завоевания словами пространства», т. е. для распространения визуальных форм знания; в эту эпоху даже прикладное знание начинает переводиться в книжную форму³⁹. С точки зрения Маклюэна, конфигурация

³⁷ Мандру Р. Франция раннего Нового времени. С. 90.

³⁸ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003.

³⁹ В частности, именно к ренессансному процессу перевода телесного ремесленного знания в визуальную форму учебника, т. е. к процессу конвертации *техне* в *эпистему*, историк Эдгар Цильзель возводил появление в западноевропейской культуре идеи научного прогресса (*Zilsel E. The Genesis of the Concept of Scientific Progress // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. N 3. P. 325–349*).

чувств тесно связана с социальной организацией, с иерархией способов познания, с медиа, наукой и технологиями: все они способны выступать как факторы, взаимодействие которых дискредитирует информацию одних каналов восприятия и поддерживает данные других. Рассуждая о «визуальности» западноевропейской цивилизации Нового времени, Маклюэн рисовал четырехступенчатую стадильную схему, в которой развитость чувственного восприятия уменьшалась по мере совершенствования технологий. Аудиальные дописьменные культуры использовали устные и синкретические формы коммуникации, изобретение письменности выдвинуло на передний план зрение, однако окончательный триумф визуальности наступил лишь с книгопечатанием; наконец, «электронное общество» возвращается к синтезу, реабилитируя слух и осязание⁴⁰.

Сходные мысли о роли такой технологии, как письменность, в трансформации способов познания и восприятия высказывали и другие исследователи устных и письменных культур — старший современник Маклюэна, филолог-классик Эрик Хэвлок⁴¹ и ученик Маклюэна Уолтер Онг⁴². Последний, в частности, полагал, что отсутствие письменности благоприятствует высокому статусу слуха и синтетическому характеру чувственного восприятия, а ее наличие — престижу зрения и развитию аналитического восприятия, — в этом и состоит базовое различие между бесписьменными и письменными культурами⁴³.

⁴⁰ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. С. 39–40. Эта схема, взятая с обратным знаком, перекликается с более ранними естественнонаучными конструкциями (в том числе Чарлза Дарвина и Зигмунда Фрейда), связывавшими продвижение человека по эволюционной лестнице с усилением зрения за счет ослабления «низших», «животных» чувств — вкуса, обоняния и осязания (Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. P. 88–92). В начале XIX века немецкий натуралист Лоренц Окен, один из предтеч целлюлярной теории, предлагал классифицировать живых существ по «сенсорному» принципу, а также выстраивал иерархию человеческих рас в зависимости от конфигурации чувств: от «осязющего» африканца к «созерцающему» европейцу (Gilman S. L. *Inscribing the Other*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. P. 19–20).

⁴¹ Havelock E. A. *The Literate Revolution in Greece and Its Cultural Consequences*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

⁴² Ong W. J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London; NY: Methuen, 1982.

⁴³ Ср. также попытку связать эту гипотезу с языковым материалом: Wober M. *Sensotypes // The Journal of Social Psychology*. 1966. Vol. 70. N 2. P. 181–189.

С антропологической точки зрения эти построения вызывают немало вопросов. Во-первых, одно и то же чувство может надеяться различными познавательными потенциалами в различных культурах, поэтому значения и социальные функции слуха даже в близких бесписьменных культурах могут отличаться — а зрение, которое в европейских культурах пользуется репутацией чувства объективного и аналитического, в других традициях может считаться иррациональным, изменчивым и подвижным⁴⁴. Во-вторых, различные чувства могут образовывать сложные альянсы, при анализе которых затруднительно отдать приоритет тому или иному элементу⁴⁵: выше уже упоминались хауса, сенсориум которых подразделяется на зрение и не-зрение. В-третьих, утверждение, что усиление какого-то одного чувства (например, зрения) должно неминуемо привести к ослаблению остальных (слуха или обоняния), кажется основанным на биологической модели культуры⁴⁶. Сдвиг чувственной конфигурации едва ли происходит как отказ от одного чувства в пользу другого, скорее, он заключается в ресемантизации каждого из актуальных для культуры чувств. Сомнительной кажется и сама по себе экстраполяция современных

Тестируя представителей различных нигерийских народов, Вобер делает вывод о соотношенности различных «сенсотипов» с языком и типом культуры. Африканские тоновые языки и сложные музыкальные тексты усиливают роль слуха; в некоторых языках отсутствуют термины для геометрических фигур, что, с точки зрения Вобера, может говорить о меньшей важности визуальной информации. Не углубляясь в критику этой гипотезы, отметим, что не все африканские языки тоновые; в китайских культурах одновременно сосуществуют тоны как языковое явление и иероглифы, требующие натренированного глаза; в европейских культурах изобилие зрительных метафор может сопровождаться не менее разветвленными тактильными.

⁴⁴ Classen C. *Worlds of Sense*. P. 131–134. Майкл Херцфельд в связи с вопросом о статусе зрения в бесписьменных культурах отсылает к критическим рассуждениям Жака Деррида об очерке Леви-Стросса «Урок письма» (*Herzfeld M. Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 246). По мысли Деррида, отсутствие письменности у индейцев намбиквара не означает отсутствия у них графологических представлений (выраженных в наличии собственных имен и запрете на их произнесение) и, соответственно, визуальной ориентации (*Деррида Ж. О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000. С. 248–290).

⁴⁵ Smith M. M. *Sensing the Past*. P. 12–13.

⁴⁶ Jenner M. S. R. *Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture* // *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas* / ed. by P. Burke, B. Harrison, P. Slack. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 138–143.

представлений и оценок даже на близкий по времени материал, тогда как для обоснованных выводов важно держать в голове общую конфигурацию чувств в конкретный исторический период⁴⁷. Наконец, маклюэновская теория «великого водораздела» и близкие к ней работы Онга и Хэвлока претендовали на универсальность описания, хотя в действительности имели дело с материалами по истории элит Старого Света, и оперировали преимущественно крупными временными отрезками и бинарными оппозициями, с неизбежностью огрубляя данные⁴⁸. Культуры типологически разделялись на визуальные (письменные) и аудиальные (бесписьменные), и все разнообразие чувственных конфигураций сводилось к одному из двух возможных вариантов. Однако бесписьменные и, по Маклюэну, аудиальные общества могут использовать разветвленную символику движения или цвета — как, например, индейцы хопи с юго-запада США или колумбийское племя десана⁴⁹. Создаваясь в рамках общих когнитивных и коммуникативных исследований, теории «великого водораздела» рассматривали вопросы чувственного восприятия, конфигурации и символизации чувств вне связи с социальным и историческим контекстом⁵⁰.

Как изучать запахи: обоняние и социальное воображение

Более продуктивными для понимания символической и социальной роли чувств стали историко-антропологические исследования дескриптивного, а не теоретического характера, в центре внимания которых оказывались особенности чувственного восприятия в тех или иных культурах, а также трансформации, которые чувственные конфигурации претерпевали в различные исторические периоды. Пионерской работой такого рода стала книга «Миазм и нарцисс: обоняние и социальное воображение в XVIII–

⁴⁷ Corbin A. Histoire et anthropologie sensorielle // *Anthropologie et Sociétés*. 1990. Vol. 14. N 2. P. 17.

⁴⁸ Подробный критический обзор теории «великого водораздела» см. в: Smith M. M. *Sensing the Past*. P. 8–18.

⁴⁹ Classen C. *Worlds of Sense*. P. 11, 131–134.

⁵⁰ См. также: Goody J., Watt I. *The Consequences of Literacy* // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5. N 3. P. 304–345.

XIX веках» (1982) французского историка Алена Корбена⁵¹. Именно с монографии Корбена, назвавшего себя «историком чувственного» (фр. *historien du sensible*), принято отсчитывать рождение истории и антропологии чувств как таковых⁵². Не случайно, представляя ее англоязычному читателю, британский историк медицины Рой Портер впервые воспользовался термином «культурная антропология чувств»⁵³. Эта книга продемонстрировала успешный подход к обонянию как социальному феномену конкретной эпохи.

Книга Корбена, исследующая социальные импликации запахов во Франции XIX века и то влияние, которое медицинские теории XVIII–XIX веков оказали на обоняние, соединила подходы из истории медицины, культурной антропологии и социологии знания. Хотя термин «воображение» (буквально — «воображаемое», фр. *l'imaginaire*) в подзаголовке книги отсылает к «анналистским» штудиям Ле Гоффа, Корбен отказался от истории чувств как истории ментальностей и предпочел говорить о чувствах как идеологических и социальных конструктах⁵⁴. Для него запах — это эманация материальной культуры (и, следовательно, неотделимая часть истории телесности). Кроме того, запах — это объект идеологизации: в Европе XVIII–XIX веков речь идет об идеологизациях научной и медицинской, связанных с «медикализацией» повседневной жизни⁵⁵. Благодаря помещению рутинных процессов и явлений

⁵¹ Corbin A. *Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles*. Paris: Aubier Montaigne, 1982; английский перевод: Corbin A. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. На русском языке отдельные главы были опубликованы в двухтомном сборнике «Ароматы и запахи в культуре» (М.: Новое литературное обозрение, 2003). Далее я буду ссылаться на англоязычное издание 1988 года.

⁵² Classen C. *Foundations for an Anthropology of the Senses*. P. 406.

⁵³ Porter R. Foreword // Corbin A. *The Foul and the Fragrant*. P. VII.

⁵⁴ Corbin A. *Histoire et anthropologie sensorielle*. P. 13–24.

⁵⁵ Процесс, который Мишель Фуко назвал «медикализацией западной культуры», начинается на рубеже XVIII–XIX веков, с изменением социальных функций и обязанностей медицины. Медикализация приводит к тому, что человеческая жизнь как таковая начинает рассматриваться как медицинская проблема, т. е. как проблема соотношения здоровья и болезни, а человеческое тело, сознание, повседневная жизнь становятся объектами пристального медицинского контроля и регулирования (Лехциер В. Л. Эффекты медикализации и апология патоса // *Топос*. 2006. № 1 (12). С. 114–126; см. также сборник: *La médicalisation de la société française 1770–1830* / sous la dir. de J.-P. Goubert. Waterloo; Ontario: Historical Reflections Press, 1982).

в медицинский и научный контекст, вокруг запахов, ароматов и связанных с ними гигиенических практик возникают разветвленные социальные мифологии.

С точки зрения Корбена, репутационную историю обоняния во французской и, шире, западноевропейской культуре XVIII–XIX веков можно описать как постепенное снижение толерантности к разнообразным (в первую очередь неприятным) запахам, что повлияло на чувственную конфигурацию в целом и социальную семантику обоняния в частности. Этот процесс неслучайным образом совпадает с процессом формирования буржуазного общества, когда меняются представления о времени и пространстве, личной и общественной гигиене, манерах и поведении, здоровье и болезни⁵⁶. В своей книге Корбен не упоминает ни Мишеля Фуко, ни Норберта Элиаса, однако его концепция явно перекликается с их исследованиями, так или иначе посвященными «процессу цивилизации».

Фуко интерпретировал изменения, которые происходили в западноевропейском обществе при переходе от Средневековья к Новому времени, как свидетельство государственного и общественного контроля над человеческим телом и поведением, насаждение дисциплины и самодисциплины⁵⁷. В свою очередь Элиас видел в них процесс создания «барьера стыдливости» и распространение поведенческого стандарта, принятого у высших слоев, среди низов⁵⁸. С его точки зрения, реформирование средневекового придворного этикета привело к постепенному сдвигу межличностных границ и формированию новой индивидуальной дистанции⁵⁹. По сравнению с обществом Нового времени средневековые люди были

⁵⁶ Gay P. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud: 5 vols. Vol. 1: Education of Senses*. NY; London: Norton, 1984–1998; Lowe D. M. *History of Bourgeois Perception*. Chicago: Chicago University Press, 1982.

⁵⁷ Фуко М. *Рождение клиники: Археология врачебного взгляда*. М.: Смысл, 1998; Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999.

⁵⁸ Элиас Н. *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

⁵⁹ В этом смысле Элиас предвосхитил работы Эдварда Т. Холла, посвященные проксемике, — с той разницей, что Холл сосредоточился на синхронном кросс-культурном анализе, а Элиас исследовал приватную дистанцию в диахронии на западноевропейском материале (*Hall E. T. The Hidden Dimension*. NY: Doubleday, 1969; *Idem. Hidden Differences: Studies in International Communication*. Hamburg: Gruner + Jahr, 1983).

физически намного ближе друг к другу — они ели из одной посуды, спали в семейных постелях вместе с детьми, домочадцами и даже чужаками, купались в общих купальнях и бассейнах без различения возраста и пола, не нуждались в уединении (что сказывалось, к примеру, на устройстве жилища) и более активно воспринимали мир посредством так называемых низших чувств — вкуса, обоняния и осязания. При этом общий уровень чувствительности, брезгливости, чувственной рефлексии оставался довольно низким; во всяком случае, к ним не привлекалось дискурсивное внимание⁶⁰.

Постепенно, с развитием понятия «приватность» и изоощрением манер, в жилищах стали появляться закрывающиеся комнаты, люди начали пользоваться столовыми приборами и постельным бельем, естественные нужды оказались вытеснены из публичной сферы в сугубо приватную, на смену экстравертному поведению пришло интравертное, и в определенных социальных средах коллективизм уступил место атомизации и индивидуализму. В индустриальную эпоху, по мере роста городов и становления буржуазного общества, теснота человеческого общежития привела к тому, что запахи, которые воспринимались как знаки чужого присутствия, все решительнее осуждались. В публичной сфере начала обсуждаться необходимость дезодорации — как тела, так и публичного пространства. К человеческому телу, как полю приложения и хранилищу поведенческих норм, и предъявлялись все новые и новые требования самоконтроля и подавления спонтанности, которые поначалу ожидалось от элит, а затем постепенно насаждались и среди социальных низов.

Эту модель «процесса цивилизации», заключающуюся в постепенном умножении запретов, росте индивидуализма и увеличении дистанции между «Я» и «другим», Корбен подвергает ревизии, исходя из перспективы и специфики исследуемого материала⁶¹. Для него жесткий контроль над личными и публичными запахами и телесная самодисциплина оказываются следствиями научной революции Нового времени — и все возраставшего социального напряжения между элитой и массами. Тем самым источник социальных трансформаций, в результате которых в Европе XVIII—XIX веков по-новому складывается конфигурация чувств,

⁶⁰ См., в частности, описание средневековых парилен в: *Vigarello G. Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1988. P. 29.*

⁶¹ *Burke P. What is Cultural History? Cambridge: Polity Press, 2008. P. 112–114.*

обнаруживается в распространении философских, научных и медицинских теорий Просвещения⁶². Во второй половине XVIII века благодаря элитам, озабоченным проблемами управления, здравоохранения, санитарии и гигиены, медицинские понятия из научной сферы перекочевали в общественное поле и повлияли на представления о чистоте и грязи, здоровье и болезни. Поскольку господствующей теорией патогенеза была так называемая теория миазмов, или болезнетворных запахов (подробнее о ней пойдет речь в следующей главе), ее популяризация способствовала привлечению внимания к обонянию вообще и к запахам в частности. Ольфакторная толерантность резко падает: если прежде общество мирилось с дурными запахами как с неизбежным злом, то теперь оно начинает активно с ними бороться, выказывая все меньшую терпимость к раздражающим миазмам и эманациям. Так научная мифология превращается в общественную идеологию и начинает формировать повседневную жизнь буржуазного общества, изменяя гигиенические привычки, отношение к среде обитания, социальные репутации. Под ее влиянием вырабатываются определяющие для буржуазного этоса понятия чистоты, умеренности, порядка, которые в позднее Новое время становятся базовыми принципами западноевропейского урбанизма.

Разделяя выводы Корбена, канадские антропологи Констанс Классен, Дэвид Хоувз и Энтони Синнотт, авторы уже упомянутой монографии о запахах, ввели понятие «ольфакторное молчание», чтобы с его помощью охарактеризовать тот своеобразный императив чистоты и дезодорированности, который утверждается в западноевропейской культуре с конца XIX века⁶³. Называя европейское Новое время культурой «ольфакторного упадка», Хоувз предлагал структурное объяснение: внимание человека к собственным запахам и запахам другого утверждает и поддерживает индивидуальность. Благодаря императиву дезодорации личные запахи людей не смешиваются между собой, и лишь поэтому мы можем воспринимать друг друга как отдельные личности⁶⁴.

⁶² См. также: Porter R. The Rise of Physical Examination // *Medicine and the Five Senses* / ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 179–197.

⁶³ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. P. 203. См. также сходные соображения Холла (Hall E. T. *The Hidden Dimension*. P. 45).

⁶⁴ Howes D. *Olfaction and Transition* // *The Varieties of Sensory Experience*. P. 144–146.

Близкой точки зрения придерживался и польско-британский социолог Зигмунт Бауман, когда описывал Новое время как «тотальную войну против запахов», наименее дисциплилируемых явлений реальности. Цивилизация *a priori* стремится к упорядочиванию или искоренению неконтролируемого, животного начала, с которым исторически ассоциируются и телесные запахи и само чувство обоняния, — но полностью контролировать их невозможно, и эта невозможность вызывает у человека Нового времени беспокойство и фрустрацию⁶⁵.

Однако действительно ли Новое время ведет тотальную войну с запахами? Насколько правомерно говорить об ольфакторном молчании или ольфакторном упадке? Исследования западноевропейского материала показывают, что контролировались и преследовались лишь запахи определенного типа, тогда как другие (запахи парфюмерии, гигиенических и чистящих средств, некоторых продуктов, пищевых отдушек и т. п.) приветствовались и все активнее распространялись в различных социальных слоях вместе со своими физическими носителями. Вероятно, было бы корректнее говорить об ужесточении правил, которые регулировали и регулируют появление запахов в определенных социальных ситуациях или контекстах и степень их возможной интенсивности, о нюансировании социальных смыслов, которые приписываются запахам или их отсутствию. Но говорить о тотальной войне едва ли возможно.

В XIX веке нетерпимость к запахам разложения, гниения, отходов соседствовала с терпимостью к запахам дезодорирующих и дезинфицирующих средств, порой не менее едких, чем те миазмы, которые они были призваны обезвреживать. Дискредитация телесных запахов в конце XVIII века, а затем и сильно пахнущих парфюмерных средств в течение XIX века не привела к полному уничтожению душистых гигиенических товаров. Наоборот, начиная со второй половины XIX века благодаря успехам органической химии ароматизированные средства гигиены превратились в доступный и массовый товар — тем самым некоторые ароматы сделали буквально вездесущими⁶⁶. Ароматы животного проис-

⁶⁵ Bauman Z. The Sweet Scent of Decomposition // Forget Baudrillard? / ed. by Ch. Rojek, B. S. Turner. London: Routledge, 1993. P. 24–25. Именно неконтролируемость наделяет запахи способностью пугать, смущать и вызывать смех (Ibid. P. 24).

⁶⁶ Briot E. From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century // Business History Review. 2011. Vol. 85. N 2. P. 273–294.

хождения — мускус, амбра, бобровая струя (кастореум), цибетин — начали определяться как вульгарные в середине XIX века, чтобы на рубеже веков вновь приобрести популярность в определенных кругах и в специфических культурных контекстах. В XX веке синтетическая версия мускуса стала широко использоваться в качестве отдушки при промышленном производстве мыла, дезодорантов и стиральных порошков. Тем самым искусственный мускус приобрел статус «запаха чистоты», никак не связанный с эротическими и телесными ассоциациями натурального мускуса, который современная парфюмерия использует как знак необузданной, животной сексуальности⁶⁷.

Гипотезу Корбена о снижении толерантности к сильным запахам на рубеже XVIII и XIX веков существенно скорректировали последующие исследования, посвященные обонянию в Средние века и раннее Новое время⁶⁸. В средневековых материалах также обнаруживается беспокойство по поводу неприятных запахов, закрепленное в форме городских указов и правительственных регламентов. Именно дурными запахами зачастую объяснялось возникновение болезней и эпидемий, именно запахи служили импульсами для личной предосторожности и муниципальных предупредительных мер, от очищения улиц и устройства чумных кладбищ до контроля за ремеслами, которые имели дело с различными пахучими субстанциями.

⁶⁷ О мускусе: указано французским парфюмером Жан-Клодом Эллена в личном общении. Об ассоциации между запахом и воспринимаемым качеством и назначением чистящих и гигиенических средств см.: Pybus D. *Buying Fragrance Ingredients and Selling Fragrance Compounds // The Chemistry of Fragrances: From Perfumer to Consumer* / ed. by Ch. Sell. Cambridge: The Royal Society of Chemistry Publishing, 2006. P. 299.

⁶⁸ Cockayne E. Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600–1770. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007; Ducos J. L'air corrompu dans les traités de peste // *Air, miasmes et contagion: Les épidémies dans l'Antiquité et au Moyen Âge* / sous la dir. de S. Bazu-Tacchella, D. Quéruel, É. Samama. Langres: Dominique Guéniot, 2001. P. 87–104; Dobson M. J. *Contours of Death and Disease in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Jenner M. S. R. Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture; Jørgensen D. The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation // *Les cinq sens de la ville: Du Moyen Âge à nos jours* / sous la dir. de R. Beck, U. Krampl, E. Retaillaud-Bajac. Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2013. P. 301–313; Wheeler J. *Stench in Sixteenth-Century Venice // The City and the Senses: Urban Culture since 1500* / ed. by A. Cowan, J. Steward. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 25–38.

В связи с этим нередко возникает вопрос: что же служит причиной подобного поведения — универсальное отвращение к дурным запахам и нечистотам, сконструированная культурой брезгливость или же индивидуальная чувствительность? Ответ на него ищут представители естественных, социальных и гуманитарных дисциплин — этологии, физической антропологии, социальной антропологии, культурной истории. Как правило, предлагаемые ответы зависят от того, эссенциалистских или социоконструктивистских позиций придерживаются исследователи в разговоре о соотношении врожденных (биологических, выработанных эволюцией) и приобретенных (культурных) поведенческих черт.

Сторонники эссенциализма возводят человеческое поведение и социальную политику в области запахов к биологическим основам и настаивают на универсальном характере отвращения, которое проявляется в преследовании, искоренении или избегании определенных ольфакторных сигналов⁶⁹. В свою очередь приверженцы социального конструктивизма приводят многочисленные примеры несовпадения представлений о чистоте и грязи, о приятном и отвратительном, о «хороших» и «плохих» запахах даже в близких друг к другу обществах, что свидетельствует о культурном, выученном, а не врожденном поведении, о приоритете символического над утилитарным⁷⁰.

Дополнительный контраргумент конструктивистов заключается в том, что едва ли корректно возводить поведенческие паттерны различных социальных групп в индустриальных и постиндустриальных обществах позднего Нового времени, с их высоким уровнем урбанизации и высокими эпидемиологическими рисками, к биологическим истокам. Скорее можно говорить о том, что современные привычки и представления о чистоте, гигиене, грязи, болезнях — результат сложных общественных процессов XVIII–

⁶⁹ Например, Долли Йоргенсен в своей статье о санитарной политике Средневековья (*Jørgensen D. The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation. P. 301–313*) ссылается на работы специалистки по профилактике инфекционных болезней Валери Кертис, посвященные отвращению (см., например, недавнюю монографию: *Curtis V. Don't Look, Don't Touch, Don't Eat: The Science Behind Revulsion. Oxford: Oxford University Press, 2013*).

⁷⁰ Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс, 2000 (оригинал: *Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge & Kegan Paul, 1970*).

XIX веков⁷¹. Наконец, есть те, кто придерживается компромиссной точки зрения, считая, что «бытовое восприятие запахов складывается из взаимодействия врожденных и культурно приобретенных привычек», а биологическое чувство обоняния «корректируется правилами социальной игры»⁷², однако и они склонны подчеркивать высокую вариативность ольфакторной рецепции в различных культурах.

Другой важный вопрос, который возникает при чтении Корбена — и который стал отправной точкой для настоящего исследования, состоит в том, как именно осуществляется влияние научных теорий на представления, ценности, нормы и формы поведения — и как, в свою очередь, ценности и нормы влияют на оформление тех или иных научных идей. В частности, работы Бруно Латура и Дэвида Барнса о смене естественнонаучной парадигмы и распространении нового бактериологического знания во Франции конца XIX века с разных позиций демонстрируют, что популяризация той или иной научной концепции требует подготовленной почвы, усилий адептов и союзников и наличия определенных общественных институтов⁷³.

Анализируемый мною российский материал также показывает, что усвоение научных теорий и медицинских представлений о запахах широкими слоями горожан было бы затруднительно без существования таких феноменов, как публичная сфера и общественное мнение. С их помощью происходило выдвижение обоняния в социальное пространство, вырабатывались новые нормы и внедрялись новые телесные привычки, привычки образованного

⁷¹ О реформировании телесных практик, дисциплинировании и воспитании чистоплотности в Европе Нового времени см., в частности, следующие работы: Schoenwald R. L. *Training Urban Man: A Hypothesis About the Sanitary Movement // The Victorian City: Images and Realities* / ed. by H. J. Dyos, M. Wolff: 2 vols. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973. Vol. 2. P. 669–692; Frykman J., Löfgren O. *Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987. P. 157–263; Vigarello G. *Concepts of Cleanliness*; Barnes D. S. *The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006; Mazanik A. *Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow*. PhD thesis. Central European University, 2015.

⁷² Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*.

⁷³ Латур Б. Пастер: война и мир микробов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; Barnes D. S. *The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs*.

рода — компаративное исследование славянских представлений о чужаках, проведенное Ольгой Беловой, которое демонстрирует, как понятия «дикости», «инаковости», «потусторонности», «святости» или «греховности» могут оформляться в ольфакторных терминах. Соответственно Беловой удастся показать, как чувства участвуют в конструировании этнических, социальных и символических границ — между соседствующими этноконфессиональными группами, между сословиями, между живыми и мертвыми⁷⁸

Одной из первых собственно антропологических работ, посвященных роли запахов в российском обществе, стала статья Дмитрия Захарьина об ольфакторной коммуникации, телесном запахе и границах социального дискурса в русской культуре XVII–XIX веков⁷⁹. Захарьин прослеживает динамику изменений ольфакторных стандартов в русской культуре XVII — начала XX века, подчеркивая важный вклад культурного импорта в формирование социальных смыслов, приписывавшихся запахам. Заимствуя европейскую придворную культуру, русское придворное общество заимствует и связанные с запахами манеры и правила, которые постепенно утрачивают иерархический и узко-сословный характер и начинают унифицироваться. Захарьин предполагает,

древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012. М., 1999. Т. 2. С. 266–269; Она же. Запах смерти // Славяноведение. 2000. № 6. С. 21–25. К этим работам примыкают исследования по русской и восточнославянской этноботанике и этномедицине, анализирующие связь запахов и номинаций: Сердюк А. М. Запах как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 239–240; Брысина Е. В. Карта ЛСЛ 130. Общее название душистой травы / Пробные карты лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования — 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 436–444; Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. С. 47–49.

⁷⁸ Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 53–68.

⁷⁹ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Россия/Russia. 1999. № 3 (11). С. 57–70; далее я буду ссылаться на републикацию работы (Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. С. 280–308). Той же теме посвящена немецкоязычная монография Захарьина (*Zakharine D. Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit*. Konstanz: UVK Verlag, 2005).

что усвоение просветительской и сентиментальной философии приводит к осмыслению запахов как символов психического состояния: в русской литературе XIX века эмоции и аффекты последовательно увязываются с описаниями растительных или природных ароматов, тогда как запахи еды, тела, животных оказываются несовместимы с высокими переживаниями, но используются в сатире, превращаясь тем самым в знак не-подлинной действительности⁸⁰. С последним утверждением нельзя полностью согласиться: привлечение «низких запахов» (неприятных, неприличных, не узаконенных в публичном или светском дискурсе) в комических, иронических или сатирических целях — лишь один из вариантов их использования. В реалистической традиции эти же запахи сигнализируют об эстетических и этических установках автора, об ориентации на естественнонаучную, медицинскую точность описания (об этом пойдет речь в третьей главе книги).

Работ о литературной символике запахов больше: внимание самых разных исследователей привлекали ароматы и запахи в романах Достоевского, «усадебном тексте», лирике Серебряного века, отдельных поэтических идиолектах⁸¹. Здесь же стоит упомянуть статью Екатерины Жирицкой, в которой анализируются многочисленные литературные и мемуарные свидетельства ольфакторного шока, которым для российской аристократии и интеллигенции стал переворот 1917 года⁸². Автор говорит об ольфакторной репрессии в отношении бывшей элиты, вынужденной сталкиваться с нежеланными запахами в новых социальных условиях:

⁸⁰ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 303–306.

⁸¹ Rindlsbacher H. J. The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1992; Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 356–364; Фариню Е. Запах // Фариню Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 333–342; Козубовская Г. П. Середина века: Миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008; Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010; Она же. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.

⁸² Жирицкая Е. А. Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. С. 167–170.

на службе, в коммунальной квартире, в заключении. В этом случае возникает вопрос: до какой степени можно говорить об избирательном и направленном характере тех испытаний, которым подвергались чувства «бывших» (именно это подразумевает термин «репрессия»)? Значит ли это, что крестьяне и мещане не обращали внимания на неприятные запахи коммунального общежития или меньше страдали от вони лагерного барака — или же у них было меньше возможностей зафиксировать свои ощущения в дневнике или мемуарном тексте?

Наконец, примечательную попытку масштабной диахронической реконструкции звуков и запахов Петербурга XIX века предпринимает историк Владимир Лапин в книге «Петербург: запахи и звуки»⁸³. Хотя терминами «ольфакторная карта» (англ. *olfactory map*), «ольфакторный ландшафт» (англ. *smellscape*) или «звуковой ландшафт» (англ. *soundscape*)⁸⁴ автор не пользуется, работа представляет собой своего рода сенсорную топографию, но обращенную не к настоящему⁸⁵, а к прошлому.

Этой особенностью объясняется сильное впечатление, которое производит книга Лапина: внимание читателя постоянно перемещается между настоящим, известным ему по собственному личному опыту, и прошлым, собранным из личного опыта многочисленных мемуаристов и бытописателей. Этим же объясняются и слабые места: в случае исторической реконструкции невнимание к социальному бэкграунду «информантов» — мемуаристов, писателей, журналистов, на свидетельства которых опирается автор, может ввести в заблуждение. Собранные по крупицам запахи и звуки прошлого создают впечатление последовательной картины и звучавших в унисон чувств. Но едва ли Петербург звучал и пахнул

⁸³ Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

⁸⁴ Термин *soundscape* был предложен канадским композитором Рэймондом М. Шафером для описания совокупности различных звуков (природных, техногенных, антропогенных), образующих акустическую среду и воспринимаемых индивидом (Schäfer R. M. *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester: Destiny Books, 1977). Термин *smellscape* впервые был введен в статье специалиста по культурной географии Дэниэла Гейда 1984 года о культурном ландшафте Мадагаскара (Gade D. W. *Redolence and Land Use on Nosy Be, Madagascar* // *Journal of Cultural Geography*. 1984. Vol. 4. N 2. P. 29–40).

⁸⁵ См., например: <http://sensorymaps.com>; <https://smellandthecity.wordpress.com> — Дата обращения: 31.05.2018.

одинаково для художника-мирискусника Александра Бенуа, придворной аристократии и люмпенизированных обитателей Вяземской лавры — их чувства были по-разному натренированы и получали различную пищу для впечатлений⁸⁶. Кроме того, осталась незамеченной историческая приписка запахов: в городском ольфакторном пейзаже могут сосуществовать запахи разных исторических слоев, вызывая у людей разных возрастов различные воспоминания и ассоциации и продуцируя особые конфигурации «запахов прошлого»⁸⁷.

Настоящая книга также представляет собой попытку уловить трудноуловимое — запахи прошлого, но не путем называния и описания конкретных ольфакторных единиц, а путем анализа принципов их выделения, восприятия и осмысления. Она посвящена историческому процессу трансформации чувствительности к запахам, факторам, повлиявшим на эту трансформацию, и социальному осмыслению запахов в русской городской культуре второй половины XIX века. Я попытаюсь показать, как и почему менялась чувствительность к запахам (хотя в ряде случаев приходится говорить как о совокупности так называемых низших чувств — обоняния, вкуса и осязания, так и о конфигурации «чувствилища» в целом). Меня будут интересовать как дискурсивные проявления ольфакторного беспокойства, так и ситуации, когда запахи служат инструментами социального разделения и производства социального неравенства, опосредуют социальное взаимодействие, будучи приписанными характеристиками тех или иных групп, знаками гендера, возраста, рода занятий. Также меня будет интересовать соотношение запахов с социальными иерархиями. События — например, крупные эпидемии или гигиенические выставки — будут важны постольку, поскольку они демонстрируют определенные идеологические установки и вызывают общественную реакцию, актуализируя различные дискурсы.

⁸⁶ Сходное описание советского перестроечного и постсоветского материала принадлежит швейцарскому журналисту Кристофу Нейдхардту, однако его работа не вышла за жанровые пределы публицистического очерка (Neidhart Ch. *Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003).

⁸⁷ См. подробнее: Herzfeld M. *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. P. 250; Seremetakis C. N. *The Memory of the Senses. Part II: Still Acts // The Senses Still: Perception and Memory as Material Culture in Modernity* / ed. by C. N. Seremetakis. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. P. 23–43.

Чтобы понять, какие смыслы и значения производила ольфакторная коммуникация в Российской империи второй половины XIX века, я попробую нащупать конфликты, так или иначе связанные с запахами. Это позволит найти чувственные консенсусы разных социальных групп, те точки, где они входили в противоречие друг с другом, и описать предположительные траектории их изменений. Для выполнения этой задачи мне придется постоянно перемещаться между исторической антропологией и социальной историей медицины — поскольку основным контекстом, в котором люди 1860–1890-х годов интерпретировали запахи и относили одни к хорошим, а другие к дурным, был контекст медицинский. Самоочевидным знанием, на фоне которого осмыслялись запахи, являлась так называемая миазматическая теория, которая постулировала причинно-следственные связи между определенными запахами (миазмами) и болезнями. Подробнее я остановлюсь на этом вопросе в первой главе книги. Сейчас же стоит сказать о другом: почему теория миазмов и ее социальные импликации практически не привлекали внимания советских и российских историков медицины.

Социальная история медицины — история медицины глазами не только врачей, но и пациентов, которая с равным вниманием исследует победившие и отвергнутые концепции, ученую и народную терапию, философию науки и ее мифологию, — относительно молодая дисциплина. В Европе и США исследования в этом направлении начинаются с конца 1970-х годов⁸⁸. По сравнению с ними российские работы запаздывают еще на несколько десятилетий. Это неудивительно: советская историография тяготела в первую очередь к «истории события», а повседневность считалась епархией историков моды. Под медициной понималась почти исключительно клиническая наука, а под историей медицины — история великих врачей и теорий, предвосхитивших современные

⁸⁸ Подробнее см. в историографических обзорах: Шлюббом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // *Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины* / под ред. Ю. Шлюббома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. С. 8–9, 18–19; Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Там же. С. 41–72; Афанасьева А. Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы*. Сб. ст. / под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 421–423.

положения⁸⁹. Ошибочные, сомнительные и маргинальные концепции и практики считались недостойными внимания заблуждениями и предрассудками. Даже земская медицина, которая могла бы вписываться в исследовательскую программу социальной истории, исследовалась очень мало⁹⁰. Некоторые сдвиги в этой области наметились лишь в последние десятилетия⁹¹.

См., например: *Громбах С. М.* Русская медицинская литература XVIII века. М.: Издательство АМН СССР, 1953; *Вайндрах Г. М.* Подвиги русских врачей. Из истории борьбы с заразными болезнями. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Институциональная и санитарно-гигиеническая проблематика земской медицины обсуждалась в следующих советских работах: *Лотова Е. И.* Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1962; *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964; *Страшун И. Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907–1917 гг.). М.: Медицина, 1964. Не утратило своего значения и одно из первых описаний земской системы здравоохранения: *Осинов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В.* Русская земская медицина: Обзор развития земской медицины в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния. М.: Правление Общества русских врачей; Печатня С. П. Яковлева, 1899. С 1990-х годов стали появляться исследования деятельности земских врачей в отдельных губерниях. См., например: *Старенченко Ю. Л.* Деятельность земских учреждений Санкт-Петербургской губернии по созданию начал общественной медицины (1857–1880 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Назаров В. В.* Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX — начале XX веков (по материалам Саратовской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003; *Корсун В. П.* Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX — начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007. Наиболее авторитетные работы о земской медицине принадлежат Нэнси Фриден: *Frieden N. M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981; *Eadem.* The Politics of Zemstvo Medicine // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government* / ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 1982. P. 315–342.

См., в частности: *Афанасьева А. Э.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–150; *Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования* / под ред. Л. А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2011; *Малинова-Тэиафета О. Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 64–156; *Вишленкова Е. А., Гатина З. С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследо-

Соответственно советскую историю медицины миазматическая теория почти не интересовала: неверное, с точки зрения биомедицины XX века, объяснение патогенеза не вписывалось в триумфалистскую картину научного прогресса. Поэтому основные работы, так или иначе затрагивающие проблему соотношения медицинских теорий прошлого (сколь угодно ошибочных) и практик, институционализированных и частных, с использованием российских данных, — это работы западных историков, в первую очередь Питера Болдуина и Шарлотты Хенце. Первый на обширном европейском материале прослеживает связь различных теорий патогенеза с государственной политикой и поведением социальных групп во время холерных эпидемий⁹². Вторая на примере санитарной истории Поволжья рассматривает такие вопросы, как влияние эпидемий на общественную модернизацию, распределение власти и ответственности, роль медицинской экспертизы в России XIX века, конфликты и смещения разных медицинских теорий и реакции провинциального общества на кризисные ситуации⁹³. К этим исследованиям я еще вернусь.

Итак, как устроена эта книга? В силу специфического предмета исследования, который дает о себе знать не как целостный феномен, но через посредство многочисленных разнородных проявлений, в книге нет последовательно разворачивающегося сюжета. Скорее она представляет собой череду очерков о тех или иных аспектах обоняния в его социальном измерении. Первая глава посвящена миазматической теории как социальному и идеологическому контексту, определявшему восприятие запахов со второй половины XVIII века и до бактериологического поворота последних десятилетий XIX века. Мне представляется важным описать медицинские «координаты» воображаемого пространства представлений о запахах — идеи и репрезентации здоровья, болезни, гигиены — и сопряженные с ними бытовые практики. Во второй

вания (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169; Вишленкова Е. А. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX века // История медицины. 2016. Т. 3. № 2. С. 186–201; Она же. Здоровый режим: поиск баланса власти, ресурсов и экспертизы и рождение медицинской профессии в Российской империи // *Ab Imperio*. 2016. № 3. С. 39–75.

⁹² Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁹³ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and Death on the Volga, 1823–1914. London; NY: Routledge, 2011.

главе обсуждаются разного рода инструменты, которые так или иначе влияли на общую конфигурацию чувствительности и двигали обоняние в социальное пространство. В третьей главе речь пойдет о конструировании и изменении ольфакторно-гигиенических норм. Здесь в фокусе внимания оказываются стереотипы, связывающие физиологию, социальное положение и моральный облик, и основанные на этих стереотипах правила «ольфакторной эlegantности» — а также значимые нарушения этих правил.

Глава 1.

Контекст: теории и практики

Теория миазмов: европейские источники, российская рецепция

Материалы к социальной истории обоняния в России второй половины XIX века на первый взгляд кажутся очень разнородными. Среди них — описания запахов городской среды и светского салона, дискуссии о здоровой атмосфере и очищении выгребных ям, лечение ароматическими веществами, рассуждения о косметических средствах и пахучей пище, рекомендации относительно запахов собственного тела и опасения относительно запахов чужого. Тем не менее в большинстве случаев ключом к осмыслению этого множества данных оказывается так называемая теория миазмов (или «миазматическая теория»), широко распространенная в европейской медицине XVIII–XIX веков. Так принято называть специфическую модель патогенеза, оформившуюся к середине XVIII столетия и первоначально использовавшуюся для объяснения эпидемических болезней, но постепенно распространенную на прочие проявления нездоровья.

Эта объяснительная модель оказалась мало совместима с биологическими и медицинскими теориями второй половины XIX века (прежде всего с клеточной теорией строения живых организмов) и в конце концов была опровергнута экспериментальной бактериологией Луи Пастера и Роберта Коха — хотя критические замечания и альтернативные эпидемиологические теории появились гораздо раньше. Однако за столетие своего существования теория миазмов успела оказать огромное влияние на западноевропейскую культуру повседневности и, в частности, на формирование режимов чувствительности¹. Поэтому, прежде чем обратиться к интересующему нас периоду 1860–1910-х годов, следует кратко описать саму теорию миазмов и остановиться на том времени, когда она активно усваивалась в России: в конце XVIII — первой трети XIX века.

¹ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 11–56 et passim; 229–232.

Теория миазмов связывала болезни — в первую очередь эпидемические, но также и некоторые индивидуальные, — с действием вредных испарений и дурных запахов (*миазмов*), которые впитывались в тела людей и животных и производили отравляющее и болезнетворное действие. Древнегреческое существительное *μίασμα*, производное глагола *μιάω* (*запятнать, осквернить*), имело два значения, которые можно условно назвать религиозным и медицинским. В религиозном смысле оно обозначало скверну и осквернение, вызванное пролитием родственной крови. В медицинском смысле — «болезнетворное начало, зараза» — оно встречается в трактатах Гиппократов «О ветрах» и «О воздухах, водах и местностях», в которых болезни связываются с влиянием воздуха и ветров, приносящих с собой вредные миазмы². В этом втором значении оно и было воспринято европейской медициной Нового времени³.

Основу миазматической теории составили как заново прочитанные положения врачей античности (в том числе в интерпретации итальянского исследователя малярии Бернардино Рамаццини), так и концепции брожения, выдвинутые в XVI и XVII веках

² Liddell H. G., Jones H. S., McKenzie R., Scott R. A Greek-English Lexicon. 9th ed. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 1132. См.: *Гиппократ*. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 264–273, 279–305.

Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 22–23. Косвенные свидетельства об этих представлениях (еще без упоминания «миазмов») можно обнаружить в записках русских вельмож о первых путешествиях по Европе. Так, в дневнике графа Петра Толстого, в конце XVII века проехавшего от Речи Посполитой до Королевства Обеих Сицилий, читаем: «И зело потребно в той дороге употреблять табак дымового и носового, для того что дымовой табак отгоняет тягосной воздух, а носовой табак не допускает того злого воздуху обонять <...> И фурман, которой меня вез, говорил мне с прилежанием, чтоб в той ночи, ехав, отнюдь не спать и не дремать, для того что в том месте воздух самой тягосной. И если кто в тех местах ночью уснет или задремлет, тот человек не может уже быть без болезни; а болезни-де тем людям, которые в тех местах в ночи уснут или задремлют, приключаются зело тяжелые, от которых многие и умирают. А в день теми местами не ездят, для того что безмерно бывает жарко и от того жару также приключаются проезжим людям болезни тяжкие, от которых мало кто может жив быть» (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М.: Наука, 1992. С. 183, 187). С начала XVI века в европейских странах чумные эпидемии и переосмысление теорий Гиппократов и Галена способствуют пониманию тела как открытого атмосферным влияниям. Эта открытость возрастала во время жары, сна и водных процедур (Vigarello C. Concepts of Cleanliness. P. 9–15).

итальянским врачом Джироламо Фракасторо и немецким естествоиспытателем Георгом Шталем. К середине XVIII века работы английского физиолога Стивена Гейлса, изучавшего жизнедеятельность растений и животных, повлияли на натурфилософское понимание того, что такое воздух: его перестали считать стабильным и пассивным первоэлементом и увидели в нем химически активную смесь различных веществ⁴. Приборы Гейлса, позволявшие улавливать и анализировать летучие вещества, вызвали к жизни такую область научных занятий, как «пневматическая химия», которой предстояло исследовать влияние различных видов атмосферы, испарений и запахов на живых существ⁵. Укоренению миазматической теории способствовала и философия сенсуализма (от Джона Локка до аббата де Кондильяка), которая создала условия для перехода от механической модели познания к медицинской, основанной на опыте и рефлексии. В рамках этой модели ощущения человеческого тела рассматривались как инструмент научного анализа, более тонкий и пластичный, чем схематичный математический расчет, и лучше приспособленный для осознания и описания тайн природы⁶.

Нельзя сказать, чтобы подобный подход был исключительно новым. В европейской медицине и натурфилософии наблюдение и описание симптоматики на основе чувственного впечатления восходило еще к гиппократикам. В частности, самому Гиппократу приписывается введение в практику детального описания

⁴ Разумеется, европейская научная традиция не была однородной: несмотря на тесные связи и отношения обмена между исследователями, на региональном уровне существовали свои школы. См., например, об особенностях французской натурфилософии, в большой степени опиравшейся на немецких естествоиспытателей (в первую очередь Георга Штала, популярного благодаря публичным лекциям Гийома-Франсуа Рузеля, который соединил «штализм» со взглядами Гейлса): *Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // Ambix. 1971. Vol. 18. N 2. P. 96–103.*

⁵ *Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 11–16.*

⁶ *Salomon-Bayet C. L'institution de la science et l'expérience du vivant: Méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793. Paris: Flammarion, 1978; Gaukroger S. The Collapse of Mechanism and the Rise of Sensibility. Science and the Shaping of Modernity, 1680–1760. Oxford: Clarendon Press, 2010. P. 389–410; Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // Ambix. 1971. Vol. 18. N 2. P. 94–122; Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist: The 'New' Chemistry and the Transformation of Sensuous Technology // Empire of the Senses: The Sensual Culture Reader / ed. by D. Howes. Oxford; NY: Berg Publishers, 2005. P. 107–111.*

симптомов, доступных зрению, слуху, обонянию, вкусу и осязанию (выслушивание, простукивание, ощупывание, фиксация внешнего вида и запаха). С помощью вкуса и обоняния античная медицина определяла свойства различных телесных соков и течение болезней⁷. В Средние века и в эпоху Ренессанса наблюдение и эксперимент с различной периодичностью выходили на передний план, но никогда кардинально не меняли метод медицины.

Нововведениями XVIII столетия были переход к непосредственному наблюдению, к особому дисциплинированию телесных ощущений⁸ и, уже на рубеже XVIII и XIX веков, к созданию экспериментальной медицины. Последняя была также тесно связана с философией сенсуализма и интересом не к анонимным физическим и химическим процессам, а к чувственно постигаемыми качественным характеристикам, — интересом, характерным для европейского романтизма⁹. Развитие же пневматической химии в течение XVIII века привело к множеству попыток выделить различные газы и образцы атмосферы, изучить их действие и выработать принципы классификации. Важнейшую роль в этих опытах играло обоняние. Оно же становилось незаменимым инструментом как при описании качественных отличий одних веществ от других, так и при медицинском освидетельствовании природных и антропогенных источников миазмов.

Слово *миазм* (вариант — *миазма*, мн. ч. *миазмы*) попало в русский язык, скорее всего, через французское посредство. Это случилось достаточно поздно — в конце 1780-х годов (см. хронологическое распределение употребительности слова «миазм-» по годам на материале Национального корпуса русского языка, рис. 1)¹⁰. До этого понятие осязательного запаха, как отвратительного, так и воспринимаемого как вполне нейтральный, выражались с помощью слов *вонь* и *дух* (рис. 2). В сходных контекстах использовалось и слово

Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М.: Госиздат, 1925. С. 58–61.

Например, парижским студентам, слушавшим лекции химика Гийома Франсуа Руэля в 1740–1760-х годах, предлагалось развивать чувствительность собственного тела: Руэль считал, что по точности измерения термометру далеко до кончиков пальцев, а часам — до головы (Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist. P. 111–112).

Riese W. The Impact of Romanticism on the Experimental Method // Studies in Romanticism. 1962. Vol. 2. N 1. P. 12–22.

Словарь русского языка XVIII века. Л./СПб.: Наука, 1984–. Вып. 12. С. 175–176.

итальянским врачом Джироламо Фракасторо и немецким естествоиспытателем Георгом Шталем. К середине XVIII века работы английского физиолога Стивена Гейлса, изучавшего жизнедеятельность растений и животных, повлияли на натурфилософское понимание того, что такое воздух: его перестали считать стабильным и пассивным первоэлементом и увидели в нем химически активную смесь различных веществ⁴. Приборы Гейлса, позволявшие улавливать и анализировать летучие вещества, вызвали к жизни такую область научных занятий, как «пневматическая химия», которой предстояло исследовать влияние различных видов атмосферы, испарений и запахов на живых существ⁵. Укоренению миазматической теории способствовала и философия сенсуализма (от Джона Локка до аббата де Кондильяка), которая создала условия для перехода от механической модели познания к медицинской, основанной на опыте и рефлексии. В рамках этой модели ощущения человеческого тела рассматривались как инструмент научного анализа, более тонкий и пластичный, чем схематичный математический расчет, и лучше приспособленный для осознания и описания тайн природы⁶.

Нельзя сказать, чтобы подобный подход был исключительно новым. В европейской медицине и натурфилософии наблюдение и описание симптоматики на основе чувственного впечатления восходило еще к гиппократикам. В частности, самому Гиппократу приписывается введение в практику детального описания

⁴ Разумеется, европейская научная традиция не была однородной: несмотря на тесные связи и отношения обмена между исследователями, на региональном уровне существовали свои школы. См., например, об особенностях французской натурфилософии, в большой степени опиравшейся на немецких естествоиспытателей (в первую очередь Георга Штала, популярного благодаря публичным лекциям Гийома-Франсуа Рузеля, который соединил «штализм» со взглядами Гейлса): *Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // Ambix. 1971. Vol. 18. N 2. P. 96–103.*

⁵ *Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 11–16.*

⁶ *Salomon-Bayet C. L'institution de la science et l'expérience du vivant: Méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793. Paris: Flammarion, 1978; Gaukroger S. The Collapse of Mechanism and the Rise of Sensibility: Science and the Shaping of Modernity, 1680–1760. Oxford: Clarendon Press, 2010. P. 389–410; Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // Ambix. 1971. Vol. 18. N 2. P. 94–122; Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist: The 'New' Chemistry and the Transformation of Sensuous Technology // Empire of the Senses: The Sensual Culture Reader / ed. by D. Howes. Oxford; NY: Berg Publishers, 2005. P. 107–111.*

симптомов, доступных зрению, слуху, обонянию, вкусу и осязанию (выслушивание, выстукивание, ощупывание, фиксация внешнего вида и запаха). С помощью вкуса и обоняния античная медицина определяла свойства различных телесных соков и течение болезней⁷. В Средние века и в эпоху Ренессанса наблюдение и эксперимент с различной периодичностью выходили на передний план, но никогда кардинально не меняли метод медицины.

Нововведениями XVIII столетия были переход к непосредственному наблюдению, к особому дисциплинированию телесных ощущений⁸ и, уже на рубеже XVIII и XIX веков, к созданию экспериментальной медицины. Последняя была также тесно связана с философией сенсуализма и интересом не к анонимным физическим и химическим процессам, а к чувственно постигаемыми качественным характеристикам, — интересом, характерным для европейского романтизма⁹. Развитие же пневматической химии в течение XVIII века привело к множеству попыток выделить различные газы и образцы атмосферы, изучить их действие и выработать принципы классификации. Важнейшую роль в этих опытах играло обоняние. Оно же становилось незаменимым инструментом как при описании качественных отличий одних веществ от других, так и при медицинском освидетельствовании природных и антропогенных источников миазмов.

Слово *миазм* (вариант — *миазма*, мн. ч. *миазмы*) попало в русский язык, скорее всего, через французское посредство. Это случилось достаточно поздно — в конце 1780-х годов (см. хронологическое распределение употребительности слова «миазм-» по годам на материале Национального корпуса русского языка, рис. 1)¹⁰. До этого понятие ощутительного запаха, как отвратительного, так и воспринимаемого как вполне нейтральный, выражались с помощью слов *вонь* и *дух* (рис. 2). В сходных контекстах использовалось и слово

⁷ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М.: Госиздат, 1925. С. 58–61.

⁸ Например, парижским студентам, слушавшим лекции химика Гийома Франсуа Руэля в 1740–1760-х годах, предлагалось развивать чувствительность собственного тела: Руэль считал, что по точности измерения термометру далеко до кончиков пальцев, а часам — до головы (Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist. P. 111–112).

⁹ Riese W. The Impact of Romanticism on the Experimental Method // Studies in Romanticism. 1962. Vol. 2. N 1. P. 12–22.

¹⁰ Словарь русского языка XVIII века. Л./СПб.: Наука, 1984–. Вып. 12. С. 175–176.

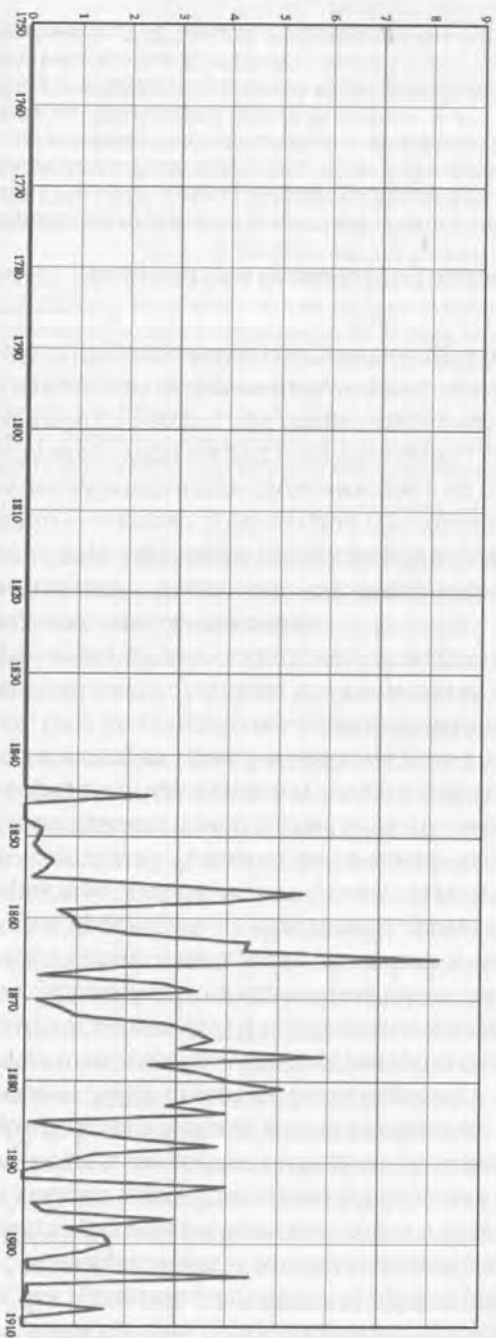

Рис. 1. Распределение частотности употребления слова *миазм/миазма/миазмы* по годам
(по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru))

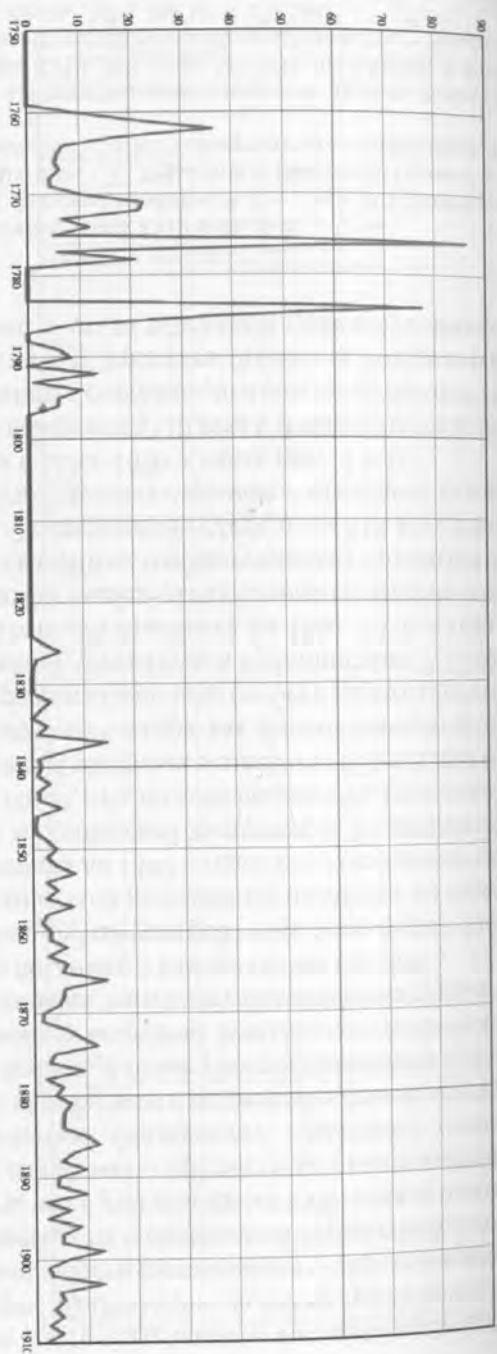

Рис. 2. Распределение частотности употребления слова *вонь* (tuscoroga.ru)

ловение, пик употребительности которого приходится на 1770–1780-е годы (рис. 3). Примерно на это же время приходится первый пик употребительности слова *аромат* — вероятнее всего, благодаря изящной словесности и переводной справочной литературе. Следует отметить, что в русском языке XVIII века это слово использовалось в двух значениях — предметном и непредметном. В непредметном значении (*благоухание, приятный запах*) оно было маркировано как поэтизм и встречалось преимущественно в художественных текстах. В более распространенном предметном значении (*благовонные вещества, духи*) *аромат* встречался как в богословских сочинениях, так и в натурфилософских трудах, руководствах по медицине, ботанике и камеральным наукам¹¹.

Хотя первые случаи употребления слова *миазм* зафиксированы в компилятивных или переводных изданиях по медицине конца XVIII века¹², вплоть до 1840-х годов его узус ограничивался сферой специальной медицинской литературы. Расширение узуса началось в 1840-х годах, что, по всей видимости, объясняется в первую очередь влиянием холерных эпидемий 1830-х годов и во вторую — популярностью такого жанра, как физиологический очерк, способствовавшего распространению особого патографического модуса в художественной литературе и публицистике¹³. Следующий резкий рост частотности пришелся на 1860–1870-е годы, эпоху становления земской медицины и подъема санитарно-гигиенической пропаганды, связанных с общественным кризисом предыдущих десятилетий. Одновременно с середины XIX века возрастала употребительность слов *запах* и *аромат* — последнее переживает взлет популярности в 1880–1890-х годах (рис. 4 и 5).

Со второй половины XVIII века к миазмам относили все сильные неприятные запахи: считалось, что они представляют собой некоторые заразные начала, продукты брожения, которые способны проникнуть в тело и стать причиной болезнетворных процессов.

¹¹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. С. 94.

¹² Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1: в 7 вып. М.: Типография Пономарева, 1789–1805. Вып. 1. С. 799; Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник: в 5 т. М.: Университетская типография, 1790–1792. Т. 1. С. 267.

¹³ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005; Martin A. M. Sewage and the City: Filth, Smell, and Representations of Urban Life in Moscow, 1770–1880 // The Russian Review. 2008. Vol. 67. N 2. P. 264.

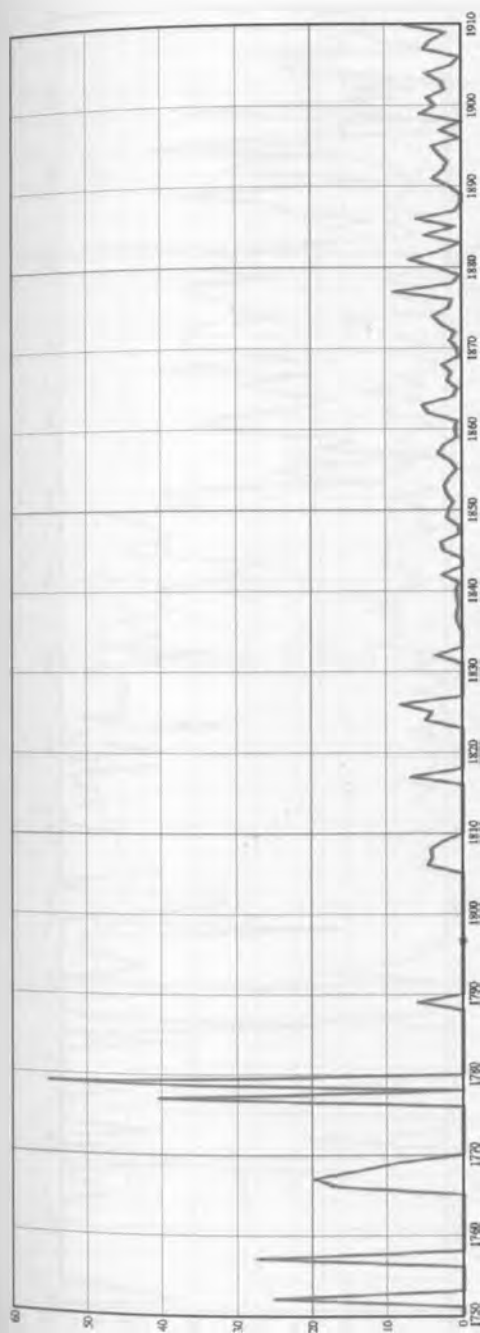

Рис. 3. Распределение частотности употребления слова зловоние (ruscogroga.ru)

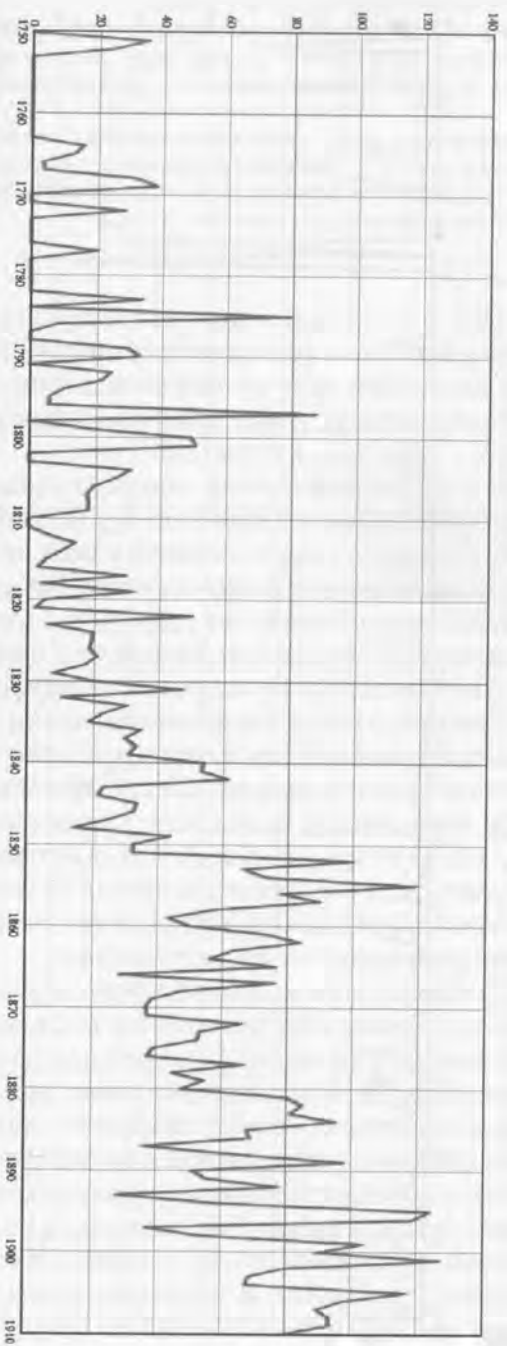

Рис. 4. Распределение частотности употребления слова *запах* (tusho'poga.tu)

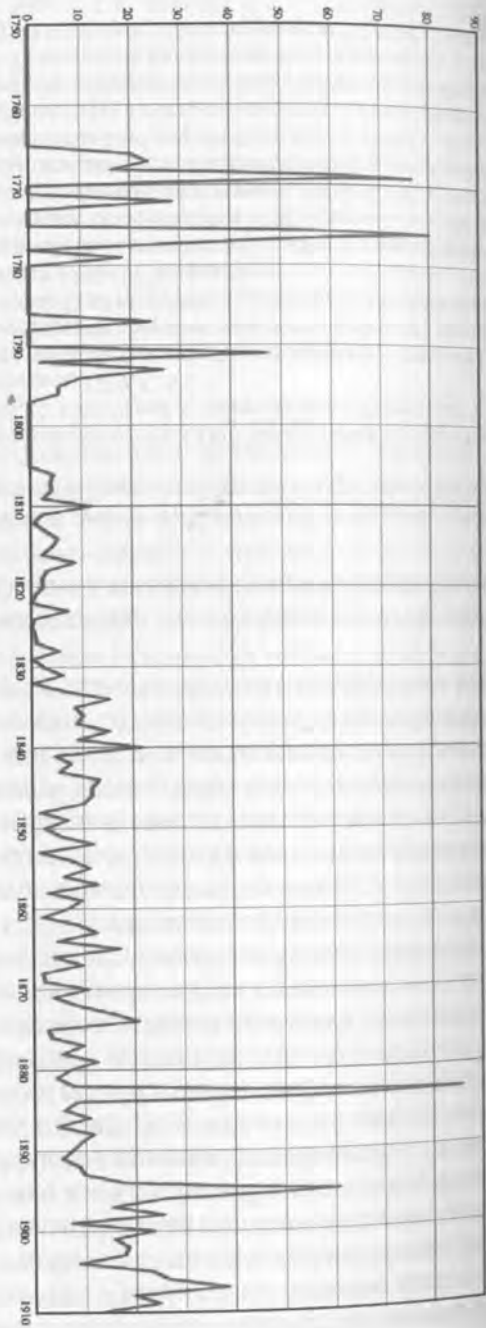

Рис. 5. Распределение частотности употребления слова *аромат* (rusoproga.ru)

Окружающую человека среду, как природную, так и антропогенную, следовало тщательно проверять на наличие миазмов, а при их обнаружении — добиваться их ликвидации. Миазмами считались запахи стоячей воды, гниющих растительных и животных остатков, застарелые запахи жилья и вещей, живых и мертвых тел людей и животных¹⁴. Миазмы привлекали внимание к низинам и болотам — поскольку считалось, что болотный воздух насыщен вредными подземными газами и разлагающимися частицами¹⁵, скотобойням и кладбищам¹⁶, отхожим местам и прачечным¹⁷, больницам и тюрьмам. Более того, каждый дом имел свои особые миазмы, складывавшиеся из запаха здания и телесных эманаций его обитателей. Опасность представляли не только «застарелые» запахи, но и новые: в 1787 году Вольное экономическое общество даже объявило конкурс исследований по вопросу «Действительно ли вредны новые каменные здания и какие тому причины», предполагая, что миазмы сохнувшей штукатурки могут дурно влиять на здоровье новоселов. Воздух, запах и вкус которого ощущались как непривычные, мог считаться насыщенным миазмами и поэтому вредным: так, русские исследователи Сибири объясняли возникновение цинги «чрезвычайно густым и нездоровым воздухом» полярной ночи¹⁸.

В целом можно сказать, что чем более рукотворной воспринималась среда обитания, тем более опасной она казалась. В эту эпо-

¹⁴ О миазматической теории и локализации «нездоровости» во Франции второй половины XVIII века см.: *Vigarell G. Concepts of Cleanliness*. P. 144–151.

¹⁵ *Пекен Х. Домашний лечебник*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1765. С. 150; *Пеппо К. Сокращенный Витрувий*. М.: Университетская типография, 1789. С. 53.

¹⁶ Попытки запретить захоронения покойников в черте города предпринимались с петровского времени, но действенным оказался лишь правительственный указ 1782 года, обязанный своим появлением московской чумной эпидемии 1770–1771 годов.

¹⁷ *Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году: в 2 ч.* СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1803. Ч. 1. С. 19–21, 47, 166–167, Ч. 2. С. 179. Французский материал соответствующего периода подробно описан в: *Corbin A. The Foul and the Fragrant*. P. 57–61.

¹⁸ *Геденштром М. М. Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам онога, лежащим от устья Лены к востоку* // *Сибирский вестник*. Ч. 17–19. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822; цит. по: *Визе В. Ю. Моря российской Арктики: в 2 т.* М.: Paulsen; Европейские издания, 2008. Т. 2. С. 42.

ху начинает складываться не только ценностная, но и медицинская оппозиция города и деревни, в которой отвратительный смрад первого контрастирует с природным благоуханием второй¹⁹. Однако та же деревня оказывалась средоточием вони, как только внимание просвещенного наблюдателя переключалось с пейзажа на крестьянский быт: ольфакторные и медицинские характеристики демонстрировали свою изоморфность «порядку чинов», т. е. социальной иерархии.

Одним из самых опасных источников миазмов было человеческое тело. Исключительно вредными считались телесные эманиции (пот и так называемое нечувствительное испарение, лат. *perspiratio insensibilis*) и «надышанный», т. е. уже побывавший в легких, воздух. Еще в XVIII веке представления о миазмах были успешно интегрированы в физиологическую теорию, которая, в свою очередь, восходила к античному учению о четырех жизненных соках (*гуморах*) — крови, флегме, желчи и черной желчи. Несмотря на разнообразную критику, которой гуморальная патология подвергалась со стороны приверженцев новых теоретических подходов (химического и механистического), ее основные категории и связанные с ними практики оставались актуальными вплоть до середины XIX века²⁰. Гуморы определяли телесную конституцию и темперамент не только людей, но и других живых существ, например лошадей и собак. Преобладающие гуморы проявляли себя во внешнем облике и поведении, влияли на интеллектуальные способности и склонность к тем или иным занятиям. Здоровье и болезнь интерпретировались как гидравлическая система, сопрягающая избыток и недостаток: равновесие гуморов отвечало

¹⁹ Одной из первых популярных публикаций, развивающих эту антитезу, стали переведенные с французского «Предохранительные размышления для всякого человека о причинах жестоких болезней и скоростипишной смерти, кои внезапно похищают людей всякого состояния. Важное открытие осмысленного века», с разделами «Наблюдений о причинах болезней и смерти, приключаящихся в больших городах от перемены воздуха, съестных припасов и прочих малопримечаемых случаев» и «Физических и нравственных рассуждений о собраниях и публичных зрелищах, с показанием надежных и удобных средств в оных подновлять и чистить воздух» (М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1789).

²⁰ Porter R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. London: Fontana Press, 1999. P. 211–219, 245–254; Alexander J. T. Medical Developments in Petrine Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. N 2. P. 199–204.

за здоровье, дисбаланс (избыток одних и недостаток других) приводил к болезням²¹.

Американский историк медицины Чарлз Розенберг, анализируя популярный во второй половине XVIII века лечебник Уильяма Бьюкена (о его переводе на русский язык пойдет речь ниже), писал о модели «всестороннего равновесия», в котором участвовали не только гуморы, но и внешние влияния, и которое определялось соразмерностью усвоения, переработки и выделения²². Так, нарушение равновесия могло объясняться влиянием «атмосферы» — качеством вдыхаемого воздуха и действием различных газов. Здоровье обеспечивалось гармонией внутреннего воздуха, заключенного внутри тела, и внешнего, атмосферного: и тот и другой с легкостью могли «испортиться» под действием миазмов или сами по себе²³. Дурной воздух действовал на нервы и расслаблял мышцы и органы²⁴; от противных запахов могла приключиться ипохондрия²⁵; но хуже того — человеческое тело могло само производить миазмы и отравлять окружающих (при этом ухудшая и свое собственное плачевное состояние). Миазмы порождались большими скоплениями людей, поэтому под врачебным подозрением оказывались как пристанища «низших чинов» — тюрьмы и больницы, так и театры и светские рауты. Августин Вицман, петербургский издатель, педагог и организатор пансиона для юношества (в нем учился младший сын Радищева, а сам Радищев приятельствовал с Вицманом еще со времени своей учебы в Лейпциге), предостерегал против бесполезных сборищ, на которых «воздух заражен дымом 600 свечей и дыханием 3000 человек, из коих, по крайней мере, три части больных»²⁶.

²¹ Porter R. The Greatest Benefit to Mankind. P. 56–61.

²² Rosenberg Ch. E. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge; NY; Oakleigh: Cambridge University Press, 1992. P. 46.

²³ Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. СПб.: Типография П. И. Богдановича (?), 1788. С. 2–8.

²⁴ Сумароков П. П. Источник здравия. М.: Университетская типография, 1800. С. 11.

²⁵ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 1115–1116.

²⁶ Вицман А. О болезнях богатых и светских людей. СПб.: Типография Первого Кадетского корпуса, 1805. С. 6. См. также: Кланитанов П. А. Краткое наставление народу о том, как предохранять себя от прилипчивых болезней, наиболее от чумы: в 3 ч. М.: Синодальная типография, 1827. С. 7; Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1830. С. 10.

Хозяин: Что вы, господа, испугались? Ведь это цветная капуста!

Хозяин: Чего вы, господа, испугались? Ведь это цветная капуста.

М. Л. Невахович. Холера (Волшебный фонарь.
Карикатурный альбом. СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

Вдыхая миазмы или поглощая их через кожные капилляры («сосудцы»), человек принимал в себя некое болезнетворное начало, из которого затем развивались гнилокровие и различные эпидемические болезни — от горячек и лихорадок до чумы²⁷. Разную подверженность «повальным болезням» и разницу в их протекании объясняли особенностями конституции и темперамента больных. Анонимный рукописный справочник, принадлежавший, по всей видимости, провинциальному лекарю, описывал это так: «Миазма ветром нанесенная и насилия случайно наводят болезни, а многокровие располагает к оным... Эпидемия: где ветром нанесенная, поражая людей повально, всегда острою, скоро проходящею болезнью. Сильно или легко, по силе тлетворности в воздухе и по расположению к тому телу»²⁸.

Для определения «силы тлетворности» — т. е. состояния, способствующего гниению и разложению, следовало внимательно наблюдать за погодой, переменами климата и реакциями организма, отмечая все необычные ощущения и пытаясь соединить метеорологические данные с заболеваемостью²⁹. Причины болезней видели, во-первых, в «возбуждающих, раздражающих и случайных незапных переменах воздуха *constitutis aeris*»³⁰ и, во-вторых, в *вапорах, мефитических парах и миазмах* — дурных

²⁷ Рубель И.-Ф. Полный и всеобщий лечебник. М.: Университетская типография, 1791. Ч. 1. С. 261–262; Виен И. Лоймология. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1786.

²⁸ Краткое показание болезней, нередко случающихся <sic!>, и врачевание оных // ОР РНБ. Q.VI.7. Кон. XVIII — первая четверть XIX в. Л. 6.

²⁹ См.: Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle // Bulletin de l'Association de géographes français. 65e année. 1988. N 5. P. 357–366; Collart M. Climat et Maladies: les Tables Nîmoises du Docteur Razoux. Доклад, прочитанный на XIV международном конгрессе по исследованию XVIII века 27 июля 2015 года, Университет Эразма, Роттердам. Режим доступа: <https://isecs2015.files.wordpress.com/2014/10/150726-isecs2015-1-abstracts-monday1.pdf> — Дата обращения: 31.05.2018.

³⁰ Краткое показание болезней, нередко случающихся <sic!>, и врачевание оных. Л. 3. Ср. параллель во французском источнике: «On a depuis longtemps observé que ces maladies sont le plus souvent causées par les changements subits de la température de l'air» (Malouin P.-J. Histoire des maladies épidémiques de 17... observées à Paris en même temps que les différentes températures de l'air // Histoire de l'Académie des Sciences, 1749. P. 113–141; цит. по: Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle. P. 359). («Давно известно, что эти болезни чаще всего происходят от внезапных перемен температуры воздуха».)

испарениях, вызванных брожением или разложением³¹. Опасные для здоровых, миазмы и vapors были убийственны для ослабленных, поэтому лечебники рекомендовали в помещениях, где содержатся больные, «не печь хлеб, не варить кашу, ничего не заквашивать, не держать живности <...> дабы елико возможно избегать порчи воздуха»³².

В анонимном «Отрывке из путешествия в *** И*** Т***» (1772), который в разное время приписывался Радищеву, Новикову и другим, читаем: «Тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившейся мне обморок был не продолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды: извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха»³³. «Отрывок» представляет собой набросок руссоистского просветительского романа, где говорится о контрасте между жизнью крестьян и богачей («любимцев Плutowых») и о преступлениях против естественных потребностей человека. Приведенный эпизод перекликается с близким по времени медицинским справочником, где качеству воздуха в крестьянских избах уделено особое внимание:

«Воздух, находящийся в их жилищах, от части от выходящих частиц из тела человеческого и из других животных, коих оне в покоех своих особливо зимою держат, также и из всякого нечистого сору, от части от навозных куч лежащих в конюшнях сделанных при их избах, на задворках а иногда на улице под самыми окнами, от части из луж происходящих от тех же навозных куч, а напоследок от худо сбереженных плодов и других гнилых съестных припасов, почти всегда гнилой бывает, от чего великой вред здоровья чувствуют живущие, да и еще бы больше чувствовали, ежели бы по щастию своему не принуждены были, по большей части обращаться на свежем воздухе»³⁴.

³¹ Чудков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 230–236.

³² Лечебник, употребляемый 1813 года <sic!> в Вологодской губернии по случаю прилипчивых болезней от провод пленных французов; дополнение к наставлению, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, объясняющее причины болезней и средства предохранительные // ОР РНБ, F.VI.10. Л. 5.

³³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 2. С. 348–349.

³⁴ Керстенис И.-Х. Наставление и правила врачебные для деревенских жителей. М.: Типография Императорского Московского университета, 1769. С. 21.

Подобные представления могли распространяться на любые неприятные или слишком сильные запахи, в том числе — пищевые. В выраженном аромате приправ, соусов, ферментированных продуктов медики видели возможность миазматического действия, соответственно слабость и склонность к болезням могли объясняться злоупотреблением подобной пищей³⁵. В этих случаях миазмы прямо объяснялись с помощью химической теории брожения: «Пища, взаимодействуемая от некоторых растений и приправ. вкусом весьма острых, такожды и от животных, выключив токмо одно млеко, внутренней тела человеческого теплотой согреваема будучи, напоследок в гниль превращается»³⁶. Некоторые сочинения связывали появление в доме насекомых, вшей и блох с застарелыми запахами пищи (в этой логике старинная теория самопроизвольного зарождения соединялась с миазматической)³⁷.

Химическая теория брожения и миазматическая концепция патогенеза позволяли увидеть сходство в том, как на человека действуют испорченный воздух и испорченная пища, и выразить это сходство, уподобив их друг другу. В публичной лекции 1772 года, прочитанной сразу после московской чумной эпидемии, немецкий врач и математик Иоганн Иоахим Рост, профессор медицины Московского университета, иллюстрировал идеи, почерпнутые из трудов Гейлса об атмосфере и пользе вентиляторов, примерами крестьянской болезненности и связывал их с качеством воздуха. Рост писал о влиянии воздуха на здоровье человека в следующих выражениях:

Но как и самая полезнейшая для здравия пища, не искусно приготовленная, или вредными искаженная частицами, не ток-

³⁵ Бахерахт А. Г., Венечанский С. А. Собрание разных полезных лекарств на разные болезни с рецептами. СПб.: Сенатская типография, 1779. С. 58.

³⁶ Шрейбер И.-Ф. Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних: в 2 ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1781. Ч. 1. С. 10–11. Жорж Вигарелло указывает, что в конце XVIII века во французской косметологии перестали употребляться пахучие металлы и окиси, запахи которых сравнивались с опасными испарениями гнили, испражнений, чеснока (Вигарелло Ж. Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 143).

³⁷ Друкцовцов С. В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. 2-е изд. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1773. С. 45–46.

мо не питает и не укрепляет нашего тела, но паче разрушает его, для находящегося в ней ядовитого свойства и вредительных качеств: подобно так она по существу своему прездоровая и к продолжению жизни неминуемо потребная, всегда текущая жидкость (каков есть воздух) в непрерывном волновании своем и пременениях, присовокупившимися инородными (*heterogeneis*) частицами, влажными, солеными, серными, гнилыми и ядовитыми повреждая, но токмо целости здравия животных вредительна, но еще и смерти бывает содетельницею³⁸.

Сравнение воздуха с пищей подчеркивало его возможность испортиться — как самопроизвольно, так и от наличия в нем инородных примесей. Через десять лет ученик Роста, студент Московского университета Алексей Окулов опубликовал сочинение о свойствах и видах воздуха, где вслед за учителем комментировал Гейлса, конспектировал новейшие научные дискуссии о флогистоне и размышлял о миазмах и их влиянии на людей, животных и растения³⁹. Та же логика способствовала уподоблению микрокосма макрокосму, человеческого тела — городской или деревенской среде обитания: воздух одинаково портился внутри организма, от отравления или плохой циркуляции соков, и внутри города, от недостаточного очищения и проветривания улиц⁴⁰.

Такие рассуждения делали подозрительными и потенциально вредными для здоровья любые сильные запахи. Полвека спустя мысль о связи запаха и патогенеза сформулировал Эдвин Чедвик, один из самых известных британских врачей-гигиенистов:

³⁸ Рост И.-И. Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простого народа примечаемое и о средствах удобных к поправлению оного. М.: Типография Императорского Московского университета, 1772. С. 15.

³⁹ Окулов А. М. Рассуждение о свойстве и силе воздуха, сочиненное и читанное на французском языке 1782 года 25 ноября. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1783. Об исследованиях различных видов воздуха и попытках выделения флогистона в европейской пневматической химии того времени см.: Schaffer S. *Measuring Virtue: Eudiometry, Enlightenment and Pneumatic Medicine* // *The Medical Enlightenment of the Eighteenth Century* / ed. by A. Cunningham, R. French. Cambridge; NY; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1990. P. 281–318.

⁴⁰ Параллели между профилактическими и медицинскими манипуляциями с телом индивида (кровопускания и клизмы) и городскими санитарными играми — манипуляциями с социальным телом — во Франции раннего Нового времени указывает Анник Ле Герпер в своей диссертации 1984 года (приведено в: Vigarello G. *Concepts of Cleanliness*. P. 87. f. 44).

Любой запах, при условии что он силен, вызывает немедленное острое расстройство организма, и, следовательно, мы можем заключить, что любой запах вреден, поскольку угнетает организм и делает его подверженным влиянию других болезнетворных причин⁴¹.

В русском языке эти представления отразились в устойчивых выражениях *заражать испарениями, заражать/отравлять [атмосферу] зловонием/смердом/миазмами, заражать воздух [запахом/миазмами], пропитывать зловонием/миазмами*. Они возникают в специализированной и популярной медицинской литературе на рубеже XVIII и XIX веков, а с 1860-х годов ими буквально пестрят страницы популярных газет и журналов, медицинская публицистика и массовая беллетристика⁴². Миазмы разного рода упоминались как причины болезней людей и животных, а устоявшаяся медицинская терминология распространялась среди читающей публики.

Например, в петербургских медицинских топографиях первой половины XIX века описывалась эндемичная для столицы «болотная миазма» (лат. *tiasma paludum*)⁴³, представлявшая собой «эпидемиологическую» параллель к литературному топосу «город на болоте». Во второй половине XIX века этот классический топос переосмысливается как «город на костях», а медицинская интерпретация получает социально-политическое измерение. Так, в 1868 году Яков Полонский пишет стихотворение «Миазм», где в богатом и благополучном доме умирает ребенок, и его смерть объясняется влиянием «миазма» — вздохом крепостного, погибшего на строительстве Петербурга⁴⁴. «Со дня основания Петербурга

⁴¹ Parliamentary Papers. 1846. Vol. 10. P. 651 (цит. по: Halliday S. Great Stink of London: Sir Joseph Bazalgette and the Cleansing of the Victorian Metropolis. Stroud: Sutton Publishing, 2001. P. 127–128). См. также: Oesterlen F. Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Tübingen: Laupp, 1873.

⁴² См., например: Губнер Ю. Ю. Корреспонденция из Феодосии // Здоровье. 1874. Т. 1. № 1. С. 21–22; Губнер Ю. Ю. Корреспонденция из Феодосии (окончание) // Здоровье. 1874. Т. 1. № 2. С. 33–35; В. Ф. Петербургские за дворки // Здоровье. 1874. Т. 1. № 2. С. 30; Вывоз нечистот из Москвы // Здоровье. 1876. Т. 2. № 33. С. 74; Московские бойни // Здоровье. 1876. Т. 2. № 39. С. 216; Цылов Н. Н. О выборе дачных местностей // Здоровье. 1883. № 16. С. 3–4.

⁴³ Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. СПб.: Типография К. Крайя, 1834. С. 67.

⁴⁴ См. анализ этого стихотворения в: Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. С. 226–227.

и до настоящего времени там похоронено два миллиона трупов, которые превосходно гниют и производят такую *aria cattiva* [итал. дурной воздух. — М. П.], по сравнению с которой всякие климатические невзгоды — ничто», — писал один из первых русских врачей-гигиенистов Вениамин Португалов⁴⁵.

Во второй половине XIX века сохраняются те же представления об опасности запахов разложения, брожения, гниения, о болезнетворности любых сильных эманаций. Например, университетская ветеринария пореформенной эпохи пользовалась понятием «конюшенной миазмы», понимая под таковой сочетание смрада и заразы: «конюшенная миазма» возникала в грязных стойлах и вызывала у лошадей септический дифтерит⁴⁶. «Бойный дух» — запах боен, ощущавшийся за несколько верст, — также считался виновником различных болезненных состояний⁴⁷. Наличие или отсутствие миазмов определяло престиж и стоимость квартир, домов, дачных местностей⁴⁸. Наиболее опасными считались жилые помещения, куда проникали запахи выгребных и помойных ям, кухонный чад с черных лестниц, дым и гнилостные испарения⁴⁹, а также «углы», где подолгу застаивался воздух и отсутствовала естественная вентиляция⁵⁰. Популярная в 1860-х годах реклама

⁴⁵ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1873. С. 256–257.

⁴⁶ Равич И. И. Руководство к изучению патологии и терапии инфекционных и заразительных болезней домашних животных и ветеринарной полиции. СПб.: Типография Я. Трея, 1873. С. 47, 57.

⁴⁷ Московские бойни. С. 216.

⁴⁸ Симанский В. К. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1881. См. также серию публикаций Н. Н. Цылова: Цылов Н. Н. О выборе дачных местностей // Здоровье. 1883. № 16. С. 3–5; № 18. С. 4–7; № 19. С. 5–7; № 22. С. 5–8; № 23. С. 5–6; № 24. С. 5–7; № 25. С. 4–5.

⁴⁹ Андреев П. П. Домоведение. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1893. С. 14–19.

⁵⁰ Сдача внаем углов, когда в комнате делалась выгородка с помощью занавески или ширмы, была широко распространена в Петербурге. Передние углы у окон считались более удобными из-за дневного света и хоть какой-то вентиляции и стоили дороже задних углов около печи (см.: Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. М.; СПб.: Центрполиграф, 2012. С. 319). Углы и подвалы продолжали беспокоить врачей вплоть до Первой мировой войны. По санитарным отчетам 1900-х годов, на одного обитателя углов приходилось около одной кубической сажени воздуха, что было намного ниже принятой нормы (см.: Кашкадамов В. П. Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургская

гигиенических и квазигигиенических средств обещала избавить горожан «от опасности задохнуться от всякого рода зловония, умереть от угара, заболеть от сырости и погибнуть от миазм, производящих холеру, тиф и другие ужасные болезни»⁵¹.

Важно подчеркнуть, что для человека второй половины XIX столетия эти выражения имели не только метафорический, но и вполне буквальный смысл. Неприятный запах считался прямой угрозой здоровью, поэтому образованная публика считала своим долгом жаловаться на такие запахи и требовать их ликвидации. С распространением санитарно-гигиенической пропаганды — популярных текстов, посвященных проблемам общественной санитарии и гигиены, возрастало и количество жалоб как от частных лиц, так и от периодических изданий (к этому явлению мы еще вернемся). Например, в 1877 году газета «Голос» опубликовала репортаж об осмотре гласными петербургской думы свалки, от смрада которой посетителям сделалось дурно⁵². В 1878 году петербургский журнал «Дело» выступил с требованием очистить от грязи Гутуевский остров, где «свиной завод и горы мусора и навоза заражают воздух как на острове, так и в его окрестностях»⁵³. В свою очередь, городские власти считали нужным прислушиваться к таким жалобам и регулярно инспектировали места, привлекавшие ольфакторное и санитарное внимание, хотя добиться их очищения и дезодорации доступными на тот момент средствами зачастую было весьма непросто или вовсе невозможно.

К концу XVIII века миазматическая теория укоренилась на всем западноевропейском культурном пространстве, чтобы, с различными уточнениями и значительными колебаниями, просуществовать вплоть до бактериологической революции Луи Пастера и Роберта Коха⁵⁴. Впрочем, как показал французский историк и социолог науки Бруно Латур, пастеровская революция была скорее эволюцией — медленным и инерционным процессом рекрутирования сторонников, создания сетей знания и убеждения властей

городская типография, 1909. С. 31–36; Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. London: Arnold, 1976. P. 335–336).

⁵¹ Приведено в: Губнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 года в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 151.

⁵² Внутреннее обозрение // Здоровье. 1878. Т. 4. № 81. С. 71.

⁵³ Картинки общественной жизни // Дело. 1878. № 2. С. 464–465.

⁵⁴ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 22–34 et passim.

и публики⁵⁵. В Европе и Америке новая теория патогенеза завоевывала признание очень медленно, ввиду первоначального недостатка данных сосуществовая или комбинируясь с предыдущей моделью и порой подвергаясь резкой критике гигиенистов и практикующих врачей⁵⁶. Например, в лечении холеры бактериологический подход восторжествовал над миазматическим лишь через десять лет после открытия холерного вибриона — благодаря прикладным исследованиям Коха во время гамбургской эпидемии 1892 года⁵⁷. В Великобритании, санитарно-гигиеническая политика которой считалась образцовой, многие врачи и общественные деятели оставались приверженцами миазматической теории вплоть до 1900-х годов, так что говорить о бактериологической революции в этом случае некорректно⁵⁸. Например, знаменитая медсестра Флоренс Найтингейл выступала против прокладки канализационных труб под домами, утверждая, что запах из них может подняться в жилище и заразить обитателей скарлатиной, корью и оспой⁵⁹.

Весьма неторопливыми были процессы усвоения нового бактериологического знания и в России. Приверженцы санитарно-гигиенического подхода, который основывался на миазматической модели патогенеза, во главе с влиятельным гигиенистом и организатором медицины Федором Эрисманом критиковали пастеровцев, а члены Русского общества врачей имени Николая Пирогова приняли дисциплинарный статус бактериологии спустя пятнадцать лет после того, как результаты экспериментов Пастера

⁵⁵ Ламур Б. Пастер: война и мир микробов. С.175–192.

⁵⁶ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs; *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1985. Vol. 40. N 4. P. 421; *Stevenson L. G.* Science down the Drain: On the Hostility of Certain Sanitarians to Animal Experimentation, Bacteriology and Immunology // *Bulletin of the History of Medicine*. 1955. Vol. 29. N 1. P. 1–26; *Richmond Ph. A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease (1860–1880) // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1955. N 9. P. 428–454.

⁵⁷ Evans R. J. Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 490–497, 502–507.

⁵⁸ Worboys M. Was There a Bacteriological Revolution in Late Nineteenth-Century Medicine? // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2007. Vol. 38. N 1. P. 20–42.

⁵⁹ Nightingale F. Notes on Nursing. London: Harrison, 1859. P. 16; приведено в: Halliday S. Great Stink of London. P. 125–127.

стали известны в России⁶⁰. В 1903 году русские врачи все еще пользовались миазматической теорией при исследовании и лечении малярии, хотя со времени обнаружения переносчика болезни — малярийного комара — прошло более двадцати лет⁶¹.

Миазматическая теория и ее химическая база сохраняли свои позиции в европейской медицине больше ста лет. Формула Георга Штала «всякое гниение есть не что иное, как завершившееся брожение» (лат. *nihil aliud est putrefactio quem perfecta fermentatio*)⁶² использовалась для описания патогенеза и в 1740-х, и в 1800-х, и в 1840-х годах, когда на основе работ Штала была построена так называемая зимотическая теория немецкого химика Юстуса Либиха и его школы, связывавшая происхождение болезней с процессом ферментации⁶³. В 1860-х ее переосмыслил ученик Либиха мюнхенский эпидемиолог и химик Макс фон Петтенкофер, пытавшийся объяснить происхождение холеры почвенными миазмами (эта модель получила название «почвенной теории»)⁶⁴. В России наиболее влиятельным адептом и популяризатором идей фон Петтенкофера был уже упомянутый Эрисман, с 1882 года возглавлявший кафедру гигиены Московского университета⁶⁵; тех же взглядов придерживались ведущие медики и гигиенисты той эпохи — Николай Пирогов, Иван Моллесон, Евграф Осипов, Иринарх Скворцов и др. Наблюдения и открытия, заставлявшие подозревать другие причины патогенеза, до поры оставались на периферии, использовались как дополнительные методы или отбрасывались⁶⁶.

⁶⁰ Hutchinson J. F. Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 421, 427–429.

⁶¹ Фавр В. В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. Харьков: Печатня С. П. Яковлева, 1903. С. 122.

⁶² Stahl G. E. *Zymotechnia fundamentalis theoria generalis*. [Halaе Magdeburgicae]. Typis & sumptibus Christoph. Salfeldii, 1697. P. 179.

⁶³ Равич И. И. Современное учение о заразе и миазме. СПб.: Типография Я. Третья, 1872. С. 2.

⁶⁴ Об устойчивости «почвенной теории» и осмыслении патогенной роли бактерий в почвенных метафорах на примере британской медицины 1880-х годов см.: Worboys M. Was There a Bacteriological Revolution in Late Nineteenth-Century Medicine? P. 26.

⁶⁵ Подробнее о санитарной программе Эрисмана и принципах включения в нее бактериологического знания см.: Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 21–27.

⁶⁶ Wilson C. *The Invisible World: Early Modern Philosophy and the Invention of the Microscope*. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 140–141. На

«Миазмы» и «контагии»: эпидемиология в социополитической перспективе

Одним из главных вопросов медицины Нового времени был вопрос передачи и распространения эпидемических болезней. Миазматическая теория связывала заболеваемость с климатом и средой обитания, а также с индивидуальной предрасположенностью, возникающей при несбалансированной работе внутренних органов, при нарушении равновесия между человеческим телом и окружающей средой. Наряду с этим существовало представление о «контагии» — некоей заразе непрямолинейной природы, непостижимой чувствами и передающейся через прямой контакт с больным — например, через прикосновение, личные вещи, посуду, а также воздух⁶⁷. О воздушных путях распространения «контагия» писал еще Фракасторо в трактате 1546 года: «...некоторые же контагии распространяются не только через соприкосновение или посредством одного лишь очага, но еще и на расстоянии»⁶⁸. В этом пункте контагиозная теория патогенеза примыкала к миазматической: в качестве меры предосторожности следовало избегать зараженных местностей — низин, болот, оврагов и других локусов, где воздух мог застаиваться и портиться, — и уклоняться от любого контакта с больными.

пример, во второй половине XVIII века в европейской науке широко обсуждалась теория самопроизвольного зарождения. Ее противники, опиравшиеся на работы Антони ван Левенгука, чрезвычайно близко подошли к пастеровскому пониманию бактерий. Карл Линней в двенадцатом издании «Системы природы» включил в условный вид *Chaos infusorium* и «наливочных анималькулей» (т. е. простейших), и сперматозоиды, и, под вопросом, возбудителей некоторых болезней (*Linnaeus C. Systema naturae*. Ed. XII. Holmiae, 1767. P. 1324–1327). О наблюдениях российских ученых второй половины XVIII века см.: *Соболь С. Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 139–141, 241–298.

Ср. российский пример: Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771 // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. № 439.

Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 15, см. также с. 24–30. Примечательно, что левенгуковское открытие микроорганизмов современники пытались поместить и в контагиозную, и в миазматическую перспективу (*Dobell C. Antony van Leeuwenhoek and His "little Animals"*. London; Amsterdam: John Bale, Sons and Danielsson, 1932. P. 378; приведено в: *Заблудовский П. Е. Учение о заразных болезнях и книга Фракасторо* // *Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении*. С. 226–227).

Ключевое расхождение двух моделей патогенеза было в вопросе об этиологии — т. е. происхождении — болезни⁶⁹. Миазматическая теория видела причину заразы в дурных запахах и испарениях, контагиозная (т. е. буквально — контактная, основанная на прикосновении) — в неопределенных «семенах контагия», микроскопических «червячках», «анималькулях» и т. п. В этом случае камнем преткновения становилась проблема самопроизвольного зарождения. Врачебные споры вокруг понятия «живого/одушевленного контагия» (лат. *contagium vivum/contagium animatum*) восходят к XVII веку, эпохе изобретения и внедрения микроскопа. Именно тогда для объяснения этиологии чумы была применена концепция «одушевленного возбудителя», сформулированная еще в античности; однако в отсутствие экспериментальной медицины «контагионисты» долгое время не могли привести никаких решающих доказательств в свою пользу⁷⁰.

Многие врачи-практики, и европейские и российские, на деле придерживались комбинированных взглядов⁷¹, хотя в целом сходились во мнении, что зловонные — и, следовательно, зараженные вода, воздух и иные субстанции — опасны. Сложность вопроса об этиологии эпидемических болезней порой приводила к фантазмагорическим наивным теориям и построениям.

В 1830 году, пытаясь собрать материалы о холере и возможных способах ее лечения, Медицинский совет, высший в Российской империи орган гражданской медицинской администрации,

⁶⁹ Wilson C. The Invisible World. P. 140–175.

⁷⁰ Например, врач Данило Самойлович пытался доказать контагиозную природу чумы и с помощью микроскопических исследований искал «семена заразы» в чумных бубонах (Самойлович Д. С. Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1792). По мнению Самуила Соболя, неудача Самойловича была связана с недостаточной мощностью микроскопической техники того времени (Соболь С. Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. С. 398). Однако решающим фактором было скорее влияние господствующих научных теорий (прежде всего — медицинской теории миазмов и химической теории флогистона), побуждавших развивать не микроскоп, а эвдиометр, измеряющий качество воздуха (Schaffer S. Measuring Virtue. P. 292–311, 314–315).

⁷¹ О гибридизации медицинских концепций Нового времени с гуморальной патологией (галенизмом) в России второй половины XVIII века см., в частности: Pirogovskaya M. Constructing the Delicate Subject: Eighteenth-Century Russian Medical Books on Strong Flavours and Feeble Fibres // *De Achttiende Eeuw / The Eighteenth Century*. 2016. Vol. 48. N 1–2. P. 98–100.

пригласил всех желающих присылать свои наблюдения. Среди при-
сланной корреспонденции было «Розыскание о Индостанской
смертоносной заразе, известной под названием холеры морбус»
писателя и переводчика Николая Страхова⁷². Содержание этого
текста (рукопись не сохранилась), известное по разгромному от-
зыву члена Медицинского совета, лейб-медика Семена Гаевского,
представляет интерес как свидетельство медицинских воззрений
и представлений образованного человека того времени⁷³. Автор,
черпавший сведения об эпидемических болезнях из различного
достоинства медицинских справочников, компилятивных лечеб-
ников и официальных руководств и брошюр, изданных Министер-
ством внутренних дел, хаотически смешивал в своем сочинении
различные теории патогенеза, болезни (холеру и желтую лихорад-
ку Страхов считал одним и тем же заболеванием) и методы лечения.
Главной причиной повальных и заразительных болезней Страхов
называл «невидимых воздушных насекомых», увязывая их с влия-
нием атмосферы и качеством воздуха, — тем самым объединяя
понятия миазмы и контагия в общую объяснительную модель⁷⁴.

⁷² Мне приятно поблагодарить моего коллегу Андрея Костина, обративше-
го мое внимание на этот материал.

⁷³ Гаевский С. Ф. О сочинении Страхова о холере // РГИА. Ф. 1294. Оп. 5 (1832).
№ 142. Л. 2–6 об.

⁷⁴ Там же. Л. 3–3 об. Такая же неясность сохранялась и через сорок с лишним
лет. В качестве иллюстрации можно привести фельетон Николая Лейкина
«Визит доктора» (1874), написанный по следам холеры 1871 года: архаи-
ческие взгляды на лечение купеческого семейства и передовые воззрения
госпитального фельдшера оказываются сопоставимо наивными (при этом
вторые неожиданно перекликаются со страховскими).

«Подали заливную рыбу и жареного поросенка. Вдруг фельдшер ударил
себя по лбу.

— Куда вы воду дели, что я руки мыл? — спросил он.

— Вылили в помойну яму.

— То-то. Чтобы не попала лошадям, а то сейчас сдохнут. А полотенце,
которым я руки вытирал, возьмите и сожгите. <...> Выпив рюмок шесть,
он окончательно заврался и стал рассказывать, что такое холера.

— Холера — это невидимые мухи. Они летают в воздухе и залетают в че-
ловека через все его поры. Залезши туда, они начинают мучить и произ-
водят рвоту. Мухи эти зеленого цвета с красными головками и на вкус
отзываются медью.

— А говорят, подсыпают в пищу? — возразил хозяин.

— Пустяки. Подсыпка эта была в первую и во вторую холеру, а теперь не
в моде. Теперь муха. И так эта муха живуща, что ежели ее в кипятке варить,
то и то жива останется» (Лейкин Н. А. Веселые рассказы. СПб.: Колесов
и Михин, 1874. С. 68–69).

Неясность теорий влияла на распространенные представления о болезнях, меры предосторожности и лечебную практику. Например, во время холерной эпидемии 1829–1831 годов многие русские медики были уверены в миазматической природе холеры. Первоначальные подозрения о контагиозном характере болезни, основанные на британских отчетах из Индии, были пересмотрены в соответствии с теорией миазмов⁷⁵. В своем донесении из Москвы английский врач Уокер сообщал, что родственники больных или умерших от холеры носят их одежду, принимают после них ванны, спят в их постели и дотрагиваются до трупов, и доктора это не запрещают⁷⁶. Зато в неприятных запахах видели проявление болезнетворного начала, а различные эпидемические болезни назывались общим термином «поветрие». Лишь с конца 1860-х годов, по мере накопления противоречивых фактов, способствовавших развитию бактериологии и последующему упрочению ее позиций, в медицине начался так называемый контагиозный поворот — миазматическую теорию стали корректировать контагиозной⁷⁷. Природа одних болезней могла объявляться миазматической, других — контагиозной (в число таковых, к примеру, вошли сифилис, сап, сибирская язва, корь, оспа, скарлатина, дифтерит), третьих — смешанной (холера, брюшной тиф, дизентерия, чума), в зависимости от ситуативного баланса аргументов⁷⁸. Существовали и альтернативные классификации: например, в учебнике «Общедоступная гигиена» 1889 года миазматические болезни делились на чисто миазматические и переносно-миазматические;

⁷⁵ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 15. См. также: Соломон О. Замечания о холере, поразившей Астрахань в июле 1830 года. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830. С. 22.

⁷⁶ Walker. Report on the Cholera in Russia, addressed to the British Government // Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. London. John Murray, 1831. P. 248–249.

⁷⁷ Ackerknecht E. H. Anticontagionism between 1821 and 1867 // Bulletin of the History of Medicine. 1948. N 22. P. 562–593; Bourdelais P. La construction de la notion de contagion: entre médecine et société // Communications. 1975. N 66. P. 21–39.

⁷⁸ Пашутин В. В. Понятие о миазматических и контагиозных началах. Место, занимаемое чумой в ряду других заразных болезней // Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879. Вып. 1. С. 90–91.

контагиозные — на чисто прилипчивые, летуче-прилипчивые и случайные травматические⁷⁹.

Противоречивые взгляды на этиологию эпидемических болезней служили обоснованием и для различных контрэпидемических мер — практических импликаций той или иной концепции патогенеза, тесно связанных с экономическими, социальными и геополитическими условиями. Представление о контагии — распространении заразы через прикосновение — обуславливало превентивные и репрессивные меры, целью которых было разорвать цепь передачи болезни и установить контроль за ее носителями, настоящими или возможными. В этом случае основными мерами служили карантин, санитарные кордоны, изоляция больных в лазарете или холерном бараке (вплоть до полного социального исключения), принудительная вакцинация, осмотр проституток, дезинфекция (в том числе вскрытие и окулирование корреспонденции) и уничтожение считавшихся зараженными вещей и жилищ. В свою очередь, представлением о миазмах, порожденных дурной средой обитания, страхом перед гниющими отбросами, стоячей водой и разлагающимися органическими остатками, обосновывалась противоположная карантинизму санитарно-гигиеническая программа. Она постулировала необходимость профилактических мер, направленных на улучшение и исправление природных и антропогенных причин болезни, от осушения болот до устройства вентиляции, пропаганды вакцинации, борьбы со скученностью и контроля за качеством продуктов питания⁸⁰.

Примечательно, что в немецкой медицинской традиции противостояние двух подходов — миазматического и контагиозного — выразилось в противостоянии двух научных школ, мюнхенской физико-химической школы Макса фон Петтенкофера и берлинской медико-бактериологической школы Роберта Коха⁸¹. Основатель

⁷⁹ Антонов А. А. Общедоступная гигиена. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1889. С. 159–160.

⁸⁰ П-ов В. Причины болезней // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. III. С. 1–23; Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 33–85; Кн. 3. Отд. III. С. 84–143.

⁸¹ Schubert U. Vorgeschichte der Internationale Hygiene-Ausstellung, Dresden 1911 // Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1911 und die Rolle Karl August Lingners. Materialien der Arbeitstagung, 19–29 November 1986. Deutsches Hygiene-Museum in der DDR. Dresden, 1986. S. 14–16.

экспериментальной гигиены и поборник санитарно-гигиенического подхода фон Петтенкофер сравнивал карантин с цензурой, имея в виду сходную степень репрессивности и бессмысленности: «Карантины и кордоны, подобно цензуре, пытались осуществить безнадежную задачу — не пропустить бациллу заразы или инакомыслия, которые, стоит им проскользнуть, неизбежно начнут расти и размножаться»⁸². Далеко не случайно, что подъем либерального санитарно-гигиенического движения в середине XIX века был связан с именем фон Петтенкофера и его интерпретацией миазматической теории⁸³.

Принципиальные различия двух подходов, карантинистского и санитарно-гигиенического, можно суммировать следующим образом: первый контролировал людей как носителей болезни, которую следовало изолировать, тем самым прекратив ее распространение, второй же — среду обитания, являясь тем самым эффективной адаптивной стратегией по отношению к тяготам и неудобствам города нового, индустриального типа⁸⁴. В первом случае в фокусе внимания была сама болезнь, а человек обезличивался, редуцировался до объекта, до своей физической оболочки, способной воспринимать и передавать другим заразное начало. Во втором случае человек рассматривался как жертва неблагоприятных условий, которые вызвали к необходимости и масштабных социальных реформ и воспитания новой гигиенической сознательности. Усилия карантинистов по внедрению гигиенически приемлемого и общественно безопасного поведения были внеположны индивиду, усилия гигиенистов — направлены на интериоризацию санитарно-гигиенических навыков. Деятельность европейских гигиенистов имела и важную нравственную подоплеку: причиной телесной и моральной порчи гигиенисты считали и бедность низов, и излишнее богатство аристократии⁸⁵.

⁸² *Pettenkofer M. von. Über Cholera mit Berücksichtigung der jüngsten Choleraepidemie in Hamburg. München, 1892; цит. по: Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 31–32.*

⁸³ *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 21–23; Oris M. Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle: Seraing au XIXe et au début du XXe siècle // Revue belge de philologie et d'histoire. 1995. T. 73. N 4. P. 986.*

⁸⁴ *Kearns G. Private Property and Public Health Reform in England, 1830–1870. Social Science and Medicine. 1988. Vol. 26. N 1. P. 188.*

⁸⁵ *Hamlin Ch. Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain 1800–1854. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 201–213.*

*Господинъ, принявшій меры отъ
влиянія инфузорій.*

Господин, принявший меры от влияния инфузорий.

М. Л. Невахович. Холера (Волшебный фонарь. Карикатурный альбом.
СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

Поэтому и в России, и в Европе первые попытки учеников и приверженцев Пастера привлечь общественное внимание к бактериологической модели патогенеза встретили отпор гигиенистов. Адепты уже укоренившейся научно-практической парадигмы не только защищались от «конкурентов», но и обвиняли их в пренебрежении к человеку, в нежелании менять ужасные социальные условия и бороться с бедностью и нравственным упадком⁸⁶.

Какой из этих двух подходов превалировал в России? Были ли врачи, обыватели, чиновники настроены скорее на последовательный поиск и истребление миазмов (что должно было повышать их ольфакторную бдительность и в повседневной жизни, а не только во время эпидемий)? Или же основные контрэпидемические меры применялись строго в кризисных ситуациях и сводились к карантинам и санитарным кордонам? В очерке, посвященном социальной истории холеры, британский специалист по XIX веку Аса Бриггс отметил, что в России люди консервативных взглядов (особенно военные чины) были скорее склонны поддерживать кордоны и карантин, а либералы («реформаторы») — скорее нет⁸⁷. На первый взгляд, это наблюдение укладывается в так называемую гипотезу Сигериста–Акеркнехта, связывающую политический строй и систему здравоохранения.

Изучая меры, принимаемые различными европейскими государствами во время эпидемий XIX века, швейцарский историк медицины Эрвин Акеркнехт предположил, что поскольку каждая из эпидемий оказывалась для социальной и политической системы своеобразной проверкой на эффективность, то тип политической системы во многом определял и выбор соответствующих контрэпидемических мер. Практики, которые так или иначе ограничивали автономию индивида в пользу государственных или общественных интересов, были в ходу у консервативных, абсолютистских или самодержавных режимов, тогда как политические системы, где права и свободы личности считались ценностью,

⁸⁶ *Hutchinson J. F. Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 429–430.* Для усвоения пастерианства гигиенисты должны были интерпретировать его в привычных им терминах (о «переводе» пастеровской бактериологии различными заинтересованными в ней группами см.: *Латур Б. Пастер. Война и мир микробов*). Тем не менее видеть в гигиенистах безоговорочных адептов пастерианства едва ли оправданно.

⁸⁷ *Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century // Past and Present. 1961. N 19. P. 82–83.*

предпочитали менее жесткие меры, которые не затрагивали ни свободу перемещения, ни свободу торговли⁸⁸. Эта гипотеза развивала идею наставника Акеркнехта, историка Генри Сигериста. С точки зрения последнего, в Новое время в странах с авторитарной формой правления (например, во Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и России) администрирование общественного здоровья и борьба с эпидемиями были централизованными и патерналистскими, основанными на медико-полицейском контроле, тогда как более либеральные режимы (такие как парламентская Великобритания) предпочитали делегировать полномочия на уровень местной власти и действовать воспитанием и убеждением⁸⁹.

Как все бинарные оппозиции, эта теория выглядит очень убедительной. Однако ее проверка, предпринятая историком Питером Болдуином на большом сравнительном материале, выявила гораздо более дробную и эклектичную картину как во времени, так и в пространстве⁹⁰. В каждом государстве набор контрэпидемических практик в тот или иной исторический период определялся своей совокупностью факторов — от физической невозможности воплотить рациональные меры предосторожности из-за нехватки обученного персонала и доступности лекарств до степени усвоенности актуального медицинского знания, экономических интересов и географического положения. Например, самые жесткие меры предпринимали правительства тех стран, которые первыми сталкивались с эпидемиями⁹¹. Удаленность от источника заразы и путей ее распространения давала на превентивные меры то время, которого не было у государств, находящихся на линии «эпидемиологического фронта»⁹². В свою очередь, это приводило к несогласию и конфликтам в международной политике. Болдуин приводит в пример парижскую санитарную конференцию 1851 года, на которой Великобритания, где уже функционировала, пусть и с переменным успехом, созданная Эдвином Чедвиком система санитарного контроля, противостояла средиземноморским странам,

⁸⁸ Akerknecht E. H. Anticontagionism between 1821 and 1867. P. 562–593.

⁸⁹ Sigerist H. E. Civilization and Disease. Ithaca: Cornell University Press, 1944. P. 91–92.

⁹⁰ Baldwin P. Contagion and the State in Europe.

⁹¹ Ibid. P. 120–121.

⁹² Ibid. P. 211.

исповедовавшим строгий карантинистский подход⁹³. Характер государственной власти оказывал влияние на эпидемиологическую обстановку в различных европейских странах лишь с середины XIX века, но это влияние носило не прямой, а опосредованный характер.

При анализе российских санитарных практик и санитарно-гигиенического дискурса, в рамках которого конструировались принципы восприятия запахов, необходимо принимать во внимание и географическое положение Российской империи, оказывавшейся своеобразной буферной зоной между Западом и Востоком, между Европой и Азией, и ее геополитические притязания, и их дискурсивное оформление⁹⁴. Более того, реакции и меры были неоднородны и в пределах одного государства: одна и та же эпидемия могла вызывать различные реакции у практикующих врачей, представителей государственного аппарата и обывателей. В статье об организации медицинской помощи во Внутренней Орде Анна Афанасьева описывает противоречивые действия российских чиновников: в 1830 году, во время вспышки холеры, Медицинский совет, совещательный орган при Министерстве внутренних дел, требовал ввести в Оренбургской губернии карантины для торговых караванов с юга, тогда как Министерство финансов высказывалось против «стеснительных мер во вред торговле»⁹⁵. Анализируя поведение российских властей во время первых холерных эпидемий, Шарлотта Хенце также указывает на отсутствие единомыслия и важность экономических и социальных, а не медицинских резонансов при принятии тех или иных мер, а также влияние внешнеполитической обстановки (волнений в Польше, революций в Европе)⁹⁶.

⁹³ Ibid. P. 212–213.

⁹⁴ Впервые в России карантины западноевропейского типа были применены в 1738 году, во время чумной эпидемии в армии, воевавшей с турками. Тогда же впервые возникла мысль об устройстве карантинных пунктов на государственных границах. С 1756 года в качестве инструкции использовалось итальянское «Известие о венецианском карантине» (Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Я. Трея, 1883. С. 614–621). Полемизируя с Чистовичем, его современник Лев Змеев приводил более ранние сведения о репрессивных санитарных мерах, относящиеся к XVI веку, однако не уточнял их специфику (Змеев Л. Ф. Наши первые карантины не там, где их искали. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888).

⁹⁵ Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов». С. 141–142.

⁹⁶ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 16–18, 21–22.

Введение в 1866 году мягкого Карантинного устава и европеизированный отказ от принудительных мер, благоприятствовавший торговле, сочетались с централизованной властью и сильным государственным регулированием медицинской помощи.

Часть врачей ратовала за санитарно-гигиенические меры во время эпидемий, но они могли быть реализованы лишь частично. Особенностью санитарно-гигиенического (или санитарно-локалистского) подхода было тонкое знание местных условий — географических, климатических, социальных. Лишь вооружившись этими знаниями, следовало браться за масштабное очищение и модернизацию среды обитания. В Российской империи выполнялась часть программы: медико-топографическое и санитарное описание отдельных местностей. С практическими мерами возникали сложности. Огромная территория империи требовала делегирования полномочий местным медикам и чиновникам и организации локальных систем здравоохранения, что входило в противоречие со структурой власти⁹⁷.

Описывая санитарные нужды России в программной статье 1874 года, Сергей Ловцов, редактор «Архива судебной медицины и общественной гигиены», официального журнала Медицинского департамента Министерства внутренних дел, и ученик основателя целлюлярной теории Рудольфа Вирхова, отмечал:

В России врачи вообще лишены права на санитарный надзор, и последний возложен на местную полицию (городскую, уездную и сельскую) и администрацию; врачи действуют только по приказанию администрации или на основании сообщений местной полиции; сами же, по своей инициативе они не имеют права принимать участие в попечении об общественном здоровье, такой порядок дела оказывается крайне неблагоприятным преимущественно во время эпидемий, когда от непосредственного и быстрого действия местных врачей <...> зависит если не полное прекращение эпидемии, то, по крайней мере, ослабление ее силы и развития⁹⁸.

⁹⁷ Ibid. P. 21, 23, 44–45.

⁹⁸ Ловцов С. П. Об устройстве санитарной части в России // Здоровье. 1874. Т. 1. № 4. С. 67. В качестве теоретического обоснования Ловцов использовал сочинение князя Александра Васильчикова «О самоуправлении» (Васильчиков А. И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 3 т. СПб.: Типография В. В. Гратц, 1872).

Система земской медицины в таких условиях могла сделать очень мало и до введения стационарной медицинской помощи была практически бесполезна. Кроме того, та здравоохранительная политика, которую осуществляло государство, порой противоречила представлениям медицинского сообщества о том, как именно следует бороться с «повальными и заразительными болезнями». Но если до середины XIX века медицинская автономия практически отсутствовала, а возможности врачей по трансляции научного знания были ограничены (чтобы не сказать ничтожны), то после Крымской войны и особенно с началом Великих реформ ситуация начала меняться.

Борьба с миазмами в России XVIII–XIX веков: государственные меры и частные практики

В течение второй половины XVIII века, по мере усвоения миазматической теории в России, врачебное внимание сосредотачивается на погоде, климате, качественных характеристиках воздуха и ольфакторных нюансах окружающей среды. Эта информация обязательно присутствовала в так называемых медицинских топографиях — описаниях местности, содержавших сведения по физической географии, эпидемиологии, ботанике, этнографии. Подобные топографии, наряду с метеорологическими таблицами, создавались по всей Европе — в надежде получить доскональные знания о человеческих и природных ресурсах государства и обнаружить закономерности между погодными явлениями и заболеваемостью⁹⁹. Основным импульсом служили экономические соображения, связанные с теориями физиократов:

⁹⁹ Об эпидемиологическом измерении ландшафта в XVII–XVIII веках на британском материале см.: Dobson M. *Contours of Death and Disease in Early Modern England*. P. 287–367. О сопоставлении метеорологических и медицинских данных и формировании «метеорологической медицины» во Франции см.: Rofort M.-F. *Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle*. P. 363–365; Moussy H. *Les topographies médicales françaises des années 1770 aux années 1880: essai d'interprétation d'un genre médical*. Thèse de doctorat en Histoire, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 2003. О связях метеорологической медицины и реформизма Иеремии Бентама см., в частности: Schaffer S. *Measuring Virtue*. P. 283–284, 316–318.

«народонаселение» мыслилось важнейшим источником государственных доходов, которым угрожали хронические болезни и эпидемии¹⁰⁰.

Первоначально медико-топографический анализ местности рекомендовался при эпидемиях для выяснения их причин. Например, в 1749–1750 годах резкий рост смертности в гарнизоне Кизляра в Астраханской губернии вынудил местное начальство обратиться за помощью в Медицинскую канцелярию. После пятилетней (!) переписки со столицей для инспекции был назначен доктор Василий Гевитт, а инструкцию для него, требовавшую описания местности, паров, «из той земли происходящих», качества воды, качества съестных припасов, ветров, воздуха и его перемен, строений, состояния полковых лазаретов, локальных болезней и принятых способов их лечения, составил лично директор Медицинской канцелярии Павел Кондоиди¹⁰¹. Со временем практика врачебного описания местностей рутинизировалась, а жанр медицинской топографии вошел в научный обиход. Инструкция «О должностях Врачебной управы медицинских чинов» 1797 года предписывала уездным врачам регулярно собирать подобные сведения и присылать их в столицу — «поелику предполагаемое описание великое втечение [следствие. — М. П.] иметь будет к открытию начал болезней, особливо одному месту свойственных»¹⁰². Таким образом надеялись наладить систему эпидемиологического мониторинга Российской империи.

Всего с 1797 по 1861 год служащими губернских врачебных управ было составлено более 150 топографий¹⁰³. То, что они могли быть поданы и защищены в качестве диссертаций, стимулировало провинциальных медиков, претендовавших на звания штаб-лекаря или доктора медицины, делать описания подробно и тщательно¹⁰⁴. Лучшие рукописи отбирались для публикации в «Военно-медицинском журнале» (с 1823 года) и «Журнале

¹⁰⁰ Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 142–144.

¹⁰¹ Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Типография Я. Третьякова, 1870. С. 17–84.

¹⁰² ПСЗ. I. Т. 24 (№ 17530–18301). 1830. С. 289.

¹⁰³ Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. № 1. С. 48.

¹⁰⁴ Вишленкова Е. А., Гатина З. С. «Изложить предмет сциентифически». С. 158–160; Вишленкова Е. А. Здоровый режим.

Министерства внутренних дел» (с 1829 года) — таким образом локальная информация обобщалась и усваивалась столичными врачами, а специализированная медицинская терминология в описании социальных проблем попадала в бюрократический обиход¹⁰⁵. Кроме того, составлялись и медико-топографические (или «топо-медицинские») описания по специальной программе для медицинской полиции: они включали характеристики публичных мест и жилищ с точки зрения их безопасности или опасности для здоровья. Во всех топографиях обязательно фиксировалось наличие испарений и туманов, направление ветра характер ощущаемых миазмов¹⁰⁶.

Популяризация представлений о миазмах влияла на медицинские и повседневные практики, от профилактики до контрэпидемических мер. Наиболее действенным средством против миазмов и испарений считалось проветривание, которое следовало применять в больницах и тюрьмах, на заводах, в пансионах и частных домах¹⁰⁷. Бытовало даже такое понятие, как «выветривание заразы»¹⁰⁸. Однако долгое время — чуть ли не до конца XIX века — в частной жизни этот способ улучшения воздуха оставался если не чисто теоретическим, то редко употребляемым. В течение ста лет врачи, рекомендуя антимиазматическое проветривание комнат, сетовали на повсеместную боязнь свежего воздуха и сквозняков, которая приводила к тому, что все окна и двери тщательно закрывались. В городе это объяснялось еще и тем, что наружный воздух часто ощущался как более испорченный, чем воздух квартир: например, в Петербурге окна жилых непарадных

¹⁰⁵ Вишленкова Е. А. Здоровый режим.

¹⁰⁶ Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.). С. 50. См., например: Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге.

¹⁰⁷ Ср. протокол лечения оспы: «Есть ли не проветривают и рубашек не переменяют чаще, чрез что больной беспрестанно должен вонючие от себя испарения опять в себя глотать, и тем самым вновь заражаться <...> [следует] держать их на свежем воздухе <...> днем же носить их по возвышенным местам или по саду, где много благоуханных цветов» (Майер И.-Ф. Искусный эконо. Ч. 1–2. М.: Университетская типография, 1819. С. 83). Во Франции возможность регулярного проветривания была целью проектов перестройки и реформирования больниц, в частности парижского госпиталя Отель-Дьё (Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 151).

¹⁰⁸ Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник. С. 331; Чулков М. Д. Лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 537–538.

Курильница. XIX век (Собрание Череповецкого музейного объединения)

помещений обычно выходили во двор, где находились помойные и выгребные ямы¹⁰⁹.

Страхи усиливались еще больше, когда речь заходила о содержимых дома тяжелобольных и детях, которые считались особенно подверженными опасному влиянию миазмов. Здесь следует отметить, что до середины XIX века дети обладали довольно низким статусом даже в дворянском кругу. В вопросах комфорта за точку отсчета принимались интересы родителей; «подобная фамильная иерархизация воспроизводилась на всех уровнях российского высшего общества, вплоть до императорской семьи»¹¹⁰. Как правило, детей селили на верхних этажах, в мансардах, на антресолях, вместе с приживалками и женской прислугой. В свою очередь, спуск детей вниз, в более просторные комнаты с высокими потолками, означал приближение к родителям и переход из малолетней фазы детства в фазу юношества или девичества¹¹¹.

Помещения небольшого размера, которые отводились под детские, было легче отапливать и, в случае необходимости, окуривать¹¹². С 1770-х годов, по мере распространения руссоистских взглядов на детство и воспитание, этот обычай подвергался активной критике в российской публицистике и беллетристике. Например, в анонимном сатирическом романе «Кривонос домосед страдалец модной» (1789) главный герой рассказывает о своем воспитании, которое велось по модному обычаю, а не в соответствии с «естественными потребностями» ребенка, что сделало его слабым и болезненным: «Я по моде заточен был в самой малой, темной, отдаленный и нездоровый угол, одним словом, в детский покой, и как никогда почти для содержания в оном свежего воздуха окошек не открывали, то чрез таковое небрежение повреждались чрезвычайно заключенные в оном пары»¹¹³. Здесь под «модным обычаем» понимается как раз широко распространенная

¹⁰⁹ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 254; Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении // Русский вестник. 1871. Март. С. 170–171.

¹¹⁰ Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX вв. СПб.: Алетейя, 2010. С. 120.

¹¹¹ Там же. С. 119–120.

¹¹² О воспитании // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. № 40. С. 153–154.

¹¹³ Кривонос домосед страдалец модной. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1789. С. 15.

практика, далекая от описанного Руссо и медиками-руссоистами идеала.

Жалобы врачей и других носителей европеизированного научного и педагогического знания (например, иностранных гувернеров и гувернанток) на ужасающую духоту в российских детских встречаются в самых разных источниках вплоть до 1880-х годов. Например, конфликт двух типов знания описывается в мемуарах Софьи Ковалевской:

Гувернантка, француженка, не может войти в нашу детскую без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу. — Да отворяйте вы, няня, форточку! — умоляет она няню на ломаном русском языке. Няня воспринимает это замечание за личную обиду. — Вот еще выдумала, басурманка! Стану я отворять форточку, чтобы господских детей перепростудить! — бормочет она по ее уху¹¹⁴.

Сходные воспоминания — о детстве в небогатой дворянской семье — мы находим у Елизаветы Водовозовой:

Форточек, даже в зажиточных помещичьих домах, не существовало, и спертый воздух комнат зимой очищался только топкой печей. <...> Духота в детских была невыразимая: всех маленьких детей старались поместить обыкновенно в одной-двух комнатах, и тут же вместе с ними на лежанке, сундуках или просто на полу, подкинув под себя что попало из своего хлама, спали мамки, няньки, горничные¹¹⁵.

Из миазматической теории патогенеза было усвоено в первую очередь недоверие к атмосферным влияниям: даже врачи иногда запрещали менять воздух в комнатах тех, кто был слаб здоровьем¹¹⁶.

Другим важным способом борьбы с миазмами было окуривание — как помещений, так и больных частей тела¹¹⁷. Популярные

¹¹⁴ Ковалевская С. В. Воспоминания. М.: Аст-Пресс, 2005. С. 5. См. также: Харузина В. Н. Прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 202.

¹¹⁵ Водовозова Е. Н. На заре жизни: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 123–124.

¹¹⁶ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни: в 2 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 73.

¹¹⁷ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 3. С. 1512–1514; Аллец П.-О. Новый Альберт. М.: Университетская типография Любия, Гария и Попова,

лечебники советовали при некоторых болезнях применять «накуранные», т. е. пропитанные дымом, бинты, пластыри, полотенца и ветошь, а также пилюли¹¹⁸. При контакте с теми, кто страдал «прилипчивыми» (т. е. заразными) болезнями, рекомендовалось держать во рту душистые корни, разговаривать отвернувшись, чтобы не вдохнуть заразу, и окуривать себя¹¹⁹. В «Путешествии в Арзрум», описывая кавказскую чуму 1829 года, Пушкин замечает: «...на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность *стать по ветру* [курсив мой. — М. П.]»¹²⁰. Подобные меры предосторожности держались вплоть до последних десятилетий XIX века.

Регулярные окуривания служили как профилактическим, так и контрэпидемическим средством. Во время эпидемий окуривали жилища, ледники, погреба, конюшни и прочие дворовые службы¹²¹. Так, указ, изданный в разгар московской чумной эпидемии 1770–1772 годов, предписывал устраивать во дворах и перед дверями костры из хвойных дров или облитых дегтем щепок, чтобы все входящие пропитывались их дымом: пахучий дым должен был уничтожить заразные начала¹²². В данном случае различие между миазматическим и contagiозным подходом нивелировалось, но упование на лекарственную силу дыма указывает скорее на преобладание первой модели. Подобные способы предохранения от эпидемий, или поветрий, были известны с допетровского времени; существенно скорее то, что они были успешно адаптированы к миазматической теории патогенеза. Рекомендации «мыть и чистить

1804. С. 52; Рейс Ф. Ф. Краткое наставление, как употреблять средство, надежно предохраняющее от прилипчивости горячки, моровой язвы и от всех заразительных болезней, случающихся между людьми и скотом. М.: Университетская типография, 1807. См. также: О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого // ОР РНБ. Q.VI.18. Л. 2.

¹¹⁸ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 6, 699.

¹¹⁹ Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. С. 7–8; Шафонский А. Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве. М.: Типография Московского университета, 1775. С. 17–18.

¹²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 6. С. 475.

¹²¹ Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Типография Я. Третья, 1870. С. 8.

¹²² Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771 // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. № 439. Л. 6–6 об. См. также: Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. С. 25.

и курить можжевельником» сохранялись в официальных инструкциях, научных текстах и рукописных лечебниках в течение ста с лишним лет¹²³.

По мере развития химии арсенал ходовых курительных средств пополнялся новыми веществами — например, производными хлора, запатентованными французским химиком Антуаном Лабарраком в конце 1820-х годов. Справочные издания о хлоридах были изданы в России по инициативе Вольного экономического общества после появления в 1829 году чумы в Одессе и холеры в Астрахани; общий тираж составлял 15 600 экземпляров¹²⁴. Однако не вполне ясно, как быстро новинки вошли в повседневный обиход. В 1831 году хлорную известь уже производила московская фабрика Дмитрия Карцова, но британские источники того же времени упоминают письмо Карцова Лабарраку, где первый жаловался на отказ московских властей перенимать удачный опыт профилактики холеры с помощью хлорной извести¹²⁵. В пореформенный период старинные, широко распространенные средства вроде уксуса, серы, пороха, ладана, камфарного спирта, киноvari, рубленой еловой хвои и можжевелевой древесины использовались наряду с различными кислотами, железным купоросом, хлорной известью, ждановской жидкостью. Помимо традиционных форм — свеч, палочек, курительной бумаги — использовались новые «приборы и снаряды», например паровые курильницы, уничтожающие спертый воздух в общественных местах и нейтрализующие запахи кухни во время званых ужинов¹²⁶.

¹²³ См., например: Материалы для истории Гангутской операции. Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713–1714 гг. Вып. 1. Ч. 2. Пг.: Архив Морского министерства, 1914. С. 131; [Гурчин Д.] Аптека домовая большая. 1708 г. // ОР РНБ. Q.VI.45; О пользе употребления можжевельника. Не ранее 1758 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. № 117; Паллас П. С. Описание и изображение российских произрастений. СПб.: Императорская типография, 1786. Ч. 1. С. 27.

¹²⁴ Щеглов Н. П. Наставление о приготовлении хлористых соединений и употреблении оных для очищения от заразительных веществ и бегения. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1829; Он же. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. Обе брошюры основывались на французском руководстве: Chevalier A. L'art de préparer les chlorures de chaux, de soude et de potasse. Paris: Béchét Jeune, 1829.

¹²⁵ Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. P. 20–24.

¹²⁶ Андреевский П. В. Новейший химик-парфюмер. СПб.: Типография Ю. Штауфа. 1867. С. 53.

Сложные случаи (например, пандемии) подрывали уверенность врачей и пациентов в старых средствах и заставляли их испытывать новые. Например, в 1831 году, во время холерной эпидемии, профессор патологии и терапии Московского университета Матвей Мудров советовал окуривать комнаты больных не винным уксусом или можжевельником, а парами минеральных кислот («составом Гютона-Морво, приготовленным из марганца, соли, воды и серной кислоты») ¹²⁷. Впрочем, британские врачи, составившие отчет о российских мерах борьбы с холерой, отмечали, что ни традиционные, ни новые курения не помогали, а лишь усугубляли смрад и портили воздух ¹²⁸.

Как правило, новые средства вписывались в уже привычную модель использования: их жгли или выливали на раскаленные сковороды или кирпичи, а дыму приписывали антимиазматический эффект. Писатель и медик-любитель Николай Страхов советовал окуривать больных серным эфиром и парами серной кислоты ¹²⁹; химик Дмитрий Карцов, член Императорского общества испытателей природы, в 1831 году пытался запатентовать снаряд для окуривания человеческого тела горячим паром (несмотря на одобрение Медицинского совета, в разрешении на производство и продажу Карцову было отказано) ¹³⁰.

В русском быту, городском и деревенском, курения активно и регулярно использовались до конца XIX века. Состоятельные люди покупали их в аптеках, парфюмерных и мелочных лавках; те, кто победнее, готовили курительные смеси сами или жгли легкодоступные снадобья — можжевеловые щепки, мяту, домашний уксус и деготь ¹³¹. Косвенное свидетельство о масштабах использования дают рецепты домашнего изготовления курительных средств, где приводились пропорции в расчете на

¹²⁷ Мудров М. Я. Краткое наставление о холере и способ, как предохранять себя от оной, как излечивать ее и как останавливать распространение оной. М.: Университетская типография, 1831.

¹²⁸ Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. P. 20–21.

¹²⁹ Гаевский С. Ф. О сочинении Страхова о холере. Л. 5–5 об.

¹³⁰ Дело по прошению артиллерии подпоручика Карцова о выдаче ему привилегии на переносную паровую ванну. 1831–1832 гг. // РГИА. Ф. 1285. Оп. 4. № 86.

¹³¹ Завадская В. Литовская хозяйка. Вильно: Издательство О. Завадского, 1834. С. 33–35, 54–55; Юрьев, Владимирский. Правила светской жизни и этикета. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1889. С. 316.

280–300 свечек¹³². В «Детстве» Толстого описывается, как мальчик мечтает вслух, сидя на ночном горшке, после чего ключница дезодорирует комнату «очаковым куреньем» — курительной смолкой, привезенной во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов¹³³. В «Анне Карениной» (1878) духами и уксусом Кити освежает воздух в номере умирающего¹³⁴, тем самым воспроизводя рецепт еще XVIII столетия¹³⁵. Гласный московской думы, купец Николай Вишняков, оставивший мемуары о своем детстве, которое пришлось на середину XIX века, писал:

Если замечали, что в комнатах нехорош воздух, то прибегали не к обновлению его посредством притока наружного воздуха, а к вящей его порче посредством курения «смолкой», уксусом, «монашенками» (курительными пирамидками из толченого древесного угля с ароматическими смолами, мятой или духами амбре), лишь бы заглушить дурной запах. Для сей цели носили по комнатам раскаленный в печи кирпич, опрыскивая его требуемой специей¹³⁶.

В конце 1870-х годов, знакомя читателей с профилактикой чумы, агрохимик Александр Энгельгардт утверждал, что «всякое окуривание дымом полезно, и чем естественнее, необходимее совершается это окуривание, тем лучше. Лесные пожары, пожары торфяников, выжигание сухих степных трав, ляд, кубышей и проч., курные избы, освещение лучиной, сушение хлеба, всякое курение и копчение, наконец, курение табаку должны быть признаны самыми действительными дезинфекционными средствами. <...> Также не следует запрещать курить в больницах, тюрьмах и учебных заведениях»¹³⁷. В крестьянской медицине еще в 1870-е годы сифилис и некоторые другие болезни лечили окуриванием

¹³² Осипов Н. П. Любопытный домоводец. СПб.: Типография Крылова с товарищи, 1792. С. 5–6.

¹³³ Талстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 1. С. 46–47.

¹³⁴ Талстой Л. Н. Собр. соч. Т. 9. С. 70.

¹³⁵ Эллиотт И. [Эллиотт Дж.]. Карманный лечебник / пер. с англ. Д. Писчекова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1790. С. 44.

¹³⁶ Вишняков Н. П. Из купеческой жизни // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 282.

¹³⁷ Со ссылкой на «Смоленский вестник» приведено в: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССХLIII. № 3–4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 130.

киноварью — эта практика, восходившая к XVIII веку, носила название «сиденье на парах»¹³⁸.

Официальные инструкции по очищению общественных зданий и публичных мест также рекомендовали прибегать к окуриванию вплоть до начала XX века¹³⁹. В 1875 году один из первых русских гигиенистов Вениамин Португалов (земский врач по роду занятий и убежденный народник, в юности участвовавший в революционных кружках) инспектировал тюрьмы Вятской губернии и с возмущением писал:

Когда я опустилсЯ внутрь этой баржи [для перевозки арестантов. — М. П.], мне все казалось, что я задохнусь, до того там было душно, сперто, удушливо, смрадно, несмотря на то, что в это время большая часть арестантов была на палубе. <...> И всему этому хотят помочь тем, что предписывают производить окуриванья из настоя мяты в пивном укусе! Так гласит инструкция¹⁴⁰.

Такая же инструкция — по поддержанию здоровой атмосферы и созданию приятного аромата — существовала и для императорских покоев. Граф Алексей Игнатьев, описывая в мемуарах прием, состоявшийся в Зимнем дворце 26 января 1904 года, упоминает, как «придворные лакеи в расшитых золотом красных фраках еще проходили по лестнице, убранной мягким пушистым ковром, и лили из бутылок на раскаленные чугунные совки придворные духи, распространявшие какой-то специальный, присущий дворцу аромат»¹⁴¹.

Наряду с «дезодорирующими» окуриваниями существовали представления о восстановлении утраченного гуморального равновесия и «выталкивании» вредоносного начала из человеческого тела с помощью сильного или резкого запаха¹⁴². Миазматическая теория предоставляла этим практикам дополнительную мотиви-

¹³⁸ Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1875. Т. 1. № 8. С. 164.

¹³⁹ Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных / под ред. Ю. Т. Чудновского. СПб.: [Б. и.], 1881. С. 55–56.

¹⁴⁰ Португалов В. О. Наши калькуттские пещеры // Здоровье. 1875. Т. 1. № 30. С. 654.

¹⁴¹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1988. С. 137.

¹⁴² Об уравнивающей и отвлекающей силе, приписывавшейся запахам во французских фармакопеех XVIII века, см.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 306–307.

ровку: как и в случае с проветриваниями или курениями, вредные миазмы выталкивались с помощью потока воздуха или сильного аромата — цитрусовых, пряностей, ароматических смол, репчатого лука, нашатыря или скипидара (механизмы действия запахов будут обсуждаться во второй главе). Например, для профилактики эпидемических болезней рекомендовалось носить при себе мешочек с пряностями или лимон, утыканный гвоздичными почками, — экономичный вариант помандера¹⁴³. Этими воззрениями объяснялось лечение удушья и обморока «смородом [смордом. — М. П.] от жженных рябчиковых или куриных перьев», истерии и болезней матки — «духом бобровой струи», чахотки — навозными испарениями¹⁴⁴. В 1800-х годах запах навоза прописали в качестве лекарственного средства умирающей от чахотки фрейлине Евгении Долгорукой, жене князя Ивана Долгорукова: семейство пыталось «переехать для сего на скотный двор Воспитательного дома и там, заняв два, три покоя, провести хорошее время года», для чего князь подал прошение императрице¹⁴⁵. Этот способ лечения, по-новому рационализируясь и оформляясь, продержался до середины XIX века¹⁴⁶. Переосмысление существующих практик в соответствии с новыми научными и медицинскими концепциями было общим местом. Так, с распространением бактериологического знания в последние десятилетия XIX века окуривания и табачный дым могли интерпретироваться как способ уничтожения бактерий; модные издания советовали класть в белье подушечки с сухими духами, чтобы предохранить его от микробов¹⁴⁷.

¹⁴³ Сумароков П. П. Источник здравия. С. 115. Помандеры (от фр. *potte d'ambre*) — аксессуар в виде металлической сферы, наполненной пряностями и ароматическими веществами, — были известны с высокого Средневековья; в эпоху Ренессанса они использовались как средство профилактики чумы. В XVII–XVIII веках врачи и фармацевты рекомендовали пользоваться помандерами и их дешевыми аналогами, а также подушечками с душистыми веществами или губками, вымоченными в туалетной воде или уксусе, всем, кто сталкивался с испарениями и миазмами, — рудокопам, могильщикам, золотарям (Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 85; Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 63–64).

¹⁴⁴ Пежен Х. Домашний лечебник. С. 310; Аллец П.-О. Новый Альберт. С. 94–97.

¹⁴⁵ Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997. С. 32.

¹⁴⁶ Матвеевский М. А. Правила лечения гнойной чахотки легких навозными испарениями и другими домашними средствами. СПб.: Типография Вингебера, 1849.

¹⁴⁷ Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 293; По-

Верой в целительную силу запахов было обусловлено и широкое бытовое использование пряностей и ароматических веществ в виде водок, настоек, саше, амулетов и нюхательных солей и поппури¹⁴⁸; полезными для здоровья считались и благовонные растения. Их следовало употреблять обдуманно, в соответствии с конституцией или темпераментом, чтобы не нарушить равновесия гуморов неподходящим ароматом. Например, мытье головы отваром душистых трав рекомендовалось людям «сырого сложения» [флегматикам. — М. П.]; но считалось, что «людям сухого и горячего сложения таковой взвар вреден, по причине пронизательного его запаха, который легко может в них произвести волнения в крови и боль в голове»¹⁴⁹. В гуморальных представлениях о теле, которые стояли за подобными рекомендациями, плоть мыслилась как система, приведенная в равновесие самой природой, но подверженная вредным влияниям из-за своего незамкнутого характера: опасные миазмы могли проникнуть в тело сквозь кожные поры, ноздри и телесные отверстия.

Спектр ходовых ароматизированных средств был очень велик. Импортные и российские готовые одеколоны и духи, которые употреблялись одновременно в эротических, косметических, гигиенических, «противоядных и противогнильных» целях, могли позволить себе только очень состоятельные люди¹⁵⁰. Представители элиты приобретали духи в огромных количествах. Сохранившиеся в документах Канцелярии по придворной части данные о закупках французской парфюмерии для императора Александра I позволяют сделать вывод о регулярном и значительном расходовании французского одеколона и туалетной воды: например, партия духов, приобретенных в мае 1819 года, состояла из 1380 флаконов; объем других партий варьировался от 12 до 216 флаконов¹⁵¹.

хитонova М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб.: Г. Гоппе, 1893. С. 199.

¹⁴⁸ Goscilo H. *Cosmetics — or Dying to Overcome Nature in an Age of Art and Artifice* // *Women and Gender in 18th-Century Russia* / ed. by W. Rosslyn. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 79.

¹⁴⁹ Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. С. 41.

¹⁵⁰ Кирсанова Р. М. Аромат родного дома и запах счастья // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн. 2. С. 274.

¹⁵¹ О сдаче 4 ящиков, привезенных из Руана в Зимний дворец. 1816 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 1. № 132. Л. 1; О заплате фабриканту Рибану за духи для Государя Императора и сведения о вещах, делаемых фабрикантом Валлером. 1816 г. // Там же. № 43. Л. 3; О доставлении в комнату Государя Импера-

Об этом же, в частности, свидетельствует запись Петра Вяземского о блестящем придворном, флигель-адъютанте Александра I графе Василии Апраксине: «Кроме двух страстей, музыки и рисования, имел он еще две: духи и ордена. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован»¹⁵². В аристократической среде употребление духов функционировало в том числе как ритуал роскоши, поддерживающий социальные иерархии¹⁵³. Процедуры выбора аромата по присланным из-за границы образцам, заказа и покупки импортных духов, недоступных подавляющему большинству населения, через камердинера или эконома подтверждал принадлежность к высшему сословию и свидетельствовал о разделении ценностей и телесных практик этого сословия.

Представление о репертуаре парфюмированных средств, употреблявшихся в богатом дворянском обиходе начала XIX века, дает рассказ Елизаветы Водовозовой о ее крестном:

У него была непобедимая страсть к духам. Зная ее, каждая из его дочерей присылала ему из столицы к именинам и к Новому году какой-нибудь душистый подарок: то роскошный ящик с флаконами духов, то с гранеными бутылочками одеколона, изящную коробку с разнообразными мылами, сверточки с душистыми курительными свечками и ароматическими бумажками, прелестные саше <...> Когда его спрашивали, давно ли он имеет такое пристрастие к духам, он отвечал, что всегда любил духи, но в большом количестве начал употреблять их на старости лет, когда совсем перестал пить вино, так что теперь только духи и нюхательный табак оживляют его¹⁵⁴.

Из приведенной цитаты видно, что парфюмерия служила как инструментом маркирования социального статуса (она характеризуется прилагательными «роскошный», «изящный», «прелестный»), так

тора ящика с духами, привезенного из Руана. 1818 г. // Там же. Оп. 2. № 528. Л. 1; О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г. // Там же. Оп. 6. № 348а. Л. 3; О благовонных водах, привезенных для Его Величества из Руана на французском корабле. 1825 г. // Там же. Оп. 8. № 359. Л. 2.

¹⁵² Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 542.

¹⁵³ Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London; NY: Routledge, 2002. P. 38–40.

¹⁵⁴ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 252–253.

и профилактическим средством. Ароматам приписывался тонирующий эффект: заглушая или ликвидируя неприятные запахи, ароматические средства оказывали влияние и на баланс гуморов и на тонус «фибр» (мышечных волокон) и «чувственных жил» (нервов).

Небогатые дворяне и мещане покупали «косметики» у кустарей или же прибегали к самодельным средствам, рецепты которых публиковались в различных хозяйственных изданиях, журналах, брошюрах Вольного экономического общества и широко переписывались. Ингредиенты для домашних гигиеническо-косметических произведений закупались в государственных и вольных аптеках, на материальных складах и в мелочных лавках¹⁵⁵. Эта практика сохранилась до конца XIX века: несмотря на порицания врачей, старые рецепты самодельного приготовления помад, туалетных вод и саше встречаются в хозяйственных изданиях 1890–1900-х годов¹⁵⁶. Живучесть кустарных и домашних средств отличала российский рынок косметики от европейского: в России интенсивное развитие косметической индустрии началось лишь в конце николаевского времени, тогда как во Франции промышленное производство косметических и гигиенических товаров уступает место ремесленному в конце XVIII века¹⁵⁷.

Понятие «общественного здоровья» в пореформенной России

С середины XIX века «миазмы» и «контагий» из сферы профессиональных дискуссий постепенно переходят в сферу публичного интереса. Не последнюю роль в привлечении внимания к этим, казалось бы, сугубо специальным проблемам сыграли как связь гигиены с идеями прогресса и цивилизованности, так и общий процесс медикализации повседневности, усиливавший «рационализацию поведения человека по отношению к собственному

¹⁵⁵ См., например, перечень аптечных товаров в: Устав для фармацевтов, материалистов и купцов; для аптек, складов и лавок с аптечными материалами и красками: в 3 ч. Варшава: Б. Москва, 1839.

¹⁵⁶ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 211.

¹⁵⁷ Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. С. 144–145.

телу»¹⁵⁸. Истолкованные в терминах прогресса и общественного блага, санитария и гигиена превращались в дело общественной значимости, более того — конституировали целую санитарно-гигиеническую утопию, основанную на идеях социальной гармонии. Понятие «здоровья», которое интерпретировалось как необходимое условие общественного и личного блага, занимало в этой утопии центральное место.

Однако комплекс идей, на которых основывалась санитарно-гигиеническая утопия пореформенного периода, не был новым изобретением. Рекомендации российских врачей-гигиенистов второй половины XIX века относительно сна, диеты, режима дня, условий труда и отдыха, телесной и общественной гигиены, профилактики болезней и эпидемий чуть ли не дословно повторяли предписания медиков последней трети XVIII века, которые можно обнаружить в многочисленных переводных и оригинальных справочниках, официальных предписаниях и медицинских топографиях¹⁵⁹. Сходными были и трактовка различных испарений и эманаций в «миазматическом» ключе, и попытки оценивать качества и свойства воздуха, и представление о болезнетворности слишком резких запахов (косметических средств, цветов, съестных припасов), раздражающих «фибры», мозг и желудок¹⁶⁰.

Возьмем для примера российское издание «Полного и всеобщего домашнего лечебника» шотландского врача Уильяма Бьюкена (в русском переводе его именовали Вильямом Буханом), публиковавшееся в 1790–1792 годах. Лечебник Бьюкена пользовался общеевропейской популярностью: оригинал, изданный в 1769 году, был переведен на 19 языков и разошелся тиражом в 80 000 экземпляров.

¹⁵⁸ Frevert U. Krankheit als politisches Problem 1770–1880: Soziale Unterschichten in Preussen zwischen medizinischer Polizei und staatlicher Sozialversicherung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. S. 15 f.; цит. по: Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы. С. 21.

¹⁵⁹ Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. С. 74–91; Голицына О. Ю. Медицина в культуре России XVIII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009. С. 18–20.

¹⁶⁰ Ср., например, популярные издания по гигиене, изданные в течение столет: Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б. Дамский врач: в 3 ч. М.: Типография А. Решетникова, 1793; Клаптанов П. А. Краткое наставление народу; Дрейер А. Космосоматика. М.: Университетская типография, 1840. С. 53–55, 68, 73–75, 80; Скворцов И. П. Общепонятная гигиена. СПб.: К. Риккер, 1881; Антонов А. А. Общедоступная гигиена. С. 89–132.

Сергей Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» вспоминал, как его мать лечила себя и домашних «по Бухану»¹⁶¹. Его можно рассматривать как свод наиболее актуальных для второй половины XVIII века воззрений на гигиену. Предвосхищая труды гигиенистов второй половины XIX века, Бьюкен рекомендовал для поддержания здоровья ежедневную перемену белья, проветривание комнат, смену деятельности для предупреждения болезней, возникающих от однообразных занятий как физических, так и умственных (этот баланс труда и отдыха врачи 1860–1880-х годов назовут «гигиеной труда» и «гигиеной умственной деятельности»), легкую пищу нейтрального вкуса и запаха¹⁶². К болезнетворным факторам Бьюкен причислял атмосферу любого большого города, застоявшийся жилой воздух, «надышанный» воздух, телесные испарения здоровых и больных, трупный запах и избыточно сильные ароматы. Во время эпидемий Бьюкен советовал избегать собраний и контактов с заболевшими и запрещал прощание с умершими, считая его «средством распространить заразу». Неизвестный русский переводчик дополнил этот совет примечанием: «никоим образом не вскрывать тех кадаверов, от коих выходит вонь гниющей мертвечины, потому что эта вонь может здорового человека заразить гнилой лихорадкой»¹⁶³. Похожие правила содержатся в других близких по времени рукописных и печатных трудах — как составленных переводчиками-компиляторами, так и принадлежащих перу дипломированных медиков, что свидетельствует об усвоении этого знания профессионалами¹⁶⁴.

Особое внимание Бьюкен уделял публичной гигиене, которая понималась и как безопасное для здоровья состояние общественного пространства, и как забота о здоровье ближайшего окружения¹⁶⁵. Следить за чистотой лишь собственного тела и собственной

¹⁶¹ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. Л.: Лениздат, 1984. С. 14–15, 56.

¹⁶² Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1. С. 132, 145–192, 255–268, 315–318, 330–336.

¹⁶³ Там же. С. 324.

¹⁶⁴ Краткое предохранительное познание для избавления от заразительной болезни. 1771 г. // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. № 439. Л. 5; Вицман А. Правила для желающих наслаждаться долголетней жизнью. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1799. С. 16–26; Каменецкий О. К., Саполович Я. О. Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами. в 2 ч. М.: Синодальная типография, 1805.

¹⁶⁵ См. также: Бахерахт А. Г., Венечанский С. А. Собрание разных полезных лекарьств. С. 54–56.

одежды оказывалось недостаточным для сохранения здоровья — требовалось следить и за состоянием окружающих. Все усилия могли пойти насмарку из-за небрежности ближнего, его гигиенической несознательности:

Кто бы мог переменять белье каждый день, переменяет его чрез два дни; кто бы чрез два дни, тот чрез четыре или пять; наконец, кто бы два раза в неделю, тот только однажды. Худой запах есть зато уделом первых; худой запах, завалы [застойные явления, запоры. — М. П.], лихорадки суть уделом вторых; заразительный или противный и отвратительный запах, завалы, лихорадки, кожные болезни, гад и проч. суть уделом последних. <...> Не довольно мне самому быть чистым; нечистота моего соседа может повредить и мое здоровье, так как вредит его собственное. Ежели неопрятные люди не могут быть изгнаны, как наносящие существенный ущерб обществу, то надобно по крайней мере бегать их как заразных¹⁶⁶.

Отметим, что в лечебнике Бьюкена, как и в других европейских сочинениях этого времени, под личной опрятностью все еще понималась чистота белья — видимая «чистота для других» (поскольку белье было частично доступно стороннему взгляду), а не чистота кожи — скрытая от взгляда, но осязаемая «чистота для себя». Очищение трактовалось как регулярная перемена исподнего, впитывающего телесные испарения¹⁶⁷. Внимание переключается с поверхности белья на поверхность кожи лишь во второй половине XVIII века; европейские мемуары и медицинские справочники свидетельствуют о достаточно позднем переходе к регулярному очищению тела с помощью разнообразных водных процедур, которым изначально приписывался терапевтический и эротический, а не гигиенический эффект¹⁶⁸. Правда, не вполне ясно, что могли думать по поводу этого пассажа Бьюкена российские читатели, привыкшие прибегать в гигиенических (но не только) целях к бане¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1. С. 315–316. Из более ранних рекомендаций см., например: Друкновцов С. В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. С. 45.

¹⁶⁷ Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 58–66.

¹⁶⁸ Ibid. P. 94–104, 156–163.

¹⁶⁹ В частности, не вполне ясно, какова была периодичность банных процедур у разных сословий. Иностранцы, описывавшие Петербург аннен-

Стоит также обратить внимание на рекомендацию «бегать как заразных» людей неопрятных и плохо следящих за собой, фактически предполагавшую тактику уклонения от контактов и коммуникации как профилактическую меру. В пореформенный период по крайней мере часть российского общества, пересматривавшего свои представления о допустимом и недопустимом, личном и публичном и пользовавшегося для их реализации целым спектром тактик, будет избегать контакта с гигиенически подозрительными людьми и предметами. Но для российских врачей второй половины XIX века этот совет будет вопиюще устаревшим. Пореформенная медицина не могла одобрить подход, который не пытался изменить к лучшему неприемлемый и нездоровый образ жизни одних и не мог надежно обезопасить других: врачи и общественные деятели этого периода были нацелены на пропаганду и реализацию тотального («беспредельного») санитарно-гигиенического контроля¹⁷⁰. Подобный целостный взгляд на общество был характерен для европейской медицины начиная с 1830-х годов, когда публичная гигиена стала заимствовать термины физиологии и метафоры социальной философии и рассуждать об обществе как о теле, все органы которого должны быть здоровыми, чтобы было здорово и само социальное тело¹⁷¹. Российские доктора начинают перенимать его с 1860-х годов, по мере возникновения

ского времени, говорили о привычке простолюдинов мыться раз в неделю (Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб.: Искусство-СПб. 2000. С. 34). В описании Петербурга, сделанном Иоганном Георги, подтверждается «обычай ходить в баню, который и в столице весьма употребителен» и говорится, что «почти всякий старается единожды в неделю или так часто, как может, ходить в баню» (Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб.: Типография Императорского Сухпутного шляхетного корпуса, 1794. С. 613). Тем не менее в дневнике российского офицера из рода Ржевских за 1757 и 1758 годы поход в баню упоминается всего дважды, хотя прочие медицинские и гигиенические манипуляции, наряду с перечнем исподнего и одежды, зафиксированы тщательно и подробно (Записная книжка // РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418). Значит ли это, что русские дворяне полагались на смену белья, обтирания укусом и локальные омовения (лица, рук и ног) как на основные повседневные способы поддержания чистоты?

¹⁷⁰ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 76–114.

¹⁷¹ Murphy T. D. The French Medical Profession's Perception of Its Social Function between 1776 and 1830 // Medical History. 1979. Vol. 23. N 3. P. 273–275.
Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 168.

профессиональной автономии и новой социальной роли, в которой себя видела пореформенная медицина.

В каждую историческую эпоху существуют определенные представления о болезни и здоровье, норме и отклонениях, лечении и профилактике, значении тех или иных телесных состояний — в зависимости от наличного медицинского знания¹⁷². Та или иная интерпретация болезни и здоровья, представляя собой некоторое концептуальное объяснение, содержит и имплицитный набор правил и поведенческих норм¹⁷³. Так, в XVIII веке гибридизация гуморальной и миазматической моделей позволяла объяснить эпидемические болезни преимущественно влиянием климата и среды обитания, а хронические недуги — сочетанием внешних факторов, диетой, практиками гигиены, родом деятельности, выделительной деятельностью и чувственными впечатлениями¹⁷⁴. Некоторые болезни (прежде всего венерические и нервные) считались следствием небрежности, неумеренности или распущенности, ответственность за которые возлагалась на самого больного: стиль жизни, социальные роли и темпераменты рассматривались как предпосылки к тем или иным диагнозам¹⁷⁵. Однако осмысление эпидемий как через климат, внеположный человеку и не зависящий от него, так и через широко истолкованную среду обитания, включавшую человеческие обычаи и социальный порядок, ставило перед врачами задачу разработать профилактические меры, которые предохраняли бы от болезней не индивидуального (и платежеспособного) пациента, а «население» в целом¹⁷⁶. Если климат трудно изменить, следует изменить привычки человека и то общество, в котором он живет, полагали врачи. В 1770-е годы в разных

¹⁷² Поппер Р. Взгляд пациента. С. 55–56, 70–71.

¹⁷³ Rosenberg Ch. E. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. P. 308–310.

¹⁷⁴ В этом смысле медицина XVIII века сохраняла античную концепцию избытка и недостатка телесных соков, качество которых зависело как от внутренних («естественных», лат. *naturalia*), так и от внешних («нестественных», лат. *non-naturalia*) причин — среды обитания и климата (*circumfusa*), пищи (*ingesta*), выделений (*excreta*), одежды и гигиены (*applicata*), занятий (*gesta*) и страстей (*percepta*).

¹⁷⁵ Labisch A. The Social Construction of Health: From Early Modern Times to the Beginnings of the Industrialization // The Social Construction of Illness: Illness and Medical Knowledge in Past and Present / ed. by J. Lachmund, G. Stollberg. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 92–94.

¹⁷⁶ Murphy T. D. The French Medical Profession's Perception of Its Social Function between 1776 and 1830. P. 260–261.

европейских государствах, прежде всего во Франции и Великобритании, стали складываться понятия «общественного здоровья» (фр. *santé publique*, англ. *public health*) и «общественной гигиены» (фр. *hygiène publique*, англ. *public hygiene*).

Так, во Франции в 1776 году были учреждены Королевское общество медицины города Парижа, которое объединило провинциальных врачей и начало собирать локальные медицинские топографии, и соперничающая с ним комиссия по изучению эпидемий и эпизоотий на базе медицинского факультета Сорбонны¹⁷⁷. В 1790 году, уже в революционную эпоху, был издан закон, регулирующий «общественное здоровье» (фр. *salubrité publique*), в 1794 году в Сорбонне была учреждена кафедра гигиены, а санитарно-гигиеническая проблематика вошла в программу новых медицинских школ. Совет по сохранению народного здоровья департамента Сены с 1802 года собирал и публиковал статистические и топографические данные, демонстрируя читающей публике необходимость социальных реформ и гигиенического просвещения масс. Несмотря на административную невозможность воплотить реформы на практике, французские гигиенисты продолжали убеждать власти и общество в своей правоте. Одним из инструментов убеждения стал учрежденный в 1829 году журнал «Анналы общественной гигиены и судебной медицины» (*Annales d'Hygiène publique et de Médecine légale*), который видел свою функцию не только в распространении санитарно-гигиенических знаний, но и в улучшении нравственности и социального порядка¹⁷⁸. В 1840-е годы в результате влияния немецких гигиенистов, утверждавших важность локального санитарного контроля для борьбы с эпидемиями и обосновавших необходимость масштабного очищения окружающей среды, был запущен процесс регулирования общественного здравоохранения¹⁷⁹. В 1848 году, в рамках борьбы с поразившей всю Европу холерной эпидемией, в Великобритании специальным актом был создан комитет общественного здоровья и его местные представительства (англ. *local boards of*

¹⁷⁷ Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 143.

¹⁷⁸ Murphy T. D. The French Medical Profession's Perception of Its Social Function between 1776 and 1830. P. 272–273.

¹⁷⁹ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 23; Evans R. J. Death in Hamburg. P. 237–243; Snowden F. Naples in the Time of Cholera, 1884–1911. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 195, 436.

health), которые просуществовали вплоть до 1894 года¹⁸⁰. В разных европейских странах профилактическая медицина и охрана здоровья принимали свои очертания, в зависимости от порождавших их импульсов и сопутствующих социополитических факторов¹⁸¹, однако всюду они в той или иной форме включали представление о «народном здравии».

В Российской империи развитие и институционализация профилактической медицины были тесно связаны с общим процессом развития медицинской профессии. Недостаток врачей был очевиден уже в конце XVIII века; войны и эпидемии александровского и николаевского царствований продемонстрировали необходимость реформ. Нэнси Фриден, исследовавшая историю медицинской профессии в Российской империи, отмечает противоречие между потребностью государства в большем количестве докторов и желанием Николая I сохранить университеты и высшие управленческие должности для дворян¹⁸². Тем не менее в 1840-е годы благодаря реформам в сфере высшего медицинского образования и приравниванию медицинских степеней к прочим университетским дипломам началась постепенная стандартизация профессии и формирование врачебной корпорации¹⁸³. Проигранная Крымская кампания, во время которой эпидемии унесли больше жизней, чем сражения, сделала очевидной необходимость военной санитарии¹⁸⁴. Сводки о санитарном состоянии армии, репортажи и письма с театра военных действий, публицистика Николая Пирогова и других авторитетных врачей формировали новый взгляд на войну и санитарные меры¹⁸⁵. В частности, Пирогов, опираясь на опыт Крымской кампании и позднее франко-прусской войны, рассматривал войну как «травматическую эпидемию», перенося акцент

¹⁸⁰ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 84.

¹⁸¹ Левин М. М. Становление общественной медицины в России. М.: Медицина, 1974. С. 9–11.

¹⁸² Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution. P. 28–29.

¹⁸³ Ibid. P. 34–36.

¹⁸⁴ Ibid. P. 37–40. Во Франции также огромную роль для институционализации гигиены сыграла проигранная франко-прусская война. См.: Taithe B. Defeated Flesh: Medicine, Welfare, and Warfare in the Making of Modern France. Manchester: Manchester University Press, 1999.

¹⁸⁵ Пирогов Н. И. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и кавказской экспедиции. Дрезден: Типография Э. Блохмана и сына, 1866.

с собственно медицинского вмешательства на предупреждающие меры и санитарную администрацию¹⁸⁶.

Следующий цикл реформ, предпринятый в правление Александра II, способствовал изменению социальных функций медицины в целом и общественной роли врача в частности; общий проект децентрализации здравоохранения должен был завершиться передачей медико-полицейских и санитарно-гигиенических вопросов, прежде находившихся в ведении провинциальной администрации, непосредственно врачам¹⁸⁷. Формирование института земской медицины и создание губернских обществ врачей (всего с 1856 по 1877 год было учреждено 73 общества, включая Русское общество охранения народного здравия¹⁸⁸) меняли социальный статус и роль доктора. Количество врачей росло: в 1840 году во всей империи насчитывалось 6879 врачей; в 1860-м — 6983, в 1870-м — 11 896, в 1892-м — 12 521 (в том числе 409 женщин-врачей)¹⁸⁹. Однако этого количества специалистов было все еще критически недостаточно для обеспечения нужд империи, а территориальное распределение было крайне неравномерным. Например, в 1862 году в Одессе на одного врача приходилось 1600 пациентов, в Оренбургской губернии это соотношение доходило до 1 : 70 000, а средняя пропорция составляла 1 : 7000; львиная доля врачей приходилась на европейскую Россию (с крайне неравномерным распределением между столицами и губерниями), тогда как в Сибири и Средней Азии их было всего несколько сотен¹⁹⁰. Диспропорция сохранилась и после земской реформы: согласно отчетам главного врача Министерства государственных имуществ, в некоторых губерниях это соотношение достигало 1 : 100 000

¹⁸⁶ Пирогов Н. И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 годов: в 2 ч. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах, 1879. Ч. 2. С. 40.

¹⁸⁷ Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution. P. 53–59.

¹⁸⁸ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 155–157; Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. С. III–VI.

¹⁸⁹ ЦГИА. Ф. 1297. Оп. 254. Д. 184, 11. Л. 33, 35 (приведено по: Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution. P. 28); Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 52–53.

¹⁹⁰ Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 57; Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 71–74.

и более¹⁹¹; в 1877 году в Херсонской губернии был один земский врач на 150 тысяч жителей; в 1881 году на 80 000 жителей Сквирского уезда Киевской губернии приходился один уездный врач и десяток фельдшеров¹⁹².

Среди факторов, способствовавших превращению врачебного сословия в профессиональное объединение, историки медицины называют образование медицинских факультетов в университетах, систему рецензирования медицинских диссертаций и русификацию диссертаций и письменных экзаменов в первой половине XIX века¹⁹³. Представители медицинской профессии постепенно объединялись в сообщество и получали все больше прав, пользуясь для этого противоречиями и нестыковками в новых и старых законах¹⁹⁴, эпидемиями и страхом перед ними, разнонаправленной поддержкой либеральной прессы, военных и чиновников. Однако в течение долгого времени российские врачи, большинство которых происходило из низших социальных слоев, были обязаны своим образованием казенному кошту и поэтому находились в сильной зависимости от государства. Частная медицинская практика, нацеленная на поддержку интересов и нужд индивида, в первой половине XIX века была крайне затруднена и для большинства врачей попросту невыгодна, автономия университетов отсутствовала. Как отмечает Андреас Реннер, до определенного времени российские доктора были не проводниками медикализации, а чиновниками на государственной службе: они не выражали интересы и взгляды своего профессионального сообщества, а обслуживали бюрократические потребности империи¹⁹⁵.

В этом отношении русская медицина значительно отличалась от западноевропейской, где независимая профессиональная сеть возникла гораздо раньше, в результате бурных обсуждений и юридических реформ в начале XIX века¹⁹⁶. В европейских странах раньше произошло и повышение статуса врача, и оформление медицины

¹⁹¹ Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 5.

¹⁹² Слюнин Н. Разные известия // Здоровье. 1882. Т. 9. № 171. С. 283.

¹⁹³ Бишленкова Е. А. Здоровый режим.

¹⁹⁴ Becker E. M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts // Law and History Review. 1999. Vol. 17. N 1. P. 1–26.

¹⁹⁵ Renner A. Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-Century Russia as an Imperial Elite // Acta Slavica Japonica. 2009. Vol. 27. P. 37–41.

¹⁹⁶ Becker E. M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts. P. 25–26; Dhombres J., Dhombres N. Naissance d'un pouvoir: sciences et savants en France, 1793–1824. Paris: Payot, 1989.

как социальной дисциплины, что, в свою очередь, раньше запустило процесс медикализации понятия «здоровье» и конструирования *Homo hygienicus*, «человека гигиенического», приспособившего свое поведение к требованиям и достижениям медицинской науки. К середине столетия в Европе вера во всемогущество гигиены способствовала сакрализации врачебного дела и превращению медика в жреца и социального реформатора¹⁹⁷. известна фраза Рудольфа Вирхова: «Медицина — это социальная наука, а политика — не что иное, как медицина в крупном масштабе»¹⁹⁸.

В России подобная масштабная социализация медицины, так же как и приобретение ею новых прав и полномочий, началась только в 1870-е годы. В 1873 году Португалов замечал, что в эпоху эпидемий миссия врача состоит не только и не столько в лечении («прописывании пилюль»), сколько в руководстве и внедрении научно обоснованных бытовых стандартов («как надо жить»), но публика, даже образованная, далеко не всегда готова его слушать¹⁹⁹. Соответственно основными задачами оказывалось убеждение в необходимости врачебной экспертизы, борьба с эпидемиями и разработка и продвижение общественной гигиены²⁰⁰.

Показателями санитарного благополучия (или неблагополучия) населения служили данные о рождаемости, заболеваемости и смертности. Первые опыты медицинской статистики были сделаны еще в конце XVIII века; к 1820-м годам подсчеты уже

¹⁹⁷ Cabanès J.-L. Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856–1893): in 2 vols. Paris: Klincksieck, 1991. Vol. 1. P. 73.

¹⁹⁸ Приведено в: Labisch A. The Social Construction of Health. P. 94–96.

¹⁹⁹ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 76–77.

²⁰⁰ Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892–1893, and Medical Professionalization // Journal of Social History. 1977. Vol. 10. N 4. P. 540–542; Eadem. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. P. 103–104 et passim; Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 32–37. Впечатления современника отражены в статье: Осипов Е. А. Городские взгляды на земскую медицину. М.: Университетская типография, 1874. С. 1. Идеологом санитарно-гигиенического направления в российской медицине было Казанское общество врачей, тесно связанное с кафедрой гигиены медицинского факультета Казанского университета — одной из первых в России (Капустин М. Я. Краткий обзор 25-летней деятельности общества // Двадцатипятилетие (1868–1893) Общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань [Б. и.], 1897. С. 8).

использовались в медицинских топографиях²⁰¹. В 1848 году было опубликовано одно из первых крупных статистических исследований — «Статистические очерки России» Константина Арсеньева. В 1860–1870-е годы сбор статистических данных стал одним из основных методов эпидемиологии и превентивной медицины; современники называли статистику «порохом, компасом и типографским станком XIX века»²⁰². В 1865 году профессор Военно-медицинской академии Яков Чистович выступил с докладом «О собирании материалов для медицинской географии и статистики России». На основе составленной им программы, опубликованной в протоколах Петербургского общества врачей, в последующие годы и велся сбор данных²⁰³. Эта работа вменялась в обязанность земским врачам, а результаты подсчетов публиковались в изданиях Медицинского департамента — «Медико-топографическом сборнике» и «Архиве судебной медицины и общественной гигиены».

В целом само понятие «народного здоровья» отражало счетно-механический подход к населению и основывалось в первую очередь на статистике. В ежегодных рапортах Медицинского департамента указывалось:

Для отчета о состоянии народного здоровья за годовой период времени необходимы сведения: о числе родившихся и мертворожденных, всех заболевших и умерших, о причинах заболеваемости и смертности, о числе безумных и умалишившихся, сифилитиков, всех неизлечимых, содержимых на общественный счет, слепых и т. д., т. е. обо всем, что может привести в известность сумму времени, проведенного всеми членами населения в здоровье и болезни²⁰⁴.

²⁰¹ McGrew R. E. *Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press, 1965. P. 43–47, 84–97.

²⁰² Д. М. Петербург — европейский ли город? // Дело. 1877. № 1. С. 67.

²⁰³ Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России. С. 47. Общий статистический очерк Российской империи и ее санитарного состояния опубликован в: Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. *Русская земская медицина*. Подробное исследование смертности в городе и деревне было сделано в 1911 году: Новосельский С. А. *О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России*. М.: Типо-литография В. Ризтер, 1911.

²⁰⁴ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. СПб.: [Б. и.], 1878. С. 3.

В XVIII веке эпидемический контроль был одной из обязанностей Медицинской канцелярии, а затем Медицинской коллегии, он подразумевал организацию экстренных мер, карантин и комендантов, а не профилактику. Вопросы общественной гигиены с XVIII века входили в компетенцию сначала Министерства полиции, а затем — Медицинского департамента, административного органа, учрежденного в 1803 году при Министерстве внутренних дел, но фактически не имевшего властных полномочий²⁰⁵. Научными вопросами, относящимися к общественному здоровью ведал созданный тогда же Медицинский совет, но его полномочия были исключительно консультативными. В 1852 году появились локальные комитеты общественного здоровья — такой была административная реакция на холеру 1848 года, однако их деятельность ограничивалась рассылкой медицинских брошюр Министерства внутренних дел²⁰⁶. В столице учреждались временные санитарные комитеты и комиссии, которые либо не имели достаточных полномочий, либо распускались по прошествии эпидемий²⁰⁷. Посвященный вопросам здравоохранения, санитарии и гигиены «Архив судебной медицины и общественной гигиены» стал издаваться по образцу французских «Анналов общественной гигиены и судебной медицины» с 1865 года, а функциональный аналог французского Комитета общественной гигиены, независимого контролирующего и исследовательского органа, был создан в Российской империи в 1877 году. Советские историки медицины возводили создание общественного здравоохранения в России к просветительской деятельности Вольного экономического общества, которое с 1765 года пропагандировало оспопрививание и личную гигиену²⁰⁸. Однако такая точка зрения кажется недостаточно обоснованной: на организованные формы медицинской помощи публикации Вольного экономического общества влияли незначительно, основным же инициатором и организатором немногочисленных профилактических мер оставалось государство.

²⁰⁵ *Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918.* Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1990. P. 5–6.

²⁰⁶ ПСЗ. II. Т. 27 (№ 24930а). 1852; Андреевский И. Е. Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге // *Здоровье*. 1875. Т. 1. № 7. С. 126; Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 99–113.

²⁰⁷ Андреевский И. Е. Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге. С. 127.

²⁰⁸ Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 12.

Вероятно, некоторому запаздыванию — по сравнению с Францией и Великобританией — российских дискуссий об общественном здоровье способствовали долгое сохранение иерархической структуры общества и сильная зависимость врачей от государства. Обсуждение и распространение идеи прогресса, связанной с понятиями «публичного пространства», «комфорта», «гигиены», «здоровья общества», требовали определенного уровня внесословной солидарности²⁰⁹. В прежней, жесткой структуре, где различные социальные группы (*чины и сословия*) были отделены друг от друга, возможности для внесословной дискуссии были невелики. Хотя в период между реформами Александра II и первой русской революцией многочисленные сословия продолжали сохранять функции средств коллективной идентичности и социальной стратификации, групповые границы начали размываться, а новые социальные группы (прежде всего рабочие и интеллигенция) — активно участвовать в публичном разговоре²¹⁰. В свою очередь, для поздней имперской интеллигенции, состоявшей из образованных профессионалов (медиков, учителей, статистиков и демографов, ученых, агрономов), было важно подчеркивать свою все- и внесословность и тем самым претендовать на выражение интересов всех социальных групп, всего российского общества²¹¹.

Другое объяснение тому временному разрыву, который наблюдается между гигиеническими рекомендациями конца XVIII века, вызванными беспокойством из-за грязи, скученности и болезненности населения, и публичными дискуссиями об общественном здоровье 1870-х годов, дают исследования идеологии. Стойки зрения слависта Александра Мартина, гигиенический дискурс, и в первую очередь указания на грязь, миазмы и беспорядок публичного (городского) пространства можно рассматривать как индикатор социальной напряженности и сомнений в эффективности «полицейского государства». Анализируя «московские» тексты первой половины XIX века, от топографических описаний до физиологических очерков, Мартин указывает на позитивные оценки московской патриархальности и демонстрирует идеологическую подоплеку этих оценок, связанную с консервативной ориентацией на «традиционность». Пока российские элиты считали

²⁰⁹ Zilsel E. The Genesis of the Concept of Scientific Progress. P. 325–349.

²¹⁰ Freeze G. L. The *Soslovie* (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. N 1. P. 26–28.

²¹¹ Ibid. P. 29.

механизмы государственного контроля над массами достаточно эффективными и чувствовали себя уверенно, миазмы и грязь не дискутировались; их актуализации в общественном воображении способствовали поражение в Крымской войне и последующая критическая ревизия государственных институтов людьми шестидесятих годов²¹².

Однако нельзя сказать, что с екатерининского времени миазмы никак не обсуждались. Скорее они оставались предметом специального, а не общественного интереса, а для начитанной (или слышанной) публики представляли непроблематизируемое фоновое знание. То, что в описаниях Москвы и Петербурга рубежа XVIII и XIX веков отсутствуют натуралистические описания запахов может свидетельствовать и о самоцензуре авторов, не желавших обсуждать проблемы администрирования столиц, но чувствовавших себя более свободно, когда предметом их анализа оказывались провинциальные города и другие населенные пункты²¹³.

Важной характеристикой российского санитарно-гигиенического движения была его встроенность, с одной стороны, в либеральную дискуссию о прогрессе и рациональном научном знании (начало 1860-х годов Климент Тимирязев называл временем «пробуждения естествознания», которое стало для современников специфической идеологической программой²¹⁴) и, с другой стороны, в процесс урбанизации и индустриализации²¹⁵. Многочисленные разноуровневые конфликты вокруг вопросов городского планирования, охраны труда, общественного здравоохранения,

²¹² Martin A. M. Sewage and the City.

²¹³ О нынешнем состоянии города Астрахани // Месяцеслов исторический и географический на 1785 год. СПб: Императорская Академия наук, 1784. С. 1–32; Разные сведения о законах рождения и смертности в роде человеческого [из Месяцеслова на 1781 год] // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы / под ред. Н. Я. Озерецковского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1785–1793. С. 368–404; Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году... Ч. 1–2. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1803.

²¹⁴ Богданов К. А. «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. С. 111–112.

²¹⁵ Эти явления выделялись как приметы модернизации разными социальными теоретиками, от Макса Вебера до Энтони Гидденса (Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 37–60; Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011).

санитарного контроля, разгоревшиеся в последней трети XIX века, нельзя назвать исключительно российским явлением. Такие же конфликты вспыхивали во всех европейских государствах, хотя в каждом из них процесс модернизации имел свои особенности.

Пожалуй, специфика российской ситуации заключалась в том, что эпидемии, служившие прямыми катализаторами социальной модернизации в европейских государствах XIX века²¹⁶, в российских условиях по ряду причин имели опосредованный или отложенный эффект. В России структура самодержавной власти и централизованное администрирование не позволяли делегировать эпидемический контроль и вопросы «народного здоровья» на локальный уровень, что усиливало недовольство врачей, наблюдавших эффективность низовых мер — результат высокой автономии и авторитета врачебного сообщества — в Великобритании²¹⁷. С другой стороны, борьба с эпидемиями теми средствами, которыми российская (и европейская) медицина располагала в этот период, была малоэффективной. Запретительная стратегия создания карантинных не оправдывала себя, санитарно-гигиеническая стратегия тотального очищения окружающей среды оказывалась несфокусированной и слишком затратной (подробнее об этом пойдет речь далее). Тем самым в российском обществе создавался некоторый «горизонт ожидания», не получавший удовлетворительно-го ответа со стороны власти, тогда как самая активная и образованная часть общества артикулировала необходимость реформ и считала необходимостью гигиеническое перевоспитание других социальных групп. В этом отношении Россия развивалась параллельно общеевропейскому (и даже общемировому) движению медицинской и санитарного просвещения²¹⁸.

Формы общественной жизни, необходимые для создания единого публичного пространства, в России вырабатывались медленнее,

²¹⁶ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century // Past and Present. 1961. N 19. P. 85–86.

²¹⁷ Hutchinson J. F. Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. P. 422; *Idem*. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. P. 29–30; Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution. P. 79.

²¹⁸ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 6–7. В некоторых работах по русской истории социальные процессы конца XIX — первой половины XX века рассматриваются в рамках единой модернизационной модели. См., например: Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. NY: Palgrave Macmillan, 2000.

чем в Западной Европе. Медленнее формировалась и публичная сфера, отличная от аристократического придворного общества²¹⁹. Специфически российское понятие «общественность», включавшее различные социальные группы, расположенные по всей социальной вертикали между царем и народом, не объединенные экономическими интересами и имеющие различные политические взгляды, складывается достаточно поздно, во второй половине XIX века²²⁰. Лишь с появлением разночинцев, «выпавших» из сословного разделения, а затем с реструктуризацией общества в результате реформ 1860-х годов вопросы об общественном благе и общественном здоровье начинают дискутироваться в поле, которое не принадлежит ни государству, ни аристократии²²¹. Анализируя процесс оформления политической публичной сферы в России XIX века, Вадим Волков отмечает:

Первая публика, которая включала в себя как двор, так и город, была прямой предшественницей политической публики. Но чтобы разговор превратился в критику, а *bons mots* — в аргументы, то есть чтобы эстетика аристократического общения превратилась в критическую рациональность дискуссии, должно было сначала быть выполнено определенное условие: власть слова должна была оторваться от власти социального статуса. Более того, то, что произошло с коммуникацией, также должно было произойти в сфере публичного поведения, то есть структура цивилизованного поведения должна была отделиться от торжества статуса; эта сфера должна была стать социально нейтральной²²².

²¹⁹ Волков В. В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи. Дисс. ... канд. социол. наук. Кембридж, 1995.

²²⁰ Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Identity in Late-Imperial Russia / ed. by E. Clowes, S. Cassow, J. West. Princeton: Princeton University Press, 1991.

²²¹ В своей книге о русском дворянстве Сеймур Беккер отмечает, что земские управы и земские собрания, возникшие в результате земской реформы 1864 года, представляли собой межсословный орган управления, который формировался на имущественных, а не на сословных критериях. Они и стали одним из факторов, двигавших российское общество к буржуазной классовой системе (Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 10).

²²² Волков В. В. Формы общественной жизни. С. 50.

Первые в России публичные дискуссии об общественном здоровье начинаются лишь в 1860-х годах²²³. До этого отсутствовали и площадки, на которых такие дискуссии могли бы развернуться, и те, кто мог бы такие дискуссии инициировать, а медицине отводились функции обслуживающие и научно-теоретические, но не экспертные. Размывание сословных границ сопровождалось возникновением публичности нового, буржуазного типа и созданием площадок для публичных дискуссий в виде повременной прессы (общей и специализированной), съездов врачей и открытых лекций²²⁴. В эту эпоху появляются общественные деятели, убежденные в своей правоте и готовые инициировать дискуссии об общественном благе и социальной справедливости, — и аудитория, заинтересованная в подобных дискуссиях. С 1860-х годов менялась и читающая публика. Урбанизация спровоцировала резкий рост грамотности: необразованная, но грамотная городская аудитория — «среднее читающее общество» — прирастала за счет низших социальных групп. Ее нужды обслуживала так называемая малая пресса (газеты «Петербургский листок», «Московский листок», «Новости дня», журнал «Развлечение» и т. п.)²²⁵.

Наконец, интерес к состоянию общественного пространства, к физиологии города и городскому управлению был в немалой степени спровоцирован ростом городов и уплотнением городской инфраструктуры. Современниками индустриализация и урбанизация воспринимались как главные причины роста эпидемий и ухудшения городской атмосферы. В Западной Европе обсуждение загрязненности окружающей среды началось еще в конце XVIII века, с развитием индустрии: в городе индустриального типа грязь, пыль, испорченный воздух, ядовитые промышленные отходы и испарения меняли масштаб и становились невыносимыми, испытывая, проверяя и видоизменяя чувствительность различных социальных групп²²⁶.

По сравнению с Западной Европой в России индустриализация запоздала: промышленный бум начался достаточно поздно,

²²³ Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 124–125.

²²⁴ Волков В. В. Формы общественной жизни. С. 50.

²²⁵ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 17–20, 33–34; Dianina K. The Feuilleton: An Everyday Guide to Public Culture in the Age of the Great Reforms // The Slavic and East European Journal. 2003. Vol. 47. N 2. P. 188–190.

²²⁶ Evans R. J. Death in Hamburg. P. 110–111.

в 1870-х годах, а промышленные города европейского типа в России отсутствовали²²⁷. Тем не менее в столицах и крупных губернских городах с середины XIX века росло количество предприятий, что ухудшало качество воздуха и вызывало раздраженную реакцию медиков и обывателей²²⁸. Еще одним следствием урбанизации оказалось резкое увеличение количества лошадей и других тягловых животных, которые вносили ощутимый вклад в городской ольфакторный ландшафт²²⁹. Но даже там, где не было фабрик и заводов, обнаруживались старые источники загрязнения: бойни, красильни, пивоварни, свалки и кладбища.

Поскольку базовой объяснительной моделью патогенеза оставалась миазматическая теория (в обновленной версии фон Петтенкофера или же в более ранних и эклектичных вариантах), сохранение общественного здоровья понималось врачами, чиновниками, образованным городским населением как борьба с миазмами. Санитарно-гигиеническое состояние квартала, города, государства трактовалось как индикатор состояния общества, как проявление социального порядка или, наоборот, социального хаоса. Ссылаясь на постулаты военной санитарии, сформулированные Пироговым, гигиенисты 1870–1880-х годов призывали использовать накопленный на войне опыт в борьбе с эпидемиями и социальными проблемами²³⁰. Тем самым повседневная жизнь превращалась в театр военных действий: врагами были грязь, антисанитария, дурные запахи. Эта санитарно-гигиеническая война требовала от обывателя быть настороже, подобно тому как собственно война требовала от солдата напряжения всех чувств.

²²⁷ Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. P. 213–228.

²²⁸ Вопрос о чистоте воздуха считался приоритетным большинством гигиенистов, поскольку «без воздуха нет и не может быть жизни» (Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 34).

²²⁹ Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. С. 154–155. О роли лошади в западноевропейском городе индустриальной эпохи см.: Thompson F. M. L. Victorian England: The Horse-Drawn Society. London: University of London Press, 1970; Макшейн К., Тарр Д. А. Роль лошади в американском городе XIX века // Человек и природа: экологическая история / под ред. Д. А. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. А. Лайус. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 285–324.

²³⁰ Скворцов И. П. Взгляды Н. И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дело. Казань: Типография Казанского университета, 1881.

«Европейская чистота» и «азиатское неряшество»

С 1860-х годов актуальные вопросы общественного здоровья начали широко обсуждаться не только в специализированных медицинских журналах и лечебниках: они вышли из профессиональной сферы в сферу публичного разговора. Площадками для обсуждения общемедицинских, эпидемиологических и санитарно-гигиенических вопросов служили разнообразные издания: повременная пресса, сборники рекомендаций, учебники, медицинская периодика, протоколы съездов врачей (они имелись у большинства медицинских обществ)²³¹. Новости медицины в форме научных рефератов, протоколов, статистических отчетов и корреспонденций публиковались в серьезной медицинской периодике, подхватывались крупными газетами, а затем облекались в форму фельетонов, сценок и заметок изданиями попроще. Например, в 1864 году газета «Петербургский листок» клеймила нерадивых ассенизаторов, по вине которых «известного рода ящики [с нечистотами. — М. П.] по-прежнему ночью заражают воздух по улицам», и писала, как распознать ядовитую ржаную муку: по запаху селедки после реакции с едким калием, тем самым донося узкоспециальное знание до массового читателя²³². В 1877 году «Одесский вестник» опубликовал конспект заседания Общества одесских врачей и реферат исследования фон Петтенкофера о связи холеры с устройством канализации: таким образом публика знакомилась с новейшими работами по экспериментальной гигиене²³³.

Губернские и уездные газеты заимствовали материалы по санитарии и гигиене из различных либеральных изданий — «Отечественных записок», «Современника», «Дела», «Голоса», «Недели», «Страны», где вопросам общественной медицины, ассоциировавшейся с прогрессом, уделялось большое внимание²³⁴; так, очерк «Голоса» о состоянии санитарного дела в России был перепечатан в «Новороссийском телеграфе»²³⁵. Существовало и обратное движение — медицинские газеты и журналы («Военно-медицинский

²³¹ Левит М. М. Становление общественной медицины в России. С. 76–98; Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. С. 76–83.

²³² Петербургский листок. 1864, 24 мая, 5 декабря.

²³³ Одесский вестник. 1877, 10 марта. № 53. С. 3.

²³⁴ Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 48–49; Лотова Е. М. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. С. 9.

²³⁵ Новороссийский телеграф. 1880, 27 мая (8 июня). № 1579. С. 2.

журнал», «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Здоровье», «Московская медицинская газета», «Врач» и др.) перепечатывали новости из уездных листков и столичных массовых газет, если те могли послужить иллюстрациями санитарных безобразий, и активно их комментировали²³⁶. Научная и научно-популярная периодика предоставляла массовой прессе доступ к теориям, новостям, подсчетам, изобретениям и открытиям; в свою очередь «малые» издания давали «полевой» материал и пищу для анализа. Таким образом, печатные органы самого разного типа транслировали разным группам читателей специфический санитарно-гигиенический дискурс, осмыслявший и репрезентировавший повседневную жизнь с санитарно-гигиенической точки зрения.

Формирование санитарно-гигиенического дискурса, в центре которого оказывался социально-гигиенический аспект человеческого общежития, в России пришлось на 1860–1870-е годы, время создания и развития земской медицины. В это время слово эмансипировалось от статуса и пресса начала оказывать огромное влияние на все структуры общественной жизни, а публичное взаимодействие стало осуществляться не только в ситуации «лицом к лицу», но и в сфере имперсональной коммуникации, опосредованной медиа, поверх границ, навязываемых временем, пространством, социальным статусом и обстановкой (в том числе специфическим и социально обусловленным ритмом разговора)²³⁷. Основными площадками, с которых этот дискурс транслировался широкой публике, стали либеральные издания.

Немецко-американский историк Ханс Риндисбахер, рассуждая об ольфакторном коде в немецкой литературе XIX века, отмечает, что как только разговор или текст о запахах принимал формы общественного научного дискурса о здоровье и гигиене, сразу

²³⁶ Разные известия // *Здоровье*. 1874. Т. 1. № 4. С. 82; Заметки и известия // *Здоровье*. 1875. Т. 1. № 28. С. 605–606; Л. Заметки и известия // *Здоровье*. 1876. Т. 2. № 32. С. 128. Подобная практика была регулярной для большинства медицинских изданий. В еженедельной газете «Врач» под редакцией профессора Медико-хирургической академии Вячеслава Манассеина регулярно помещался раздел «Хроника и мелкие известия», где со ссылками на новостную прессу освещались медицинские и санитарные казусы.

²³⁷ Роль прессы в трансформации локального мнения в мнение общественное отмечал еще французский социолог и криминалист Габриэль Тард (*Tarđ I. Общественное мнение и толпа*. М.: Издательство Товарищества типографии А. И. Мамонтова, 1902. С. 63–67, 92).

предпринимались усилия по истреблению запахов как индикаторов нездоровых условий повседневной жизни²³⁸. Но не оказывалось ли, что в европейской культуре XIX века любой общественный разговор о запахах прямо или косвенно связан с вопросами здоровья, телесности и гигиены и с производством социальных границ, которые стоят за проблемами сохранения здоровья? Во всяком случае, в имперской России публичное обсуждение запахов происходило по преимуществу в двух контекстах — медицинском (в связи с миазматической моделью патогенеза) и социально-педагогическом (светском, связанном с представлениями об управлении телом, о самоконтроле, о правильном и успешном взаимодействии с другими людьми). Регулирование, истребление или вытеснение неприятных запахов существовало задолго до подъема санитарно-гигиенической пропаганды в 1860–1870-х годах, а оформление санитарно-гигиенического дискурса не привело автоматически к масштабному очищению окружающей среды, на которое надеялись гигиенисты. Тем не менее санитарный дискурс привлекал общественное внимание к «скученности», «нездоровости», «неряшеству», «санитарным безобразиям», «зловонию», «миазмам» и т. п., прямо или косвенно удерживая ольфакторные характеристики окружающей среды на повестке дня.

И в европейских странах, и в Российской империи санитарно-гигиеническое движение, ратовавшее за изменение окружающей среды и социального порядка, было движением по преимуществу либеральным и прогрессистским. Но специфической чертой российской санитарно-гигиенической риторики было отождествление чистоты и цивилизованности с европейским образом жизни, а грязи, отсталости и варварства — с азиатским²³⁹. *Азиатское неряшество* (*восточная грязь, азиатская нечистоплотность, татарское неряшество, азиатизм, азиатчина* и т. д.) в противовес европейской чистоте и цивилизованности упоминалось журналистами, общественными деятелями, обсуждавшими необходимость борьбы с эпидемиями и санитарных реформ, а также обитателями

²³⁸ Rindisbacher H. J. The Smell of Books. P. 28.

²³⁹ Стоит отметить, что во французских медицинских и художественных текстах XIX века встречались упоминания «азиатской» или «татарской» грязи и дикости, но они не конституировали устойчивых топосов. В качестве примера можно привести «татарское пренебрежение к исподнему» в одном из романов Поля де Кока (указано в: Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 194).

доходных домов, присылавших в газеты жалобы на «санитарные безобразия»²⁴⁰. Подобные антистетические построения (*европейская чистота vs. азиатское неряшество*) встречаются в протоколах врачебных съездов и медицинских отчетах о состоянии общественных мест, в частных жалобах и беллетристике.

Например, популярный писатель и критик Петр Боборыкин так описывал московский рынок начала 1880-х годов:

Внизу, в подпольном этаже, разместились подвалы и лавки — больше к Ильинке, где съезжать в переулок и подниматься нестерпимо тяжело для лошадей, а двум возам нельзя почти развешаться с товаром. <...> Насупротив железный и москательный товар валяется в пыли и темноте. Весь этот угол дает свежему человеку чувство рядской тесноты и скученности, чего-то татарского по своему неудобству, неряшеству, погоне за грошовой выгодой [курсив мой. — М. П.]²⁴¹.

С этим медицинским словоупотреблением было сцеплено и морально-этическое: европейской чистоте и прогрессу приписывалось духовное и нравственное значение, азиатской грязи — отсталость, дикость, аморальность²⁴². С точки зрения гигиенистов, именно антисанитарией и несоответствием «цивилизованным» стандартам человеческого общежития объяснялось аморальное поведение низов, разврат, равнодушие к чужому страданию, высокая преступность. В «Вишневом саде» (1904) эти представления транслирует вечный студент Петя Трофимов:

Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота. <...> Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина²⁴³.

²⁴⁰ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. № 3. С. 138.

²⁴¹ Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1995. Т. 2. С. 49.

²⁴² Ходнев Л. Власть человека над болезнями. М.: Ф. К. Иогансон, 1877. С. 111–123.

²⁴³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 13. С. 223.

В противопоставлении Европы и Азии как чистоты и грязи, цивилизованности и дикости всегда эксплицитно или имплицитно подразумевалась и Россия, которая могла или пойти вслед за Европой по пути прогресса, или вместе с Азией погрязнуть в болезнях. Движение в первом случае и неподвижность, отсталость, стагнация во втором коррелировали с той системой ценностей и представлений, которую транслировал публике либеральный санитарно-гигиенический дискурс, трактовавший цивилизованность как синтез духовного роста и материального благосостояния, образованности и промышленного развития, заботы о себе и об общественном благе²⁴⁴. Здесь необходимо отметить, что в России XIX века Запад и Европа рассматривались как единое целое и выступали той точкой отсчета, тем «значимым Другим», по сравнению (или на контрасте) с которым осознавалась и выстраивалась российская идентичность²⁴⁵.

С середины XIX века ключевым для осмысления западноевропейской цивилизации становится понятие «прогресса», которое функционирует как слово-шибболет и для славянофилов, и для западников. Славянофилы, а затем почвенники писали о «европейничании» — выморочной и бесплодной попытке подражать Европе и прогрессу²⁴⁶, о «гнилом Западе» и «гибели Запада»²⁴⁷. В свою очередь западники, включая большинство российских врачей-гигиенистов, говорили об «азиатизме» и «азиатчине», которые тормозят движение вперед. Само слово «азиатчина» (варианты — «азиатщина», «азиятщина») впервые зафиксировано в Словаре Академии Наук в 1891 году со следующим толкованием: «противоположные европейским обычаи, т. е. грубые; отсутствие цивилизации».

²⁴⁴ О связи понятия «цивилизация» с формированием третьего сословия и его рецепции в России XIX века см.: Велижев М. Б. Цивилизация и средний класс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 249–293.

²⁴⁵ Малинова О. Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискурсах середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 38–59.

²⁴⁶ Например, в прозе Достоевского у глагола «европействовать» — шесть вхождений, у существительного «европейничество» — семь (Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Ф. М. Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. Режим доступа: http://cfil.ru/dost_cd0/dostoevski.htm — Дата обращения: 31.05.2018).

²⁴⁷ О топосе «гибель Запада» в русской литературе см.: Долинин А. А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе. «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 26–76.

Вероятно, оно возникло в результате морфологической русификации слова «азиатизм», заимствованного из французского языка (фр. *asiatisme*) еще в эпоху первых ожесточенных споров славянофилов и западников²⁴⁸. Как видим, комплексное противопоставление Запада и Востока не было изобретением позднеимперской эпохи. Однако во второй половине XIX века оно получает санитарно-гигиеническое измерение: престижная европейская модель жизнеустройства описывается в терминах «очищения» и «дезодорации», непрестижная азиатская — «неряшества» и «вони». Соответственно отныне линия разрыва осмыслялась и конструировалась еще и на уровне санитарии, медицины, телесности, наличия или отсутствия раздражающих запахов.

В успехах общественной гигиены, прикладной химии и эпидемиологии, регламентирующей и реформирующей рутинные практики, общественные деятели пореформенного периода видели залог приближения к рационально устроенному человеческому общежитию, к престижной европейской модели повседневного существования. Этот идеал был немислим без идеи социального прогресса, которую русские общественные деятели искали и находили на Западе. Основными примерами для подражания и сравнения служили Англия и Франция, считавшиеся передовыми с точки зрения практической гигиены, и Германия, где эпидемиология и санитария имели сильную научную базу. Отметим, что постоянное сравнение себя с соседями было характерно и для европейских стран, — например, в той же Германии общественные деятели жаловались на неудовлетворительную гигиеническую обстановку и призывали срочно перенимать французский опыт²⁴⁹.

²⁴⁸ Ср. в письме В. Г. Белинского (1842): «Москва гниет в патриархальности, пиетизме и азиатизме. Там мысль — грех, а предание — спасенье. Там все Шевыревы» (Из неизданной переписки Белинского с К. С. Аксаковым, В. П. Боткиным, А. И. Герценом, А. П. Ефремовым и М. Н. Катковым // Литературное наследство. Т. 56. М.: Издательство АН СССР, 1950. С. 75); также у Шевырева (1862): «Есть у нас русских две крайности — квас и шампанское, азиатизм и французизм, из которых последний едва ли не вреднее для русского» (Мнения русских людей о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых / сост. К. А. Скальковский. М., 2001. С. 29; цит. по: Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010). Впервые в словаре — Словаре иностранных слов А. Д. Михельсона — слово «азиатизм» фиксируется только в 1865 году.

²⁴⁹ Reichardt E. Health, 'Race' and Empire: Popular-Scientific Spectacles and National Identity in Imperial Germany, 1871–1914. Morrisville, NC: Lulu.com, 2008. P. 59–60.

В свою очередь антисанитария, болезненность, грязь интерпретировались как типично азиатские черты еще и потому, что наиболее опасные эпидемические болезни — чума, желтая лихорадка и прежде всего холера — считались азиатскими. В европейской нозологической номенклатуре второй половины XIX века чума именовалась «индийской» (лат. *Pestis indica*), а холера — «азиатской» (лат. *Cholera asiatica*). Со времен первой холерной пандемии (1817–1824) в Индии, на Ближнем Востоке и в Прикаспии западноевропейские врачи почти единодушно называли условную «Азию» родиной холеры. Несмотря на то что пути и способы распространения холеры были предметом горячих споров эпидемиологов вплоть до конца XIX века, Азия устойчиво ассоциировалась с павальными и заразительными болезнями.

Предположения о связи болезни с определенной территорией возникли в XVIII веке: именно тогда медики, пытаясь объяснить локальные конфигурации недугов, начали целенаправленно исследовать свойства местности и климата и соотносить их с болезненностью и смертностью жителей. Особая важность приписывалась направлению ветра. Например, компилятивный «Сельский лечебник» Чулкова предостерегал против ветров — но не с востока, а с запада:

Восточный ветер, набравшись частей бальсамических и душистых в Азии, сжимает жилы, доставляет похвальное обращение и делает тело легким, дух веселым и беглым <...> вест, обременяясь водными парами, закладывает скважины на теле, причиняет простуды, насморки и делает дух слабым и ленивым²⁵⁰.

Восточный ветер подсушивал и бодрил (тем самым оказывая холерическое воздействие на тело), западный же увеличивал количество флегмы и делал тело рыхлым, т. е. более проницаемым для заразных влияний. Из этой перспективы, сопологающей сухость и влажность как крепость и болезненность, в первых русскоязычных лечебниках и оценивались азиатский образ жизни и гигиенические привычки²⁵¹. Лишь в процессе приобретения новых земель в конце XVIII — начале XIX века, с распространением

²⁵⁰ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Вып. 1. С. 375.

²⁵¹ Рост Х. Деревенский врачевник. М.: Университетская типография, 1793. С. XXXII–XXXIII.

медико-топографических описаний и формированием колониального дискурса эпидемиологическая репутация Востока начала меняться. Однако однозначные утверждения об азиатском происхождении холеры и ассоциация ее с азиатским образом жизни прослеживаются в российской медицинской литературе только со второй половины XIX века; до этого азиатские владения — например, Казахская степь — считались свободными от заразы и уязвимыми из-за присутствия ее переносчиков извне (русских казаков)²⁵².

С первых десятилетий XIX века в западноевропейских медицинских сочинениях эпидемии регулярно рассматривались как прямое следствие азиатского образа жизни — неряшливости, лени, косности, фатализма (противопоставленных деятельному европейскому рационализму), что давало колониальным властям — например, британской администрации в Индии — предлог для самых жестких карантинных мер²⁵³. Пока Азия подчинялась болезням как фатуму, Европа должна была сопротивляться и побеждать — в том числе на чужой, азиатской территории²⁵⁴. С точки зрения европейских врачей и чиновников, принципиальная возможность ослабления и снятия карантинных мер и переход к системе предохранительной санитарии на Западе во многом зависели от того, сможет ли Европа возвести надежный барьер на пути распространения азиатской заразы и навязать Востоку свои правила, — правила куда более жесткие, чем она сама готова была терпеть²⁵⁵.

По замечанию американского историка Дэниэла Брауэра, из российской политической перспективы пореформенного периода Запад виделся источником моделей политического и социального

²⁵² Afanasyeva A. Quarantines and Copper Amulets. P. 491, 497–498. Одним из первых, кто поставил под вопрос романтический ориенталистский миф, был Пушкин — сначала в письмах брату из Бахчисарая, а затем в «Путешествии в Арзрум», написанном после первых холерных эпидемий 1830-х годов: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 470).

²⁵³ Hamlin Ch. Cholera: The Biography. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 19–96; Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993. P. 169–170, 183–189.

²⁵⁴ Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century. P. 86.

²⁵⁵ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 226–227.

действия. Пример западных муниципальных свобод и санитарно-гигиенических нововведений сам по себе усиливал значимость муниципальной активности для русских либералов и общественных деятелей²⁵⁶. Соответственно европейские урбанистические и санитарные модели также воспринимались как воплощение либеральных ценностей — с ними соотносились планировки российских городов, условия повседневного существования²⁵⁷. На одном полюсе помещались идеализированные образы урегулированного, рационально обустроенного, очищенного от миазмов европейского пространства²⁵⁸. На другом находились грязь, скученность, смешанные запахи и средневековая городская инфраструктура, соединенные с невежеством масс, фатализмом образованных горожан и бесхозяйственностью властей²⁵⁹. Запутанная планировка российских городов, кварталов, рынков и даже кладбищ (!) считалась не только «средневековой», но и «азиатской», и следовательно, опасной для здоровья. Однако нередко медицинские аргументы, рационализирующие антитезу европейского и азиатского, противоречили друг другу — как по теоретическим, так и по политическим основаниям. Одни врачи писали, что кривоколенные переулки и тупики препятствуют нормальной вентиляции, поскольку воздух в них застаивается и может причинить вред

²⁵⁶ Brower D. R. *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900*. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 95.

²⁵⁷ Ibid. P. 7.

²⁵⁸ См. обсуждение западно- и восточноевропейских стратегий модернизации в: Behrends J. C., Kohlrausch M. Introduction // *Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940* / ed. by J. C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; NY: CEU Press, 2014. P. 1–19, esp. 3–4. Ср. реминисценции санитарной урбанистической утопии в «Преступлении и наказании» (1866): «Проходя мимо Юсупова сада, он [Раскольников. — М. П.] даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно во всех больших городах человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно наклонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989–1996. Т. 5. С. 73).

²⁵⁹ Временные меры ассенизации Петербурга // *Здоровье*. 1876. Т. 2. № 39. С. 211.

прохожим²⁶⁰. Другие придерживались противоположной точки зрения. Например, литературный критик и медицинский обозреватель консервативного «Русского вестника» Николай Соловьев считал, что «нерегулярная кольцевая планировка Москвы» способствует тому, что «воздух дробится и равномерно прогревается», тогда как «прямые улицы Санкт-Петербурга образуют ущелья не одинакового нагрева, где образуются неприятные сквозняки»²⁶¹.

В российских публичных дискуссиях о прогрессе, самоуправлении и здравоохранении понятия «прогресс», «цивилизованность», «гигиеничность», «здоровье» и «чистота» увязывались воедино. «В тех странах, где цивилизация сделала самые большие успехи, замечается и самое сильное уменьшение смертности», — заключал эпидемиолог Григорий Архангельский в обзорной статье 1869 года, приводя статистику по уровню смертности в Лондоне (25 смертей на 1000 человек), Берлине (27,4), Париже (28,5) и Петербурге (42,4)²⁶². В последующее десятилетие этот взгляд стал общепризнанным. Правда, в отчетах русских врачей, которые ездили в Германию, Францию, Великобританию и Бельгию стажироваться в лабораториях и изучать действующую санитарную организацию крупных городов, указывалось, что не все так гладко: даже в Европе успешные нововведения соседствовали с запущенностью, хаосом и антисанитарией. Тем не менее существенного влияния на публичную медицинскую и медикализованную риторику эти отчеты не оказывали. Те же медики, которые в одних публикациях критически отзывались об амстердамской пневматической канализации, гамбургских мостовых, лондонских госпиталях или берлинских скотобойнях²⁶³, в других (а порой

²⁶⁰ Гюбнер Ю. Ю. Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 4. Отд. III. С. 76.

²⁶¹ Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении. С. 168–169.

²⁶² Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 39.

²⁶³ Бертенсон И. В. Барачные лазареты в военное и мирное время. СПб. Общество попечения о раненых и больных воинах, 1871; Скворцов И. П. Обзор способов удаления из населенных мест нечистот // Здоровье. 1873. Т. 1. № 15. С. 313–316; № 16. С. 331–336; № 17. С. 347–353; Он же. Санитарный быт западноевропейских городов и Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Краткий отчет по заграничной поездке // Известия Императорского Казанского университета за 1877 год. Казань [Б. и.], 1877. С. 96–154; Эрисман Ф. Ф. Курс гигиены: в 3 т. М.: Типография А. А. Карцева, 1887–1888. Т. 2. С. 274.

и в тех же самых!) призывали городские управы российских городов как можно скорее последовать примеру Европы²⁶⁴. Федор Эрисман писал в разгар холеры 1870–1871 годов:

Пора нам бросить постыдное равнодушие к общественным делам; оно — одна из главных причин того, что мы так ужасно отстали от западной Европы в деле цивилизации и экономическом отношении²⁶⁵.

К западноевропейским урбанистическим моделям и апеллировали российские общественные лидеры и бюрократы, стремясь освободить российские города от «азиатчины», т. е. организовать городское пространство таким образом, чтобы можно было контролировать миазмы и снижать уровень заболеваемости и смертности²⁶⁶. «Петербург — европейский ли город?» — риторически вопрошал обозреватель литературно-политического журнала «Дело», описывая санитарное состояние столицы²⁶⁷. Сомнения в статусе многих российских городов открыто высказывали врачи, чиновники и журналисты, обвинявшие городские управы в неумении «вести толком хозяйство на буржуазный манер»²⁶⁸. Для

²⁶⁴ Эрисман Ф. Ф. Подвальные жилища в Петербурге // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 3. Отд. III. С. 37–85; Кн. 4. Отд. III. С. 1–56; Ловцов С. П. Об устройстве санитарной части в России // Здоровье. 1874. Т. 1. № 4. С. 65–72; № 5. С. 85–90; Андреевский И. Е. Санитарное дело в Англии // Здоровье. 1874. Т. 1. № 4. С. 73–76; № 5. С. 94–96; № 6. С. 110–113; Смоленский П. О. Письма из-за границы. СПб.: Типография Б. Г. Ямпольского, 1882; Кашкадамов В. П. Санитарная организация в Англии. СПб.: [Б. и.], 1905.

²⁶⁵ Эрисман Ф. Ф. Подвальные жилища в Петербурге. С. 56.

²⁶⁶ Примечательно, что в Средней Азии российские власти официально присваивали городской статус только тем областным и уездным центрам, где существовали русские кварталы с европеизированной планировкой и инфраструктурой (Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 201). В брошюре, адресованной русской армии перед турецким походом 1877 года, профессор химии Владимир Марковников сравнивал восточный город в мирное время с западной крепостью во время осады и требовал усиленного внимания к гигиене из-за свойственной русским нечистоплотности (Марковников В. В. Несколько слов о санитарных мерах в военное время. М.: Университетская типография, 1877. С. 8).

²⁶⁷ Д. М. Петербург — европейский ли город? С. 53.

²⁶⁸ Картинки общественной жизни // Дело. 1878. № 2. С. 463.

исправления ситуации следовало сначала выявить и обозначить источники заразы, а затем позаботиться о чистоте воздуха и питьевой воды, о регулярном очищении городских улиц и дворов, об устройстве канализации²⁶⁹. Эту повестку разделяли врачи, либеральные журналисты и некоторые чиновники²⁷⁰.

Примеры нарушений современных гигиенических стандартов, которые приводились в либеральной прессе, официальных санитарных отчетах и специализированных медицинских изданиях, практически идентичны. Все они апеллировали к пяти чувствам: каждое оказывалось задето и оскорблено «санитарными безобразиями». Все они конституировали феномен «невыносимого», «неприемлемого», «отвратительного», «нецивилизованного», воспринимаемого зрением, слухом, осязанием, вкусом, но в первую очередь — обонянием²⁷¹. На него и возлагалась основная доля ответственности за здоровье и безопасность индивида. Чем более «впечатлительным» было чувство обоняния, тем надежнее его обладатель был защищен от опасности:

Легко может случиться, что химический анализ совсем не обнаружит вредной и зловонной примеси в воздухе, меж тем как страдающее обоняние все-таки заставит освежить зараженный воздух. Без сомнения, органы обоняния у нервных индивидов представляют великое разнообразие относительно впечатлительности, но в сумме, для целого общества имеется всегда такой средний нос, который защищается без помощи науки и иногда даже вопреки ей²⁷².

²⁶⁹ Устройство сливной канализации было одним из самых больных вопросов оздоровления имперской столицы: с 1868 по 1917 год было предложено 48 проектов, но ни один из них не был реализован (Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 248). В Петербурге канализация была построена лишь в советское время. В Москве канализации предшествовала двадцатипятилетняя история муниципальных дискуссий; проект был завершён в 1898 году (подробно история строительства московской канализации обсуждается в: Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 182–232).

²⁷⁰ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 125–127.

²⁷¹ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки. С. 138; Т. К. Санитарное положение Воронежа // Здоровье. 1875. Т. 1. № 18. С. 361–362; Вывоз нечистот из Москвы // Здоровье. 1876. Т. 2. № 33. С. 74–75.

²⁷² Губнер Ю. Ю. Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 101.

Само по себе нежелание мириться с невыносимым для обоняния уже сигнализировало о существовании или по крайней мере проектировании новой, дезодорированной урбанистической модели, которая предполагала и новую конфигурацию чувств. Ближайшей общественной задачей становилась выработка этого «среднего носа» и поголовное внедрение определенных норм обонятельной впечатлительности.

Риторика, связывающая эпидемиологический контроль и заботу об общественном здоровье с тонким обонянием, была характерна не только для медицинской, но и для новостной периодики 1860–1890-х годов. Например, в заметке о парижской «великой вонии» 1880 года (с июля по октябрь парижане страдали от небывало сильных миазмов, наполнявших воздух столицы) журналист сообщал о высокой смертности и ядовитом смраде в таких выражениях: «Те, кто останется жив, выиграют в том отношении, что у них необыкновенно разовьется чувство обоняния»²⁷³. Медицинская риторика просачивалась даже в модные журналы и сопутствующие им издания, которые напоминали, что «лишь при развитом чувстве обоняния возможно ощущать в атмосфере малейшие примеси, не только приятные, доставляющие нам действительное удовольствие, но также и вредные, для избавления от которых они должны быть сначала обнаружены, так как оборонять себя можно только от явной опасности»²⁷⁴.

Понятие «азиатчина» могло выступать общим термином для обозначения «дурнопахнущего» и «нездорового», перекодированных в «невыносимое» (оскорбляющее чувствительность) и «нецивилизованное» (противоречащее прогрессу). В качестве аргументов врачи опять-таки прибегали к статистическим данным, которые демонстрировали рост заболеваемости и смертности по мере продвижения с запада империи на восток. Например, в 1876 году среди 63 российских губерний с общим населением 80 млн человек самая низкая смертность наблюдалась в западных областях, самая высокая — в центральной и юго-восточной России²⁷⁵; статистики по азиатской части империи, особенно по

²⁷³ Ж. Политическая и общественная хроника // Дело. 1880. № 10. С. 167.

²⁷⁴ Похитонов М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 200.

²⁷⁵ Самая низкая смертность была зафиксирована в Курляндской (2,02 %), Сувальской (2,03 %), Эстляндской (2,16 %), Седлецкой губерниях (2,18 %), самая высокая — в Пензенской (4,30 %), Московской (4,37 %), Владимир-

районам кочевий, тогда практически не было²⁷⁶. В рамках санитарно-гигиенического дискурса пространство Российской империи представляло своеобразным силовым полем, где границы «европейского» и «азиатского» постоянно смещались в зависимости от политической ситуации и эпидемиологической обстановки, а также в зависимости от взглядов и убеждений автора (врача-гигиениста военного, чиновника). Однако неизменным оставалось отождествление «европейского» с «чистым», а «азиатского» — с «грязным». С точки зрения медиков, ближе всех к европейскому стандарту гигиены и чистоты находились западные области, за исключением еврейских местечек и цыганских таборов, а дальше всех — южные и восточные окраины.

В целом общий вектор распределения чистоты/грязи приблизительно совпадал с вектором распространения эпидемических болезней, и прежде всего — холеры. Тем самым каждая из холерных эпидемий подтверждала необходимость санитарных реформ и подкрепляла аргументацию врачей-гигиенистов. Пограничное географическое положение России превращало ее в воображаемую буферную зону между «опасным» Востоком, откуда приходили болезни, и «чистым» Западом. С этой точки зрения наибольшую тревогу вызывало положение южных портовых городов и прежде всего Астрахани, прозванной «воротами в Азию». Дороги и водные пути, которые соединяли северо-западную часть империи с юго-востоком, рассматривались как маршруты, которыми в европейскую Россию из азиатской следовала зараза. Когда в 1878 году в Астраханской губернии была обнаружена чума, многие были

ской (4,41 %), Нижегородской (4,46 %), Самарской (4,58 %), Вятской (4,59 %), Пермской (5,07 %), Оренбургской (5,16 %) (Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 3–4). В столице империи основной прирост населения осуществлялся за счет мигрантов. По подсчетам Григория Архангельского, опубликованным в 1869 году, за 100 лет в Петербурге умерло на 143 928 человек больше, чем родилось (Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 33–85. См. также: Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. P. 146).

²⁷⁶ Примечательно, что статистические данные, накопленные в течение последующих десятилетий, противоречили этой картине. Так, коэффициент смертности по разным частям Российской империи за 1886–1895 годы варьировался от 1,6 % в азиатских владениях (при цифре в 3,5 % в холерные годы) и 1,8–2,0 % в остзейских губерниях (без изменений в холерные годы) до 3,1–3,8 % в европейской России и 3,1–4,4 % в Сибири (Осинов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 32).

склонны искать ее причину в Персии и Турции²⁷⁷. Не меньшее беспокойство вызывали железные дороги, соединявшие юг и север, восток и запад империи: так, холерная пандемия 1892 года охватила всю европейскую Россию в том числе благодаря новой железнодорожной ветке, протянутой с Кавказа до Варшавы²⁷⁸. Врачи неустанно подчеркивали, что в России сочетание европейских коммуникаций с азиатскими гигиеническими привычками создавало новые пути распространения болезни.

Эта топка оказалась очень устойчивой. В думской речи 1911 года, посвященной проблеме канализации, Петр Столыпин, ссылаясь на депутата-кадета Андрея Шингарева (в прошлом земского врача и заведующего санитарным бюро воронежского губернского земства), обильно использовал риторические приемы санитарно-гигиенического дискурса:

Россия ежегодно наводняется эпидемиями и болезнями из Азии. Есть целый ряд городов, которые становятся рассадниками, узлами инфекции, откуда они разносятся по всей России. Окиньте мысленным взором все наше Поволжье, сначала Астрахань — ворота, через которые к нам приходит и холера, и чума, Астрахань с ее известным водопроводом, вбирающим воду на берегу Волги, представляющим из себя клоаку, наполненную миазмами. Далее Царицын с его оврагами, очагами заразы, из которых самый знаменитый — Кавказ [район портовых трущоб. — М. П.], на высоком берегу которого сосредоточено скопление всех отходов — гнездо заразы, внизу живут люди, которые дышат миазмами от нечистот, сбрасываемых сверху. <...> Дальше идет Саратов с его не менее знаменитым Глебучевым и Белошинским оврагами, по которым я немало походил и о которых мог бы много порассказать. А Самара, нарядная Самара, с ее известной Веденовой ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугор, с которого жидкие нечистоты по оврагу стекают в реку Самару. Казань имеет тоже свои достопримечательности в центре города: ров Булак и озеро Кабан, в которое точно так же сваливаются все казанские нечистоты²⁷⁹.

²⁷⁷ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки. С. 129.

²⁷⁸ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 38.

²⁷⁹ Столыпин П. А. Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной Думе 11 января 1911 года // Столыпин П. А. Избранное: Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 367.

В описании Столыпина, бывшего саратовского губернатора, слушатели безошибочно узнавали эпидемиологическую карту южной России — какой она представляла в отчетах санитарных комиссий, путевых заметках гигиенистов и очерках этнографов²⁸⁰.

Другим фактором, подпитывавшим топос «азиатского неяршества» (и связанные с ним мотивы «отсталости», «дикости», «Грязи» и «варварства»), было присоединение Центральной Азии, которое началось с 1860-х годов²⁸¹. В эпоху, когда санитария, гигиена, прогресс образовывали нерасторжимое единство в публичных дискуссиях, Азия была не только источником заразы, но и направлением активной колонизации. Не останавливаясь подробно на механизмах взаимодействия санитарно-гигиенического и колониального дискурсов (об этом пойдет речь в третьей части), отметим, что с помощью понятия «европейский прогресс» Российская империя легитимизировала свои притязания на чужие земли и оправдывала сам факт колонизации²⁸². Тем самым Россия оказывалась по отношению к Азии той самой Европой, которая вызывала ожесточенные споры западников и почвенников²⁸³. Необходимость присоединения, а затем и колониального освоения азиатских территорий обосновывалась в том числе борьбой с болезнями и невежеством, стремлением распространить «западное»,

²⁸⁰ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. Из отчета графу Лорис-Меликову, временному генерал-губернатору Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, в 1879 году // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 3. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. С. 119–155; Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Вып. 1–4. Саратов: Типография Губернского земства, 1898–1902.

²⁸¹ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 63, 65.

²⁸² Sahadeo J. Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and “Civilization” in the 1892 Tashkent Cholera Riot // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. N 1. P. 118–119, 122.

²⁸³ Например, взятие русскими войсками под командованием генерала Скобелева текинского оазиса Геок-Тепе в январе 1881 года инспирировало следующий пассаж в «Дневнике писателя» Достоевского: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия» (Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 14. С. 509).

«цивилизованное» пространство на прилегающие земли²⁸⁴, а «инаковость» восточных народов — калмыков, казахов, текинцев, сартов, персов, турок и остальных «других» — выражалась в санитарно-гигиенических терминах²⁸⁵.

Укрепление ассоциации европейского прогресса и общественного здоровья способствовало дальнейшей поляризации «европейского» и «азиатского» не только в геополитическом поле, но и в сфере представлений о цивилизованности, чистоте, порядке и гигиене. Смысловой объем топоса позволял обнаруживать «азиатчину» — грязь, дурные санитарные условия, невежество и упадок нравов — повсюду. Российские врачи видели антитезу западноевропейской цивилизованности, понимавшейся как культура образованного городского населения, и в недостаточно европеизированном русском городе, и в крестьянском быте, и в еврейских местечках, и в обычаях «первобытных народов». Конструировалась своего рода шкала, на которой города с регулярной планировкой были ближе к цивилизованному идеалу, чем с нерегулярной, оседлые народы — ближе, чем кочевые, и т. д. Выбор более европеизированного варианта для врачей и публицистов означал и выбор в пользу цивилизации, отказ от которой впоследствии был бы равносителен добровольному возвращению в варварское состояние²⁸⁶.

²⁸⁴ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 132.
²⁸⁵ [Сообщение санитарного врача Туркестанской области] // Здоровье. 1876. Т. 2. № 37. С. 162; [Извлечение из газеты «Сибирь»] // Здоровье. 1877. Т. 3. № 60. С. 131; Семенов Д. Д. Отечественное. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Туркестанский край. М.: Книжный магазин наследников братьев Салаевых, 1887. Т. VI. С. 26–27. Из более ранних примеров колониального дискурса см.: Серебренников А. Г. Туркестанский край: Сб. материалов для истории его завоевания: в 22 т. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912–1915. Т. 20. Ч. 2. С. 48. О различных мотивировках и колебаниях в оценке кочевников в имперском медицинском дискурсе 1830–1890-х годов см.: Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов». С. 113–150). О репрезентации колонируемых народов в санитарно-гигиенических терминах и ассоциации ислама с фатализмом и отсталостью см.: Sahadeo J. Epidemic and Empire. P. 122, 136.
²⁸⁶ Харузин А. Н. Степные очерки. М.: Типография А. А. Левенсон, 1888. С. 70–71; Стабровский И. С. К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1889. Т. 4. Кн. 3. С. 133.

Глава 2.

Инструменты: слова и модели

Слова: классификации запахов и становление русского ольфакторного словаря

Чтобы очертить конфигурацию чувств во второй половине XIX века, следует не только описать обусловившие ее факторы, но и выявить инструменты, с помощью которых она внедрялась в общественное сознание. В этой связи представляется важным проследить этапы становления собственно ольфакторного словаря — т. е. того лексического репертуара, которым русская культура располагала для описания запахов к середине XIX века. В первую очередь нас будут интересовать термины, с помощью которых обозначались и классифицировались различные виды запахов: работанность словаря, с одной стороны, и классификационные принципы — с другой, свидетельствуют о выявлении ольфакторных нюансов (или, по крайней мере, о стремлении к этому), освоенность этого словаря обществом — о важности и актуальности ольфакторного знания.

В когнитивных и лингвистических исследованиях ольфакторной терминологии сложилось мнение, что запахи вербализуются с большим трудом, а названия запахов, в отличие от цветообозначений, носят не абстрактный, а конкретный характер¹. Эта позиция аргументировалась тем, что основными способами называния запахов служат метафоры (например, «колючий» или

¹ Eggen T. *Odor, Sensation and Memory*. NY: Praeger, 1991. P. XI–XII, 85. Этот подход можно проследить вплоть до античных трактатов. Аристотель указывал, что названия запахов обычно производятся от названий пахучих веществ, а чтобы быть воспринятыми, запахам необходим посредник (вода или воздух), тогда как вкус — чувство непосредственное и может быть трактован как форма осязания (Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. С. 120–121); Платон в диалоге «Тимей» отмечал, что запахи можно разделить на приятные и неприятные, но не возможно дать им названия, поскольку они не состоят из конечного числа простых форм (Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1990–1994. Т. 3. С. 472–473).

«теплый») и указания на источник (например, «яблочный», «кожаный» или «травянистый»)². Однако в последние десятилетия привлечение неевропейского языкового материала показало, что то, что верно для европейских языков (так называемых *SAE languages*³), необязательно верно для всех остальных. В тайском, юкатекском майя, сенегальском серер ндут, языке маник (горный Таиланд) для запахов существуют категориальные номинации, которые относятся к разным классам объектов и которые, подобно цветообозначениям, абстрактны⁴. Например, в языке маник, принадлежащем к австроазиатской семье, существует около пятнадцати терминов для характеристики запахов, которые могут выражаться глаголами состояния и именными группами и структурироваться по шкалам «приятный — неприятный» и «съедобный — несъедобный» или «опасный — безопасный»⁵. Более того, ольфакторные термины могут выступать общекультурными классификаторами: у бразильских индейцев суйя люди, животные и растения распределяются на четыре группы в зависимости от приписываемого им запаха. Суйя выделяют *сильный, острый, слабый* (или *приятный*) и *гнилой* запахи на основании их предположительной силы или степени опасности. У людей тип запаха зависит от гендера, возраста и социального статуса: чем прочнее ассоциация со сферой культуры, тем незаметнее запах, и наоборот (поэтому мужчинам, которые считаются

² Lawless H. T., Cain W. S. Recognition Memory for Odors // *Chemical Senses*. 1975. Vol. 1. N 3. P. 331–337; Sperber D. Rethinking Symbolism / trans. by A. L. Morton. Cambridge: Cambridge University Press, 1975; Cain W. S. To Know with the Nose: Keys to Odor Identification // *Science*. 1979. N 203 (4379). P. 467–470; Wilson D. A., Stevenson R. J. Learning to Smell: Olfactory Perception from Neurobiology to Behavior. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.

³ SAE (англ. *Standard Average European*) — понятие, введенное лингвистом Бенджамином Уорфом в конце 1930-х годов (*Whorf B. L. The Relation of the Habitual Thought and Behavior to Language* // *Language, Culture, and Personality: Essays in Memory of Edward Sapir* / ed. by L. Spier. Menasha, Wis.: Sapir Memorial Publication Fund, 1941. P. 75–93).

⁴ Lévy-Ward A. Le chauve, la femme souillée, la vierge // *Odeurs du monde: Écriture de la nuit. Textes édités par D. Rey-Hulman, M. Boccara*. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 129–148; Boccara M. Pets parfumés et souffle vital // *Ibid.* P. 171–188, esp. 178–179; Dupire M. Des goûts et des odeurs: classifications et universaux // *L'Homme*. 1987. T. 27. N 104. P. 5–25; Whuk E., Majid A. Revisiting the Limits of Language. P. 135.

Whuk E., Majid A. Revisiting the Limits of Language. P. 127–129.

высокосоциальными существами, суйя приписывают слабый запах или его отсутствие, а женщинам и детям, связанным с потенциально опасной сферой природы, — сильный)⁶. Интенсивность запаха определяет его эффект: например, все лекарственные растения, с точки зрения суйя, имеют острый аромат, и чем опаснее болезнь, тем интенсивнее должно пахнуть лекарство.

Как же характеризовались и описывались запахи в русской культуре XIX века и как русскоязычная ольфакторная терминология того времени соотносилась с современной ей европейской? Помимо разнообразных риторических способов описания (к ним мы еще вернемся), существовало значительное количество специальных терминов-классификаторов, которые поначалу использовались в медицинской и фармакологической литературе. В 1802 году в московской Сенатской типографии была напечатана «Российская фармакопея» — первая государственная роспись простых и составных лекарственных средств и рецептов на русском языке⁷. Как и в предшествующей латиноязычной версии⁸, описания простых веществ в ней были сделаны на основе органолептических характеристик — т. е. свойств, доступных человеческим чувствам, от зрения до осязания. Субъективные ощущения приводились в соответствие с разветвленной системой терминов: новшеством была и официальная русификация органолептических характеристик, и попытка упорядочить разнообразные синонимичные термины, которые к тому времени использовались в медицине, ботанике и натурфилософии для описания запахов. Сам выпуск государственной фармакопеи на национальном языке был связан с общей тенденцией к русификации, наметившейся в преподавании естественных наук и медицины в последней трети XVIII века. С 1760-х годов преподавание ряда дисциплин в медицинских школах начинает вестись на русском, а не только на латинском и немецком языках, а медицинская терминология систематически переводится на русский язык. Процесс перевода

⁶ Seeger A. Nature and Society in Central Brazil. P. 92–105.

⁷ Карпинский Н. К. Российская фармакопея: 2 ч. М.: [Б. и.], 1802.

⁸ Pharmacopoea Rossica. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1798. Это издание также редактировал профессор анатомии и физиологии Николай Карпинский, преподаватель петербургского Медико-хирургического училища и член Медицинской коллегии.

был непростым: например, медики жаловались на отсутствие русской анатомической номенклатуры и в 1760-е годы, и двадцать лет спустя⁹.

Все предыдущие официальные фармакопеи, выпуск которых начался в России лишь после екатерининской реформы Медицинской канцелярии и преобразования ее в Медицинскую коллегию¹⁰, были латинскими или двуязычными (латинско-русскими) и представляли собой лапидарные перечни лекарственных средств¹¹. Принцип полноценного описания, которое включало и органолептические характеристики, был использован лишь в издании 1798 года; там же множество тонких вкусовых и ольфакторных нюансов и градаций было выражено латинскими терминами¹². По сути дела, фармакопея официально фиксировала уже принятый в медицине стандарт органолептического описания, способствуя тем самым его дальнейшему усвоению и распространению. Особенно примечательной русификация терминологии в «Российской фармакопее» 1802 года представляется в отношении ольфакторных ощущений. В первой части, посвященной описанию лекарственного

⁹ Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 116–117; Он же. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. С. 198. Основными учебниками долгое время оставались книги на иностранных языках, написанные живущими в России иностранными врачами, или западноевропейские издания, которые закупались для госпитальных школ и публичных медицинских библиотек (Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 278). Лишь в 1795 году Медицинская коллегия приняла новые правила для медико-хирургических училищ, постановив вести в них преподавание преимущественно по-русски, отобрать для этого учебники и «оные навсегда с иностранных на российский язык переводить и печатать» (Там же. С. 379).

¹⁰ Одной из задач коллегии было «завести и учредить Диспенсаторию российскую постоянную и по всей России одну» (Инструкция Коллегии Медицинской. СПб.: Сенатская типография, 1763. С. 5). В 1789 году появился первый Аптекарский устав, который обязывал всех аптекарей «иметь правилом Российскую диспенсаторию *Pharmacopoea Rossica*, по оной материяли запасать и лекарства составлять» (Оценка лекарств. Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам. СПб.: Императорская типография, 1789. [Б. п.]).

¹¹ *Pharmacopoea castrensis*. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1765, 1779; *Pharmacopoea Rossica*. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1778, 1782, 1798; *Bacheracht H. Pharmacopoea navalis Rossica*. Petropoli: S. n., 1784.

¹² Например, на шкале «приятный–неприятный» располагались ольфакторные характеристики, выраженные следующими латинскими прилагательными: *gratissimus, suavissimus, suavis, gratus, non ingratus, fatuus, ingratus, magis ingratus, ingratisissimus, deterrimus*.

сырья растительного, животного и минерального происхождения фигурирует 81 характеристика запахов — с точки зрения наличия/отсутствия запаха, степени его интенсивности в свежем и высушенном растении, физического воздействия, субъективной оценки и, наконец, сходства (см. табл. 1). Очевидно, что такая степень детализации требовала рефлексии над ольфакторными различиями. По сравнению с допетровским временем, письменные источники которого содержат ограниченный репертуар ольфакторных характеристик, материалы второй половины XVIII века демонстрируют гораздо более внимательный подход к описанию и характеристике запахов.

Русские терминологические системы начали складываться в последние десятилетия XVIII века благодаря постепенной русификации преподавания медицины и естественных наук. Параллельно происходит мощный процесс детерминизации — «расширение сферы употребления термина путем вовлечения его в неспециальные жанры устной и письменной речи»¹³. По всей видимости, ольфакторные характеристики также постепенно втягивались из специальных сфер словаря в более общие контексты. Какими же были эти специальные сферы? В XVIII веке номинации запахов были сосредоточены в нескольких областях естественнонаучного знания — ботанике, фармакологии («врачебном веществе»¹⁴), химии и минералогии — в составе органолептических описаний.

Исторически органолептическое описание — т. е. критическое описание доступных человеческим чувствам свойств того или иного растения или вещества животного или минерального происхождения — восходит к трудам Теофраста и Диоскорида, а как естественнонаучный стандарт складывается в работах медиков, ботаников, химиков и фармацевтов конца XVII — начала XVIII века. На его актуализацию повлияли переосмысление медицинских систем античности в эпоху позднего Ренессанса, становление ботаники как отдельной дисциплины в западноевропейской системе науки и поворот от рациональной механистической модели познания, предложенной Декартом, к теориям сенсуалистов. Как уже говорилось, гуморально-патологическая теория Гиппократова, на

¹³ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. С. 274–277.

Таблица 1

Характеристики запахов в «Российской фармакопее» (1802)*

наличие/отсутствие	не имеет запаха (1)
интенсивность	почти не приметный; весьма легкий; слабый; немного пахучий; крепкий; сильный; тяжеловатый; несколько тяжелый; тяжелый; пронизательный; долго отзывающийся; из вещей, в которые проник, весьма долго не выходящий; летучий (13)
тип запаха	весьма благовонный; ароматный; ароматический; несколько ароматический; бальзамический (5)
аффективная характеристика	приятный; сносный; не неприятный; неприятный; пренеприятный; вонючий; несколько отвратительный; отвратительный; прегнусный (9)
характеристика по сходству или источнику	похожий на запах стираксы (а также ванили); псинистый; табачный; мышинный; травяной; такой же, как и от мела; совершенно похожий на запах бальзама перувианского, или стираксы, или амбры; похожий на гвоздичный; гвоздичный; камфарный; камфарный как бы с примесью терпентинного запаха; медовый; водянистый; фиалковый; похожий на запах цветка фиалки; на запах майорана похожий; похожий на укропный; чесночный; на запах розмарина похожий; отзывается немного ревенем; винный; коричный; морской; походит на запах коры с дерева рябины; похожий на запах сассафраса; отзывается немного плесенью; похожий на запах жерухи; часто отзывающийся растениями, с которых мед собирается; похожий на запах желтизны лимонной корки; смоляной; спиртной; хлебный; похожий на запах смирны; на запах волошского укропу похожий; металлический; кислый; похожий на запах лавандовых цветов; похожий на запах солодкового корня или его экстракта; похожий на запах померанцевых цветов; клопами отзывающийся; подобный запаху щелочной летучей соли; как бы масляный; (свой) особенный (43)
характеристика по производимому эффекту	одуряющий; удушающий; чихание производящий; ест в носу и кидается в рот; в носу щиплющий; для головы полезный; горячий; едкий; из глаз слезы вызывающий; ядовитый (10)

Карпинский Н. К. Российская фармакопея: в 2 ч. М.: [Б. и.], 1802. Цифры в скобках обозначают частотность термина.

которую до поры опирались европейские медики, классифицировала в соответствии с преобладанием тех или иных жизненных соков типы конституции, темпераменты, болезни и соответствующее лекарства. А поскольку вкус и запах лекарственных средств, включавших в том числе еду и напитки, прямо увязывались с их лекарственной силой (лат. *vires medicatae*), вкусы и запахи также подразделялись на сухие, горячие, холодные и влажные; были возможны и комбинации¹⁴. Острые и сладкие запахи считались сухими и горячими, гнилые и неприятные — влажными и холодными.

Благодаря гуморальной теории традиция органолептических описаний упрочивается в античном медицинском дискурсе¹⁵. Указания на органолептические свойства (вид, цвет, запах, текстура) и физические характеристики (горючесть, вид дыма и пепла, вес, растворимость) должны были помочь врачам не только лучше понять особенности и сферу применения того или иного средства, но и в случае необходимости отличить подлинное лекарство от подделки¹⁶. В западноевропейской традиции новое прочтение трудов Диоскорида началось в конце XV — XVI веке, с последующим переводом на новые европейские языки¹⁷. Эта волна публикаций, с одной стороны, послужила импульсом к возрождению занятий «врачебным веществословием» в европейских университетах, а с другой — стала первым шагом к формированию ботаники как академической дисциплины¹⁸. Западноевропейская ботаническая и фармакологическая традиция восприняла и античный принцип описания, включающий ольфакторные характеристики

¹⁴ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. P. 48.

¹⁵ Феопраст. Исследование о растениях. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 202–209, 273–310.

¹⁶ Stieb E. W. Drug Adulteration and Its Detection, in the Writings of Theophrastus, Dioscorides and Pliny // *Journal mondial de pharmacie*. 1958. P. 117–134.

¹⁷ Nutton V. Greek Science in the Sixteenth-Century Renaissance // *Renaissance and Revolution: Humanists, Scholars, Craftsmen and Natural Philosophers in Early Modern Europe* / ed. by J. V. Field, F. A. J. L. James. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 23–25. К той же эпохе относится основание первого в Европе ботанического сада, возникновение такого жанра, как гербарий, и популяризация ботанических прогулок (лат. *herbationes*) по природным и рукотворным ландшафтам с целью изучения растений вживую. Ср., например, справочники по флоре Базеля — Каспара Баугина (1622) и Парижа — Жозефа Турнефора (1698).

¹⁸ Findlen P. *Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. P. 248–254.

сырья и различных производных (масел, настоев, порошков)¹⁹. С их помощью врач мог установить связь между органолептическими свойствами лекарства и его лечебным эффектом.

Допетровская Русь познакомилась с полными трудами Диоскорида в XVII веке²⁰. До этого греческих авторов читали лишь в отрывках и в составе разнообразных компиляций; первые значимые переводы медицинских сочинений были сделаны в XV веке²¹. Польская компиляция на основе новоевропейских изданий Диоскорида — «Травник» Шимона Сиреньского (1613) — была переведена на русский язык в XVII веке; тогда же, в эпоху интенсивного польского влияния, стали делаться переводы и других медицинских и хозяйственных книг²². Примечательно, что тогда же из польского в русский пришло не только множество медицинских терминов и названий лекарственных растений латинского

¹⁹ Например, характеристики запахов в «Истории растений» Жозефа Турнефора должны были отсылать читателей к лечебным свойствам: «листья этого растения горьки и вонючи»; «*Chamaemelum foetidum* [эклипта распростертая. — М. П.] пахнет минеральной смолой»; «его корни волокнисты, белые, немного едки и ароматичны»; «его корни очень горьки, а их запах напоминает запах большой валерианы»; «*Tanacetum vulgare* [пижма обыкновенная. — М. П.] едка, ароматична, горька... содержит летучую соль, каковая ароматична, масляниста и содержит много серы» (Tournefort J. P. Histoire des plantes qui naissent aux environs de Paris, avec leur usage dans la médecine. 2e éd. 2 T. Paris: S. n., 1725. Т. 2. Р. 13, 28, 62, 134, 214).

²⁰ Исаченко Т. М. Из истории Государевой аптеки (неизвестные автографы Холмогорского архиепископа Афанасия) / VII Иоанновские чтения, 1–5 ноября 2005 года. Архангельск — Северодвинск — Новодвинск — Сийский монастырь. Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=1852> — Дата обращения: 31.05.2018.

²¹ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв.: Источники для изучения истории русской медицины. М.: Медгиз, 1960. С. 19–39; Thomson F. J. The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classical Antiquity. The Causes and the Consequences // Mediaeval Antiquity / ed. by A. Welkenhuysen, H. Braet and W. Verbeke. Leuven: Leuven University Press, 1995. Р. 306–308, 311; Ryan W. F. The Bathhouse at Midnight: A Historical Survey of Magic and Divination in Russia. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. Р. 13–18; Ševčenko I. Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. Р. 323–324.

²² Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 90–91, 95–96, 117–119.

происхождения²³, но и лексемы «запах», «пах» и «пахнуть»²⁴. Однако для выражения соответствующего понятия еще долго использовалась старая лексема «дух», которая нагружалась новыми значениями²⁵; она же служила основой для образования лексических сочетаний «иметь дух», «быть (духом/обонянием) каковым-либо». Кроме того, в ходу были близкие синонимы «воня», «ухание» и «обоняние» (в значении «запах») ²⁶.

Ольфакторные характеристики, использовавшиеся в медицинских переводах XVI–XVII веков, отражали гуморально-патологическую теорию гиппократиков и учение Галена о трех стадиях, или степенях действия, лекарственных средств²⁷. Так называемый Уваровский список «Прохладного вертограда» № 2192 открывает-ся следующим уведомлением:

Сия книга, глаголемая Травник, изложена бысть врачевания ради людского <...> что описуемое в книзе сей каково есть подобием или какую в себе силу содержит, теплотную ли или холодительную или волгостну или сушительную или смягчительную или твердительную и что живительно или вредительно или духом благоговонно или дух тягостен имат²⁸.

²³ Leeming H. Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pre-Petrine Russian // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42. N 98. P. 95–96, 99–100, 106. Некоторые названия растений и лекарственных веществ, уже вошедшие в язык через посредство переводов священных и научных книг с греческого, вошли в русский заново — как польско-латинские заимствования (Ibid. P. 94).

²⁴ Слово «запах» впервые зафиксировано в «Книге, глаголемой Назиратель», переведенной с польского перевода 1549 года в конце XVI века (Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975–. Вып. 5. С. 260); слово «пах» в значении «запах» — в документе 1558 года (Там же. Вып. 14. С. 175); слово «пахнути» — в документе 1653 года (Там же. С. 176). Ср. также прилагательное «запахучий» (зафиксировано в документе 1660 года; Там же. Вып. 5. С. 260).

²⁵ «Дух» в значении «испарения» впервые встречается в «Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена» (1106–1107 гг.) по списку 1496 года, в значении «запах» — в Домострое по списку XVI века, в значении «спирт», «эссенция» — в медицинских документах 1645 года (Там же. Вып. 4. С. 379–380).

²⁶ Там же. Вып. 12. С. 125.

²⁷ Галеновского деления на основные (теплота, холод, сухость, влажность), комбинированные и специфические (рвотное, слабительное, крепительное, мочегонное и т. п.) свойства фармакология придерживалась до конца XVIII века (Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. С. 130–133).

²⁸ Приведено по: Змеев Л. Ф. Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1895. С. 23.

В этой перспективе запах представлялся вещественным: он и составлял одно из лекарственных свойств препарата и мог мотивировать область и способ применения лекарственного средства — в виде курения, настоя или отвара, пластыря и т. д.²⁹

Существовало три основных способа этот запах описать. Первый — с помощью указания на тип запаха («благонный», «благуханный», «тяжкий», «тягостный», «горький», «смердящий», «бридостный»³⁰, «сладостный», «сладкий»)³¹, соотношенный с типом лечебного воздействия. Иногда эта связь прямо эксплицировалась: «Для благовония своего ливан [ладан. — М. П.] есть крепительно, а естеством он истребителен и вязателен <...> галган [галангал. — М. П.], прият в брашне [пище. — М. П.], дух дыхательной явит благовонен и многу вредителную мокрость из тела изгонит для горячества своего кое имеет в себе»³². Второй способ заключался в описании незнакомого запаха через гипотетически знакомый, менее известного через более известный: «Имеет дух аки синомон, а то есть корица <...> духом благовонна подобно фиалкову

Взаимосвязь запаха растения и способа применения существовала и в более поздней народной традиции рукописных травников. Ср., например: «Трава воронецкая растет на камени вышиною в пядень и пониже зелени <...> а дух от нея, что от ладану рослого [искаж. «росного» — М. П.]. Окуривать ею роженец в бане, навязывая на крест, и она родит без болезни. А как родица младенец, и ты его окурь тои травой и навязи ему на шею, то не прикоснеца падучая болезнь, уроки. Тое ж травую добро окуривать и скот, всяким ловящим держать ея пригодно и ходить с нею на ловлю рыбы и, и зверей и птиц ловить, и окуривать ею мережи, всякия ловящие снасти от уроку и от лихого прикладу» (Травник / БАН 33.14.11. Л. 21 об.— 22). Сходство с ладаном объясняет апотропеические свойства растения и определяет сферу и способ применения — в виде курений. См. также: Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. С. 315–316, 319. В славянской народной ботанике оберегом от различных болезней и нечистой силы считались растения с сильным запахом, как приятным, так и неприятным (Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. С. 49).

Т. е. «терпкий, едкий»; примечательно, что номинация вкусового ощущения переносится на обонятельное (Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1. С. 334). Ср. в словаре Даля: «бридить (пск., тверск.) — бредить, бередить, вередить, беспокоить, зудить; бريدкой (пск.) — резвый, резкий, пронзительный».

Все примеры взяты из «врачевского вертограда» XVII века: Травник / ОР РНБ. F.VI.9–1, 2.

Гам же.

корени <...> дух имеет подобно инбирю»³³. К этой же группе при-
мыкали еще немногочисленные указания на источник запаха, об-
разованный по модели прилагательное + существительное дух:
«терпентинный», «коришный», «яблочный», «кипарисный», «ку-
поросный», «свороборинный» [шиповенный. — М. П.], «розмари-
новый» и т. д. В зависимости от контекста такие словосочетания
могли обозначать как запах, так и спиртовую вытяжку из данного
сырья. Из высокой книжной традиции эти тексты попадали в на-
родные травники, в которых могли сохраняться подобные прин-
ципы описания растений и лекарственных средств³⁴.

С петровского времени старые травники и зельники стали вос-
приниматься как устаревшие, не адекватные общей ориентации на
новую европейскую науку. Началась новая волна переводов есте-
ственнаучных и медицинских текстов. Параллельно меняли дис-
циплинарные очертания и европейская медицина, и европейская
натуральная история. В конце XVII века из-за кризиса номенкла-
турных практик и необходимости теоретически осмыслить ботани-
ческое разнообразие, возникшее в результате географических от-
крытий, из корпуса медицинских наук выделилась ботаника³⁵.
Первоначально для выделения видов растений систематики пыта-
лись пользоваться и старыми органолептическими признаками,

³³ Травник / ОР РНБ. F.VI.9–1, 2.

³⁴ Ср., например: «Есть трава болодной былец, растет подле великих рек,
высока, что крапива, цвет на ней, что бел походил, а корень хохлат, черен,
красноват, тяжек дух» (Травник / РГБ Долг. 111. Л. 1 об.–2); «Трава броа-
нарес, а растет она по горам, а цвет у нея вишнев, а розцветет зело пре-
красно, а дух благоуханен велми» (Травник / ОР РНБ. Q.VI.33. Л. 15 об.);
«Тропка. А растет она по бояракам и по соснягам и по бруснишникам,
а вышиною в че[ть] аршина, по одной стволине, а наверху цвет лазорев
и прекрасен. <...> А дух от цвету яко от ладону капучего, а корень его рас-
тет в землю неглубоко розсыпью в мелких корнях» (Травник / ГИМ.
Увар. 705. Л. 9); «Трава вострая глава растет по болотам зыбучим и по
топким местам об одной стволине <...> А потому ея познать: дух от нея,
яко от лимона или от соснового соку» (Травник / ОР РНБ. F.VI.19. Л. 293–293
об.); «Есть трава васильки, естеством горяча и благовонна». Благодаря
Александру Ипполитову за возможность ознакомиться с собранными ею
материалами народных травников XVIII–XIX веков.

³⁵ За столетие, прошедшее со времени ренессансной публикации Диоско-
рида, количество описанных видов выросло на порядок: от 600 у Диоско-
рида (что примерно соответствует числу видов, распознаваемых в бес-
письменных культурах) до 6000 (Куприянов А. В. Развитие принципов
систематики в XVII–XVIII веках. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М.,
2005. С. 8).

в том числе — запахами³⁶. В частности, первые издания трудов Карла Линнея по систематике включали запахи как классификационный признак. Согласно Линнею, можно было выделить десять типов запахов: лат. *ambrosiacus* (амброзический), *aromaticus* (ароматический), *fragrans* (благовонный, душистый), *spirans* (благоуханный), *orgasticus* (возбуждающий)³⁷, *hircosus* (козлиный, воняющий козлом), *nauseosus* (претительный, тошнотворный), *nidosus* (пригарный, издающий запах жареного мяса, чадящий), *virosus* (оглушающий, ядовитый), *teter* (отвратительный)³⁸. Отметим эклектичность этой типологии, задежавшей в качестве оснований для номинации и источник запаха, и характер воздействия. Хотя сам Линней отмечал неустойчивость запаха как различительного признака³⁹ и в дальнейшем отказался от него⁴⁰, линнеевские ольфакторные типы использовались и в номинации растений, и в энциклопедических описаниях.

К концу XVIII века систематическая ботаника вышла и из сферы так называемых камеральных наук, одновременно освободившись

³⁶ Tournefort J. P. Institutiones rei herbariae: 2 t. Parisiis: E Typographia Regia, 1700. Т. 1. Р. 63.

³⁷ Наделение какого-либо запаха возбуждающим (горячительным) эффектом объяснимо и гуморальной, и миазматической теорией: болезни рассматриваются как расстройство баланса соков, вызванное в том числе вдыхаемым воздухом. Термин *orgasmos*, от которого образовано новолатинское прилагательное *orgasticus*, был заимствован из схолий к Гиппократу и первоначально обозначал любое, а не только сексуальное возбуждение органов или тканей. Характер возбуждения мог определяться по-разному: теория гуморов считала возбуждение результатом переполненности «горячими» жизненными соками — кровью или желчью, виталисты приписывали его избытку жизненной силы, Ламарк считал причиной возбуждения теплоту и электрический ток (Lamarck J.-B.-P.-A., *Philosophia zoologiae*: 2 t. Paris: Dentu, 1809. Т. 2. Р. 6, 37).

³⁸ Linnaeus C. *Systema naturae per regna tria naturae*. Т. 2. Р. 20. В скобках выделены курсивом русскоязычные термины, приведенные в издании: Линней К. *Философия ботаники*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1800. С. 147.

³⁹ Линней К. *Философия ботаники*. С. 148.

⁴⁰ Этот подход приняли последователи Линнея, отказавшись от ольфакторных признаков в научных, учебных и популярных изданиях по ботанике (см., например, соответствующие российские издания: Теряев А. М. *Начальные основания ботанической философии*. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. С. 64, 145; Петров Я. В. *Начальные основания ботаники для преподаваний*. СПб.: Императорская типография, 1815. С. 234; Вильденов К.-Л. *Ботаника*. М.: Театральная типография, 1819. С. 283–284; Горяинов П. *Начальные основания ботаники*. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1827. С. 266).

и от органолептических описаний: для нужд систематики наблюдаемое («объективное») оказывалось методически востребовано, а воспринимаемое («субъективное») — нет. Сходный процесс шел в химии и минералогии, которые также унаследовали от античности принцип органолептического описания — в том числе потому, что химические вещества и минералы сами принадлежали сфере медицинского веществословия⁴¹. До конца XVII века химия и минералогия составляли часть единого естественнонаучного знания; в середине XVIII века начала складываться пневматическая химия, а благодаря камеральным наукам — теоретическая минералогия и прикладная геология, однако в России их дисциплинарные границы оставались зыбкими вплоть до 1820-х годов⁴².

В ломоносовскую эпоху стандарт описания химических веществ и минералов еще включал обязательные указания на запах и другие качественные характеристики: естествоиспытателю следовало учиться делать выводы «из употребления чувств» (лат. *de usu sensuum*) и не торопиться прибегать к сильным средствам, не испробовав мягкие растворители и слабые реактивы⁴³. Например, обратившись к физической программе в изложении Василия Тредиаковского, мы обнаружим пространный перечень чувственных характеристик, которые естествоиспытатель должен был уметь осознать и принять во внимание:

Ее [физики. — М. П.] качества естественные и поражающие око, как-то свет, цвет, очертание, темное и прозрачное, слух, как-то голос и звон, вкушение, как-то сладость, горечь, сольность, пряность, кислотность, пресность и безвкусность, обоняние, как-то запах добровонный и зловонный, осязание, как-то знойное, холодное, теплое, простое, тяжелое, легкое, жестокое, мягкое, текущее,

⁴¹ Harris N. E. The Idea of Lapidary Medicine: Its Circulation and Practical Applications in Medieval and Early Modern England, 1000–1750. PhD Dissertation, Rutgers University. New Brunswick, 2009.

⁴² Bensaude-Vincent B. A. Geographical History of the 18th Century Chemistry // Lavoisier in European Context: Negotiating a New Language for Chemistry / ed. by B. Bensaude-Vincent, F. Abbri. Canton, Mass.: Science History Publications, 1995. P. 7–9. Одной из причин тому могла быть поздняя русификация новой химической номенклатуры (Crosland M. P. Historical Studies in the Language of Chemistry. London: Heinemann, 1962. P. 169–174; Leicester H. M. The Spread of the Theory of Lavoisier in Russia // Chymia. 1958. Vol. 5. P. 138–144).

⁴³ Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist. P. 111–114.

мокрое, сухое, гибкое, кропкое, густое, жидкое, масляное, клейкое, плотное, редкое, дебелие, тонкое и упругое⁴⁴.

В программе ломоносовского курса по физической химии 1752 года была лекция о качествах (лат. *qualitates*) различных веществ, данных в непосредственном ощущении⁴⁵; в теоретических и практических сочинениях тот же Ломоносов последовательно пользовался органолептическими описаниями химических веществ и минералов⁴⁶. Однако в конце XVIII века исследовательская программа химии, сформулированная кругом Лавуазье, потребовала не только нового языка, но и новой точности, связанной в первую очередь со зрением и чтением данных. Химия отказалась от качественных характеристик (в том числе запахов) в пользу количественных данных, производимых уже не сенсорными системами человеческого тела, а измерительными приборами⁴⁷.

Анализируя открытие нового «поля внимательности», которое происходило в европейской естественной истории в XVII–XVIII веках, Мишель Фуко отмечал модификацию чувственного познания, внесение в него ограничений и негативных условий. Из наблюдения исключались неопределенные и переменчивые данные вкуса и запаха, не допускавшие «качественного анализа различных элементов, который был бы повсеместно приемлемым», данные осязания ограничивались «обозначением некоторых вполне очевидных противоположностей (как, например, гладкого и шершавого)»⁴⁸. Основным, если не почти исключительным, инструментом научного наблюдения становилось зрение, которое должно было выхватывать прежде всего объем и структуру.

⁴⁴ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою Васьилия Тредиаковского: в 2 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1752. Т. 2. С. 265.

⁴⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950–1983. Т. 2. С. 456–457, 462–463.

⁴⁶ Там же. Т. 5. С. 378, 382, 387, 438, 458, 552–553, 610.

⁴⁷ Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist. P. 108–109; Schaffer S. Measuring Virtue. P. 313–314.

⁴⁸ Ср. также: «Поле зрения, в котором наблюдение может проявить свои возможности, является лишь остатком этих исключений: это зрительное восприятие, освобожденное от всех иных привнесений органов чувств и, кроме того, выдержанное в серых тонах» (Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 162).

Подобная реконфигурация чувств с предпочтением зрения как основного источника информации была актуальна лишь для теоретического естествознания. В прикладных областях неустанно подчеркивалась важность чувственных данных, включая данные «низших чувств» — обоняния и осязания. Хотя в теоретической химии качественные характеристики были отброшены как трудноизмеримые, нестандартизируемые и подверженные влиянию субъективного опыта, в прикладных сферах (как и в некоторых химических школах — например, в пневматической химии) они сохранялись довольно долго⁴⁹. Еще более консервативными в этом смысле оставались медицина и фармакология. Европейская медицина продолжала использовать и разрабатывать научные классификации запахов — от Линнея и фон Галлера до «Трактата о запахах, о чувстве и об органах обоняния» Игнатиуса Клоке (1821)⁵⁰. Издания по «врачебному веществословию» (лат. *materia medica*) сохраняли стандарт органолептического описания и распространяли его в смежные области — не в последнюю очередь благодаря миазматической теории патогенеза и отсутствию четких границ между телом и средой обитания, пищей и лекарством, парфюмерией и средствами гигиены⁵¹. Эти процессы оказали влияние на пополнение и модификацию российского ольфакторного словаря.

Профессионально-медицинский подход к флоре подразумевал внимание к оттенкам запахов, умение отличать один тип от другого и знание соответствующих лекарственных эффектов. Соответствующие сведения указывались в учебниках по прикладной ботанике, фармакологии, медицине:

Запах благовонный растений означает силу крепительную, ободряющую, раздражающую; чесночный — мочегонительную и потовую; пронизательный и летучий — побудительную к похоти; неприятный — рвотную, слабительную или проносную; вонючий — усыпительную; отвратительный — ядовитую⁵².

⁴⁹ Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist. P. 115–120.

⁵⁰ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 111–114.

⁵¹ Например, в справочниках по парфюмерному делу приводились не только «ольфакторные профили» тех или иных ароматических веществ, но и способы распознавания подделок — в соответствии с античной фармакологической программой (см., например: *Gacon-Dufour M.-A.-J. Manuel du parfumeur*. Paris: Roret, 1825. P. 34–35, 56, 60).

⁵² Максимович-Амбодик Н. М. Первоначальные основания ботаники: в 2 ч. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1796. С. 220.

В теории и на практике российских студентов-медиков учили отличить одно растение от другого по вкусу и запаху — поскольку в виде сухого или влажного сырья другие признаки часто оказывались недоступны восприятию, а также артикулировать эти отличия; по характеру, наличию или отсутствию запаха можно было судить о качестве препарата⁵³.

Первоначально с языком органолептического описания российские медики знакомились по западноевропейским изданиям; к 1780-м годам появляются и переводные учебники. В иллюстрированном «Врачебном веществословии» Нестора Максимовича-Амбодика перечень лекарственных растений взят из первого издания *Pharmacopoea Rossica* и дополнен подробными сведениями о видовых особенностях, габитусе, месте обитания, целительных свойствах и способах использования, цвете, вкусе и запахе⁵⁴. Вся эта информация в фармакопее 1778 года отсутствовала и была, скорее всего, заимствована из других специальных изданий и справочников, включая «Энциклопедию» Дидро-Д'Аламбера. Постепенно число русскоязычных изданий по медицинской ботанике возрастало — как за счет переводов, так и за счет оригинальных изданий (они появились уже в XIX веке)⁵⁵. В екатерининское время начали активно переводиться и издаваться медицинские справочники и брошюры по самолечению⁵⁶; также сведения о лекарственных свойствах и запахах попадали в тематически близкие

⁵³ Инструкция, данная младшим докторам генеральных госпиталей, утвержденная правительствующим Сенатом 5 февраля 1754 года (приведена в: Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 278, см. также с. 424–426); Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 5. С. 18, 46. Когнитивные исследования связывают память на запахи с их вербальным кодированием и предполагают, что называние (*labelling*) может способствовать запоминанию (*Eggen T. Odor, Sensation and Memory*. P. 86).

⁵⁴ Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие: в 4 ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1783–1789.

⁵⁵ Давыгубский И. Изображения растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства: в 4 ч. М.: Университетская типография, 1828–1834; Гринберг Л. Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на лат., нем. и рус. яз.: в 4 ч. Берлин: Г. Реймер, 1840–1841.

⁵⁶ К 1800 году их было выпущено больше сотни (*Renner A. Progress through Power?* P. 50). Сергей Громбах, учитывая только первые издания строго медицинской тематики, приводит для екатерининского времени цифру в 203 книги (*Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века*. С. 26).

и сопутствующие издания — от хозяйственных руководств и трактатов о садоводстве до топографий, путевых заметок и беллетристики⁵⁷.

В корпусе камеральных наук, которые обслуживали нужды экономики, сельского хозяйства, парфюмерного и красильного дела, кулинарии, органолептическое описание было весьма востребовано⁵⁸. Например, важнейшая публикация Вольного экономического общества — перевод «Описания и изображения российских произрастений» Петера Симона Палласа (1786) — следовала как фармакологическому принципу описания, так и ботаническим путеводителям рубежа XVII и XVIII веков⁵⁹: каждая статья содержала латинское, русское и локальные названия растения или вещества, место и время произрастания, структурные внешние признаки, вид и способ употребления с указанием на вид, вкус и запах производных⁶⁰. Камеральные науки конвертировали лекарственное значение сырья в экономическое; запах утрачивал непосредственную связь с медициной и становился дифференцирующим признаком. Как и фармакологические труды, прикладные издания и специализированные словари с конца XVIII века стали выходить регулярно; количество разнообразных ольфакторных характеристик в них увеличивалось с каждым изданием (см. табл. 2)⁶¹.

Число терминов для описания запахов росло пропорционально общему процессу терминологической мультипликации. Во второй половине XVIII века необходимость создания с нуля новых терминологических систем в естественных науках и переводческий бум (переводами занимались университеты, Академия наук

⁵⁷ Городской и деревенский садовник: в 4 ч. М.: Типография Московского университета, 1779. С. 227. Ср. также отсылку к публикациям Вольного экономического общества в радищевском «Описании моего владения» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 189).

⁵⁸ Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1865. С. 52–70.

⁵⁹ В этом он близок другим имперским ботаническим проектам. Ср., например, труды французского врача и ботаника Пьера Бюйяра: *Bulliard J.-F.-P. Flora Parisiensis*: 6 t. Paris: Didot le Jeune, 1776–1780; *Idem. Herbar de la France*: 9 t. Paris: Didot le Jeune, 1780–1793.

⁶⁰ Паллас П. С. Описание и изображение российских произрастений. СПб.: Императорская типография. С. 176.

⁶¹ См., например: *Либошиц О. Я. Флора Санкт-Петербургская и московская*. в 4 ч. СПб.: Морская типография, 1818.

Таблица 2

Характеристики запахов
в «Техно-ботаническом словаре» Мартынова (1820)*

латинский язык	русский язык
<i>acris</i>	острый
острый	чесночно-вонючий запах
<i>alliaceus</i>	чесночный, имеющий чесночный запах
<i>ambrosiacus</i>	амброзический, запах амброзический, который не имеет приятности и отличен от запаха мускатного (<i>moschatus</i>)
<i>aromaticus</i>	ароматный, ароматический, сим именем называют все растения, имеющие сильный и в то же время приятный запах
<i>balsamicus</i>	бальзамический, говорится о растениях и частях их, которые врачебною наукою признаны состоящими из водянистых, жирных и селитренных начал
<i>balsamoideus</i>	бальзамовидный; <i>odor balsamoideus</i> отличается от запаха бальзамического тем, что не имеет крепости сего последнего
<i>camphoratus</i>	камфорный, весьма известный и заметный запах
<i>caprinus</i>	козий, также имеющий козий запах
<i>cimicinus</i>	клоповый, имеющий вонючий запах клопов
<i>foetens, foetidus</i>	вонючий, смрадный, вонючий, смрадный; говорится о всякой части растения, издающей сильный и весьма неприятный запах
<i>foetidissimus</i>	превонючий
<i>fragrans</i>	пахучий, издающий пронизательное благовоние
<i>fragrantissimus</i>	препахучий, издающий пресильное благовоние
<i>hircinus, hircosus</i>	козлийный, воняющий козлом
<i>moschatus</i>	мушкатный, пахнущий мускусом
<i>myrrhiceus</i>	мирровый
<i>nauseabundus, nauseosus, nauseus</i>	отвратительный, позывающий на рвоту, производящий рвоту или тошноту
<i>odorans, odoratus, odor</i>	пахучий, душистый
<i>odoratissimus</i>	препахучий, предушистый
<i>pomaceus</i>	яблочный
<i>resinosus</i>	смолистый
<i>violaceus</i>	фиалковый

и госпитальные школы) приводили к возникновению синонимических рядов, включавших и старые слова, и новообразования различного типа⁶². Сходной была ситуация и с ольфакторными характеристиками: лексика, использовавшаяся для описания запахов в XVI–XVII веках (*благовонный, благоуханный, тяжелый, сладкий, горький* и т. п.), соседствовала с новообразованиями (*запашистый, пахучий*), морфологическими и семантическими кальками с французского и латинского языков (фр. *épicé* — *пряный, пряноватый*; фр. *odorant*, лат. *odoratus* — *душистый*; фр. *pénétrant* — *пронзительный, пронизательный*; фр. *acré* — *острый, резкий, едкий*; фр. *narcotique* — *дурманный, одуряющий*), прямыми заимствованиями (фр. *ambré* — *амв/бровый*; фр. *ambrosiaque*, лат. *ambrosiacus* — *амб/вроз/сический*; фр. *aromatique* — *ароматический, ароматный*; фр. *balsamique* — *бал(ь)з/самический, бал(ь)з/самный*; нем. *narcotisch*, фр. *narcotique* — *наркотический*)⁶³. К рядам дублетов стоит прибавить описательные характеристики, как правило, калькированные с французского (фр. *l'odeur approche de celle de la violette* → *запах, похожий на запах фиалки* → *фиалковый*). По крайней мере теоретически для врачей должны были быть очевидными различия между запахами бальзамическими (т. е. исходящими от *бальзамов* — лекарственных смол) и ароматическими (концентрированными запахами трав и пряностей), амбровыми (напоминающими аромат *амбры*, которую считали веществом и растительного,

⁶² Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 308–309; Хомякова Е. Ю. Русская химическая терминология XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 11–15; Итунина А. Л. Формирование ботанической терминологии в языке русской науки XVIII — первой четверти XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999; Сикорская Л. Н. Синонимические средства выражения в сфере русской ботанической терминологии конца XVIII — первой половины XIX века // Лексическая и синтаксическая синонимия. Смоленск: СГПИ, 1989. С. 33–43; Сорокин Ю. С. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин *растение* и его синонимы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 3. С. 218–225; Романов Н. А. Русская анатомическая терминология XVIII века. Смоленск: САУ, 1997.

⁶³ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 340–381. Также см. материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII века, хранящиеся в Словарном отделе ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге.

и животного происхождения⁶⁴) и мускусными (сходными с запахом мускуса⁶⁵), острыми и пронизательными, или пронзительными (содержащими большое количество летучих солей⁶⁶) и т. д.

В ботанической поэме 1796 года естествоиспытатель Мартын Тереховский отмечал пользу, которую разнообразные растения приносят

...для разных наших нужд, для разных и хотений,
Для пищи, питания, одежды, теплоты,
Судов, домов, дворов, лекарства, красоты,
Для обоняния их благовонна духа,
Для поправления всеобщего воздуха⁶⁷.

«Благовонный» и «полезный» выступают как синонимы: то, что приятно пахнет, полезно для здоровья, поскольку улучшает состояние воздуха и ликвидирует миазмы. Во второй половине XVIII века развивается и аффективное измерение ольфакторного словаря, когда запахи начинают регулярно характеризоваться по

⁶⁴ Амбра, пахучий секрет пищеварительного тракта кашалота, широко использовалась в гуморальной медицине. См., например: «Благовонная материя, из которой парфумы или курительные порошки делают: да она же и в лекарство кладется» (Экстракт Савариева лексикона о коммерции / пер. с фр. С. Волчкова. СПб.: Типография Академии наук, 1747. С. 101). Уверенности в ее происхождении не было, поэтому амброй также могли называть как некоторые растительные смолы, так и вещества животного происхождения.

⁶⁵ Сейчас под мускусом понимается секрет, который самцы кабарги сибирской (лат. *Moschus moschiferus*) выделяют во время гона. В XVIII веке мускус (варианты — муск, мскус, мосхус) имел более широкое значение, относящееся в первую очередь к запаху. Источником запаха могло быть и «вещество тучное, очень пахучее, собирающееся в особливом мешочке пониже пупа у казачков или кабаргиных самцов» (Словарь Академии Российской), и секрет виверры (циветты, или мускусной кошки), и даже куницы или выхухоли. В частности, французский глагол *musquer* переводился на русский язык как «намазывать мускусом; надушить выхухлем» (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей: в 2 т. СПб.: Императорская типография, 1786. Т. 2. С. 143); «пудро с выхухольным духом» упоминается в русском переводе третьего издания «Нового словаря путешественника» (Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках. Пер. С. Волчкова: в 2 ч. СПб.: Типография Императорской Академии наук, [1755]–1764. Ч. 1. С. 457).

⁶⁶ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 670.

⁶⁷ Тереховский М. М. Польза, которую растения смертным приносят. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1796. [Б. п.].

шкале «приятный—неприятный». На основании обонятельного впечатления заключалось, опасным или благотворным будет воздействие запаха на здоровье. Например, в ботаническом словаре Андрея Мейера, офицера артиллерии и члена Вольного экономического общества, указывалось: «Запах сей травы такой же, как у дурмана, из чего заключать должно, что надлежит ее почитать вредною»⁶⁸. Петр Вениаминов, популярный врач частной практики, профессор химии, ботаники и практической медицины и основатель гербария Московского университета, в публичной речи о пользе ботаники отмечал: «Неприятные видом и противный нашему обонянию запах испускающие [растения. — М. П.] подозрительны, да и о прочих полезных нам или вредных много из сего вообще заключается»⁶⁹. Это свидетельствует о размывании границ и принципов гуморальной патологии: под влиянием теории миазмов, с одной стороны, и новых представлений о чувствительности — с другой, точкой отсчета становится человеческое восприятие.

С середины XVIII века благодаря обсуждению медицинских понятий чувствительности и раздражительности непосредственному чувственному впечатлению начали придавать все большее значение. Характерной особенностью пособий по фармацевтике стало требование принимать в расчет субъективные впечатления вкуса и запаха, сигнализирующие о степени чувствительности больного. Учебник фармакологии Иоганна Пихлера предписывал врачам щадить чувства пациентов и «не пренебрегать запаха и вкуса; например, вместо отвара горьких растений можно давать горькие вытяжки в пилюлях, также и испускающие тяжелой запах, как-то бобровую струю, канфару, галбан [гальбанум, смола растения *Ferula gummosa*. — М. П.], предписывать лучше в пилюлях»⁷⁰. Отвары, которые принимались вместо питья или в больших количествах, теперь следовало готовить так, чтобы они были «не очень неприятного вкуса»; сильнодействующие лекарства и «вещи, имеющие запах или вкус противной» давать в виде

⁶⁸ Мейер А. К. Ботанический подробный словарь. М.: Типография Н. Новикова, 1781–1783. Т. 1. С. 345.

⁶⁹ Вениаминов П. Д. Слово о свойствах и пользе растений. М.: Типография Московского университета, 1767. С. 11.

⁷⁰ Пихлер И.-Ф.-Х. Наставление сочинять рецепты. М.: Типография Пономарева, 1796. С. 24.

пилюль в сладковатой или безвкусной оболочке⁷¹. Ему вторил справочник британского врача Джона Эллиота, переведенный по инициативе Вольного экономического общества: «Все вещи проницательного свойства лучше давать в растворе, и все противные к принятию лекарства, естли обстоятельства дозволяют, делать пилюлями или катышками»⁷². И если прежде острый и сильный запах сигнализировал о лекарственной ценности вещества, а с неприятным запахом мирились, а то и вовсе не замечали, ныне они стали вызывать беспокойство как потенциально опасные для «нежных» людей⁷³. Представления о миазмах, создающих угрозу здоровью, и представления о градации чувствительности в конечном счете сказывались на изменении отношения к запахам и степени их отрефлексированности.

Из всего вышесказанного может создаться впечатление, что становление ольфакторного словаря шло по одному пути, посредством специализированной научной и медицинской литературы, а ольфакторная лексика принадлежала исключительно сфере медицины. Это не так: вторая половина XVIII века в России — эпоха

⁷¹ Там же. С. 143, 49–50. Фразеологизмы «подсладить пилюлю» и «позолотить пилюлю» впервые появились во французском языке на основании реальных врачебных практик — обсыпания лекарственных «катышков» порошком солодкового корня, сахаром или сусальным золотом. В русский язык кальки с французского в прямом значении проникают во второй половине XVIII века, ср.: «Врачи всегда горькие пилюли или покропляют сладким соком, или обводят их золотою шелухою, чтоб неприметно было их противное взору и вкусу составление...» (Парнасский щепетильник. СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1770. С. 55). На рубеже веков зафиксированы первые переносные употребления (Письмо Г. Р. Державина И. И. Дмитриеву, 21 ноября 1805 года // *Державин Г. Р. Сочинения*: в 7 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868–1878. Т. VI. С. 187). Приятный вкус и аромат пилюль специально оговаривается в рецептурных книжках и фармацевтических руководствах вплоть до 1870-х годов, ср.: *Ковен*. Пилюли из растительных веществ приятного вкуса слабительные и очистительные. Paris: V. Coury, 1873.

⁷² Эллиотт И. [Эллиотт Дж.]. Карманный лечебник. С. Х.

⁷³ Ср.: «Нужно иметь прилежное и основательное внимание и замечание, дабы продолжением противных натуре лекарств не сделать препятствия к облегчению болезни, или не причинить большего вреда; в таковых обстоятельствах должно непременно оставить кажущееся отвратительным для больного лекарство, а вместо оного принимать другое, сходствующее действием своим с тем, которое отменено» (*Гебберлейн*. Самонужнейшая домашняя аптечка с рецептами и наставлениями как употреблять предписываемые в оной лекарства, в пользу помещиков и жителей деревенских. М.: Сенатская типография у В. Окорокова, 1800. С. 79).

переводческого бума, когда на русский язык переводятся западноевропейские издания самых разных жанров⁷⁴, а последняя треть века — это еще и расцвет книгоиздания, когда к печатной продукции государственных типографий добавляется вклад вольных (с 1783 года). Всего с 1770 по 1800 год книг выходит в четыре раза больше (около 7600 наименований), чем за предыдущие тридцать лет⁷⁵. Основными потребителями изданий гражданской печати (книг и журналов) были дворяне — наиболее образованная и состоятельная часть общества; за ними шли купцы, разночинная интеллигенция и духовенство⁷⁶.

В эту эпоху органолептические описания и указания на тип запаха встречаются как в специализированной литературе, так и в популярных источниках, — и не всегда между ними можно провести твердую границу. Во-первых, это собственно научные сочинения по медицине, ботанике, диететике, которые читали и профессионалы, и образованные дилетанты. Во-вторых, это издания научно-популярные и общеобразовательные, к которым можно отнести переводы отдельных статей из «Энциклопедии», словари по камеральным наукам, «ручные книжки» (т. е. руководства и учебники) по различным областям домоводства и сельского хозяйства и поваренные книги XVIII — первой половины XIX веков и т. п.⁷⁷ Статьи о растениях, лекарственных веществах и парфюмерном сырье печатались уже в «Примечаниях к «Санкт-

⁷⁴ Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М.: Наука, 2006. С. 8–9. К 1770-м годам доля переводов с французского составляла 55,1 %.

⁷⁵ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 56.

⁷⁶ Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 416–418.

⁷⁷ Большинство из них представляло собой переводы с французского. Например, в основу семитомного «Словаря коммерческого» В. А. Левшина (1787–1792) легли статьи из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера и «Всеобщего словаря торговли» Ж. Савари де Брюлона (1723) — последний в сокращенном виде был переведен на русский язык еще С. Волчковым и издан в 1747 году (Экстракт Савариева лексикона о коммерции). «Словарь ручной натуральной истории» Левшина (1788) — это перевод энциклопедии Ш.-А.-Ж. Леклерка де Монлино (1762); левшинское «Всеобщее и полное домоводство» (1795) представляло собой сокращенный и перекomпонованный перевод книги по сельскому хозяйству Л. Лиге и П.-Ш.-Л. Бенье, новиковский «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788–1790) состоял из переводов сразу трех французских словарей.

Петербургским ведомостям» (1728–1742), первом русском журнале⁷⁸; в конце века принципу органолептического описания последовал «Словарь Академии Российской»⁷⁹. Специализация медицинской и ботанической лексики размывалась благодаря взаимной диффузии естественных и камеральных дисциплин и взаимодействием различных научных и литературных жанров. Слова постепенно утрачивали свой терминологический статус и осваивались неспециалистами.

Особую группу составляли поэтические и прозаические тексты, переводные и оригинальные. Трансплантацию ольфакторной лексики на литературную почву поддерживала мода на европейское поведение и европейские формы взаимодействия⁸⁰. Просветительское воспитание вместе с чувствительностью открывало российскому дворянству любование пейзажем и наслаждение тонкими запахами⁸¹. С помощью сентиментальной литературы и сентиментальных кодов поведения диапазон ольфакторных нюансов, накопленный естественными и камеральными науками к последней трети XVIII века, становится доступен читающей публике. Включение элементов научного описания в художественный текст могло ограничиваться одним-двумя эпитетами или быть более развернутым — как, например, в руссоистских текстах Карамзина, использующего узнаваемые принципы ботанического дискурса:

Срываю — и каждую травку, каждой цветочек бережно завертываю в особливую бумажку. Возвратясь в свою комнату, разбираю, кладу их на солнце, и не будучи многоученым ботанистом,

⁷⁸ См., например: Примечания к «Ведомостям». СПб.: Типография Академии наук, 1733. С. 5; 1739. С. 216.

⁷⁹ Ср., например: «Алой <...> употребляемый же оных сок, полупрозрачный, лоснящийся, с пятнышками и прожилками златоцветными, тяжелого запаха и весьма горького вкуса, называется у нас турецким словом Сабур» (Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794. Т. 1. Стб. 23); «Иссоп <...> запах имеет пахучий, не неприятный, на вкус горячит, отзывается аромом несколько на канфору сдающуюся, употребляется как укрепляющее внутренности и мокроты разделяющее средство» (Т. 3. Стб. 316–317); «Можжевелник <...> молодые побежки имеют запах приятный, бальзамический; вкус также бальзамический, слегка горьковатый, ягодной мякоти запах ароматический, довольно приятный; вкус сладкий и сходный с запахом» (Т. 4. Стб. 216–217).

⁸⁰ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 297–298.

⁸¹ Белова А. В. «Четыре возраста женщины». С. 420–421.

на каждое растение пишу краткие примечания... Например: «Сии белые цветочки с желтою оттенкою, на гладком, темнозеленом, сочном стебле, приятны для глаз, но еще приятнее для обоняния. Когда сокроется дневное светило и вечерний мрак стгустится в пространстве воздуха, поди в темную рощу: там нервы твои затрепещут от небесного благоухания...»⁸².

Практика ботанических прогулок («гербаризирования»), ставших под руссоистским влиянием видом модного досуга, также способствовала внимательности к нюансам цвета, вида, запаха, тактильного ощущения, которые сентиментальная эстетика требовала уметь отмечать и правильно называть⁸³. Среди русских литературных текстов, обыгрывающих жанр ботанической прогулки, следует упомянуть «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» поэта, переводчика, архитектора и знатока изящного Николая Львова. В последние десятилетия XVIII века в обычай вошли короткие прогулки по саду перед утренним кофе, а одним из садоводческих новшеств стало создание дорожек с душистыми травами — бедренцем, водяной мятой и тимьяном, которые испускали аромат под ногами гуляющих⁸⁴. Лужок с пахучими травами становится неперенным элементом модного «натургартена» — т. е. пейзажного парка. Проект такого сада, с «ковром из душистого дерну», тот же Львов разработал для графа Александра Безбородко в 1797–1799 годах⁸⁵.

Исследователи русской усадебной литературы отмечают, что в эту эпоху, на рубеже XVIII и XIX веков, начинается конкретизация

⁸² Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина: в 7 т. М.: Типография С. Селивановского, 1803. Т. 7. С. 176–177.

⁸³ Во Франции публикация в 1782 году «Писем о ботанике» произвела моду на ботанику и садовое дело в высшем обществе: парижане посещали лекции о ботанике в Королевском саду, придворные ездили в Тюильри и на Елисейские поля собирать гербарий, «ни одна элегантная дама не показывалась без лупы, пинцета и ножа» (*Шарафадина К. И. Игра «во вкусе гosos» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак»* (1814) // Русская литература. 2001. № 4. С. 128). В популярнейшем романе «Поль и Виржини» ученика и последователя Руссо Бернардина де Сен-Пьера, первый перевод которого на русский язык вышел в 1793 году, героиня соединяет язык ботанического описания с галантным языком цветов (Там же. С. 128–129).

⁸⁴ Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982. С. 20, 285. См. также: Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 79–81.

⁸⁵ Львов Н. А. Избр. соч. СПб.: Пушкинский Дом; РХГИ; Акрополь, 1994. С. 319.

садовых растений и их запахов⁸⁶. То, что прежде называлось обобщенным словом «ароматы», «дух», «благовония», под влиянием рокайльной и сентименталистской эстетики получает имена (роза, жасмин, ландыш, тюльпан, резеда, сирень, фиалка, лилия, василек, анемон) и подробно описывается⁸⁷. Вероятно, светское увлечение ботаникой оказывало влияние и на детализацию галантного «языка цветов», в котором окраска, форма и запах растения образовывали своеобразные синтаксические единицы. Русская культура изучала этот язык при посредстве французского любовного романа и легкой поэзии, благодаря которым новая эстетика входила в быт русского образованного общества⁸⁸. Однако не стоит забывать и о менее «престижных» путях знакомства с принципами ботанического описания, с оттенками, вкусами и запахами растений — путях, связанных с медициной, фармакологией и повседневной или экстренной заботой о здоровье.

На рубеже XVIII и XIX веков популярные рекомендательные и медицинские издания и художественная литература разными путями осваивали ольфакторный репертуар, научаясь говорить о запахах в научных терминах и расширяя область применения этих терминов. В результате — как под влиянием теоретических изменений в медицине, так и в процессе детерминологизации и популяризации терминов — строгость ольфакторной классификации (пусть и достаточно проблематичной, какими были ольфакторные классификации XVIII века) разрушалась: для не-специалиста было трудно понять разницу между «благовонным» и «душистым», «вонючим» и «отвратительным», «амбровым» и «бальзамическим», о чем свидетельствуют многочисленные примеры смешения и путаницы терминов.

Однако для еще более пристального описания запахов, как и для переноса принципов органолептического анализа на каждодневные рутинные практики, потребовалась более глубинная медицина, растянувшаяся на несколько последующих десятилетий.

⁸⁶ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. С. 358; Шарафадина К. И. Игра «во вкусе гососо»... С. 137.

⁸⁷ Ср.: «В окно твое влетает / Цветов приятный дух; / Террас пред ним дернов-ный / Узорный полукруг; / Там ландыши перловы, / Там розовы кусты, / Тюльпан, нарцисс душистый / И тубероза — чистой / Эмблема красоты / С роскошным анемоном...» (Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Государствен-ное издательство художественной литературы, 1959–1960. Т. 1. 1959. С. 121).

⁸⁸ Шарафадина К. И. Игра «во вкусе гососо»... С. 133–138.

В частности, важным в этом отношении представляется опыт физиологических очерков с их интересом к быту и опытом «анатомирования» повседневности. «Медицински детализованные картины болезни, смерти и посмертного разложения», характерные для антисентименталистской «неистой словесности» первой трети XIX века, будут широко использоваться в 1840–1850-е годы писателями русской натуральной школы и журналистами.⁸⁹ К пореформенному периоду русская культура подошла с разнообразным и эклектичным ольфакторным репертуаром, в котором соседствовали медицинские и естественнонаучные термины разного времени и поэтизмы, конкретные указания и потерявшие привязку к своему теоретическому контексту абстрактные характеристики. Пока литература натурализма и реализма прибегала к медицинскому дискурсу для конструирования «правды жизни»,⁹⁰ медицинские теории и воззрения просачивались в сферу повседневного, где гуморальная патология, представления о миазмах и страхи перед эпидемиями поддерживали внимание к запахам.

Запахи как симптомы: медикализация и естественнонаучный взгляд на повседневность

В пореформенный период все более существенную роль в формировании и внедрении представлений о нормальном и аномальном, о здоровье и болезни, о гигиене и грязи стали играть профессиональные корпорации — врачей, химиков, демографов, экономистов и статистиков, которые активно претендовали на роль экспертов во всех сферах частной и общественной жизни. По сравнению с концом XVIII — первой половиной XIX века общий социальный контекст ольфакторного беспокойства изменился. Во-первых, оно оказалось вписано в процесс медикализации повседневности и мощную тенденцию конструирования санитарно-

⁸⁹ Богданов К. А. «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века. С. 101–108. Близкие приемы можно обнаружить, например, в очерках Фаддея Булгарина (Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов. СПб.: Типография Э. Праца, 1843. С. 31–46).

⁹⁰ Матич О. Б. «Рассечение трупов» и «срывание покровов» как культурные метафоры // Новое литературное обозрение, 1993. № 6; Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели; Rindisbacher H. J. The Smell of Books.

гигиенической утопии и в ее рамках нового «человека гигиенического» — *Homo hygienicus*. Во-вторых, в эту эпоху начала постепенно изменяться структура российского общества: из прежних чинов и сословий возникала «общественность», объединявшаяся с помощью печатных средств информации и имущественных оснований⁹¹. Медицинская литература и беллетристика вырабатывали новый специфический словарь и новую грамматику ольфакторного беспокойства, которые конституировали публичный санитарно-гигиенический дискурс и артикулировали новые, «прогрессивные» требования к общественному пространству и человеческому телу⁹². В этот словарь входили топосы «очищения», «человечности», «цивилизованности», «умеренности», «нейтральности», «самоконтроля» — и «миазмов», «зловония», «духоты», «неряшества», «нечистот», «дикости» и т. д. Как уже говорилось выше, «чистое» интерпретировалось как «очищенное», отождествлялось с «прогрессивным» и «европейским» и противопоставлялось «грязному», «отсталому» и «азиатскому».

Под возрастающим давлением земских врачей, университетских ученых-гигиенистов и публицистов и со стороны государства, и со стороны частных лиц предпринимались все новые и новые попытки контролировать запахи внешней, публичной среды. Далеко не все они увенчались успехом, однако был важен сам факт постоянного привлечения внимания к проблемам санитарии и гигиены и постоянного давления на общество — риторическими и законодательными средствами. Пропагандисты гигиенического образа жизни не ограничивались проблемами эпидемиологического контроля. Реформированию и медицинскому контролю подлежала и частная жизнь; ее ольфакторные характеристики — запахи еды и напитков, одежды, утвари, различных хозяйственных предметов и товаров, жилища, человеческого тела — также служили предметом общественной и научной рефлексии. В соответствии с принятой в Европе санитарно-локалистской программой, основанной на теории миазмов, из среды обитания следовало удалить все то, что могло оказать вредное влияние на здоровье, и в первую очередь дурные запахи⁹³.

⁹¹ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 92–95.

⁹² Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. P. 92–93.

⁹³ Hannaway C. Environment and Miasmata // Companion Encyclopedia of the History of Medicine / ed. by W. F. Bynum, R. Porter. London: Routledge, 1993. P. 292–308.

Поскольку страх перед «повальными и заразительными болезнями» был велик и опасность виделась всюду, предпринимались попытки упорядочить ольфакторный материал и формализовать критерии оценки. Для описания качества «жилого воздуха» такой критерий уже существовал: процент содержания углекислоты в воздухе на кубометр или кубическую сажень пространства. Впервые кубическую норму предложил еще Лавуазье в 1786 году; к середине XIX века, после работ Александра фон Гумбольдта и Жозефа Луи Гей-Люссака о содержании кислорода в воздухе и опытов Жан-Батиста Дюма и Жан-Батиста Буссенго, позволивших подсчитать количество в воздухе углекислоты, расчеты Лавуазье были уточнены французскими химиками Феликсом Лебланом, Эженом Пекле и Жан-Батистом Монфальконом. Они установили, что для нормального функционирования человеческий организм должен располагать от 6 до 10 кубометров воздуха в час; спящему могло понадобиться воздуха в два раза больше⁹⁴. Не обошли вниманием и животных: с опорой на научные данные определялись кубические нормы для содержания конюшен и коровников. Рекомендациям ученых последовали парижские власти: в 1848 году был принят указ, согласно которому каждому индивиду следовало обеспечить 14 кубометров воздуха; впрочем, воплотить эти требования в жизнь было практически невозможно⁹⁵. Те же проблемы были и в России, где апелляции к последним публикациям европейских ученых и собственные исследования тщетно требовали административной реакции.

Отступления от нормы и соответственно порча воздуха переводились на повседневный язык понятием «скученность», которое имело выраженную социальную окраску⁹⁶. С низшими классами ассоциировались телесные испарения, спертый, надышанный воздух, избыток углекислого газа (углекислоты), запахи сырости и плесени. В популярном справочнике по домоводству 1850-х годов «физиологический» очерк условий, в которых жили низы, включает прямые заимствования из научной литературы:

В тех жилых покоях, в которых тесно помещаются люди, как, например: в квартирах бедных людей, с так называемыми углами,

⁹⁴ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 113–114, 171.

⁹⁵ Ibid. P. 171–172.

⁹⁶ Антонов А. А. Общедоступная гигиена. С. 97.

в казармах каких-нибудь женатых сторожей, в ремесленных заведениях, в арестантских и тому подобных помещениях, воздух в осеннее и зимнее время, когда нельзя отворять более окна, скоро портится и неблагоприятно действует на здоровье и силы этого бедного класса людей. <...> [Гнилость воздуха] сопровождается почти всегда отделением так называемого болотного газа (*carbure tetrahydrique*), имеющего хотя и слабый, но весьма неприятный запах, ощутительный в таких покоех, когда придешь с чистого воздуха⁹⁷.

Рассуждения о скученности и порче воздуха, характерные для гигиенической литературы последней трети XVIII века, получали новые мотивировки в соответствии с актуальными исследованиями. Подсчеты содержания кислорода и углекислого газа и введение кубической нормы позволяли объяснить неприятные запахи в жилищах бедняков и испорченную атмосферу богатых домов, театров, церквей и бальных залов — опасность, от которой не были защищены состоятельные, но неосведомленные люди⁹⁸. В остальном конфигурация полезного и вредного вторила инспирированным миазматической теорией советам конца XVIII века⁹⁹.

К 1870-м годам из-за общей обеспокоенности проблемами порчи воздуха медики все чаще прибегали к анализу атмосферы общественных и частных зданий при санитарных проверках и научных исследованиях санитарно-гигиенической направленности. Адепты санитарно-гигиенической модели писали в газеты о случаях порчи воздуха в публичных учреждениях¹⁰⁰. Земские и военные врачи вычисляли «воздушные» нормы для больниц и лазаретов, заводов и мастерских, школ и военных училищ, проводили

⁹⁷ Домашнее сокровище. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1857. С. 79–80, 85.

⁹⁸ О преждевременном увядании женской красоты. М.: Типография Б. Бахметева, 1859. С. 32–33.

⁹⁹ См., например, следующую рекомендацию 1840-х годов, которая прямо перекликалась с советами Бьюкена и Чулкова: «Во время езды в закрытых экипажах [следует] предупредить вредоносное на здоровье и красоту тела влияние, которое оказывают собственные испарения или испарина и дыхание сопутствующих» (Дрейер А. Космосоматика. М.: Университетская типография, 1840. С. 80).

¹⁰⁰ Вербцкий В. О проветривании зданий // Здоровье. 1876. Т. 2. № 40. С. 241–242.

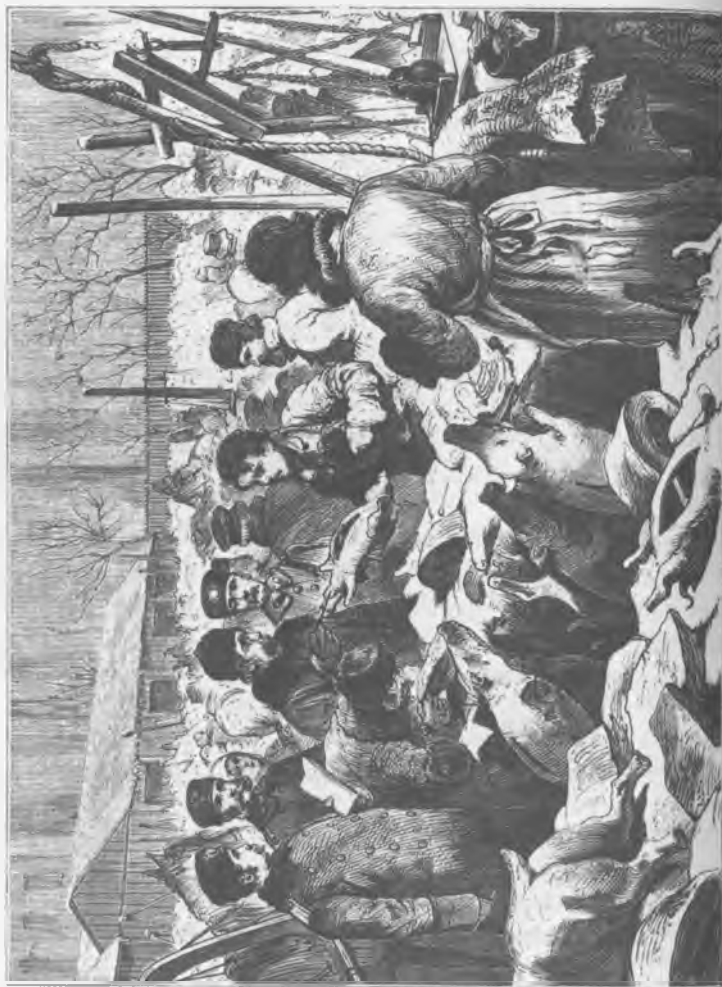

Рис. А. Бальдингер. Санкт-Петербург. Осмотр санитарной полицией съестных припасов на Сенной площади перед новым годом (Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. Вып. 782. С. 40)

исследования в гимназиях и театрах¹⁰¹. В одной из работ приводились замеры содержания угольной кислоты в воздухе после четырехчасовой защиты диссертации в зале университета, где сидит 300 человек¹⁰². Уловить трудноуловимое — качество воздуха — становилось возможным с помощью химического анализа: тем самым расплывчатые субъективные ощущения переводились в объективные данные¹⁰³.

Так, в диссертации, посвященной санитарной обстановке Полоцкой военной гимназии, врач Иван Зубковский приводил таблицы проб воздуха в различных гимназических помещениях, где наряду с объективными характеристиками (содержание углекислоты, атмосферные условия, наличие источников тепла и света) находилась графа с субъективными — описаниями запахов. Однако автор тут же оговаривался:

Субъективное чувство — обоняние, говорят, есть первый руководитель при обсуждении качеств воздуха и несоразмерности

¹⁰¹ Зубковский И. П. Опыт исследований по вопросам санитарного состояния и гигиенической обстановки военно-учебных заведений. Санитарное состояние Полоцкой военной гимназии и гигиеническая ее обстановка. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879; Смоленский П. О. Об угольной кислоте почвенного воздуха. Материалы для гигиены Красносельского лагеря. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880; Смоленский П. О. Исследования воздуха одного караульного домика близ Санкт-Петербурга / Сообщено в Русском Обществе охранения народного здоровья. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882. Губнер Ю. Ю. Воздух в Мариинском театре во время спектакля // Здоровье. 1874. Т. 1. № 5. С. 97–98; Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных. С. 20–26; Верекундов С. П. Санитарное состояние Киева в 1887–1889 гг. по отчетам Киевской городской санитарной комиссии. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1890. С. 1–2.

¹⁰² Радаков А. Н. Влияние на здоровье нечистого воздуха. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1876.

¹⁰³ В начале 1900-х годов знание о кубической норме воздуха становится более или менее всеобщим для образованного человека — благодаря прессы, популярным брошюрам и гимназическому образованию. В очерке Марины Цветаевой, посвященном ее европейскому детству, рассказывается о пациенте туберкулезного санатория в Нерви, которого они с сестрой навещали: «Подошли, положили цветы, поцеловали («Только не целуйте! На каждый кубический миллиметр воздуха — миллиарды миазмов», — так нас учили все, не считаясь с тем, что в восемь лет еще не знают ни кубов, ни миллиметров, ни миллиардов, ни миазмов — ничего, кроме поцелуя и воздуха!)» (Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 544).

проветривания какого-либо помещения относительно числа живущих в нем. <...> Полагаться на субъективное чувство — обоняние — вовсе не следует, потому что воздух, не имеющий никакого запаха и по обонянию кажущийся почти совершенно хорошим, отнюдь не несомненно хорош и действительно вполне соответствует требованиям гигиены. Опыты показали, что и такой воздух может быть вреден. Кроме того, субъективное чувство не у всех развито одинаково. Человек настолько сживается с дурным воздухом, что не чувствует большей степени его порчи, так что даже переходя в несколько лучшую, но само по себе едва сносную атмосферу, он признает ее за гораздо более доброкачественную, нежели она есть на самом деле¹⁰⁴.

С одной стороны, обоняние оказывалось жизненно важным для оценки качества воздуха, для соблюдения личных мер безопасности. С другой стороны, оно же превращалось в ненадежный и даже опасный инструмент, если было скомпрометировано силой привычки. Тем самым обитатели трущоб и подвалов, фабричные рабочие и прочие представители социальных низов объявлялись некомпетентными в вопросе оценки запахов: обоняние оказывалось не только субъективным, но и социально изменчивым чувством, надежность которого зависела от социального положения и жизненного опыта его обладателей¹⁰⁵. Предполагая, что «сживаться с дурным воздухом» свойственно скорее представителям социальных низов, гигиенисты были склонны доверять образованному человеку, выросшему и воспитанному в сносных гигиенических условиях. Но это отнюдь не означало, что «чистая публика» могла перестать беспокоиться, — напротив, именно ей предстояло использовать субъективное чувство обоняния, по умолчанию настроенное на некую европеизированную норму, для общественного блага.

Если для оценки состояния воздуха существовали измеряемые научные критерии, то с бытовыми запахами дело обстояло намного сложнее. Надежно установить, вредны они или нет, не

¹⁰⁴ Зубковский И. П. Опыт исследований по вопросам санитарного состояния. С. 334–335, 350–354.

¹⁰⁵ В конце века в качестве аргумента приводилась медико-полицейская статистика, согласно которой во многих квартирах рабочих приходилось по 1/4 кубической сажени воздуха на человека — опасный минимум, после которого шло удушье (Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 123). Вопрос, могли ли рабочие позволить себе квартиры большей площади и большего объема, при этом рассматривался редко.

представлялось возможным. С середины XVIII века в западноевропейской натурфилософии и медицине предпринималось множество попыток классифицировать запахи и миазмы, измерить их силу и характер действия, установить причинно-следственные связи между запахами и болезнями. Однако разнообразие наблюдаемых феноменов затрудняло выработку хоть сколько-нибудь надежных классификационных критериев. С уверенностью отнести запах к вредным или полезным можно было далеко не всегда; в этих случаях медики и естествоиспытатели прибегали либо к аффективной характеристике — определяя запахи как приятные или неприятные, либо к квалификации — описанию через подобие или смежность.

Эти способы описания широко использовались в хозяйственных руководствах и поваренных книгах конца XVIII — первой трети XIX века. Как и популярные лечебники, они черпали сведения о растениях, животных, минералах, сырье из научных трактатов, словарей и энциклопедий, но, в отличие от собственно медицинской литературы, для этих изданий было менее важно различать запахи по степени их лекарственного действия¹⁰⁶. Более существенными представлялись указания на симптоматический смысл запахов: на те оттенки и нюансы, на основании которых можно было отличить хорошие припасы от испортившихся, а испортившиеся бесповоротно — от тех, которые еще можно было спасти. Заметный запах мог сигнализировать о порче продукта. Однако, приняв такой сигнал, продукт следовало не выбросить, а «исправить» или «улучшить» (так русские издания XVIII — начала XIX века переводили глаголы *corriger*, *réparer* и *améliorer* из французских поваренных книг и справочников). После того как неприятный запах удалялся или маскировался с помощью ароматов, ассоциирующихся с безопасностью и здоровьем, пища вновь становилась пригодной для употребления.

¹⁰⁶ Например, в «Поваренной книге» Навроцкого параграф, посвященный шоколаду, целиком заимствован из «Натурального и экономического словаря»: «Шоколад весьма приятного вкуса, греет и крепит желудок, возбуждает на похоть, чахоточным людям он не бесполезен, кои многожелчны, пить его не советуется. За лучший шоколад обыкновенно почитается который не очень сладок, и не горек, не очень же много пряных зелий в себе имеет, хорошо, а не гнило пахнет, тверд и сух» (Навроцкий И. А. Новая полная поваренная книга, состоящая из 710 правил. М.: Типография Академии наук, 1786. С. 30).

Для «исправления» применялись те же средства, которыми очищали частные покои и публичные заведения во время эпидемий: пряности, окуривания уксусом, серой, духами. В 1820-х годах к ним добавились хлорная известь и самородная щелочь, в 1850-х в широкое употребление вошла салициловая кислота. Отметим, что люди не видели принципиальной разницы между очищением тела или дома от заразной болезни и восстановлением доброкачественности съестного: в обоих случаях использовались одни и те же техники, основанные на общих предпосылках. Например, хлорную известь использовали для «поправления» испортившихся яств и напитков и реставрации «естественного вкуса и запаха» консервов, приготовленных по методу Аппера¹⁰⁷. С помощью салициловой кислоты не только сберегали мясные продукты от порчи, но и бальзамировали трупы, чтобы избежать заражения и тлетворного духа¹⁰⁸.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения миазматической теории порча не просто давала о себе знать посредством запаха: она заключалась в запахе, поскольку изначально содержалась в «атмосфере» — спертom воздухе и зловредных испарениях, природных и человеческих. Бороться с миазматическими началами, заключенными в атмосфере, следовало, препятствуя соседству ценных продуктов с опасными запахами и эманациями. Например, считалось, что вина и соленья портятся от соседства с сильнопахнущими продуктами и веществами и их следует держать отдельно, очистив помещение для них курениями «розмарином и можжевельником, также благовонными травами или какими-

¹⁰⁷ Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 25–27. Точно так же противогнилые свойства хлорной извести использовались в Европе — от добавления ее в припасы до бальзамирования. Изобретатель хлорной извести французский химик Антуан Лавуазье дезодорировал тело Людовика XVIII; во время июльской революции 1830 года раствором хлорной извести опрыскивали трупы погибших парижан (Corbin A. *The Foul and the Fragrant*. P. 120–121).

¹⁰⁸ В 1870 году была опубликована работа профессора Петербургской медико-хирургической академии Давида Выводцева «О бальзамировании вообще и о новейшем способе бальзамирования трупов без вскрытия полостей, посредством салициловой кислоты и тимола»; в 1881 году тот же Выводцев бальзамировал тело Н. И. Пирогова для последующей демонстрации публике (Богданов К. А. *Прездвременные похороны: фантасмы, беллетристики, визионеры* // *Русская литература и медицина*. С. 73–74).

нибудь другими курами»¹⁰⁹. Рецепты курений помещались в поваренных и хозяйственных книгах¹¹⁰. Для более долгого хранения продуктов следовало перекрыть к ним доступ воздуха. В этом случае их рекомендовалось покрывать воздухо непроницаемой пленкой — медовым или сахарным сиропом, пчелиным воском, яичным белком, рыбным клеем, гуммиарабиком, жиром и даже цементом — или зарыть в песок, золу, зерно, молотый кофе и т. д.¹¹¹ «Поваренный календарь» 1808 года советовал натирать мясо сахаром:

От сего получает оное приятный вкус и отнюдь не подвергается тому, что происходит с ним от соли; поелику в сахаре нет той едкой остроты, какова в соли; также содержит он в себе маслянистую тучность, которая мясо покрывает как бы бальзамом [смолой. — М. П.] и затыкает поры, чрез что воздух не допускается в мясо входить и соли в нем приводить в брожение¹¹².

Тот же совет повторялся в руководстве 1837 года¹¹³.

Если, несмотря на все предосторожности, припасы все-таки портились, достаточной мерой почиталось проветривание — т. е. опять-таки удаление дурного запаха с помощью потока свежего воздуха:

Мясо с дурным запахом и вкусом поправлять. Когда оно наполовину сварится, тогда надобно вынуть из котла вон, и дать лежать на воздухе целый час; а потом положить опять в котел, и доварить уже совершенно. Чрез сие пропадет у него весь дурной вкус и запах¹¹⁴.

¹⁰⁹ Осипов Н. П. Новый и полный российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик: в 2 ч. М.: Типография А. Решетникова, 1796. Ч. 2. С. 200–202.

¹¹⁰ Данная практика также сохранялась вплоть до конца XIX века. В частности, рецепты различных курений из купленных в аптеке или на материальном складе ингредиентов приводятся в: Симоненко П. Ф. Образцовая кухня. М.: И. Д. Сытин и К°, 1892. С. 615–621.

¹¹¹ Сбережение от порчи хлеба, рыб, мяс, плодов и вообще всяких домашних съестных припасов. М.: Типография И. Смирнова, 1837.

¹¹² Поваренный календарь: в 6 ч. СПб.: Типография И. Глазунова, 1808. Ч. 2. С. 288–289.

¹¹³ Сбережение от порчи... С. 13–14.

¹¹⁴ Осипов Н. П. Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. СПб.: Типография Ф. Мейера, 1794. С. 128.

*Распорядительная хозяйка. Дети! кушайте
на здоровье: это варенье никуда не годится*

Дети! Кушайте на здоровье, это варенье никуда не годится.

М. Л. Невахович. Распорядительная хозяйка (Волшебный фонарь.
Карикатурный альбом. СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

Другой стратегией была ароматизация, замещающая дурные или подозрительные запахи приятными ароматами пряностей — гвоздики, корицы, имбиря, галангала (*галгана, калгана*), мускатного цвета, цитварного семени, корня флорентийского ириса (или *фиалкового* корня). В «Новейшей и полной поваренной книге» Николая Яценкова, представляющей собой вольный перевод двух книг французского кулинара Менона, приведен способ

...как отнять запах плесени у вина: надобно сделать из пшеничного теста как палку, испечь ее до половины в печи; а вынувши, натыкать ее гвоздишными головками, и опять посадить в печь до тех пор, как она хорошенько испечется; потом опустить ее в бочку так, чтоб она не дотрогивалась до вина, или можно и совсем бросить ее в бочку; от чего и пропадет худой запах¹¹⁵.

Тем самым запах плесени замещался сильным ароматом гвоздики, которая наряду с другими специями входила в состав разнообразных ароматических саше, оздоравливающих уксусов и настоек, отдушек для курительной бумаги и курительной воды и широко использовалась для исправления и освежения воздуха в комнатах и погребах. Исчезновение неприятного запаха означало исчезновение повода для беспокойства.

Эта же стратегия позволяла и косметическую реставрацию «тронувшейся» провизии с помощью различных кулинарных технологий. Например, дичь — «олений, серн, диких коз <...> если они немного повреждены и издают дурной запах» — можно было спасти, сняв кожу, вынув кости и напиговав салом¹¹⁶. Дичь в принципе было принято употреблять в пищу ферментированной, после определенной выдержки, т. е. выраженный запах и вкус — то,

¹¹⁵ Яценков Н. М. Новейшая и полная поваренная книга: в 2 ч. (с прибавлением ч. 3). М.: Университетская типография В. Окорокова, 1790–1791. Ч. 3. С. 111. В оригинальном тексте Менона обнаружить данный совет не удалось, однако сходные рекомендации можно найти в близких по времени французских изданиях (см., например: *Plaigne Chevalier de. L'art d'améliorer et de conserver les vins*. Paris: Lamy, 1781). Ср. также: «Как отвращать, если когда вино будет пахнуть подбивкою»; «Истреблять в вине дурной запах»; «Отнять у вина запах и вкус плесени» (Осипов Н. П. Новый и полный российский хозяйственный винокур... Ч. 2. С. 18, 66–67, 80–81).

¹¹⁶ Поваренная книга, содержащая в себе 1039 наставлений, в 15 отделениях, составленная Обществом опытных хозяек. М.: П. А. Ерофеев, 1847. С. 11.

что французские кулинарные книги и хозяйственные справочники называли *haut goût*, — в этом случае был нормой¹¹⁷. Соответствовал ли ощущаемый запах норме и как поступать в сомнительных случаях (проветривать, вываривать или ароматизировать мясо), решал специалист — повар или эконом. Отдельные издания — например, компилятивный «Источник здравия» Панкратия Сумарокова или «Поваренный календарь» 1808 года — приводили сроки, в течение которых следует выдерживать дичь разного размера, и сроки, в течение которых она может храниться в летнее и зимнее время¹¹⁸.

Однако на практике понятие «срока годности» было субъективным и определялось конкретными условиями хранения, навыками повара или соображениями экономии. Мемуарные свидетельства позволяют предполагать, что во многих помещичьих хозяйствах испорченная провизия выбрасывалась не сразу: сначала ее «исправляли» (удаляя запах), чтобы употребить для господ, затем скармливали детям, прислуге и дворовым. Елизавета Водовозова вспоминала, как они с братьями и сестрами неделями и месяцами «ежедневно после обеда ели паточное и медовое варенье, прокисшее до такой степени, что от него шел по комнате запах кислоты. То же самое было и относительно всех других домашних заготовлений: все, что покрывалось уже плесенью, особенно если это было съестное, отдавали дворовым, менее испорченное и сладкое получали мы, дети»¹¹⁹.

Предохранительные меры, основанные на этих представлениях, оставались в ходу до тех пор, пока основной объяснительной моделью патогенеза была теория миазмов. Несмотря на все более

¹¹⁷ Liget L. La nouvelle maison roustique. 2 vols. Paris: Chez les libraires associés, 1790. Vol. 2. P. 599, 728, 742.

¹¹⁸ Сумароков П. П. Источник здравия. С. 140–141.

¹¹⁹ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 127–128; см. также с. 211. См. также соответствующий пассаж в «Господах Головлевых» (1875–1880): «Недаром у головлевской барыни была выстроена целая линия погребов, кладовых и амбаров; все они были полным-полнехоньки, и немало было в них порченого материала, к которому приступить нельзя было, ради гнилого запаха. Весь этот материал сортировался к концу лета, и та часть его, которая оказывалась ненадежно, сдавалась в застольную. — Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизли, припахивают, ну, да уж пусть дворовые полакомятся, — говорила Арина Петровна, приказывая оставить то ту, то другую кадку» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977. Т. 13. С. 44).

частые сообщения химиков о том, что дезодорацию нельзя считать надежной предохранительной мерой, обыватели ассоциировали ликвидацию дурного запаха с устранением заразы или опасности. Первые советы отказаться от окуживаний благовонными веществами, которые «нисколько не уменьшают вредоносного влияния болезненных истечений», но «могут только на короткое время маскировать и делать не ощутительными дурной запах», относятся к 1830-м годам¹²⁰. Тем не менее обыватели продолжали отождествлять очищение с ликвидацией дурных запахов или наделением запахами хорошими.

Это обстоятельство осознавалось и обсуждалось врачами. В 1885 году, когда со времени крупных бактериологических публикаций Пастера уже прошло более десяти лет, на IV съезде санитарных врачей Санкт-Петербургской губернии доктор Сергей Шидловский сделал доклад о дезинфекции. В частности, Шидловский подчеркивал проблематичность различения дезинфекции и дезодорации. Для неспециалиста границы между загрязненным и очищенным были маркированы через неприятные и приятные запахи (или же через наличие неприятных запахов и их отсутствие или незаметность). Врач отмечал:

Вопросы дезинфекции, так легко разрешавшиеся еще в недавнее время полного отождествления дезинфекции с дезодорацией, ныне составляют едва ли не самый запутанный и шаткий отдел в ряду мер, рекомендуемых гигиеной для борьбы с заразными болезнями. Воззрения, принимавшие, что зловонный воздух является постоянным спутником заразных веществ, что сам по себе он может оказывать специфически вредное действие на здоровье, являясь причиной инфекционных болезней, и что, следовательно, уничтожение зловония равносильно уничтожению заразы, не только делали применение дезинфекционных средств легким, но и давали самый простой и общедоступный критерий действительности употребленного средства¹²¹.

¹²⁰ Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 9.

¹²¹ Шидловский С. В. Дезинфекционные меры на случай появления холеры // Протоколы IV санитарного съезда земских врачей Санкт-Петербургской губернии 3–13 апреля 1885 года. Приложение 2 к протоколу 13 апреля. СПб.: Санкт-Петербургская губернская земская управа, 1885. С. 311.

В этом отношении российская и европейская медицина двигались равными темпами: вопросы дезодорации дискутировались и во французской специализированной прессе¹²².

Поскольку поваренные и хозяйственные книги были нацелены на воспроизведение уже опробованных — и показавших себя эффективными — схем, а не на внедрение новых, в массовых изданиях 1850–1880-х годов во многом сохранялись приемы и технологии XVIII века. Например, в «Семейной общепонятной поваренной книге» Герасима Степанова, работавшего поваром в русских аристократических домах, приводится старая рекомендация, как справиться с неприятным запахом соленой рыбы. В свою очередь, эта рекомендация будет практически дословно повторена в одной из книг 1870-х годов¹²³. Похожий совет по исправлению испортившейся рыбы из первого издания «Подарка молодым хозяйкам» Елены Молоховец почти без изменений транслируется в более поздних изданиях¹²⁴. После уничтожения запаха рыба считалась совершенно безопасной для употребления — несмотря на то, что начиная с 1850-х годов газеты пестрели сообщениями об отравлениях свежей и соленой рыбой; пики отравлений приходились на пост и жаркие летние месяцы¹²⁵.

В этом отношении трансляция кулинарных и хозяйственных советов следовала той же инерционной логике, что и практика использования лекарств. По воспоминаниям психиатра Якова Боткина, в 1860-х годах аптекарей и студентов-медиков Московского университета все еще учили готовить «спирт сорока разбойников» (от фр. *vinaigre des quatre voleurs*, т. е. уксус четырех разбойников) —

¹²² Например, в 1884 году марсельский врач Мариус Фантон опубликовал книгу о профилактике холеры, где подчеркивал бесполезность ароматических средств (указано в: *Perras J.-A., Wicky É. La sémiologie des odeurs au XIXe siècle: du savoir médical à la norme sociale // Études françaises. 2013. Vol. 49. N 3. P. 128*).

¹²³ Степанов Г. Семейная общепонятная поваренная, кондитерская и хозяйственная книга: в 5 ч. М.: Типография Ведомства московской городской полиции, 1857. Ч. 4. С. 40.

¹²⁴ Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам. Курск: Типография Губернского правления, 1861. № 2637; Павловская С. Скоромный и постный стол. СПб.: [Б. и.], 1876. С. XI.

¹²⁵ Здекауэр Н. Ф. О рыбном яде // Журнал Русского Общества охранения народного здоровья. 1892. № 1. С. 1–16. Эта статья представляет собой публикацию доклада, прочитанного в 1863 году в петербургском Обществе естествоиспытателей и за 30 лет «не утратившего научного интереса» — и, добавим, общественной значимости.

антимиазматическое лекарство, восходящее к монастырским рецептам XVII века¹²⁶. Врачи жаловались, что в провинциальных аптеках современные средства и препараты убираются в дальние комнаты, а устаревшие стоят на видном месте, поскольку пользуются покупательским спросом. Например, в 1868 году в государственных и вольных аптеках продавались заячье сало, гальмейный камень (*lapis calaminaris*, кремнистая цинковая руда), кровавик (гематит), алкорнок (древесина тропического дерева *Alchornea*), стоноги (препарат из многоножек — представителя наземных членистоногих), смиргель (алмазный шпат), мыловка (разновидность глины, которая употреблялась для мытья и валянья шерсти), горная смола (*asphaltum*, битум), копал (душистая ископаемая смола), бобки (бобы тонка, использовавшиеся для ароматизации табака и домашних настоек), кармин, различные духи и помады¹²⁷.

В воспоминаниях Александра Чехова, старшего брата писателя, о детстве в Таганроге упоминаются архаические снадобья из отцовской лавки — семибратняя кровь, сорокатравник, всеисцеляющий пластырь и некое «гнездо»:

В состав этого удивительного лекарства входило многое множество каких-то трав, порошков и минералов. Антон Павлович уже в зрелые годы пробовал записать по памяти состав этого «гнезда» и вспомнил, между прочим, что туда входили: нефть, металлическая ртуть (живое серебро), азотная кислота (острая водка), семибратняя кровь, стрихнин (кучелаба), сулема, какой-то декокт в виде длинных серых палочек и целая уйма всякой дряни. Все это настаивалось на водке и давалось внутрь столовыми ложками¹²⁸.

Наряду с сохранением старых лекарственных средств и способов очищения, основанных на представлениях о миазмах и запахах-антидотах, в пореформенный период возникает сомнение в возможностях дезодорации. Как обнаружение новых доводов в пользу контагиозной природы многих болезней и открытие микроскопических возбудителей, так и популяризация медицинского

¹²⁶ Боткин Я. А. Заметки и воспоминания врача. Симферополь: Электротипография М. М. Эйдына, 1909. С. 47.

¹²⁷ Из отчета медицинского инспектора Радомской губернии д-ра Революинского об осмотре аптек в 1868 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. V. С. 28–31.

¹²⁸ Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 36–37.

М. Л. Невахович. Черная речка. Для чистого воздуха (Волшебный фонарь.
Карикатурный альбом. СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

взгляда на повседневную жизнь привели к тому, что дезодорация или ароматизация стали считаться недостаточными. Для исправления испорченной пищи или очищения зараженных вещей удаления дурных запахов отныне было мало: теперь требовалось глубинное очищение опасной субстанции или объекта от заразного начала. В первую очередь это означало дискредитацию ароматических очищающих средств и выбор все более серьезных средств и сложных техник (вплоть до обработки жилищ парами сулемы), справиться с которыми мог только человек, прошедший специальное обучение. Дезодорацию стала вытеснять дезинфекция¹²⁹.

В 1880-е годы, в эпоху так называемого санитарно-бактериологического синтеза (термин, предложенный Дэвидом Барнсом для характерного для последних десятилетий XIX века сочетания пастеровских открытий и программы гигиенистов по оздоровлению городов), дезинфекция стала основным способом борьбы с заразой. Примечательно, что как раз в эту эпоху российское медицинское сообщество стало открыто претендовать на экспертную функцию. Хотя неприятные запахи по-прежнему вызывали сильную обеспокоенность общественности, в свете новых бактериологических знаний о происхождении заразы уверенности в том, что все, что дурно пахнет, сигнализирует об опасности, уже не было (парадоксальным образом это знание, усвоенное публикой к рубежу веков, напротив, только усиливало страх и беспокойство). Подтвердить или развеять опасения, а также обнаружить болезнетворные микробы там, где они не выдают свое присутствие отвратительным смрадом или едва уловимым намеком на него, мог только эксперт, работающий в лаборатории¹³⁰.

¹²⁹ Смоленский П. О. Краткие заметки о дезинфекции. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889. С. 2.

¹³⁰ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. P. 37–47; Ламур Б. Пастер: война и мир микробов. С. 104–108. В 1885 году в Париже открылся Пастеровский институт, занимавшийся прививками против бешенства, бактериологической экспертизой и научными консультациями частных лиц. Вторая в мире пастеровская станция была открыта в 1886 году в Одессе, в результате договоренности Ильи Мечникова и Николая Гамалеи с Пастером. Еще четыре станции были открыты в Российской империи в течение 1886 года — в Варшаве, Самаре, Петербурге и Москве (Большая медицинская энциклопедия: в 29 т. М.: Советская энциклопедия, 1974–1988. Режим доступа: http://big_medicine.academic.ru — Дата обращения: 31.05.2018).

Другой тенденцией, сформировавшейся в 1860-е годы, стало постепенное снижение ольфакторной толерантности. Новая санитарно-гигиеническая сознательность, тесно связанная с критическим взглядом на результаты государственного администрирования, способствовала «проявлению» целого ряда прежде незаметных или терпимых запахов, выведению их в сферу рефлексии. Соответственно следовало определить статус большинства запахов, с которыми человек сталкивался в повседневной жизни, отнести их к полезным, приемлемым, нейтральным или вредным. Такой подход способствовал как предотвращению болезней, так и выявлению подделок и суррогатов. Задачей, стоявшей перед научным сообществом (точнее, сообществами), было научное описание быта. В 1858 году на русском языке была издана фундаментальная «Химия повседневной жизни» шотландского химика Джеймса Джонстона, демонстрировавшая принципы исследования и описания химических процессов, происходящих в быту и в первую очередь — на кухне¹³¹. «Кухню можно принимать за настоящую химическую лабораторию, — вторил Джонстону немецкий ученый Отто Уле в брошюре о прикладной химии 1859 года, — <...> химик может как приносить пользу, так и отравлять; а химик в кухне, не отдавая себе отчета в том, что он делает и что совершается на его глазах с веществами, может совершенно бессознательно и произвольно приготовить отраву»¹³².

Помимо научного описания специалисты видели свою задачу в популяризации критериев и принципов, с опорой на которые любой человек мог судить о качестве припасов¹³³. Одно тонкое обоняние далеко не всегда могло помочь — необходимо было ориентироваться в оттенках, уметь сопоставлять их. В прессе описывались

¹³¹ Джонстон Д. Ф. Химические сведения о различных предметах из повседневной жизни: в 2 ч. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1858.

¹³² Уле О. Химия кухни. Ч. 1–3. СПб.: Ковалевский, 1865–1867. С. 137. Оригинал (Ule O. Die Chemie der Küche // Die Natur. Zeitung zur Verbreitung naturwissenschaftlicher Kenntnis und Naturanschauung für Leser aller Stände / Hrsg. von Dr. Otto Ule und Dr. Karl Müller. Bd. 4. Halle, 1855) был переведен на несколько языков и выдержал ряд переизданий вплоть до 1923 года.

¹³³ Автор одной из первых российских книг о фальсификатах Александр Наумов писал о необходимости научить «потребителей приобретать товары» (Наумов А. М. Экономическое значение примесей, вводимых в различного рода съестные припасы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. С. 20–23).

случаи, когда представители власти полагались на свое чувство обоняния и принимали медицински необоснованные или неверные решения, отправляя на уничтожение товары, запах которых им не нравился, но был изначально присущ тому или иному продукту или веществу¹³⁴.

Интенции ученого-химика, врача-гигиениста и составителя поваренной книги стали сближаться: и санитарные правила, и учебник гигиены, и поваренная книга, и руководство по ведению домашнего хозяйства стремились теперь к массовому распространению «объективного» научного знания, способного оградить человека от ошибок и опасностей, заключенных в повседневности. Когда в 1883 году вместо журнала «Здоровье» под редакцией крупного врача-гигиениста Александра Доброславина начала издаваться еженедельная газета, она ставила своей целью «дать <...> советы и указания, выработанные современной наукой, — как правильно построить дом, расположить комнатную обстановку, готовить кушанье, ухаживать за больными, очищать воду и воздух»¹³⁵.

Кухня теперь делилась на устаревшую, чреватую болезнями, и новую, «гигиеническую», чья безопасность была заверена и подтверждена современной наукой¹³⁶. Очерки о пищеварении, сведения о питательности продуктов, критерии различения качественных товаров и подделок стали публиковаться в массовых изданиях. Домашней хозяйке, «попечению которой вверены маленькие дети и взрослые члены семьи, заботливость которой распространяется на пищу, одежду, белье, обувь семьи, на кухню, погреб, устройство самой квартиры, отопление и освещение ее и, наконец, на уход за больными в семействе»¹³⁷, предписывалось владеть основами естественнонаучного знания. На III съезде

¹³⁴ Новороссийский телеграф. 1880, 17 (29) июля. № 1626. С. 3.

¹³⁵ Цит. по рекламному анонсу в: *Смоленский П. О.* О задачах и деятельности санитарных обществ Англии и Франции, в особенности по популяризации гигиены. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1883.

¹³⁶ Ср., например, следующие издания: *Летеби Г.* Вопросы питания. СПб.: Типография К. Сорванова и К°, 1872; *Виль И.* Диететическая поваренная книга для здоровых и больных. Саратов: Д. Д. Котюхов, 1882; *Он же.* Как и из чего готовить кушанья для больных и здоровых: Гигиеническая домашняя кухня. СПб.: Н. Н. Цылов, 1883; *Карвасовский И. А.* Кулинарная гигиена и практический повар. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1891.

¹³⁷ *Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразования и женских учебных заведений. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1883.

Общества русских врачей профессор гигиены Доброславин даже выступил с докладом о женском образовании, в котором заявил, что «гигиена должна сделаться достоянием и специальностью хозяек дома»¹³⁸. Общество распространения полезных знаний и Русское общество охранения народного здоровья учреждали кулинарные курсы для образованных женщин; научные основы домоводства, товароведения и кулинарии попали в программу гимназий и женских курсов¹³⁹. В 1890-х годах о важности знакомства с гигиеной писала в своем двухтомном труде «Дом и хозяйство» Мария Ределин, редактор популярной «Рижской газеты для хозяек»¹⁴⁰. Научный подход к быту стал массовым, а вместе с ним в повседневную сферу был перенесен и важнейший исследовательский метод прикладной химии — органолептический анализ, задачей которого была мобилизация человеческих чувств.

В европейских государствах «потребность в научном контроле доброкачественности съестных припасов, напитков и всей вообще обстановки человека»¹⁴¹ была продиктована растущей фальсификацией товаров в сфере торговли — еще одной области, где публичное и приватное пересекались. Урбанизация удлиняла цепочки потребления, способствуя торговле испорченным или сомнительным товаром, подделке и фальсификации, а также снятию ответственности с продавца¹⁴². Европейские правительства пытались ужесточить законы, регулирующие торговлю: в 1875 году в Великобритании парламент подписал закон, запрещающий подделку продуктов и лекарств (*Food and Drugs Act*), в 1879 году в Гамбурге был принят закон о контроле качества. Однако специалистов, способных осуществлять этот контроль, не хватало: задача возлагалась в первую очередь на полицейских, прошедших обучение в химической лаборатории¹⁴³.

¹³⁸ Очерк III съезда Общества русских врачей // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1889. Т. 2. № 2. С. 82.

¹³⁹ Лотова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. С. 88–89.

¹⁴⁰ Ределин М. Дом и хозяйство: в 2 т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1895. Т. 1. С. 63.

¹⁴¹ Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов, напитков, воздуха, воды, жилищ и проч. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1892. С. IV.

¹⁴² Burnett J. Plenty and Want: A Social History of Diet in England from 1815 to the Present Day. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 102.

¹⁴³ Evans R. J. Death in Hamburg. P. 166–174.

В Российской империи эти вопросы также входили в компетенцию полиции, а не медицинского сообщества. В 1861 году Министерство внутренних дел выпустило инструкцию по составлению актов освидетельствования съестных припасов и напитков, однако она не могла ни воспрепятствовать подделке, ни предложить четкие критерии, отделяющие качественные продукты от некачественных. Врачебный устав 1866 года содержал статьи «об охране безвредности съестных припасов» — они подразумевали штрафы за несоблюдение чистоты и опрятности при торговле съестным, приготовление для продажи и торговлю испортившимися или вредными для здоровья продуктами, обман в количестве или качестве товара, антисанитарное устройство боен, прогон скота и незаконную охоту и рыболовство¹⁴⁴. Тем не менее наличие соответствующих статей в Уставе не означало ни того, что они исполнялись надлежащим образом, ни, тем более, того, что знания, необходимые для этого исполнения, были массово усвоены обществом. Временные санитарные комиссии создавались лишь в периоды эпидемий и были заняты срочными вопросами (постоянные санитарные комиссии были учреждены только в 1880-х годах); земские врачи не обладали правом на медико-полицейский надзор и не могли принимать какие бы то

¹⁴⁴ Войно И. К. Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений Правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов: в 3 ч. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1871. С. 216. Регламентация торговли съестным восходит к петровскому времени: так, 18 сентября 1713 года был принят сенатский указ «О непродаже худого мяса» (ПСЗ. I. Т. 5 (№2714). 1830. С. 56); сенатский указ «О наблюдении порядка и чистоты по городу Санктпетербургу и о взимании штрафа за нечищение домовых труб и за продажу в рядах и в других местах порченных съестных припасов» от 18 июня 1718 года запрещал продажу «нездорового съестного харча и мертвечины» под страхом битья кнутом, каторги и — для рецидивистов — смертной казни (Там же. (№ 3210). 1830. С. 575–576). По инструкции московскому обер-полицмейстеру Грекову от 9 июля 1722 года следовало держать мясные ряды в чистоте, а вонючие и лежалые мясо и рыбу «бросать собакам, или велеть закопывать в землю в особливом месте где пристойно, а таковых, у кого оное явится бить батоги; а ежели у кого для продажи явится какая мертвечина: и за то таковых вместо смерти бив кнутом и вырезав ноздри ссылатъ на каторгу на урочные годы» (ПСЗ. I. Т. 6. (№4047). 1830. С. 731–732). Обязанности по надзору должна была выполнять полиция; в компетенцию медиков этот вопрос вошел только в 1868 году. Однако критериев для определения свежести или не-свежести продуктов сформулировано не было, и интерпретация «худого» и «нездорового» оказывалась очень подвижной.

Вентиляционная печь Сальмона
(Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 10. Вып. 241. С. 115)

ни было меры без соответствующих решений полицейского управления¹⁴⁵.

Муниципальные постановления на поверку оказывались недостаточными, а уездные и городские полицейские, которым вменялось в обязанность контролировать торговцев, не справлялись со своими обязанностями. В некоторых городах полицейских было попросту слишком мало, чтобы они могли эффективно проверять рынки и магазины: например, в Харькове в середине XIX века имелось всего 50 полицейских на 50 000 жителей¹⁴⁶. Учрежденный в 1867 году по инициативе обер-полицмейстера Федора Трепова резерв петербургской полиции должен был учить городских и околоточных надзирателей лишь первой помощи и самообороне. Основы санитарии и гигиены вошли в учебную программу в 1897 году и только для классных чинов, а общие требования к низшим полицейским чинам 1880-х годов были сравнимы с требованиями западноевропейской полиции 1840-х годов¹⁴⁷.

Из отчета Медицинского департамента за 1877 год следует, что попытки организовать всеобщий санитарный контроль и надзор за рынками были предприняты лишь в некоторых губернских городах. Автор одного из отчетов писал: в Херсонской губернии

...приложению медико-полицейских мер к жизни препятствуют, с одной стороны, невежество и отчасти бедность населения, порождающая в оном такой склад антигигиенических привычек, который лишь с большими усилиями может быть изменен к лучшему и победить ту апатию, с которой население относится к санитарным мерам; с другой стороны, неправильный образ торговли, основанной на одном общем, развитом особенно между мелкими промышленниками обмане, в различных уловках, чтобы продать гнилой товар, накормить испорченной пищей и т. п.¹⁴⁸

Подделывались не только провизия и промышленные товары, но и лекарства, продававшиеся в вольных аптеках¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Арутюнов Ю. А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 50.

¹⁴⁶ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 15.

¹⁴⁷ Невский С. А., Сычев Е. А., Аганесов Д. Е. Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX — начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 369–376.

¹⁴⁸ Отчет Медицинского департамента за 1877 год. С. 57.

¹⁴⁹ Л-ъ М. Темные стороны «латинской кухни» // Дело. 1877. № 11. С. 428–442.

Уездной и губернской торговлей проблемы не ограничивались: санитарное состояние столичных лавок и рынков было не лучше и давало обильный материал для врачей-гигиенистов и журналистов. В заметке, опубликованной в журнале «Здоровье», анонимный автор сравнивал деятельность торговой полиции в Мюнхене и в Петербурге: в 1875 году в 200-тысячном Мюнхене составили 39 816 санитарных протоколов, а в Петербурге, где населения было в три раза больше, — всего 674¹⁵⁰. В Москве в том же 1875 году было составлено 513 медико-полицейских актов, из них 247 — за неопрятное содержание мест приготовления съестных припасов, 135 — за продажу и хранение недоброкачественных продуктов, 106 — за обмер и недовес¹⁵¹.

Однако требования большей строгости к торговцам разбивались об экономические барьеры, недостаток персонала и коррупцию, а попытки полицейских действовать соответственно медико-полицейскому уставу не только нередко требовали компетенции, которой они не могли обладать, но и вызывали жалобы торговцев «что полиция подрывает торговлю, промышленность и кредит»¹⁵². В связи с этим широко обсуждался вопрос экспертизы. Например, в докладе 1882 года, обосновывая необходимость ветеринарного контроля на рынках и выражая недоумение по поводу существующих правил¹⁵³, петербургский ветеринарный врач Михаил Игнатьев писал:

Свидетельствование мясных продуктов <...> состояло исключительно в подозрении чего-то вредного, а что такое вредное и как возможно было констатировать в этом случае больное или зараженное мясо — сказать трудно. Не представляется возможности определить при освидетельствовании мяса, было ли оно от здоровых или от больных животных. В этом случае можно только сказать, что мясо испортилось, пахнет, ослизло от времени¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Торговая полиция у нас и за границей // *Здоровье*. 1877. Т. 3. № 59. С. 107.

¹⁵¹ Из Москвы // *Здоровье*. 1877. Т. 3. № 60. С. 123–124.

¹⁵² Торговая полиция у нас и за границей. С. 107.

¹⁵³ Между российской публикацией работы Вирхова о трихинах в мясе (*Вирхов Р. Изложение учения о трихинах*. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1864) и введением обязательного ветеринарного освидетельствования всей мясной продукции прошло около 20 лет.

¹⁵⁴ *Игнатьев М. А.* Об убое скота в городских скотобойнях и приспособлениях на них для освидетельствования как состояния здоровья скота, так и доброкачественности мяса // Третий санитарный съезд земских врачей Санкт-Петербургской губернии. 20–29 августа 1882 года. Вып. 2. СПб.: [Б. и.], 1884. С. 76–77. Даже с открытием централизованных городских боен

Столь же расплывчатыми, с точки зрения гигиенистов, были и официальные санитарные правила для рыбных промыслов¹⁵⁵.

Зачастую единственным средством борьбы с недобросовестными торговцами оказывались санитарные отчеты врачей и фелетоны в прессе, которые риторически почти не отличались друг от друга. Приведем цитату из очерка Владимира Гиляровского «Чрево Москвы» (1926), где авторский текст перемежался выписками из санитарного протокола 1880-х годов после осмотра лавок Охотного ряда:

«Начиная с лестниц, ведущих в палатки, полы и клетки содержатся крайне небрежно, помет не вывозится, всюду запекающаяся кровь, которою пропитаны стены лавок, не окрашенных, как бы следовало по санитарным условиям, масляною краскою; по углам на полу всюду набросан сор, перья, рогожа, мочала... колоды для рубки мяса избиты и содержатся неопрятно, туши вешаются на ржавые железные невылуженные крючья, служащие при лавках одеты в засаленное платье и грязные передники, а ножи в неопрятном виде лежат в привешанных к поясу мясников грязных, окровавленных ножнах, которые, по-видимому, никогда не чистятся... В сараях при некоторых лавках стоят чаны, в которых вымачиваются снятые с убитых животных кожи, издающие невыносимый смрад». Осмотрев лавки, комиссия отправилась на Монетный двор. Посредине его — сорная яма, заваленная грудой животных и растительных гниющих отходов, и несколько деревянных срубов, служащих вместо помойных ям и предназначенных для выливания помоев и отходов со всего Охотного ряда. В них густой массой, почти в уровень с поверхностью земли, стоят зловонные нечистоты, между которыми виднеются плавающие внутренности и кровь. Все эти нечистоты проведены без разрешения управы в городскую трубу и без фильтра стекают по ней в Москву-реку¹⁵⁶.

в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве и других губернских городах в 1880–1890-е годы и введением ветеринарного и бактериологического контроля мяса путаница оставалась, поскольку не всегда было ясно, чье здоровье — идущего на убой животного или потребителя мяса — служит точкой отсчета. В частности, это приводило к тому, что больными признавалось больше половины животных (*Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 148–151*).

¹⁵⁵ Стабровский И. С. К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов. С. 125–148.

¹⁵⁶ Гиляровский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 158–159.

Врачи и публицисты опирались на многочисленные исследования, посвященные фальсификации и порче провизии¹⁵⁷, и апеллировали к возможностям медицинской экспертизы, позволявшей установить связь между болезнью или смертью и употреблением несвежих продуктов или суррогатов. Одним из пионеров в этой области был французский врач Амбруаз Тардьё, автор «Словаря общественной гигиены» (*Dictionnaire d'hygiène publique et de salubrité*, 1862), демонстрировавший действие на здоровье протухшего мяса, фальсифицированных вин, муки с примесями на примере конкретных медицинских казусов¹⁵⁸. Важным новшеством, которое, впрочем, медленно приживалось на практике, была возможность оперировать результатами подобной экспертизы в суде. Российские юридические реформы 1864 года, дополняя и переформулируя положения старого Устава уголовного судопроизводства (а кое-где и противореча им), инициировали переосмысление статуса медицинской экспертизы. В последующие десятилетия врачам постепенно удалось добиться юридического признания и оформления их профессиональных навыков. Это, в свою очередь, повышало авторитет медицины как объективного научного знания и меняло характер взаимоотношений между государством и медицинским сообществом¹⁵⁹. Случаи порчи или подделки провизии, лекарств и прочих товаров отныне вписывались в компетенцию как публичной гигиены, так и судебной медицины, поскольку употребление и использование таких товаров могло привести к ущер-

¹⁵⁷ Визнер Ю. Техническая микроскопия для врачей. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1871; Драгендорф Г. Л. Судебно-химическое открытие ядов в пищевых веществах, воздухе, остатках пищи, частях тела и т. д. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1875; Пэви Ф. В. Учение о пище в физиологическом и терапевтическом отношениях. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1876.

¹⁵⁸ Tardieu A. Etude médico-légale sur les maladies produites accidentellement ou involontairement par imprudence, négligence ou transmission contagieuse. Paris: J.-B. Baillière et fils, 1879.

¹⁵⁹ Becker E. M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts. P. 5–7, 18–23. Примечательно, что российские врачи стремились повысить свой профессиональный статус с помощью судебно-медицинской экспертизы в рамках судопроизводства, а не посредством принятия на себя все больших административных обязанностей. Тем самым в России второй половины XIX века профессионализация медицины оказывалась связанной с либеральными идеалами законности (Ibid. P. 26).

бу для здоровья и даже смерти¹⁶⁰. Пытаясь сделать свои выводы и наблюдения общественным достоянием, медики включали материалы о фальсификации и рекомендации по распознаванию примесей и подделок в популярные книги о гигиене.

Порой для воплощения этих рекомендаций требовался настоящий химический арсенал (в одном из руководств приведен перечень из 56 реактивов) и навыки опытного лаборанта. Например, «каждой образованной хозяйке дома» предлагалось совершить для проверки молока следующие манипуляции:

Если имеют причину думать¹⁶¹, что в молоке находятся металлические примеси, то исследование его можно произвести следующим образом. Берут около 8 лотов молока в фарфоровую чашку, выпаривают его досуха и остаток кипятят со смесью 4 лотов перегнанной воды и 1 лота химически чистой соляной кислоты; жидкость фильтруют и с оставшимся на фильтре нерастворимым остатком поступают, как и с первым, то есть обрабатывают его еще раз водою и соляною кислотой, и жидкость процеживают. Обе жидкости выпаривают почти досуха, сливают вместе и разбавляют водою. После этого пропускают чрез профильтрованный снова раствор струю сернистого водорода, пока жидкость получит запах этого газа, и если по прошествии нескольких часов не образуется никакого остатка, то в молоке не находится вредных металлов, кроме цинка, присутствие которого нельзя открыть этим способом¹⁶².

Со временем советы упростились, и для их практического применения было достаточно базового набора реактивов (тем самым хозяйственное руководство превращалось в учебник прикладной химии¹⁶³). Но и профессиональные рекомендации, и базовые

¹⁶⁰ Беллин Э. Ф. Очерк условий деятельности нашей судебно-медицинской экспертизы, причины неудовлетворительности ее и меры к устранению их // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. № 2. С. 1–24.

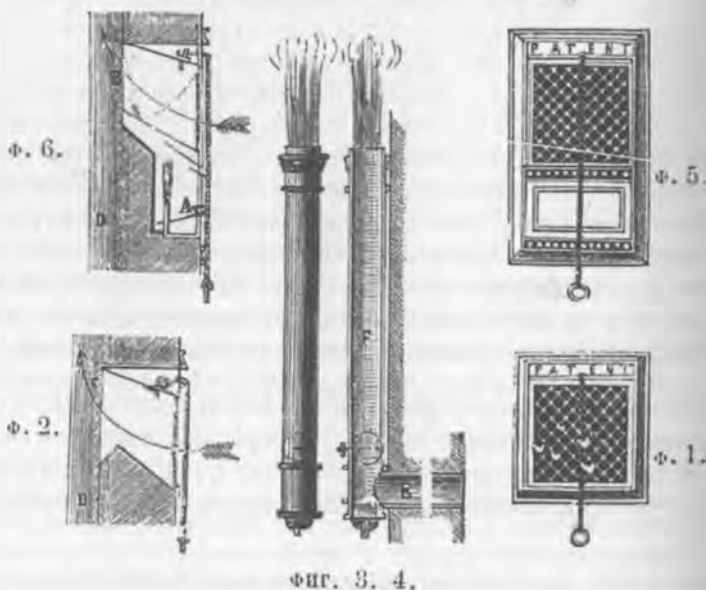
¹⁶¹ Отметим здесь оборот «имеют причину думать», за которым скрывается довольно сложный и неочевидный для неспециалиста переход от ощущения непривычного привкуса или запаха к умозаключению о «металлических примесях».

¹⁶² Ходнев А. И. Химическая часть товароведения. Напитки и съестные припасы. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1859. С. 123–124.

¹⁶³ См., например: Гигиено-экономический словарь практических познаний, необходимых каждому для сохранения и продления жизни в хозяйстве и экономии / под ред. И. Кустаревского: в 2 т. М.: С. И. Мухин, 1888. Т. 2. С. 333–362. Примечательно, что структура учебника повторялась и в пер-

Фиг. 7.

Фиг. 1. 2. Аппаратъ, вытягивающій воздухъ. Фиг. 3. 4. Аппаратъ, выпускающій свѣжій воздухъ. Фиг. 5. 6. Универсальный вентиляціонный аппаратъ. Фиг. 7. Установка аппарата.

советы, появлявшиеся в газетах¹⁶⁴, предполагали, что читатель должен уметь замечать тонкости. Например, член Русского технического общества химик Александр Альмединген в популярной брошюре об определении фальсификатов писал: «Быть самым внимательнее к тому, что ест и пьет семья, полезнее, чем рассчитывать на внешнюю палку. А чтобы эту внимательность проявить на деле, надо самому взяться за определение подделок»¹⁶⁵. Для этого читателю или читательнице следовало позаботиться о том, чтобы чувства — в первую очередь вкус и обоняние — сохраняли свежесть восприятия и не подвергались «отупляющему» влиянию раздражителей: новая гигиеническая сознательность предполагала и новую телесную дисциплину. «Продолжительного действия острых запахов, а также курения и нюхания табаку» надлежало избегать и профессионалам — поварам и кухаркам: считалось, что несоблюдение ольфакторной гигиены может извратить восприятие и, следовательно, лишить человека возможности различать важные оттенки запахов¹⁶⁶.

Справочные издания и учебники по гигиене давали примеры базового органолептического анализа, доступного каждому¹⁶⁷. От публики, в свою очередь, требовалось овладеть языком научного описания и научиться соотносить его с субъективными ощущениями, предоставленными зрением, вкусом, обонянием, осязанием и даже слухом¹⁶⁸. В вышеупомянутом руководстве Марии Ределин давался следующий совет:

Чтобы определить, чист ли уксус, наливают несколько полных ложек и выпаривают на горячей плите. При выпаривании нюхают пары: если запах остается чистым уксусным, то в жидкости нет

вых руководствах по бактериологии: врачам предстояло проводить лабораторные анализы и закупать для них реактивы и оборудование самостоятельно (*Worboys M. Was there a Bacteriological Revolution in Late Nineteenth-Century Medicine?* P. 34).

¹⁶⁴ Ср., в частности: Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871, 22 апреля. № 88; 1871, 23 апреля. № 89; 1871, 24 апреля. № 90; 1871, 25 апреля. № 91.

¹⁶⁵ Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок питательных, вкусовых, а также и других веществ. СПб.: Ф. Павленков, 1891. С. 7.

¹⁶⁶ Карвасовский И. А. Кулинарная гигиена и практический повар. С. 11–12, 131, 142–143.

¹⁶⁷ Андреев П. П. Домоведение.

¹⁶⁸ [Советы, рецепты и указания] // Здоровье. 1884. № 24. С. 301–302; Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы... С. 107.

ни соляной, ни азотной, ни серной кислоты... Азотная дает удушливые пары, соляная — неприятно кислые, а серная — дурно пахнущие газы¹⁶⁹.

Предполагалось, что при должной тренировке органов чувств и дисциплинированном управлении вниманием даже дилетант может уловить характеристики, прежде отмечаемые лишь специалистом, и научиться отличать качественный продукт от некачественного, дорогой — от дешевого, а настоящий — от эрзаца¹⁷⁰.

Тем самым пространство кухни (и далее — дома, рынка, улицы, города) превращалось в своеобразную лабораторию, а частный опыт транспонировался в пространство научного взгляда. Например, в монографии Пантелеймона Смоленского «Общедоступные гигиенические способы исследования» (выдержавшей четыре переиздания, не считая публикации отрывков в журнале «Современная медицина и гигиена») приводились подробные рекомендации, как по запаху отличить хорошее мясо от испорченного, с таблицами, включавшими цвет, текстуру и запах основных сортов¹⁷¹. Призывы обращать пристальное внимание на сенсорные характеристики продукта (цвет, вкус, запах, текстуру) касались и молока, и масла, и хлеба, и птицы, и вина, и бакалеи, и непищевых товаров — например, керосина.

Сильные (но необязательно неприятные) запахи свидетельствовали об опасности творящегося. Во-первых, они могли сигнализировать о непосредственной порче продукта; во-вторых, резкий запах был свойствен суррогатам; в-третьих, такие продукты могли стать причиной жара, плохого пищеварения, нервного раздражения, вялости¹⁷². Последняя идея восходила к руссоистской диететике конца XVIII века, которая считала нейтральные вкусы и ароматы «естественными», а все соленое, копченое, жирное, ферментированное, пряное и пахучее отождествляла с опасностями цивилизации. Эти опасности имели как медико-химическое объяснение — выраженный вкус и запах проистекали из

¹⁶⁹ Ределин М. Дом и хозяйство. Т. 1. С. 324.

¹⁷⁰ Ходнев А. И. Химическая часть товароведения. С. 12–13.

¹⁷¹ Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы... С. 32, 38–39. Основой таблиц Смоленского послужили работы французского врача Байе, адаптированные к российским реалиям (русский перевод: Байе К.-С. Осмотр мяса. Харьков: Типография И. В. Попова, 1882).

¹⁷² Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок... С. 86.

избытка или смешения ароматических частиц, так и экономическое — трюфели, сыры, дорогие вина манифестировали роскошный, а следовательно, праздный и нездоровый образ жизни¹⁷³. К медицинским объяснениям влияния запахов на человеческий организм мы еще вернемся. Сейчас же стоит подчеркнуть, что в пореформенный период возникает своеобразная ревитализация этих представлений о здоровой и нездоровой пище, с последующим переводом их на современный «гигиенический» язык и популяризацией средствами санитарно-гигиенической пропаганды¹⁷⁴. Но если в конце XVIII века естественное и нейтральное противопоставлялось преимущественно роскошному, то теперь под подозрением оказывалась и «простая» — крестьянская или мещанская — кухня, которая не удовлетворяла ни критериям гигиеничности, ни требованию нейтральности вкусов и запахов.

В руководствах по гигиене и домашнему хозяйству, которые выходили в 1870–1890-е годы, опасными и неблагонадежными признавались соленая рыба «с душком», «выдержанная» (т. е. ферментированная) дичь, пахучие сыры, деликатесы вроде гусяной печенки, а также крепкий алкоголь, пряности и приправы, включая простонародные горчицу и лук¹⁷⁵. На фоне дискуссий о различиях дезодорации и дезинфекции особенно настороженно воспринимались специи, с помощью которых было нетрудно замаскировать запах испортившейся или протухшей снеди¹⁷⁶. Выбирать остропахнущие продукты, считать резкий запах специй достоинством и не видеть дурного в суррогатах было свойственно тем, кто разделял устаревшие представления, — тем, до кого еще не добрались советы гигиенистов. Например, в «Бесприданнице» Островского (1878) тетка Карандышева считает хорошим дешевое поддельное вино, раз оно ароматизировано специями, что удостоверяет не

¹⁷³ Pirogovskaya M. Constructing the Delicate Subject. P. 103–106. См., например, соответствующие рекомендации российских последователей Самюэля-Андре Тиссо: Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 1. С. 231–232, 1923–1924; Сумароков П. П. Источник здоровья. С. 29, 220; Рихтер Г.-Г. Полная диететика. М.: Университетская типография, 1790.

¹⁷⁴ Карвасовский И. А. Кулинарная гигиена и практический повар. С. 131, 142–143.

¹⁷⁵ Завадская В. Литовская хозяйка. С. 189; Скворцов И. П. Общепонятная гигиена. С. 211. Описывая виды сырной плесени, врачи указывали: «Санитарное значение всех этих недостатков сыра еще мало выяснено» (Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы... С. 78).

¹⁷⁶ Летеби Г. Вопросы питания. С. 187.

только ее бережливость и ограниченность, но и ее социальную принадлежность:

Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался; берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете!.. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется!¹⁷⁷

Пример характерной для эпохи гастрономической идиосинкразии можно найти в автобиографических заметках Владислава Ходасевича, чье детство пришлось на конец 1880-х годов:

Когда я родился, отцу шел пятьдесят второй год, а матери — сорок второй. <...> Надо мною тряслись, меня баловали — всё вместе довольно плохо отразилось на моем здоровье, на характере, даже на некоторых привычках. Боясь, как бы не заболел у меня животик, Бог весть до какого времени кормили меня кашкою да куриными котлетками. Рыба считалась чуть ли не ядом, зелень — средством расстраивать желудок, а фрукты — баловством. В конце концов у меня выработался некий *вкусовой инфантилизм* [курсив автора. — М. П.], т. е. я и по сию пору ем только то, что дают младенцам¹⁷⁸.

Важность ольфакторных нюансов при оценке качества продукции подчеркивалась в специализированных изданиях и руководствах¹⁷⁹. Во-первых, авторы подчеркивали специфичность запахов, указывая на тесную взаимосвязь между продуктом и его ольфакторной характеристикой. Для этой цели использовались

¹⁷⁷ Островский А. Н. Пьесы. Л.: Лениздат, 1977. С. 582.

¹⁷⁸ Ходасевич В. Ф. Избранная проза: в 2 т. Нью-Йорк: Серебряный век, 1980. Т. 1. С. 12.

¹⁷⁹ Ходнев А. И. Химическая часть товароведения; Наумов А. М. О питательных веществах и о важнейших способах рационального их приготовления, сбережения и открытия в них примесей. СПб.: Торговый дом С. Струтовщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859; Ильенков П. А. Курс химической технологии: в 2 вып. СПб.: В. А. Исаков, 1861; Молешотт Я. Учение о пище. СПб.: Серно-Соловьевич, 1863; Уле О. Химия кухни; Наке А. Судебная химия. М.: Редакция «Природы», 1874; Медикус Л. Судебно-медицинское исследование пищевых и вкусовых средств. СПб.: [Б. и.], 1881; Флюгге К. Руководство к гигиеническим способам исследования: в 4 вып. СПб.: Типография Б. Н. Янпольского, 1881–1882; Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок...

прилагательные «особенный», «характеристический», «специфический», «свойственный тому или иному продукту» наряду с аффективными прилагательными, выражающими оценку, — «хороший», «приятный», «нежный», «дурной», «противный», уже привычными при фармакологических описаниях. Во-вторых, с помощью указания на ассоциативные свойства и связи могли вноситься дополнительные различия: «сырой», «землистый», «острый», «кисловатый», «сивушный», «сальный», «сально-свечной», «запах, напоминающий пригорелый сахар», «запах клейстера», «запах, похожий на запах соленых сельдей» и «запах сернистого водорода»¹⁸⁰. В результате перед читателем, желающим ознакомиться с принципами определения подделок, разворачивалась череда предельно детализированных характеристик:

Пробуемую водку перегоняют в стеклянной реторте, положив в ее горло несколько кусочков свежeproкаленного древесного угля; сивушное масло поглощается углем, и потом *по запаху* его может быть решено, происходит ли оно из ржи или картофеля; в первом случае имеет оно хотя и *острый, но не совсем противный запах*, тогда как во втором оно *пахнет отвратительно*; но во всяком случае, *для верного заключения, надобно быть уже знакомым с запахом того и другого масла <...>* Если вино приготовлено из затхлой ржи, то сивушное масло получает *особенный, несколько отличный от обыкновенного запах, напоминающий толченый горький миндаль* [курсив мой. — М. П.]¹⁸¹.

Тем не менее, впитывая информацию нового типа, основанную на актуальных представлениях о гигиене, массовые кулинарные и хозяйственные издания сохраняли и явно устаревшие рецепты и советы¹⁸². Например, в поваренной книге Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», впервые вышедшей в Курске в 1861 году и выдержавшей до революции 29 переизданий, исправно печатался раздел «Сбережение, исправление, соленье, сушение, маринование и копчение рыб, дичи и домашних птиц» (там, к примеру, имелся совет «отсвежать испортившиеся рябчики»). С другой стороны,

¹⁸⁰ Ходнев А. И. Химическая часть товароведения.

¹⁸¹ Там же. С. 236.

¹⁸² О противоречивости рекомендательной литературы последней трети XIX века см., в частности: Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 228–229.

и издания нового, научного типа поначалу могли совмещать стратегии дезинфекции и дезодорации, советы «как исправить дурной запах» с химической экспертизой мяса, молока и других продуктов животного происхождения.

Однако в целом можно отметить увеличение числа ольфакторных описаний в кулинарных и хозяйственных книгах, связанное с общей ориентацией на научный дискурс и с «просачиванием» специальной, научной информации в массовые издания. Если в дореформенных изданиях этот принцип едва прослеживается (указания на запахи возникают преимущественно в беллетризованных изданиях¹⁸³), то двумя десятилетиями спустя они становятся нормой¹⁸⁴. Запахи продуктов и товаров осмыслились как медицинские симптомы (подобно запахам животных или запахам человеческого тела¹⁸⁵) или же как приметы, свидетельствующие о происхождении вещи; в любом случае запахи следовало максимально точно описать и сделать общеизвестным фактом. С этой точки зрения запахи принадлежали как к сфере семиотики, медицинской науки о симптомах, так и к связанной с ней сфере криминалистики и судебной медицины, которые реконструировали симптом как улику. Характерно, что по мере увеличения числа органолептических описаний в массовых изданиях уменьшается количество рекомендаций по исправлению испорченных съестных припасов и резко сокращается количество рецептов-«обманок». Если еще в 1870-е годы публиковались «средство из конопляного масла делать подобие прованского» и «экономические» рецепты искусственного бургундского вина, суррогатного кофе и дешевого сливочного масла из картофеля, то в 1890-е эти рекомендации воспринимаются как неподобающие и архаические¹⁸⁶.

В пореформенный период критический медицинский взгляд на повседневную жизнь менял отношение обывателей к рутинным процессам и явлениям. Общественная гигиена, прикладная химия, судебно-медицинская экспертиза и кулинария объединились

¹⁸³ Кухня, искусство есть здорово, вкусно и дешево. М.: Типография В. Грачева и К°, 1864. С. 6.

¹⁸⁴ См., например: *Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены. С. 122; *Альмединген А. Н.* Домашний определитель подделок... С. 20, 63; *Домашний стол.* М.: А. А. Левенсон, 1894. С. 18, 358, 367.

¹⁸⁵ *Равич И. И.* Руководство к изучению патологии и терапии. С. 61.

¹⁸⁶ *Никольский Д. П.* Первая всероссийская гигиеническая выставка // *Вестник судебной медицины и общественной гигиены.* 1893. Т. 20. № 1. С. 122.

в попытках реформировать и формализовать частное знание о том, как должен выглядеть и пахнуть тот или иной товар, какой привкус свидетельствует о том или ином состоянии продукта, какие шаги следует предпринять и какие чувства в себе воспитать, чтобы сделать свою жизнь более здоровой и безопасной. Из области навыка повседневное знание переводилось в область науки, а санитарно-гигиеническая модель, конструируемая врачами и публицистами, выходила за пределы публичного пространства и захватывала новые сферы жизни. Постулируемая возможность по нюансам запаха установить «диагноз» и, следовательно, вынести полицейский вердикт предъявляла новые требования не только к врачам-экспертам или носителям власти, но и ко всякому читателю хозяйственных книг. Научная операционализация чувствительности провоцировала обывателя быть внимательнее к бытовым и пищевым запахам, к их оттенкам и нюансам.

Стремясь к максимальной точности, составители хозяйственных книг и пособий по технологической химии прибегали к ассоциациям и разветвленным референциям, соединяя «старое» знание о том, что корюшка пахнет огурцом, с «новым», нацеленным на «объективное» выявление примесей и порчи. Устаревшие способы классификации запахов на *ароматические, бальзамические и проницательные* или *приятные и отвратительные* уступали место новым, основанным на источниках запахов. Эта тенденция меняла состав ольфакторного репертуара, который экстенсивно расширялся и переключивался из специальных сфер в повседневный узус. Таким образом, прикладное направление в естественных науках, «острая» действительность и описывая симптомы, побуждало обывателя не только обнаруживать прежде незаметные запахи, но и по-новому называть их в процессе поиска соответствий между книжной информацией и личным опытом.

До и после эпидемий: санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи

Темпы усвоения ольфакторных нюансов и освоения соответствующих терминов были разными в приватной и публичной сферах и зависели от политических и идеологических обстоятельств. Если на уровне рутинного существования контуры знания о запахах и внимания к ним изменялись постепенно, то в кризисных

ситуациях происходила резкая смена приоритетов: миазмы, сгнализовавшие о болезнях, начинали привлекать всеобщее внимание. С разрешением кризиса конфигурация чувств могла снова вернуться к прежнему «обыденному» состоянию, однако каждый следующий кризис исподволь влиял на качество и направленность общественной реакции. В XIX веке такими кризисными катализаторами, менявшими конфигурацию чувств, были эпидемии.

На протяжении всей европейской истории «повальные и разительные болезни» играли первостепенную роль в медицине, подталкивая врачей и естествоиспытателей к ревизии и реформированию моделей патогенеза и методов лечения — несмотря на устойчивость и живучесть старого знания¹⁸⁷. В XIX веке многочисленные эпидемии, и прежде всего холера, регулярно опустошавшая европейские государства, влияли на популяризацию понятий «санитарии» и «гигиены» и способствовали как распространению санитарно-гигиенического контроля, так и интериоризации новых навыков самоконтроля¹⁸⁸. Холерные эпидемии в большей степени, чем какие-либо другие, привлекали внимание к общественному здоровью, провоцировали оценивать эффективность государственных институтов и административных мер и инициировали реформы здравоохранения, выявляя политические, социальные и моральные слабые места¹⁸⁹. С середины XIX века холера осознавалась как общеевропейская угроза и побуждала к поиску таких контрэпидемических мер, которые не причиняли бы ущерба международной торговле. Именно пандемия холеры 1841–1850 годов, во время которой в одной только Франции погибло 110 000 человек, стала причиной проведения первой

¹⁸⁷ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. С. 239. В классической работе по экономической истории Мэйбл Буэр отмечала: «Подобно чуме холера наделала много шума. Она расшевелила ограниченную местечковость середины XIX века с той же неизбежностью, с какой чума разбудила коррумпированную бюрократию века XVIII» (*Buer M. C. Health, Wealth and Population in the Early Days of Industrial Revolution*. London: G. Routledge & Sons, 1926. P. 230; цит. по: *Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century*. P. 85).

¹⁸⁸ В частности, социальной истории холеры в Российской империи посвящены следующие работы: *Baldwin P. Contagion and the State in Europe*; *Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia*; *McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press, 1965; Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели.

¹⁸⁹ *Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century*. P. 76, 85.

В. А. Каррик. Водовоз. Русские. Симбирская губ. 1871–1878 гг.
(Собрание МАЭ РАН)

в Европе международной санитарной конференции (Париж, 1851) и первой же конференции по гигиене (Брюссель, 1852)¹⁹⁰. На последующих конференциях обсуждались и другие заразные болезни — тиф, чума, малярия, способы их предупреждения и лечения¹⁹¹. Каждая новая эпидемия актуализировала и дискуссии о социальном порядке и государственной эффективности, — дискуссии, в ходе которых менялись представления о полномочиях чиновников и врачей, создавались новые общественные институты и новые должности.

В Российской империи, начиная с 1820-х годов и до самого конца XIX века, эпидемии случались каждые несколько лет. Классификации и очертания этих болезней неоднородно менялись: в результате научных открытий и медицинских споров наборы симптомов подвергались пересмотру, уточнялись и перегруппировывались, а к уже известным болезням добавлялись новые. Карантинный устав 1866 года включал в перечень «повальных и заразительных болезней» чуму, желтую горячку, азиатскую холеру «и некоторые другие особенно опасные по своей заразительности болезни»¹⁹². Самыми частыми были эпидемии холеры (1823, 1829–1833, 1847–1848, 1852, 1853–1854, 1859, 1865–1866, 1871–1873, 1892–1895): с 1823-го по 1914 год в России насчитывалось 44 холерных года, во время которых погибло более 2 млн человек; холерные эпидемии только пореформенного десятилетия (1865–1874) унесли жизни 326 968 человек¹⁹³. Второе по частотности место занимали различные тифы (брюшной, сыпной, возвратный);

¹⁹⁰ Bunle H., Lévy C. Histoire et chronologie des réunions et congrès internationaux sur la population // Population. 1954. N 1. P. 34–35.

¹⁹¹ Bynum W. F. Policing Hearts of Darkness: Aspects of the International Sanitary Conferences // History and Philosophy of the Life Sciences. 1993. N 15. P. 421–434.

¹⁹² ПСЗ. II. Т. 41. Ч. 1. № 43061 (1 марта 1866). С. 193–218. В этом отношении устав 1866 года был шире, чем предыдущий, описывавший борьбу с бубонной чумой, но предусматриваемые им контрэпидемические меры были мягче и не предполагали жестких карантинных, в отличие от антихолерных инструкций 1841 года (Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 21).

¹⁹³ Olzscha R. Die Epidemiologie und Epidemiographie der Cholera in Russland. Ein Beitrag zur Geomedizin // Zeitschrift fuer Hygiene und Infektionskrankheiten. 1939. Bd. 121. N 1. S. 1–26 (приведено в: Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 11, 160); Серебренников П. Н. Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и г. Перми. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1892. С. 3.

за ними шли дифтерит, дизентерия, скарлатина, оспа, желтая лихорадка, перемежающаяся лихорадка и, наконец, чума (1803, 1812, 1829, 1837, 1878–1879)¹⁹⁴. Столь же регулярно случались эпизоотии (чума крупного рогатого скота, сибирская язва, сап), которые не только наносили огромный экономический ущерб, но и порой представляли угрозу для человеческой жизни. Как и другие экстремальные ситуации, эпидемии, во время которых отношения доверия и кооперации между разными группами «натягивались» до предела прочности, оказывались своеобразными тестами на социальную связность и административную эффективность¹⁹⁵. Каждая из эпидемий вызывала страх и панику у городского и крестьянского населения, смятение властей и ожесточенные медицинские споры между приверженцами двух разных теорий патогенеза — «миазматиками» и «контагионистами».

«Повальные и заразительные болезни» пугали не только высокой смертностью и сомнительной эффективностью лечения, но и неясными механизмами передачи и распространения. Опасность заболеть подстерегала не только на уровне квартала или города: убеждение, что зараза в виде дурных испарений или веяний с легкостью передается по воздуху, впитывается в вещи и товары, прячется в чужом теле, выливалось в массовые страхи. Не случайно медицинские топографии второй половины XIX века обладают

¹⁹⁴ До середины XIX века медикам была важна природа болезни — причины, симптомы и последствия для различных органов, а представления о заболеваниях как особом целом были неустойчивы и нетипичны, что объясняет диффузный характер нозологических терминов (*Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle. P. 360–361.* В XVIII — первой половине XIX века терминами «горячка» и «лихорадка» называли ряд заболеваний, сопровождавшихся высокой температурой. С современной точки зрения они включали симптомы, характерные для малярии, воспаления легких, заражения крови, туберкулеза и ряда других. Ср.: «Лихорадка (*febris*) есть общее название болезням, в коих главное отличие озноб, жар и скорый пульс, сопутствующие общим изнеможиванием сил, жаждой, сухостью в ротов, а иногда и зеванием или потяготой» (Руководство к врачебной науке. Кон. XVIII — начало XIX века // ОР РНБ. Q.VI.19. Л. 16 об.). Чума также могла трактоваться как вид острой лихорадки (*Рубель И.-Ф. Полный и всеобщий лечебник. С. 261–262.* Со второй половины XIX века эти термины стали применяться более узко. Желтая лихорадка (или желтая горячка) приблизительно соответствует современному диагнозу «малярия».

¹⁹⁵ *Morris R. J. Cholera, 1832: The Social Response to an Epidemic. London: Croom Helm, 1976. P. 17.*

выраженным дискурсивным сходством с путеводителями по дачным местностям — при всей интенциональной и практической разнице оба жанра, узкоспециальный и популярный, предполагали анализ ландшафта с точки зрения его воздействия на здоровье. Сходство риторических оборотов и топосов социального воображения свидетельствует о вовлеченности дачников даже самого скромного состояния в проблемы гигиены и здравоохранения, о единстве «патографического» словаря, которым оперировали врачи-гигиенисты, общественные деятели, журналисты и читающие горожане¹⁹⁶.

Таким эффектом обладали и другие эпидемические болезни, даже если их происхождение не связывалось с миазмами напрямую, — тиф, дифтерит, малярия. Более существенным было то, что, с точки зрения образованных профессионалов и в том числе врачей-гигиенистов, эпидемии и их последствия подтверждали необходимость критической ревизии всего пространства и административного устройства Российской империи. Примером того, какие дискурсы и реакции актуализировались благодаря эпидемиям, может служить чума, разразившаяся в 1878–1879 годах на южной окраине империи, близ «воображаемой» границы Европы и Азии. Попробуем на этом материале увидеть те механизмы, с помощью которых в пореформенный период пробуждалась ольфакторная бдительность.

Первые случаи загадочной смертельной болезни были зафиксированы в начале октября 1878 года в казачьей станице Ветлянской (243 двора с населением около 1700 человек), расположенной на правом берегу Волги в Енотаевском уезде Астраханской губернии, на полпути из Астрахани в Царицын¹⁹⁷. О конце эпидемии и снятии карантинных мер было объявлено 27 мая 1879 года. За это время в станице и окрестных селах заболело 446 человек, умерло 364. Однако в прессе известия об эпидемии появились лишь через два

¹⁹⁶ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу. С. 93–111.

¹⁹⁷ Подробный очерк см. в: Минх Г. Н. Отчет об Астраханской эпидемии. Отдел I. Ветлянская эпидемия. М.: Типография М. П. Щепкина, 1881; Он же. Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–79 г.): в 2 ч. Киев: Типография П. Барского, 1898. Ч. 1; Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: Материалы и очерки. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. С. 226–246; Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: в 2 т. М.: Вузовская книга, 2006. Т. 1: Чума добактериологического периода. С. 349–385.

месяца после ее начала, в конце декабря 1878 года: местные власти пытались замолчать массовый характер болезни¹⁹⁸.

После официального подтверждения новость за несколько дней переместилась из отделов внутренней хроники на первые полосы, в газетах стали публиковаться отчеты о числе заболевших и умерших и данные о погоде и температуре — в соответствии со тогдашними медико-топографическими стандартами (например, в холерный период 1870–1871 годов к «Архиву судебной медицины и общественной гигиены» прилагался «Эпидемиологический листок», где описывалось состояние атмосферы в Петербурге). Либеральная газета «Голос» призывала власти действовать, «пока морозы не дают распространиться заразе и держат по домам весь рабочий люд... Настанет оттепель и природа перейдет на сторону врага»¹⁹⁹. Предполагалось, что низкие температуры «консервировали» заразу, не давая ей распространяться, тогда как оттепель способствовала «гнилостным явлениям», которые давали о себе знать невыносимыми запахами. С конца XVIII века этими представлениями диктовались и различные хозяйственные рекомендации — например, чистить выгребные ямы и нужники «середь зимы в самую глухую полночь и в самые жестокие и трескучие морозы», чтобы ограничить распространение вони и тем самым снизить риск заражения²⁰⁰. В свою очередь заболеваемость в зимние месяцы, когда «мороз сковал верхние слои почвы и ограничил миазматические испарения с поверхности мостовых», объяснялась ядовитыми эманациями жилища и запертых в нем людей²⁰¹.

Импликациями миазматической теории объяснялась устойчивая боязнь весны и весеннего запаха, который воспринимался как опасный и болезнетворный²⁰². Квинтэссенцию этого сложного

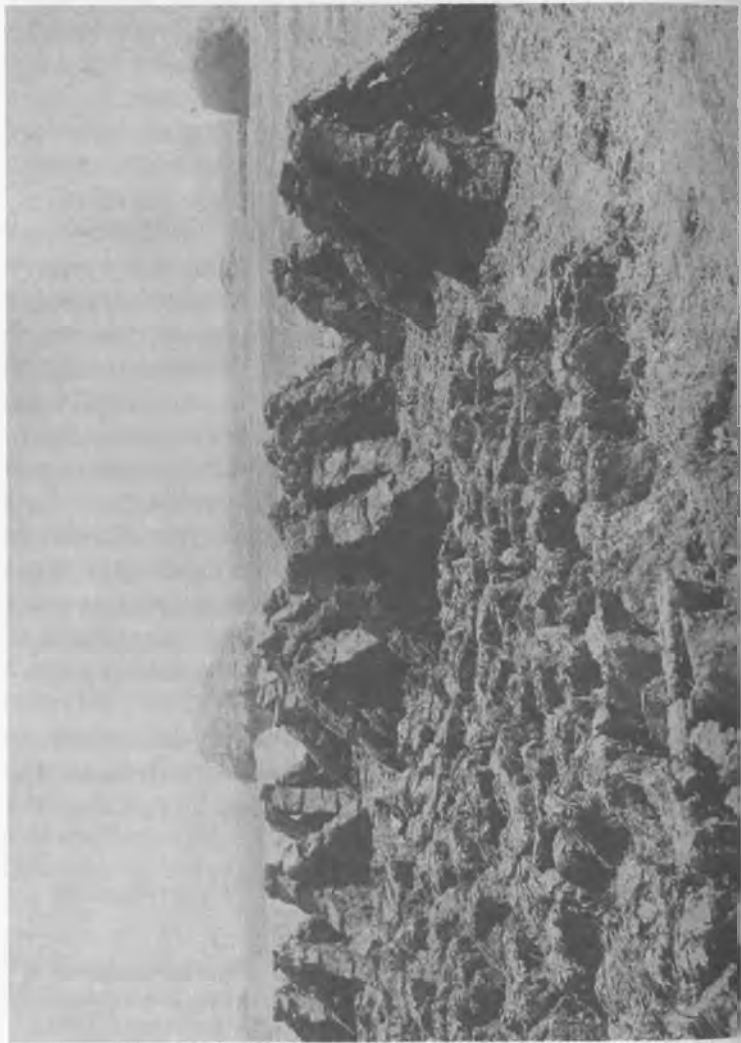
¹⁹⁸ Правительственный вестник. 1878, 16 декабря. № 281; Астраханские губернские ведомости. 1878, 20 декабря. № 101. С. 1.

¹⁹⁹ Голос. 1878, 28 декабря (9 января 1879). № 357. С. 3.

²⁰⁰ Ляликов И. Городской и деревенский эконо́м: в 2 ч. М.: Типография И. Зеленникова, 1796. Ч. 1. С. 122.

²⁰¹ [С наступлением ноября...] // Здоровье. 1874. Т. 1. № 3. С. 47–48.

²⁰² О влиянии весны на здоровье человека. СПб.: Типография С. Н. Бекенева, 1861; Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 120; Современные известия. 1879, 15 января. № 14; Сезонные болезни в Петербурге // Здоровье. 1883. № 15. С. 7; [Фельетон] // Здоровье. 1884. № 9. С. 131–132.

М. А. Круковский. Заготовленное топливо (кизяк). Новосибирская обл., Карасукский р-н. Начало XX века.
(Собрание МАЭ РАН)

страха можно обнаружить в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина:

Оттепель — говорю я себе — возрождение природы; оттепель же — обнажение всех навозных куч. Оттепель — с гор ручьи бегут; бегут, по выражению народному, чисто, непорочно; оттепель же — стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима. Оттепель — воздух наполнен благоуханьем весны, ароматами всех злаков земных, весело восстающих к жизни от полугодового оцепенения; оттепель же — все миазмы, все гнилые испаренья, поднимающиеся от помойных ям... И все это: и миазмы, и благоухания — все это стремится вверх к одному и тому же небу!²⁰³

Слухи о смертельной заразе в Енотаевском уезде распространяли панику среди соседей. Саратовский корреспондент «Биржевых ведомостей» писал:

Весть о чуме пронеслась по Саратову три дня назад и сразу взволновала все население. В Астраханской губернии чума, умирает 95 человек из 100!.. Вот что повторяется тысячами уст... В Енотаевском уезде умирающие от чумы валяются на улицах, некому погребать, губернатор выехал для устройства карантин...²⁰⁴

Панике способствовали противоречивость симптомов и неопределенность диагноза: местные доктора и столичные медики, пытавшиеся диагностировать болезнь по описаниям симптомов, выдвигали самые разные гипотезы — «пнеймо-тиф» <sic!>, «крупозная пневмония», «малярия», «перемежающаяся лихорадка, осложненная опухолью лимфатических желез»²⁰⁵. Неопределенность болезни соответствовала неопределенности самих миазмов — таинственных болезнетворных испарений. Жители ближайших к Ветлянке населенных пунктов старались уехать, кто не мог — пытался запереться от болезни дома, крестьяне и казаки выставляли самочинные кордоны, чтобы обезопасить себя от беженцев, считавшихся переносчиками заразы²⁰⁶. Контакт

²⁰³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 306.

²⁰⁴ Биржевые ведомости. 1878, 23 декабря. № 354.

²⁰⁵ Минх Г. Н. Отчет об Астраханской эпидемии. С. 41–42, 62–63; Голос. 1878, 26 декабря (7 января 1879). Второе прибавление к № 356. С. 1; Голос. 1878, 29 декабря (10 января 1879). № 358. С. 2.

²⁰⁶ Астраханские губернские ведомости. 1879, 3 января. № 1. С. 1; 27 января. № 8. С. 1.

с зараженной местностью, побывавшими там людьми и поступающими оттуда товарами боялись и высланные для санитарных кордонов казачьи войска, и высшие военные чины, и жители окрестных уездных городов, и столичные жители. Спрос на товары из Астраханской и Саратовской губерний резко упал, горожане запасались дезинфицирующими средствами²⁰⁷.

Диагностированная чума вызвала ужас в столицах и провинции: чума считалась побежденной болезнью. Местность вокруг Ветлянки оцепили карантинами, было запрещено движение обозов через Енотаевский уезд и прекращена работа Ветлянской почтовой станции, начался подвоз обеззараживающих средств — железного купороса, карболовой кислоты, уксуса (имевшиеся запасы стремительно расходовались)²⁰⁸. В кризисной ситуации прежде всего использовалась карантинистская модель, включавшая изоляцию местности, уничтожение зараженных домов, окуливание одежды, утвари, обтирание тела уксусом и вымачивание в уксусе срочной корреспонденции, документов и денег²⁰⁹. В 1879 году курения по-прежнему оставались в ходу, несмотря на публичные заявления врачей об их бесполезности, что свидетельствует о высокой инерции антимиазматических практик²¹⁰. Как во время холерных эпидемий, публиковались популярные статьи и брошюры, разъяснявшие, как предохраняться от болезни²¹¹. С другой стороны, эпидемия

²⁰⁷ Современные известия. 1879, 8 января. № 7. С. 2.

²⁰⁸ Астраханские губернские ведомости. 1878, 27 декабря. № 103. С. 1; 30 декабря. № 104. С. 1.

²⁰⁹ Эти меры, известные с XVIII века, применялись и во время первой холерной пандемии 1829–1832 годов: для борьбы с новой, прежде неизвестной болезнью использовались уже устоявшиеся протоколы. См., например, список с циркулярного предписания штаб-доктора гражданской части от 29 октября 1831 года: О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого // ОР РНБ. Q. VI. 18.

²¹⁰ Выступление А. П. Доброславина // Протокол Первого Санкт-Петербургского губернского санитарного съезда. 29 января — 6 февраля 1875 года. СПб.: [Б. и.], 1875. С. 34–38.

²¹¹ См., например: Андреевский И. Е. О мерах против чумы, которые могут быть приняты правительством и обществом // Здоровье. 1879. Т. 5. № 105. С. 42–45; Илинский П. А. Что такое чума, чем спастись от нее и других повальных болезней? СПб.: Редакция «Врачебных ведомостей», 1879; Святловский В. В. О чуме у человека и о мерах против этой болезни. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1879; Чудновский Ю. Т. Предохранительные меры от чумы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879; Что такое чума и чем нам спастись. Наставление народное и общедоступное. СПб.: [Б. и.], 1879; История и современные понятия

активизировала медицинские исследования чумы²¹² и даже способствовала переквалификации повальных болезней на Кавказе²¹³. В Петербурге наделал шума случай дворника Наума Прокофьева, у которого Сергей Боткин, личный врач императора и крупнейший авторитет в российской медицинской науке, ошибочно диагностировал чуму вместо сифилиса²¹⁴. В попытках объяснить происхождение чумы в ход шли всевозможные научные концепции, включая «почвенную теорию» фон Петтенкофера. Сформулированная для объяснения этиологии холеры (Петтенкофер полагал, что холера может распространяться, но не заразна без сочетания ряда факторов — индивидуальной предрасположенности, климатических условий, благоприятных для возбудителя, и особенностей почвы),

о чуме человека. Протокол заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге 11 января 1879 года. СПб.: Типография Я. Трея, 1879; *Марковников В. В., Отрадинский П. М.* Появление чумы в России и средства предохранительные от нее с кратким указанием способов обеззараживания (дезинфекции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1879; Чума и предохранительные меры против нее. Для народного чтения. Кострома: Типография Андроникова, 1879.

- ²¹² *Рейтлингер Л. Р.* К истории эпидемии в Ветлянке // Протоколы заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография Я. Трея, 1879–1880. № 11. С. 403–454; Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879; *Архангельский Г. И.* Амбулантная форма чумы (*Pestis ambulans*) и ее значение в эпидемиологии // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 132–193; *Рафалович А. А.* Три статьи о чуме. Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879; *Минх Г. Н.* Отчет об Астраханской эпидемии; *Щепотьев Н. К.* Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань: Типография Казанского университета, 1884; *Галанин М. И.* Бубонная чума, ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматология и профилактика. СПб.: Н. П. Петров, 1897; *Минх Г. Н.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–79 г.); *Подъяпольский П. П.* Чума в России. Саратов: Типография губернского земства, 1898; *Страхович И. В.* Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий. СПб.: Типография Морского министерства, 1906. См. также: *Zuber C.* La peste du gouvernement d'Astrakhan en 1878–1879 // *Recueil des travaux. Comité consultatif d'hygiène publique de France.* Paris, 1880. Vol. 9. P. 87–167.

- ²¹³ Указано в: *Галанин М. И.* Бубонная чума... С. 69–70. О тифозных эпидемиях на Кавказе и их этиологии в связи с временем года см.: *Рейтлингер Л. Р.* О тифозной эпидемии в Кавказской армии в 1877 и 1878 годах. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1879.

- ²¹⁴ *Черепнин Н. П.* Чума в СПб в 1879 году // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 3. С. 935–945.

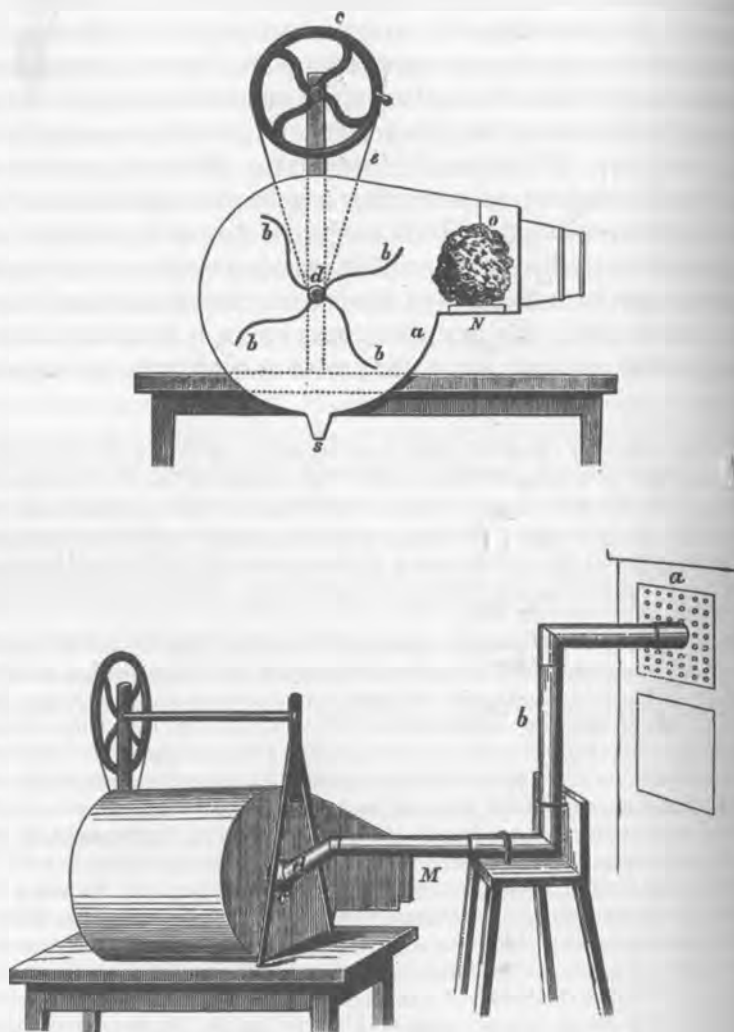

Рис. А. О. Адамов, грав. А. Даугель. Аппарат Аргамакова для очищения воздуха (Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. Вып. 215. С. 116)

«почвенная теория» скорее противоречила эмпирическим данным из Ветлянки, однако это не препятствовало ее использованию. Эта попытка приложить к «забытой» чуме модели, выработанные для объяснения актуальной болезни, сама по себе примечательна.

И медлительность правительства²¹⁵, и ошибка перестраховавшегося Боткина, и неуверенность врачей, затруднявшихся с диагнозом, нуждаются в объяснениях. Хотя европеизированное российское общество, как утверждала пресса, позабыло о чуме, о ней хорошо помнили европейские и российские военные доктора, досконально знакомые с клинической картиной болезни. В 1860–1870-х годах специалисты из петербургской Медико-хирургической академии работали с эндемичной чумой в Азии и регулярно присылали в Медицинский департамент рапорты о ее симптомах и течении²¹⁶. Еще более невероятным кажется то, что опытный врач вроде Боткина мог спутать чуму с сифилисом, симптомы и стадии которого были прекрасно изучены тогдашней медициной, несмотря на неясность его этиологии²¹⁷. Растерянность российского медицинского сообщества перед Ветлянской эпидемией наводит на мысль, что врачи были не готовы обнаружить чуму в европейской части России.

В 1874 году известный ветеринар, профессор Медико-хирургической академии Иосиф Равич писал: «В настоящее время русскому человеку надо быть рогатой скотиной или свиньей, чтобы заболеть чумой; *Homo sapiens* благодаря современной культуре совсем потерял способность заражаться чумой»²¹⁸. Равич имел в виду не только чуму скота (ему, вне всякого сомнения, было известно, что эта другая болезнь), но и определенный гигиенический стандарт, уровень бытовой культуры, который защищает человека от «средневековой» болезни. В европейской культурной модели, в рамках которой мыслила себя либерально настроенная часть

²¹⁵ Чума и наши нравы // Вестник Европы. 1879. Кн. 3. С. 373–376.

²¹⁶ Кузьминский Н. Чума на Востоке // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 2. С. 1–4; Сведения о чумных эпидемиях в Персии и азиатской Турции с 1863 по февраль 1878 г., по официальным источникам // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 194–212.

²¹⁷ Worboys M. Was there a Bacteriological Revolution in Late Nineteenth-Century Medicine? P. 26–29.

²¹⁸ Цит. по: Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 389–390.

российского общества, чуме не было места²¹⁹. Хотя в 1830–1840-е годы чумные эпидемии случались на Кавказе, а в 1876–1877 годах — в Персии, и о возможности проникновения ее на территорию европейской России предупреждали немецкий эпидемиолог Август Гирш и французский эпидемиолог и гигиенист Адриан Пруст, ни российское правительство, ни российское общество не могли принять мысль о близкой опасности. Тревожные прогнозы европейских врачей были переведены на русский язык, но институциональных последствий не получили²²⁰. Более того, когда в 1876–1877 годах военным врачам перед отъездом на Балканы в действующую армию читался курс лекций об эпидемических болезнях, чума в программу курса не вошла²²¹.

Другой причиной растерянности, уже на государственном уровне, оказывались экономические и политические последствия, которые влекло за собой признание эпидемии и о которых российское правительство было прекрасно осведомлено. В общеевропейском масштабе Российская империя оказалась объектом тех же карантинных мер, что и Ветлянская станица. В соответствии с общеевропейской карантинной программой, не менявшейся с середины XVIII века, соседние страны наложили эмбарго на ряд российских товаров и потребовали ввести систему медицинского освидетельствования, обеззараживание багажа и верхнего платья парами серной кислоты и двадцатидневный карантин для путешественников из России. Еще сильнее были репутационные издержки: если холера была общим бедствием, то чума считалась болезнью отсталых восточных государств, о чем России не преминули напомнить европейские дипломаты²²².

²¹⁹ Еще в 1834 году лейб-медик Семен Гаевский писал в медицинской топографии Петербурга: «Столетний опыт доказал, что в Петербурге не бывает ни чумы, ни желтой лихорадки. Физическое положение сего города и принимаемые везде карантинные противу сих болезней меры, служат нам порукой, что в Петербург никакая зараза и впредь проникнуть не может» (Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 81–82).

²²⁰ Гирш А. Чего опасаться Европе в ближайшем будущем от восточной чумы? // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 3. С. 70–89; Новейшие исследования и научная хроника гигиены // Здоровье. 1878. Т. 4. № 79. С. 18.

²²¹ Галанин М. И. Бубонная чума... С. 69.

²²² Heilbronner H. The Russian Plague of 1878–79 // Slavic Review. 1962. Vol. 21. N 1. P. 89–112.

Признание чумной эпидемии отбрасывало Россию в средневековье, свидетельствуя о недостатке «цивилизованности». Это понимали и либералы, и консерваторы. Первые, в соответствии с санитарно-локалистской концепцией, писали о местном происхождении болезни и подчеркивали необходимость немедленных санитарных и социальных реформ, нацеленных на очищение всего пространства Российской империи. Вторые указывали на незначительные масштабы бедствия и говорили о внешнем источнике болезни. Например, редактор «Московских ведомостей», влиятельный консервативный журналист Михаил Катков, настаивал на заносном характере болезни, преуменьшал число умерших и даже избегал самого слова «чума», хотя и приветствовал меры к оздоровлению русских городов, вызванные эпидемией²²³.

Главной стратегией российского правительства в чрезвычайных ситуациях были принятие экстренных карантинных мер и наделение неограниченными полномочиями высокопоставленных чиновников: в 1830 году бороться с холерной пандемией был отправлен граф Арсений Закревский; с голодом, тифом и холерой 1891–1892 годов был призван справляться Сергей Витте²²⁴. По замечанию Шарлотты Хенце, предпринимаемые таким образом меры были масштабными, поскольку задействовали всю полноту репрессивной власти, но краткосрочными и, с точки зрения адептов санитарно-гигиенического подхода, недостаточными для оздоровления империи²²⁵. Сходной стратегией правительство воспользовалось и во время Ветлянской чумы: временным генерал-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губерний с неограниченными полномочиями был назначен генерал от кавалерии Михаил Лорис-Меликов, известный своими административными способностями. В качестве срочных мер он прибег к кордонам и санитарной инспекции станицы и окрестностей с последующим обеззараживанием или сожжением опасных домов.

²²³ Московские ведомости. 1879, 22 января. № 19; 1879, 23 января. № 20; 1879, 26 января. № 23; 1879, 13 февраля. № 37; 1879, 15 февраля. № 39. Ср. реакцию либеральных изданий на риторику «Московских ведомостей»: Картинки общественной жизни // Дело. 1879. № 2. С. 179–180.

²²⁴ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 49.

²²⁵ Ibid. P. 49–50.

Аноним. Вид на плац-парадную площадь г. Астрахани.
Астрахань, начало XX в. (Собрание МАЭ РАН)

Кроме того, Лорис-Меликов заказал гигиенисту Александру Доброславиному отчет о санитарном состоянии Астрахани, ближайшего к эпидемическому очагу крупного города (это решение было в русле медико-топографической программы Медицинского департамента Министерства внутренних дел). Статистика по рождаемости и смертности за двадцать лет и исследование местности привели Доброславина к выводу, что «Астрахань <...> должна быть причислена к городам весьма нездоровым, находящимся в крайне ненормальном положении, требующем немедленных улучшений»²²⁶. Эти выводы едва ли могли удивить знакомых с вопросом медиков или чиновников. Астраханская губерния занимала второе место в Российской империи (после Петербургской губернии) по числу холерных эпидемий, а это значит, что работавшие там врачи регулярно составляли санитарные описания городов и уездов и неоднократно писали о болезненности населения. В своем отчете Доброславин называл причиной эпидемий санитарное состояние города, болотистый характер местности, загнивание питьевой воды, скученность населения и отсутствие привычки к гигиене²²⁷. По всем этим пунктам губернское начальство собиралось принять решительные меры.

Выбирая из наличного арсенала контрэпидемических мер, государство пыталось соединить стратегию жесткого карантинизма (первичные меры) и санитарно-гигиенической гармонизации среды обитания (вторичные меры). Однако нельзя сказать, что выбор карантинных мер на первом этапе диктовался авторитарным характером политического строя (что служит контраргументом к обобщавшейся в первой части гипотезе Сигериста–Акеркнехта).

²²⁶ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. С. 3. Многие параграфы в отчете Доброславина переключаются с рапортом 1760 года, когда Астрахань впервые прошла санитарное освидетельствование. Тогда штаб-лекарь Христофор Эллерт доносил, что «по городским улицам валяются дохлые собаки, кошки и всякая мертвечина, а при церквях зарываются тела умерших в весьма мелкие ямы <...> от чего духота в городе и даже может быть опасность» (приведено в: Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 548).

²²⁷ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. С. 25. Сходную картину рисует Н. К. Щепотьев при исследовании перемежающейся лихорадки в Астраханской губернии (Щепотьев Н. К. Материал для изучения астраханской лихорадки. Читано в заседании Казанского Общества врачей 28 марта 1883 года. Казань: Типография Казанского университета, 1883. С. 1–2).

Скорее направление причинности было иным: предпочтение на государственном уровне карантинных, а не санитарно-гигиенических мер в равной мере обуславливалось состоянием общеевропейского научного знания, которое в середине 1870-х годов начинало вновь склоняться к карантинизму (чему способствовали как работы Пастера, так и обнаружившаяся недостаточность санитарных мер в эпоху повышения мобильности людей и товаров), и общими медико- и геополитическими обязанностями, которые империя, находившаяся на стыке Европы и Азии, должна была принять на себя. Избранная российским правительством стратегия — ограничение перемещений, обеззараживание и санитарное освидетельствование местности — пыталась примирить оба подхода и создавала специфическую конфигурацию контрэпидемических мер.

Однако либерально настроенная часть общества интерпретировала эти действия по-другому. Земские врачи, ученые-гигиенисты и публицисты, придерживавшиеся санитарно-гигиенического подхода, подчеркивали необходимость борьбы не со следствием — чумной эпидемией, а с причинами — нуждой, скученностью, отсутствием представлений о гигиене и санитарной безграмотностью масс. С этих позиций правительственные меры выглядели устаревшими и консервативными, а политика властей по отношению к жертвам эпидемии — бесчеловечной: чиновники, игнорируя социальную природу болезни, предпочитали запереть людей в карантине, а не улучшать их жизненные условия, высвобождая из плена болезнетворных миазмов. Под сомнение ставилась и сама эффективность карантинных мер: не было «фактической возможности оцепить даже уезд такой бдительной цепью людей, которые могли бы преградить всякое сообщение местности заразной с здоровой», но при этом карантинные меры приводили к повышению «цен на все внутри оцепленного района», прибавляя «к одному бедствию <...> другое — дороговизну, ни на ком так резко не отзывающуюся, как на бедном классе»²²⁸.

С этой точки зрения чума (подобно холере, тифу, дифтериту, желтой лихорадке и некоторым неэпидемическим болезням — прежде всего сифилису²²⁹) превращалась из медицинского диагноза

²²⁸ Меры против чумы // Здоровье. 1879. Т. 5. № 104. С. 25.

²²⁹ Engelstein L. Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // Representations. 1986. N 14. P. 169–208; Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 84–85, 87.

в социальный, становясь приговором обществу, которое претендовало на звание цивилизованного, но оказывалось не способно защитить своих членов.

Мотив нецивилизованности, артикулировавшийся представителями российского медицинского сообщества, когда им было важно подчеркнуть свою просветительскую миссию, зазвучал в периодике с новой силой. Чума обладала мощнейшим символическим смыслом и предоставляла богатые возможности для отстаивания прав медицины. Даже в рутинных отчетах городских и земских врачей отмечалась «средневековая» санитарная организация обихода. В санитарных очерках, написанных во время эпидемии или сразу после нее, подчеркивалась антитеза европейской чистоты и азиатской грязи, свидетельствующая об отсталости России. Например, профессор Казанского университета Арсений Щербаков писал:

Недаром же в Европе почти вовсе забыли о чуме, не предполагая возможности ее появления при настоящем строе цивилизации, где гигиена наконец вступила в свои права. Как прежде, так и теперь, мы смешали себя с Европой; и не зная гигиены, не желая при том признавать за ней какое-либо значение, мы только и делаем, что обкладываемся нечистотами, — но, подобно Европе, тоже позабыли про чуму²³⁰.

Анализируя течение и последствия Ветлянской эпидемии, и врачи, и представители власти, и публицисты видели причину заболевания в санитарном состоянии станицы, т. е. исходили из принятого миазматической теорией положения о решающем влиянии среды на возникновение болезни²³¹. Не видя в этом смысле существенных различий между Ветлянкой и большими городами вроде Нижнего Новгорода или Москвы, где «миазмы» и «санитарные безобразия» лишь укрупнялись в масштабе, они делали вывод, что зараза (уточнение — «чумное начало», «чумный яд» — в текстах встречается далеко не всегда) может гнездиться буквально всюду. Единственным способом избежать повторения эпидемии было

²³⁰ Щербаков А. Я. О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // Сборник статей о чуме. Вып. 2. С. 41. См. также: Современные известия. 1879, 18 января. № 17. С. 2–3.

²³¹ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки. С. 129.

И. В. Болдырев. Казачки сносят кизяки в катух (сарай). Цимлянская станица. 1875–1876 гг. (Виды и типы 2-го Донского округа станиц: Цымлянской, Кумшацкой и Есауловской. № 5–1876. Собрание РНБ)

повышение санитарной бдительности, и здесь на помощь против заразы могли прийти обоняние и повышенная брезгливость. Дурные запахи воспринимались как симптомы: все локусы, источающие зловоние, рассматривались как источники патогенеза. Таким образом, эпидемия становилась поводом к пристальной санитарно-ольфакторной инспекции всей Российской империи и критической ревизии социального устройства.

Повышение требований к чистоте и дезодорированности публичного пространства выражалось, на дискурсивном уровне, в гиперболизации и нагромождении пугающих подробностей, которые должны были представить привычное в новом свете и пробудить гигиеническую сознательность обывателя. Рассмотрим цитату из письма корреспондента газеты «Голос» с заседания Кишиневского общества врачей 6 февраля 1879 года:

Все мы, кишиневские жители, знали, что живем в нечистом болоте; но когда в заседании общества начали появляться, одно за другим, сообщения о частных фактах санитарного безобразия в разных частях города, когда из этих частных стала развертываться картина безобразия общего, то «страшно стало за человека»²³² и невольно приходило на ум: неужели есть возможность копошиться в этой отвратительной клоаке, постоянно дышать гниющим воздухом, питаться разлагающимся трупом и оставаться живым, не будучи ни трупным червем, ни одним из тех гнездящихся в помойных ямах гадов, один вид которых внушает отвращение?²³³

Репрезентация окружающей среды как исключительно опасной, должной вызывать у разумного человека брезгливость и отвращение была нацелена не только на представление действительности особым, медикализированным образом, но и обладала сильным суггестивным эффектом. В приведенном отрывке чувствительность к неприятным запахам увязана со степенью цивилизованности, а брезгливость — с правом именоваться *Homo sapiens*.

Эпидемии последовательно привлекали внимание к санитарному состоянию российских городов, и раз за разом ни один из них не выдерживал теста на «европейскость». Не стала исключением и Ветлянская чума, инициировавшая очередную ревизию

²³² Цитата из «Гамлета» в вольном переводе Николая Полевого (1837).
²³³ Голос. 1879, 26 февраля (10 марта). № 57. С. 3.

имперского пространства²³⁴. Москвичам, писал журналист, «остается только желать, чтоб скорей, возможно скорей приступили к главному — к очищению домов, дворов, улиц, площадей всей Москвы, насквозь протухшей»²³⁵. Кострома «представляет собой в санитарном отношении “мерзость запустения”. Нечистоты, грязь, навоз отравляют воздух <...> страшный могильный запах стоит весною и летом <...> Вообще грязь кругом ужасная, и если к нам заглянет чума, то она найдет обильную для себя пищу»²³⁶. Санитарное состояние Симферополя вызывало у наблюдателя ужас: «Ни один из множества губернских городов не представляет столь благоприятных естественных условий — и, вероятно, ни один из них не представляет собой такого неряшливого грязного вида, как он»²³⁷. В Уфе «сами обыватели своей неряшливостью, халатностью ухитрились благоприятные естественные условия изменить в дурную сторону и создать искусственные источники для развития болезней»²³⁸. В Екатеринославе «бойни настолько дурны, что санитарная комиссия не могла пробыть в них и нескольких минут»²³⁹.

Даже города запада Российской империи, в других контекстах восхваляемые за чистоту и опрятность²⁴⁰, описывались как рассадники болезней, которые обостренная эпидемией чувствительность обнаруживала повсюду. Например, выяснялось, что в Варшаве, считавшейся одним из самых европеизированных городов империи, «проводимая из Вислы вода не фильтруется, водостоки заключаются в открытых канавах по сторонам улицы, издающих ужасное зловоние, мостовые не очищаются, — об очистке дворов и отхожих мест никто не думает»²⁴¹. Тем самым граница «европейского» и «азиатского», «цивилизованного» и «отсталого» проблематизировалась, как ставилась под вопрос и сама возможность привить населению новые гигиенические привычки.

²³⁴ Сводный обзор столичной и провинциальной корреспонденции см. в: О гигиенической обстановке наших городов // Здоровье. 1879. Т. 5. № 112. С. 193–195.

²³⁵ Голос. 1879, 29 января (10 февраля). № 29. С. 3.

²³⁶ Картинки общественной жизни // Дело. 1879. № 2. С. 169.

²³⁷ Голос. 1879, 26 февраля (10 марта). № 57. С. 3.

²³⁸ Там же. 6 (18) февраля. № 37. С. 3.

²³⁹ Там же. 9 (21) марта. № 68. С. 3.

²⁴⁰ Временные меры ассенизации Петербурга // Здоровье. 1876. Т. 2. № 39. С. 212.

²⁴¹ Новое время. 1879, 22 февраля (6 марта). № 1072. С. 5.

Подобной санитарно-ольфакторной инспекции Российской империи и переосмыслению границ «европейского» и «азиатского», чистого и грязного, очищенного от миазмов или неприятно пахнущего способствовала каждая эпидемия. Вспышки заболеваемости актуализировали материал, с конца 1860-х годов публиковавшийся провинциальными врачами по земской программе сбора сведений о здоровье населения. Тем самым при каждой следующей эпидемии в распоряжении прессы и читающей публики оказывались подробные описания, которые могли быть истолкованы как предупреждения экспертов обществу и государству. Медико-топографические сведения, регулярно печатавшиеся в протоколах губернских и уездных обществ врачей, и санитарные отчеты столичных гигиенистов, издававшиеся как в профессиональных, так и в массовых изданиях, создавали постоянный информационный фон.

Рассуждая о срочных противочумных мерах, уже упоминавшийся гигиенист Щербаков проводил своего рода санитарную экскурсию по своей родной Казани:

Город наш кругом завален нечистотами самого разнообразного свойства; на Арском и Прилуцком поле, тотчас за чертой города, а иногда и в самом городе, как, например, в задней Ямской улице, мы встречаем поразительные груды человеческих извержений; где нет таковых, там их заменяют невообразимо отвратительные бойни с громадным количеством гниющих остатков; где нет боен, там сплошь находится привилегированный наш любимец — навоз. В самом городе тот же навоз, и притом в поражающем количестве: навозом выравнивают площади, засыпают овраги, строят навозные мосты; целые десятки домов, чуть не целые улицы построены на навозе; словом, везде навоз и навоз. В черте города поселились наши ассенизаторы, и нетрудно узнать их приют по отвратительной вони, слышимой буквально за несколько кварталов²⁴².

Риторическими приемами здесь конструируется картина санитарного ада, сравнимая с описанием летнего Петербурга в «Преступлении и наказании» Достоевского, — ада, круги которого сужаются от городской периферии к дому и двору, от мест публичных

²⁴² Щербаков А. Я. О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // Сборник статей о чуме. Вып. 2. С. 40–41.

к приватным и который воспринимается в первую очередь обонянием²⁴³.

Отметим также озабоченность запахом и видом навоза, который до 1870-х годов был столь привычным элементом городского и деревенского пейзажа, что практически не замечался. До середины XIX века мы почти не находим упоминаний о нем даже в специализированной литературе по медицине и домашнему хозяйству. Но благодаря санитарно-гигиеническому дискурсу, который служил инструментом выражения недовольства социальным и административным порядком, он начал ассоциироваться с эпидемиями и опасностями. Тем самым привычный запах остранился и выводился из автоматического режима восприятия²⁴⁴. Например, газета «Одесский вестник» описывала антисанитарное состояние Миргорода, «изображающего собой грандиозную навозную кучу», и напоминала читателям слова фон Петтенкофера: «Если у меня в комнате будет сложена навозная куча, заражая собою воздух, то благоразумнее будет удалить навоз, чем заводить усовершенствованную вентиляцию комнаты»²⁴⁵. В заметке 1875 года, опубликованной в журнале «Здоровье», петербургская акушерка с возмущением писала, что парголовские немцы удобряют поля летом, заставляя дачников дышать экскрементами, и призывала санитарные власти «запретить колонистам отравлять воздух в дачное время, за которое они получают такие большие деньги»²⁴⁶. Тем самым чувствительность горожанина, который видел в вездесущем навозе не ценное и бесплатное удобрение, а свидетельство антисанитарии и неработающей ассенизационной инфраструктуры, простиралась далеко за городские пределы.

К 1880-м годам навоз, грязь, вонь и зараза становятся синонимами; навоз и нечистоты как источники болезней упоминаются чуть ли не в каждой публикации на санитарно-гигиеническую тему.

²⁴³ Rindisbacher H. J. The Smell of Books. P. 126–129. Важность ольфакторных характеристик для Достоевского отметил еще Иннокентий Анненский, назвавший «Преступление и наказание» «романом знойного запаха извести и олифы» (Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 182).

²⁴⁴ См., например: Смоленский П. О. Письма из-за границы. С. 19, 22.

²⁴⁵ Приведено в: Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. № 70. С. 347.

²⁴⁶ Крапивина С. М. Заметка о дачной жизни // Здоровье. 1875. Т. 1. № 23. С. 470.

Запах навоза становился ольфакторным эквивалентом царящей в российских городах антисанитарии, по выражению одного корреспондента, «бросавшейся в глаза и нос»²⁴⁷ и требовавшей немедленных реформ:

Если б Царицын предоставить себе самому, то, судя по тому, что теперь в нем происходит, можно смело утверждать, что он навсегда, на веки вечные остался бы в своем навозе и чем далее, тем более покрывался бы им, пока, наконец, окончательно не был им завален, представив собою, таким образом, новую Помпею, в чисто русском вкусе²⁴⁸.

В городах из-за скученности и большого количества лошадей — например, в Петербурге к началу XX века их насчитывалось около шестидесяти тысяч²⁴⁹ — навозный запах представлял собой ощущаемый ежедневно аргумент в пользу «нездоровости» города; именно в этом качестве он отмечался и описывался гигиенистами. Чем интенсивнее он был, тем более опасным для здоровья считалось место, будь то извозничья «биржа», конский или скотный рынок, конюшни, фермы или пригородные поля орошения. Например, одесские газеты жаловались, что «в дождливое время в конюшнях (конно-железной дороги) стоит такое зловоние, что все служащие страдают головокружением и насморком, несмотря на зиму, что же будет весной при подобных испарениях? Ведь они могут вызвать не только эпизоотии, но и эпидемии между служащими»²⁵⁰. В деревне он свидетельствовал о чудовищном социальном и гигиеническом положении крестьянства²⁵¹, в городе — о плачевном состоянии публичных мест. Прежде незамечаемый или терпимый,

²⁴⁷ Молотов А. Гигиенические условия Киева // Здоровье. 1875. Т. 1. № 24. С. 490.

²⁴⁸ Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. CCXLIII. № 3–4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 139.

²⁴⁹ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 114. Ассоциация этой ольфакторной черты с городским пейзажем проникала даже в ностальгические тексты. Ср.: «Петербург моей юности и благоухал на всех своих улицах, особенно в жаркие сухие дни, высушенным на солнце, растолченным в порошок, вздымаемым даже легким ветерком в пыльные желтые вихри лошадиным навозом» (Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 102).

²⁵⁰ Новороссийский телеграф. 1880, 2 (14) декабря. № 1758. С. 1.

²⁵¹ Скворцов И. П. Основные вопросы народной гигиены. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1877. С. 17.

запах навоза стал относиться к категории болезнетворных миазмов, с которыми следовало бороться. По принципу метонимического переноса в последние десятилетия XIX века горожан начал раздражать и запах собственно лошадей, прежде считавшийся нейтральным или даже приятным в силу престижа обладания собственным выездом²⁵². Способы нейтрализации навозного духа обсуждались в прессе; врачи с симпатией писали об английской практике примешивать к навозу дезодорирующие вещества²⁵³.

Как и во время эпидемий холеры, в зону общественного внимания в гигиеническом ракурсе попала ритуальная сфера, что не могло не восприниматься как кошунство значительной частью общества. Наряду с сообщениями о героическом поведении ветлянского священника, который ухаживал за больными, исповедовал и причащал умирающих и в конце концов заразился и погиб вместе со своей семьей, в газетах появились и другие новости. Писали, что духовенство не поддерживает санитарную комиссию в вопросе об эпидемическом кладбище²⁵⁴. Ходили слухи, что заразиться чумой можно во время причастия — через лжицу и во время исповеди — через епитрахиль; воздухи, которыми при отпевании покрывали умерших, накапливали смертоносные миазмы²⁵⁵. Врачи требовали при малейших подозрениях отказаться от погребального обряда и захоранивать тела без гробов и саванов под слоем негашеной извести.

Подобные предложения вызывали яростные протесты крестьян и шок у образованных слоев, поскольку распространяли режим повышенной санитарно-гигиенической чувствительности на область, относительно которой подобный подход прежде казался неприемлемым²⁵⁶. Еще за несколько лет до описываемых событий предложение врачей из гигиенических соображений заменить кладбища колумбариями вызвало сильнейший общественный протест²⁵⁷. Через год после Ветлянской чумы на одном из съездов

²⁵² Мелкие нужды петербуржцев // Здоровье. 1884. № 37. С. 461.

²⁵³ Смоленский П. О. Письма из-за границы. С. 22.

²⁵⁴ Современные известия. 1879, 6 января. № 5. С. 2.

²⁵⁵ Там же. 2 февраля. № 32. С. 2.

²⁵⁶ Конфликт локальных ритуальных практик и «европейских» санитарно-гигиенических знаний и протоколов отмечает и Джефф Сахадео на материале ташкентского холерного бунта 1892 года (*Sahadeo J. Epidemic and Empire*. P. 126–128).

²⁵⁷ Шмелев М. Н. О сожигании трупов // Здоровье. 1875. Т. 1. № 12. С. 255–262. В Российской империи дискуссия эпидемиологов о кладбищах велась

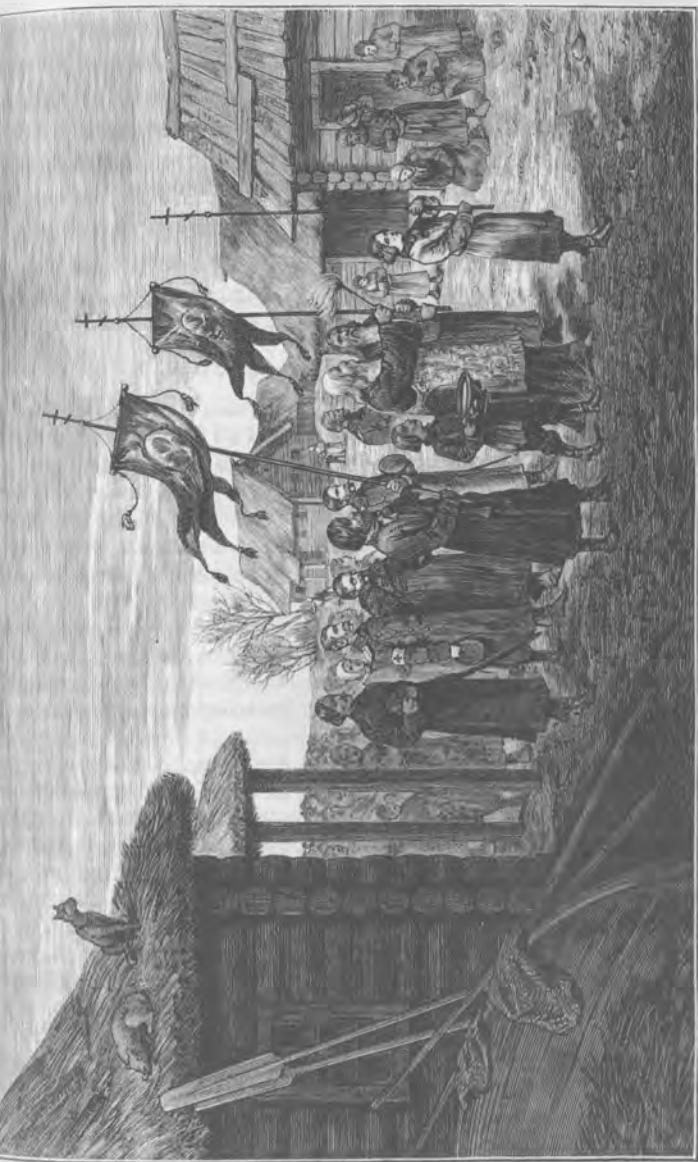

Рис. А. Бальдингер, грав. К. Крыжановский. Чума в Астраханской губернии. — Крестный ход в Ветлянке после эпидемии
(Всемирная иллюстрация. 1879. Т. 21. Вып. 534. С. 289)

земских врачей был прочитан доклад, автор которого видел причину распространения дифтерита в том, что «в Германии можно все дезинфицировать, а у нас посуду, иконы, утварь дезинфицировать население не дает»²⁵⁸. Чем дальше, тем больше медики задавались вопросами, которые остальными группами населения воспринимались как кощунственные: например, как запах церковного мира или ладана действует на здоровье и влияет ли традиция целовать Евангелие и иконы на распространение болезнетворных микроорганизмов²⁵⁹. Из медицинской периодики эти вопросы мигрировали в массовую прессу: например, в 1881 году либеральная газета «Страна» обсуждала эпидемиологическую опасность причащения, принесения больных в церковь, целования креста и целования умерших²⁶⁰.

с середины XIX века, после холерной эпидемии 1853–1854 годов (см.: *Гюбнер Ю. Ю.* Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 100–112; Кн. 4. Отд. III. С. 32–107). В европейских странах конфликты между рациональным медицинским менеджментом и ритуальными практиками (осмыслявшиеся как конфликт общественного блага и традиционной морали) начались раньше — в последние десятилетия XVIII века (*Schaffer S.* *Measuring Virtue*. P. 304–305).

²⁵⁸ Протоколы съезда земских врачей Таврической губернии 1873–1880 гг. Симферополь: Типография Спиро, 1881. С. 6. См. также: *Прохоров П. Н.* О противугиенических обрядах при праздновании дня Прасковей-Пятницы в селе Ильяши, Ямбургского уезда Петербургской губернии // *Здоровье*. 1883. № 41. С. 3–4.

²⁵⁹ *Трусковяцкий Ц. Ф.* К вопросу о загрязнении скорбных листов и книг в больницах микроорганизмами. Дисс. д-ра мед. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1894. С. 6. Подобные исследования опирались на работы Пастера, обнаружившего способность бактерий жить в бумаге (книгах, документах, письмах). К ним, в свою очередь, апеллировали санитарные врачи, которые видели причину распространения туберкулеза в привычке слонить пальцы и плевать в общественных местах (см.: *Кункиште М. И.* К вопросу о борьбе со слюнявливанием пальцев и плеванием в общественных местах: по материалам специализированной прессы рубежа XIX–XX вв. Доклад, прочитанный на семинаре «История медицины, здравоохранения и благотворительности» 4 октября 2012 года, Российская национальная библиотека, Музей истории сестринского дела в Петербурге). Те же вопросы обсуждались и на родине Пастера: например, в 1899 году был опубликован очерк о бактериях, кишащих в освященной воде (*Renaut F. H.* [Sur les conditions bactériologiques déplorables de l'eau bénite dans les églises, par le Dr. F. Abba (de Turin)] // *Revue d'hygiène et de police sanitaire*. 1899. N 21. P. 929–930).

²⁶⁰ Страна. 1881. № 105. В свою очередь ссылка на этот материал была опубликована в специализированной газете «Врач» (1881. № 38. С. 643).

Для российского медицинского сообщества эпидемия стала поводом не только в очередной раз выступить с доводами в пользу контагиозной или миазматической природы чумы, не только резко раскритиковать существующие уставы — медико-полицейский и карантинный, но и требовать изменения частных и общественных гигиенических привычек. Критикуя в связи с этим сложившийся социальный порядок, врачи имплицитно ставили под вопрос эффективность существующего строя²⁶¹. Это не было единственным действием: санитарно-гигиенический взгляд регулярно проверял на соответствие гигиеническим нормам жизненный обиход каждой социальной группы и тем самым свидетельствовал об успешности или неуспешности государственного администрирования²⁶². Социальный порядок рассматривался как часть среды обитания, как одна из переменных — наряду с климатом, погодой, диетой, режимом дня и родом деятельности, которую следовало изменить, если она негативно влияла на человеческий организм, на предрасположенность к болезням и смертность²⁶³. Рассуждая

²⁶¹ Требования изменения социального порядка были изначально характерны для деятельности европейских гигиенистов (*La Berge A. F. Mission and Method: The Early Nineteenth-Century Public Health Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992). Но в России они звучали особенно резко. В начинаниях врачей-гигиенистов государство не без оснований усматривало проявление либеральных и социалистических взглядов. Например, после того как профессор гигиены Доброславин ходатайствовал о разрешении ему издавать журнал «Здоровье», Главное управление по делам печати затребовало донесения агентов охранного отделения. Основанием для сбора сведений о личности профессора стало то, что «журнал <...> будет касаться такой специальности, по которой весьма возможно проявление вредного направления в разработке различных щекотливых вопросов, входящих в обширный круг предметов, обнимаемых гигиеной» (*Страшун И. Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917 гг. С. 15–16).

²⁶² Еще в 1871 году журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены» был вынужден сменить редакцию (главный редактор Сергей Ловцов оставил свой пост, а цензор получил выговор) из-за публикации, посвященной жизни рабочих в Западной Европе, которая была сочтена пропагандой социалистических взглядов (*Зайцев В. А., Якоби П. И.* О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 160–216). Этот обзор, где впервые на русском языке цитировался «Капитал» Карла Маркса, основывался на книге Василия Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869), с которой принято отсчитывать рождение народничества.

²⁶³ Эту идею, связанную с расширенным пониманием «среды обитания», движение гигиенистов унаследовало от медицины конца XVIII века

о необходимых мерах, фельетонист либеральной газеты «Голос» в первую очередь называл помощь низшим классам и резюмировал: «Дело, следовательно, забирается под самый корень, где гнездится основа всякой заразы — народная нужда»²⁶⁴. Переключаясь из профессионального медицинского регистра в популярный социальный, врачи и публицисты сосредоточивали внимание на группах риска, соприкасавшихся с дурнопахнущими сторонами жизни (кладбища, бойни, золотарное дело, фабричные производства — кожевенное, красильное, бумагоделательное, рыбные промыслы, городские свалки и ночлежные дома и т. п.) и, следовательно, способных «воздушным» путем разнести заразу среди других слоев общества.

Традиционная для эпидемий первой половины XIX века риторика, обвинявшая в распространении болезни внешнего врага²⁶⁵, уступала место поиску внутренних причин и виновников²⁶⁶. Фельетонист «Современных известий» указывал:

Ветлянка <...> такое смрадное место, что пассажиры [пароходов. — М. П.], минуя эту станицу, принуждены бывают затыкать нос от зловония. Может быть, даже и самая зараза, полагают иные, не занесена в Ветлянку, а народилась и будет нарождаться там от сырости при работах в ватагах, т. е. амбарах, где вялят бешенку и другую рыбу, от дурного помещения, пропитанного смрадом гнилой рыбы, от дурного питания — только рыбой. <...> Зараза <...> для теперешней России может пахнуть миллионами жизней, при густоте населения и частых сношениях, и миллиардами рублей, при необходимости внутренних и внешних карантин, остановке торговли и всякого производства²⁶⁷.

(подробнее об этом см.: *Jordanova L. Sexual Visions: Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. P. 25*). К 1900-м годам, после многочисленных малоудачных попыток влиять на государственную политику в области «народного здоровья», эти представления поставили значительную часть российского медицинского сообщества в оппозицию к правительству. Далее об этом см.: *Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. P. 42–49*.

²⁶⁴ Голос. 1879, 13 (25) февраля. № 44. С. 3.

²⁶⁵ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. С. 360, 369.

²⁶⁶ Голос. 1879, 30 января (11 февраля). № 30. С. 1–2.

²⁶⁷ Современные известия. 1879, 10 января. № 9. С. 2.

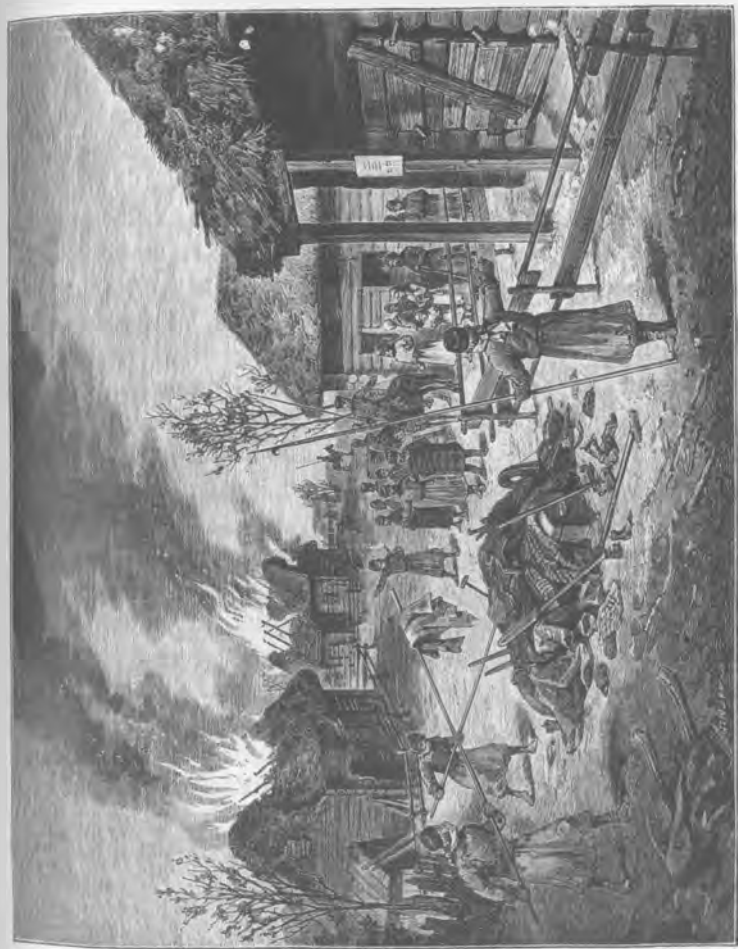

Рис. А. Бальдингер, грав. И. Матюши. Чума в Астраханской губернии. Сожжение домов и вещей в селе Никольском
(Всемирная иллюстрация. 1879. Т. 21. Вып. 533. С. 264)

Журналистам вторили врачи:

В настоящее время стало уже общеизвестной истиной то, что всякого рода заразы легче всего прививаются в среде бедного населения, живущего в дурных гигиенических условиях. Поэтому естественно было, в виду чумы, озаботиться об улучшении этих условий²⁶⁸.

Тем самым медики все решительнее претендовали на авторитет и власть в сферах, традиционно находившихся в ведении государства и церкви; эпидемия и общий страх предоставляли им повод требовать расширения полномочий²⁶⁹.

Как и во время предыдущих эпидемий, управы (Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова, Одессы, Кишинева, Саратова, Каменец-Подольска, Казани и др.) разделили городскую территорию на санитарные участки и создали временные санитарные комиссии. К этому добавились низовые инициативы: например, в Василеостровской части Петербурга было организовано частное санитарное общество, которое собиралось осматривать торговые помещения и трактиры, выявлять санитарные беспорядки и привлекать к ответственности через полицию виновных в порче воздуха и нарушении гигиены²⁷⁰. В Москве губернской санитарной комиссии под предлогом эпидемии впервые удалось получить разрешение на осмотр частных фабрик и заводов для исследования качества атмосферы и условий труда²⁷¹. Среди городского населения распространялись следующие рекомендации:

Задача же каждого частного лица, каждого домохозяина должна состоять в том, чтобы помещение, занимаемое им, было содержимо в наивозможной чистоте, было часто и разумно проветриваемо и очищаемо, равно как и воздух, заключенный в нем

²⁶⁸ Сковрцов И. П. Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры // Сборник статей о чуме. Вып. 2. С. 169.

²⁶⁹ В свою очередь церковные публицисты активно использовали санитарно-гигиеническую и эпидемиологическую риторику «очищения» в дискуссиях о чистоте веры, направленных против старообрядцев и сектантов: Beer D. The Medicalization of Religious Deviance in the Russian Orthodox Church (1880–1905) // *Kritika*. 2004. Vol. 5. N 3. P. 451–482.

²⁷⁰ Новое время. 1879, 12 (21) марта. № 1090. С. 3.

²⁷¹ Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 67–68.

<...> чтобы дворы, отхожие места и помойные ямы вычищались чаще и дезинфицировались²⁷².

Об опасности, как и прежде, сигнализировали запахи — их следовало тщательно исследовать и по результатам инспекции принимать меры. Провинциальная пресса сообщала: «В Саратове <...> тоже взялись за ум и начали внимательно осматривать и обнюхивать всю ту мерзость, от которой привычные носы перестали даже и отворачиваться»²⁷³. Пристальное внимание временной санитарной и медицинской администрации привлекали бойни, рынки, кладбища, ночлежные дома, постоянные дворы, свалки, промышленные заведения и бани, отчет о которых начинался с фиксации дурных запахов²⁷⁴. Появление в этом ряду бань не должно вызывать удивления: и с точки зрения теории миазмов, и с точки зрения «почвенной теории» Петтенкофера в банях концентрировались дурные эманации человеческого тела и грязного белья²⁷⁵. Одесская городская дума, после того как «12 нижних чинов упали в обморок в бане, где производилась стирка белья»²⁷⁶, выпустила постановление, запрещавшее стирку. Все эти локусы вызывали двойной страх: запах свидетельствовал о таившейся в них заразе, но доступные меры по их очищению лишь усиливали и распространяли зловоние, тем самым повышая в глазах обывателей опасность заражения²⁷⁷. В качестве альтернативы было предложено покрыть отбросы «непроницаемой корою карболовой кислоты», т. е. изолировать дурные запахи с помощью обеззараживающего средства и тем самым избежать заражения воздуха. Сходный вопрос дебатировался и в Петербурге: Общество практических врачей «большинством признало, что одновременное поднятие громадного

²⁷² Чума и предохранительные меры против нее. С. 6.

²⁷³ Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки. С. 136.

²⁷⁴ Заметки участкового санитарного попечителя // Здоровье. 1879. Т. 5. № 121. С. 359–361; № 122. С. 380–382.

²⁷⁵ «Говоря о банях, мы должны заметить, что большинство из них служит уже большим тормозом оздоровлению городов, вследствие крайне антисанитарного устройства их, при котором вся грязная вода уходит не в отводную трубу, а прямо под почву, где скопившаяся грязь развивает миазмы и заражает воздух» (Гигиено-экономический словарь практических познаний. Т. 1. С. 145–148).

²⁷⁶ Голос. 1879, 5 (17) февраля. № 36. С. 3.

²⁷⁷ Новое время. 1879, 18 (30) марта. № 1096. С. 4.

количества нечистот может вредно повлиять на здоровье населения»²⁷⁸.

Одновременно пресса напоминала, что полагаться на работу санитарных комиссий не следовало — их было куда меньше, чем нужно, и нерадивым домовладельцам было легко ввести надзирателей в заблуждение. Более того, не следовало доверять и тем, кто чистосердечно был готов к сотрудничеству с санитарными комиссиями. Предполагая, что хозяева домов часто гораздо невежественнее — и, следовательно, нечистоплотнее своих квартирантов, газеты предлагали образованным жильцам, в целях обеспечения собственной безопасности, взять ответственность за среду обитания на себя и наблюдать как за хозяевами домов, так и за собственными соседями по дому и двору. В этом вопросе журналисты следовали за врачами, которые с 1860-х годов настойчиво писали о связи между состоянием жилища и здоровьем человека и клеймили домовладельцев за небрежное отношение к чистоте и нарушение элементарных санитарных правил²⁷⁹. Так, доктор Григорий Архангельский писал:

Некоторые домовладельцы в умственном образовании стоят до сих пор не выше Коробочки Гоголя, а в менее аристократических участках города мы имеем полное право предполагать едва ли большинство таких домовладельцев. <...> Ждать ли когда уровень образования всех домовладельцев повысится или спасать здоровье жильцов?²⁸⁰.

В свою очередь домовладельцы старались избегать невыгодных для них санитарных мер: при отсутствии центральной канализации и водопровода для содержания домов и дворов в таком состоянии,

²⁷⁸ Новое время. 1879, 9 (21) марта. № 1087. С. 3.

²⁷⁹ См., например: Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. № 67. С. 298; также: Кувайцев Н. Г. Из Екатеринослава // Здоровье. 1877. Т. 3. № 77. С. 493–494.

²⁸⁰ Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 103. Стоит отметить, что в Петербурге, Москве и других крупных городах большинство домовладельцев было из купеческого сословия, которое не имело права владеть крепостными и поэтому инвестировало средства в коммерческую недвижимость. Отмена крепостного права привела на рынок недвижимости и других инвесторов, но купцы оставались наиболее крупной и влиятельной группой (Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. P. 326).

которое удовлетворило бы санитарных врачей и инспекторов, им бы пришлось прибегать к услугам ассенизаторов и водовозов в несколько раз чаще. Поэтому они предпочитали периодически платить штрафы (их суммы могли варьироваться от пяти до пятидесяти рублей), а не постоянно тратить деньги на поддержание домовой инфраструктуры. Эта стратегия срабатывала, поскольку санитарные врачи не обладали достаточной властью, чтобы превратить санитарно-гигиенические меры из рекомендованных в обязательные, муниципальные власти не считали профилактику своей задачей, а полицейские чины не видели необходимости следить за выполнением мер, которые с точки зрения действующего врачебного устава могли восприниматься как избыточные²⁸¹. С похожими трудностями при попытках распространения санитарно-гигиенического знания и институционализации санитарно-гигиенического контроля сталкивались и в европейских странах. Например, в Бельгии врачи и представители муниципальных властей неоднократно пытались призвать к ответу домовладельцев, уклонявшихся от требований содержать принадлежащие им здания и дворы в чистоте, но даже показательные аресты и единичные высокие штрафы не приводили к желаемому результату²⁸².

Чтобы обойти эти трудности или, по крайней мере, сделать их предметом общественного обсуждения, приверженцы санитарно-гигиенической повестки пытались привлечь на свою сторону людей, непосредственно страдавших от неопрятности и нездоровости своих обиталищ. Некоторые издания прямо обращались к читателям с просьбой присылать в редакцию жалобы на конкретные «санитарные безобразия» и «отвратительные миазмы», обещая публиковать самые вопиющие случаи и следить за принятыми мерами. Приведем жалобу москвича, опубликованную в «Современных известиях» в январе 1879 года:

Другая сторона обитаемого мною дома выходит на улицу (в переулок у Никитских ворот), но и оттуда я выехал прошлым летом, потому что не мог отворить окна, по той же причине

²⁸¹ См. сходные выводы на материале московских дел 1870-х годов о нарушениях муниципальных санитарных постановлений: Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 72–74.

²⁸² Oris M. Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle. P. 987–988.

(вонь); о чем и заявил в свой квартал, прося принять меры к очищению дворов, откуда неслись отвратительные запахи (с другой стороны улицы)... Полиция приняла меры и стало на некоторое время лучше: вонь уменьшилась, но не надолго; опять эти люди, умеющие только поглощать, зарядили так, что я предпочел оставить их соседство, а именно — какое-то экипажное заведение, модистки и т. п. сброд. <...> Все эти дома наполнены чернорабочими, трактирами, мясными и рыбными лавками и другими лавчонками, даже тут есть булочная (Челнокова). Но что же тут везде за мерзость, что за невыразимое зловоние! Говорю как честный человек: я сам в этом сто раз убедился, видел и нюхал сам, и теперь по той стороне, где эти дома, не хожу и не пойду, пока их не уничтожат²⁸³.

Только за два зимних месяца 1879 года в «Современных известиях» было напечатано около сорока подобных жалоб, в которых речь шла о жилых домах, лавках, рынках, конюшнях и мастерских, ночлежках и трактирах. Патология и зараза получали очевидное социальное измерение: в первую очередь ответственность за «санитарные безобразия» авторы жалоб возлагали на представителей тех социальных групп, которые воспринимались как отсталые, консервативные и необразованные, — от купцов и мещан до ремесленников, разнорабочих и нищих. Тем самым заново производилась санитарно-гигиеническая и социальная разметка публичного пространства, а частный случай выносился на суд общества, становясь из казуса примером царящего всюду хаоса и беспорядка. Об этом эффекте прессы, превращавшей толпу — в публику, слухи и толки — в общественное мнение, а локальное событие — в дело общественной важности, рассуждал французский социолог Габриэль Тард: «Пресса, раз дошедшая до фазиса газеты, делает национальным, европейским, космическим все местное, все, что в прежние времена, каково бы ни было его внутреннее значение, оставалось бы неизвестным за пределами весьма ограниченного района»²⁸⁴. Именно благодаря прессе эпидемия, развившаяся в далекой станице с 1700 жителями, сделалась общероссийской катастрофой, а локальные санитарные безобразия превратились в вопиющие свидетельства недостаточного и некомпетентного администрирования.

Современные известия. 1879, 27 января. № 26. С. 2.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. С. 65.

В Петербурге санитарные жалобы вошли в широкий обиход во время холерной эпидемии 1871 года, когда временные санитарные комиссии и полиция не справлялись с осмотром всех подозрительных мест и массовая газета «Петербургский листок» обратилась за помощью к читателям. Сведения о гниющем мусоре, невычищенном дворе, неубранном снеге, дурном запахе из лавки публиковались и после эпидемии. Санитарная жалоба как жанр проникла и в специализированный медицинский журнал «Здоровье», и в провинциальные газеты вроде «Астраханских губернских ведомостей». Однако, по наблюдению Ольги Малиновой-Тзиафета, в изданиях для высших слоев общества жалоб не было — этим способом улучшения своих жилищных условий пользовались небогатые квартиросъемщики²⁸⁵. Тем самым «малая пресса» подсказывала читателям, на что следует обращать внимание при найме квартир, и знакомила с возможными способами борьбы. Массовые медицинские издания даже публиковали образцы контрактов, в которых оговаривались чистота мостовой, запахи из швейцарской и с черных лестниц, наличие вентиляции на кухне и своевременная очистка выгребных ям: хозяин дома должен был позаботиться о том, чтобы «ни в обыкновенное время, ни во время очистки выгребов не будет заметно ни малейшего запаха»²⁸⁶. В последующие десятилетия, по мере усиления административной власти санитарных врачей, жалобы стали достаточно эффективным инструментом для борьбы с грязью и дурными запахами, а также — для постоянного напоминания о важности этой борьбы²⁸⁷.

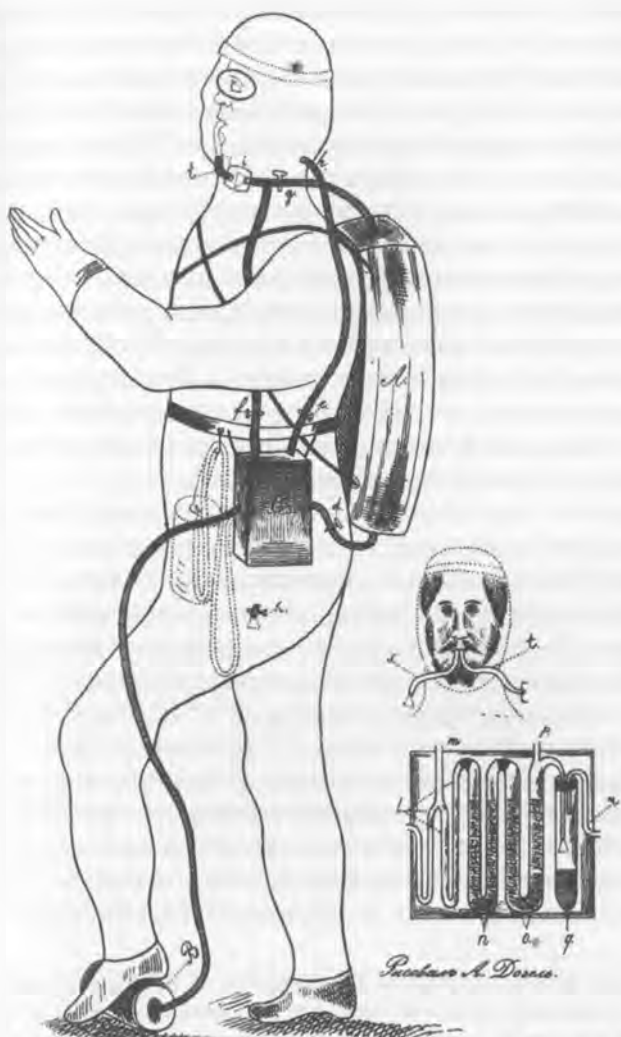
Дополнительное напряжение создавалось за счет «вертикального» членения городского пространства, характерного для Петербурга и Москвы второй половины XIX века, когда разные этажи одного дома занимали представители различных социальных страт, т. е. в городе индустриальной эпохи сохранялась структура доиндустриального типа²⁸⁸. Даже в престижных городских кварталах

²⁸⁵ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу. С. 82–83.

²⁸⁶ Желательный, но далеко не идеальный контракт для найма квартиры // Здоровье. 1883. № 32. С. 2–7. См. также: Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 14.

²⁸⁷ Верекундов С. П. Санитарное состояние Киева в 1887–1889 гг. С. 13–15.

²⁸⁸ Bate J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. P. 402–405. В качестве примера такого вертикального социального среза можно привести дом Мурузи (Литейный проспект, 24/27), находившийся в одном из самых фешенебельных кварталов Петербурга — 3-м участке Литейной части. Сдававшиеся внаем квартиры с бельэтажа до четвертого этажа в конце

Рисовано А. Догелем.

Начертано по описанию Общества врачей Императорский Казанский Университет
 Секретарь Н. Виссочный Печать-тип. А. Данилова в Казани.

А. Догель. Проект изолирующего костюма для лиц, посещающих зараженные фокусы (Сборник статей о чуме. В 2 вып. Вып. 1. Казань: Типография Казанского университета, 1879)

элиты жили бок о бок с представителями низов. Кроме того, в Петербурге, где с 1763 года дома строились вплотную к друг другу, без разрывов, центр города представлял собой каменные коридоры с каменными же дворами, в которых находились общие выгребные и помойные ямы, дровяные склады и службы²⁸⁹. Пользовались ими все жильцы, и все они с легкостью могли стать жертвами дурных испарений. Впрочем, в других российских городах, где социальные различия все же имели «горизонтальное», пространственное выражение, расстояние между особняками обеспеченных горожан и жилищами мелких торговцев и поденщиков было невелико и измерялось пространством квартала или двора²⁹⁰. Принципиальная невозможность отгородиться от запахов и их вездесущность делали опасное соседство более заметным для потенциальных жертв — и, следовательно, превращали в заинтересованных наблюдателей и надзирателей значительное число людей.

Эпидемии привлекали внимание и к бытовым ароматам. Пик публикаций о Ветлянской чуме совпал с Масленичной неделей и началом Великого поста — периодом, когда одним из главных продуктов в европейской России становилась волжская рыба. Страх перед заразой привел к тому, что икра, свежая и соленая рыба немедленно упали в цене: в них подозревали источник чумного яда, и число покупателей резко сократилось²⁹¹. После рыбы пришел черед санитарного исследования и остальных продуктов — хлеба, кондитерских изделий, бакалеи, мяса. Повышение гигиенической сознательности и изменение чувствительности отзывалось вниманием прежде всего к запахам — гнилых овощей, затхлой муки, лежалого мяса, которые недобросовестные продавцы стремились замаскировать, тем самым подвергая покупателей опасности²⁹².

XIX века занимали графиня Ламсдорф, князь Голицын, баронесса Врангель, член Военного совета, генерал от инфантерии Зверев, над ними жили дочь действительного статского советника девица Фревилль и доктор Попов, еще выше — портной Ямпси (Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 год / ред. Н. И. Игнатов. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1898).

²⁸⁹ Кириченко Е. И. Жилая застройка Санкт-Петербурга эпохи классицизма и ее влияние на развитие архитектуры // Архитектурное наследство. 1967. № 16. С. 81–95.

²⁹⁰ Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 142.

²⁹¹ Современные известия. 1879, 28 января. № 27. С. 2.

²⁹² Новое время. 1879, 17 (29) февраля. № 1067. С. 3. В этом же номере описан скандал вокруг московских калачей, которые «пекутся на нечистой жидкости и с величайшим неряшеством».

В январе 1879 года в одном только Царицыне по инициативе санитарных комиссий было сожжено 3500 пудов гнилой рыбы; далее эта практика распространилась по всему Поволжью²⁹³. Доброславин приводил случай, когда ватаги (рыбные склады) даже после дезинфекции хлорной известью пахли гнилой рыбой и поэтому были сочтены заразными и назначены на снос²⁹⁴. Репортажи о работе санитарных комиссий фиксировали протесты и ругательства, сыпавшиеся в адрес проверяющих, но «среди хохота, брани, насмешек и даже угроз, горсть людей — санитарная комиссия от зари до зари блуждает по городу, залезает во все подвалы, чердаки и трущобы, убеждает, требует, настаивает и грозит относительно содержания в чистоте, арестовывает негодную провизию десятками тысяч пудов и сжигает»²⁹⁵. В этих случаях обращает на себя внимание восприятие рыбопромышленников, которым действия гигиенистов грозили разорением, как непосредственных врагов гигиены и прогресса.

Основным инструментом для определения источника опасности — и, соответственно, для предотвращения болезни или отравления — оказывалось обоняние. Врачи и ученые признавали, что такой способ ненадежен, но не могли предложить другого. Еще один врач из Казани, университетский профессор Иринарх Сковорцов, участвовавший в санитарных осмотрах, замечал:

Предприняв всеобщее освидетельствование рыбы, у нас не было никаких твердо установленных критериев ее годности, кроме того — воняет она или нет. А так как чувство это слишком субъективно, то и случалось нередко разногласие в приговоре экспертов, как было и у нас в Казани²⁹⁶.

Были предприняты попытки формализовать принцип принятия решений. Например, астраханская санитарная комиссия от 12 февраля 1879 года постановила, что тузлук (крепкий рассол) и жировая соль, применяющиеся в рыбных промыслах, не могут употребляться «более года в теплых лабазах» — период, после

²⁹³ Современные известия. 1879, 12 января. № 11. С. 2; 17 января. № 16. С. 1–2.

²⁹⁴ Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. С. 30.

²⁹⁵ Голос. 1879, 7 (19) февраля. № 38. С. 1.

²⁹⁶ Сковорцов И. П. Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры. С. 140.

которого запах становился невыносимым²⁹⁷. Однако разнообразие обстоятельств было слишком велико, и единой программы действий выработать не удавалось.

Едко критикуя рыбопромышленников, которые пытались протестовать против разорительных для них мер предосторожности, фельетонист «Голоса» писал:

Так уж спокон веку заведено, что рыбка с душком, особливо солененькая — самый первый сорт. У нас на этот душок смотрели как на душок в сырах и рябчиках. Нарочно делали засол рыбки так, чтоб была с душком-с. Да и стерлядка с душком — это первый сорт: и букетец, и мягкость, знаете, нежность...²⁹⁸

Купец, позицию которого реконструирует журналист, не хочет признавать или не понимает указываемой ему опасности и считает резкий запах («с душком») признаком всякого деликатеса. Этот конфликт интересов — предпринимателя, который считал повышенную санитарную и ольфакторную щепетильность делом затратным и нерациональным, и санитарного врача, который отождествлял селедочный «душок» с заразой и требовал пожертвовать частной выгодой ради выгоды общественной, — будет возникать раз за разом как конфликт общества, подлежащего санитарно-гигиеническому реформированию, и врачей-гигиенистов²⁹⁹. Столкновения происходили всякий раз, когда требования санитарных инспекторов и земских врачей входили в противоречие с интересами других групп: крестьян, не желающих тратить время и силы на достижение «излишней» чистоты и портить утварь дезинфекцией с помощью карболовой или соляной кислоты; домовладельцев, предпочитавших разовый штраф регулярным расходам на ассенизацию; тряпичников, чье существование поддерживалось сбором зараженной и вонючей ветоши, и т. п. Для безоговорочной победы гигиенисты и земские врачи, осуществлявшие низовой медицинский контроль, были не только недостаточно убедительными, но и пока еще не обладали необходимой административной

²⁹⁷ Астраханские губернские ведомости. 1879, 24 марта. № 24. С. 1–2.

²⁹⁸ Голос. 1879, 7 (19) февраля. № 38. С. 1.

²⁹⁹ Таким же образом структурировались конфликты между администрацией муниципальных скотобоен и скотозаводчиками, которые теряли доход в результате ветеринарной экспертизы (Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 152).

властью: до середины 1880-х годов их полномочия, как правило, ограничивались кризисными периодами.

Вероятно, в осуждении рыбопромышленников не последнюю роль играла и враждебность к купечеству, которая объединяла дворян и крестьян. В купцах видели «одиноким волков... которым выгодно совсем не то же самое, что другим членам общества, и которых все остальные в обществе рассматривают как людей аморальных и антиобщественных»³⁰⁰. Астраханские торговцы рыбой становились объектом критики и насмешек не только из-за консерватизма и патриархальности быта, которые приписывались всему купеческому сословию, но и из-за своего нежелания приносить жертвы ради предположительного (или, с их точки зрения, сомнительного) общественного блага.

Соответственно врагом санитарно-гигиенических преобразований оказывался даже не «темный» крестьянин, ежедневно борющийся за жизнь, а вполне благополучный купец, с его «допетровскими» обычаями и антиобщественными взглядами, расходившимися с либеральными представлениями о социальной ответственности. Представители обоих этих сословий, однако, нуждались как в воспитании гигиенической сознательности, так и в направленных на них контроле и ольфакторной бдительности. С другой стороны, медицинское сообщество, муниципальные власти и земские санитарные организации в целом претендовали на авторитетные позиции и автономию в принятии решений, касающихся вопросов «народного здоровья», и в этом отношении противостояли другим влиятельным группам — от правительственных чиновников и губернских правлений до предпринимателей (купцов и домовладельцев)³⁰¹. Например, известно противостояние двух влиятельных докторов — основателя московского Гигиенического института Федора Эрисмана и личного врача императора Сергея Боткина: Боткин предлагал централизацию санитарно-гигиенического контроля и администрирования в виде отдельного министерства здравоохранения, тогда как Эрисман считал государственное регулирование вредным

³⁰⁰ Hagen E. E. On the Theory of Social Change. Homewood, 1962. P. 60–61; цит. по: Беккер С. Миф о русском дворянстве. С. 98.

³⁰¹ См. анализ санитарно-гигиенической деятельности и риторики московской городской думы: Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. P. 63.

и мешающим развитию локального санитарного управления в виде земской медицины³⁰².

С высшими социальными стратами тоже не все обстояло благополучно. В обзоре последствий Ветлянской чумы автор «Отечественных записок» отмечал:

Мы вот все обвиняем в грязи и нечистоплотности мужика, а чума показала, что и все благородные российские люди равно склонны к этому и что в этом случае ни наука, ни образование, ни высота рода, ничто не помогает русскому человеку отрешиться от грязи и нечистоплотности³⁰³.

Нарушителями санитарных норм оказывались и аристократы, и высокопоставленные чиновники. В том же номере «Отечественных записок» приводилась выписка из акта полицейско-санитарного осмотра, который был произведен в Английском клубе в Петербурге (Невский проспект, 84–86) после многочисленных жалоб домовладельцу — дипломату и коллекционеру князю Николаю Юсупову. Обзоратель отмечал, что картина открывшихся безобразий «могла бы занять видное место в романе французской натуральной школы» (отметим эту риторическую отсылку к популярным в России романам Эмиля Золя). Ранее, в 1871 году, в петербургской прессе подробно освещалось так называемое дело «Вяземской лавры» (Забалканский проспект, 2–6), неоднократно фигурировавшей в натуралистической прозе, в том числе в «Петербургских трущобах» (1864–1866) Всеволода Крестовского. Скандал имел санитарно-гигиеническую причину: в некогда принадлежащих князьям Вяземским доходных домах с дешевыми меблированными комнатами, «углами» и ночлежными приютами трубы от отхожих мест были частично подсоединены к городскому водозаборнику, а частично и вовсе выходили прямо в Фонтанку, откуда жители ближайших кварталов брали воду для питья

³⁰² Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. Смертность в России и борьба с нею. Доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Санкт-Петербурге и Статистического отделения Русского общества охранения народного здоровья, 22 марта 1901 года в зале Музея Н. И. Пирогова. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. С. 4; *Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918*. P. 7–9.

³⁰³ Со ссылкой на «Смоленский вестник» приведено в: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. CCXLIII. № 3–4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 140–143.

и стирки³⁰⁴. В 1881 году «Новое время» и «Врач» писали о халатности петербургского городского головы, тайного советника Ивана Глазунова: по инициативе санитарного врача Валентина Нагорского Глазунова привлекли к суду за то, что одно из вверенных ему учреждений спускало нечистоты в реку и отравляло питьевую воду³⁰⁵.

Беспокойство, страх и отвращение, порождаемые риторикой санитарного дискурса, оказывались действенным средством пробуждения санитарной бдительности. Либеральные издания регулярно публиковали материалы, полные шокирующих подробностей. В пропаганде гигиены к ним присоединялись и консерваторы. Весной 1879 года даже в ультраправых «Московских ведомостях» появилась статья ветеринарного врача Онуфрия Маркевича, члена московской санитарной экспедиции в Астраханскую губернию, с устрашающим описанием процесса засолки волжской рыбы:

Кошки, собаки, свиньи, крысы оступаются в лари, тонут. Я не могу и представить себе тузлук, в приправу коего не входили бы то в разное время и по одному, то одновременно все вышеупомянутые звери. Насколько присутствие трупов этих зверей в ларях есть явление привычное, мало беспокоящее владельцев ватаг, можете убедиться из того, что даже трупам людей, попавших в лари и утонувших или утопленных там, дают залеживаться в ларях до тех пор, пока кожа и мясо их не растворятся в тузлуке³⁰⁶.

Такие материалы выходили после каждой крупной эпидемии: например, за восемь лет до Ветлянской чумы, во время холерной эпидемии 1871 года, астраханский врачебный инспектор опубликовал сходные результаты санитарного освидетельствования рыбных промыслов³⁰⁷.

³⁰⁴ Эрисман Ф. Ф. Настоящее состояние в санитарном отношении домов кн. Вяземского в Петербурге в марте 1871 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 45–78; Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871, 19 марта. № 64; 20 марта. № 65; 21 марта. № 66.

³⁰⁵ Новое время. 1881. № 1890; Врач. 1881. № 24. С. 407.

³⁰⁶ Московские ведомости. 1879, 10 марта. № 60.

³⁰⁷ Чорбин С. Т. Рыбные ватаги Астраханской губернии в промысловом и гигиеническом отношениях // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 1–16.

Доктор: Честь имею спросить фамилию, чин и откуда изволите ехать?

Холера: Холерина, из Персии.

Доктор: Подвысь!

Доктор: Честь имею спросить фамилию,
чин и откуда изволите ехать?

Холера: Холерина, из Персии.

Доктор: Подвысь!

М. Л. Невахович. Холера (Волшебный фонарь. Карикатурный альбом.
СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

И либеральная пресса, и профессиональное медицинское сообщество отмечали благотворное влияние, оказанное эпидемией на представления о гигиене³⁰⁸. Рассуждая о бытовых последствиях эпидемии, казанский профессор Скворцов писал:

Чума и сделанные по ее поводу открытия того, что издавна у всех перед глазами, заставили, как известно, воспрянуть всех. У всех на языке теперь «гигиена», «санитарные меры», «оздоровление», «дезинфекция» и т. д. — словом, то, что было до сих пор забыто и служило темой разговоров в ограниченных кружках, теперь сразу приобрело повсеместное распространение, приняло своего рода характер эпидемии³⁰⁹.

Таким же эффектом обладали и другие эпидемии пореформенного периода, предыдущие и последующие: каждая из них, от холеры 1866–1867 годов и оспы 1872-го до дифтерита 1880-х в Нижнем Новгороде и Николаеве и холерной пандемии 1892–1893 годов (унесшей жизни четверти миллиона человек), производила сильную, пусть и кратковременную встряску общества, иницируя санитарные преобразования и сдвигая границы приемлемого и неприемлемого³¹⁰.

Благодаря мощной дискурсивной поддержке и политическим последствиям некоторые санитарно-гигиенические практики, вызванные к жизни Ветлянской эпидемией, переросли формат временных и предупредительных мер и институционализировались. В Петербурге, Москве и Екатеринославе были созданы постоянные санитарно-гигиенические общества. Министерство внутренних дел издало циркуляр об улучшении санитарного быта русских городов. На государственном уровне одним из важнейших следствий стал пересмотр Карантинного и Медико-полицейского устава³¹¹, на уровне губернском — создание временных медицинских комиссий для изучения чумы, комитетов общественного здоровья

³⁰⁸ См., в частности: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССXLIII. № 3–4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 138.

³⁰⁹ Скворцов И. П. О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения // Сборник статей о чуме. Вып. 1. С. 131.

³¹⁰ См., например, об инфлюэнце 1889 года: Гигиена и хлеб насущный: Из записок столичного обывателя. СПб.: Типография А. Лашинского, 1889.

³¹¹ Доброславин А. П. Чума Ветлянки и наш карантинный устав с медико-полицейской точки зрения. СПб.: [Б. и.], 1887.

и санитарных комиссий для принятия срочных мер безопасности. Такие комиссии, состоявшие, как правило, из представителей городских и земских управ и уважаемых горожан, наделялись полномочиями надзирать за гигиеной не только общественных мест, но и частных владений (например, в Тамбове санитарные попечители получали право беспрепятственно «входить в дома и дворы для наблюдения за чистотой во всякое время», что распространяло сферу контроля на частное пространство).

Тем не менее санитарные комиссии все еще практически не включали врачей — их присутствие считалось факультативным и не было оговорено в правилах. Для наблюдения за чистотой казался достаточным частный опыт образованных и уважаемых граждан, для призывов к соблюдению европеизированного гигиенического стандарта все еще требовалась «порядочность», а не профессиональная экспертиза. Врачи на тот момент еще не получили право решающего голоса в вопросах общественного здоровья: процесс изменения их профессионального статуса только начинался. Перелом наступил лишь во время следующей серьезной эпидемии — общеевропейской холеры 1892–1893 годов, однако вплоть до 1900-х создаваемые по правительственной инициативе исполнительные санитарные комиссии состояли преимущественно из местных чиновников, а не из медиков³¹².

В ситуации неясной, но ощутимой и вездесущей опасности и недостаточного государственного регулирования в области санитарии обостренное обоняние, внимание к мелочам и повышенная брезгливость оказывались необходимыми союзниками человека. Фельетонист «Голоса» патетически писал:

Не чума страшна, а то чумное ослепление, которое целые века заставляет нас спуская рукава глядеть <sic!> на систематическую порчу воздуха, воды, почвы и жилищ в наших городах. От этой беспечности ежегодно, ежедневно уносится гораздо больше жертв, нежели от Ветлянской эпидемии. Все эти пневмотифы, холеры, дифтериты, оспы только потому и опасны, что наше обычное невнимание к гигиеническим условиям жизни создает для них богатую почву³¹³.

³¹² Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892–1893, and Medical Professionalization. P. 538–559; Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. P. 36–37.

³¹³ Голос. 1879, 18 февраля (2 марта). № 49. С. 1.

Риторика санитарно-гигиенического дискурса доводила ситуацию до экстремума, укрупняя «санитарные безобразия», распространяя режим опасности на каждое поселение, каждый город, от казачьей станицы на юге России до доходного дома в Москве и Петербурге — тем самым выводя повседневность из «автоматического» режима и провоцируя общество на решительные действия — и на изменение привычных практик распределения внимания. «В войне с невидимым врагом требуется принимать еще более предосторожностей разного рода, чем в войне с врагом видимым, и, конечно, чем враг, например, чума, опаснее, тем более это справедливо», — рассуждал Иринарх Скворцов в заметках о противочумных санитарных мерах³¹⁴. Повышенная чистоплотность и чувствительность «порядочного» человека выступали знаками европейской цивилизованности и новой буржуазной нормы, а изошение обоняния и повышение безразличности — необходимым условием не только в выборе между «культурностью» и «варварством», «прогрессом» и «отсталостью», но и в деле обеспечения личной безопасности. Начиная с периода реформ каждая из эпидемий влияла на актуализацию новых гигиенических и цивилизационных норм, меняла очертания чувственной конфигурации и косвенно способствовала созданию новых представлений о субъективности.

Образцы: синтез санитарии и бактериологии на гигиенических выставках

Если эпидемии актуализировали санитарно-гигиеническую модель повседневности в срочном режиме, а пресса создавала поле для диалога и взаимодействия между медицинским сообществом и обывателями, недовольными санитарным состоянием и администрированием окружающей среды, то санитарно-гигиенические выставки, которые с 1870-х годов устраивались в европейских городах, демонстрировали образцы, на которые следовало ориентироваться государству и гражданам. В этом смысле выставки оказывались еще одним инструментом распространения и внедрения

³¹⁴ Скворцов И. П. О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения. С. 90.

новых санитарно-гигиенических стандартов, способствуя реконфигурации чувствительности, выдвигению обоняния в социальное пространство и воспитанию *Homo hygienicus*.

В отличие от профессиональных санитарно-гигиенических конгрессов и конференций, регулярно проводившихся в Европе с 1851 года и собиравших с одной стороны политиков и дипломатов и с другой стороны специалистов — эпидемиологов, химиков, медиков, демографов — для выработки единой системы мер при эпидемиях холеры, тифа, оспы, гриппа/инflюэнцы³¹⁵, гигиенические выставки преследовали в первую очередь дидактические и просветительские цели. Впервые в Западной Европе подобная выставка (*Exposition d'hygiène et de sauvetage*, в тогдашнем русском переводе — «Выставка гигиены и спасения погибающих») прошла в Брюсселе в 1876 году, что положило начало традиции, державшейся до Второй мировой войны.

Первая международная гигиеническая выставка в Брюсселе была устроена по образцу популярных художественно-промышленных выставок и предназначалась для широкой аудитории. Организаторами она репрезентировалась как масштабный просветительский проект, способный благодаря обмену идеями и новшествами объединить пространство западноевропейской культуры на почве общего стремления к прогрессу. Прогресс в данном случае понимался и очень широко — светлое будущее для всего человечества, и очень узко — источник этого прогресса виделся в торжестве урбанизма и гигиены. По словам Бартон Бенедикта, циклопические выставки XIX века в принципе конструировали образ идеального города потребления, демонстрируя посетителям очищенный мир без бедности, войн, социальных проблем и почти без природы (гигиенические выставки в этом смысле не стали исключением)³¹⁶. Экономические и политические цели устроителей маскировались и отодвигались на задний план, а просвещение ради будущего блага всего человечества объявлялось основной задачей; эту стратегию еще в 1851 году использовали организаторы

³¹⁵ Howard-Jones N. The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851–1938. Geneva: World Health Organization, 1975. P. 9.

³¹⁶ Benedict B. The Anthropology of World's Fairs // The Anthropology of World's Fairs: San-Francisco's Panama-Pacific International Exposition / ed. by B. Benedict. Berkeley: Lowie Museum of Anthropology; London: Scholar Press, 1983. P. 5.

лондонской Промышленной выставки³¹⁷. Таким же прогрессистским и дидактическим пафосом были проникнуты и гигиенические выставки, как международные, так и национальные.

В Брюссельской гигиенической выставке собиралась участвовать и Россия. Был собран оргкомитет из видных медиков под почетным председательством наследника престола: по его распоряжению для устройства русского павильона в Брюсселе было выделено 10 000 франков³¹⁸. Выставочную коллекцию из 154 экспонатов, которая была приписана к специально созданному гигиеническому филиалу Педагогического музея военно-учебных заведений, курировал профессор Медико-хирургической академии, известный гигиенист Доброславин. Коллекцию собирали так, чтобы посетители могли опробовать или потрогать выставленные предметы или принять участие в научных экспериментах и демонстрациях³¹⁹. С окончанием выставки жизнь коллекции не заканчивалась: было решено организовать стационарный музей, где с экспонатами, составлявшими два тематических стенда — «Гигиенический кабинет» и «Образцовая классная комната», могли бы ознакомиться все желающие. Музеефикация выставочных коллекций была принятой практикой: таким образом по следам международных выставок в Берлине, Дрездене и Лондоне открылись музеи гигиены.

Другим важным институциональным следствием подготовки к выставке стало учреждение в 1877 году Русского общества охранения народного здоровья (его почетным председателем стал великий князь Павел Александрович, председателем — профессор медицины и придворный лейб-медик Николай Здекауэр). Общество получило право издания специализированного журнала, посвященного вопросам медицины и гигиены³²⁰. Тогда же начались

³¹⁷ Greenhalgh P. *Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851–1939*. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 17.

³¹⁸ Международная гигиеническая выставка. Брюссель. 1876. Правила для русских экспонентов. СПб.: [Б. и.], 1875; Лелина Е. И. Русский отдел на Первой международной гигиенической выставке 1876 года в Брюсселе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2006. № 4. С. 103.

³¹⁹ Коховский В. П. Общий обзор педагогической части Международной выставки гигиены и спасения погибающих в Брюсселе, в 1876 г. Ч. I. Бельгия // Педагогический сборник. 1877. Кн. 1. С. 5.

³²⁰ До 1882 года печатным органом Русского Общества охранения народного здоровья был журнал «Здоровье» (основан в 1874 году, с 1878 по 1882 год

разговоры о необходимости организации национальной выставки сходного масштаба. Престиж гигиены, ассоциировавшейся в России с европеизацией, цивилизованностью и прогрессом, был очень велик; к тому же выставки, как показали первые опыты, оказывались эффективным инструментом популяризации новых санитарно-гигиенических стандартов. Первую немецкую гигиеническую выставку (Берлин, 1883) посетило 844 997 человек³²¹; первую в Великобритании (Лондон, 1884) — 4 167 000. За ними последовали выставки в Австро-Венгрии (Вена, 1887), Франции (Париж, 1889) и в Российской империи (Варшава, 1887; Санкт-Петербург, 1893).

Первая Всероссийская гигиеническая выставка открылась в Петербурге на территории Михайловского манежа (3518 кв. саж.) и шла шесть месяцев, с 21 мая по 10 октября 1893 года (подобные сроки были нормой для таких мероприятий). На торжественном открытии выставки присутствовали министр народного просвещения Иван Делянов, министр внутренних дел Петр Дурново, военный министр Петр Ванновский, управляющий Морским министерством адмирал Николай Чихачев, управляющий Министерством земледелия и государственных имуществ Алексей Ермолов, начальник Главного морского штаба Оскар Кремер, директор Института экспериментальной медицины Эдуард Шперк и председатели Российских обществ Красного Креста и спасания на водах. Через полтора месяца выставку посетил император Александр III с семьей, свитой и министрами — этот визит освещался в газетах, а затем был подробно описан в специальной брошюре.

Выставочный проект был подготовлен еще в 1887 году силами Русского общества охранения народного здоровья и Медицинского департамента Министерства внутренних дел, а в организации приняли участие крупные научно-исследовательские центры (Военно-медицинская академия, Институт экспериментальной медицины, Московский и Казанский университеты) и учрежденные к этому времени специализированные санитарные и врачебные комиссии при городских управах. Реализация проекта несколько

издавался обществом), в 1884 году был основан новый журнал — «Труды Русского общества охранения народного здоровья» (1884–1890, в 1891 году переименован в «Журнал Русского общества охранения народного здоровья»), с 1914 по 1917 год издавался под названием «Гигиена и санитария»).

³²¹ Берлинская выставка должна была открыться двумя годами раньше, но склады с экспонатами были уничтожены пожаром.

раз откладывалась — сперва из-за нехватки средств, затем — из-за ходатайства Общества русских врачей, желавшего приурочить выставку к своему V съезду в Петербурге и потому просившего об отсрочке³²². Сам масштаб мероприятия — 542 участника и более 40 000 экспонатов, распределенных по 8 отделам³²³, — требовал значительных совместных усилий научного сообщества, промышленников и правительства, а государственное финансирование выставка получила благодаря ходатайству великого князя Павла Александровича. Главными задачами объявлялись санитарная инспекция Российской империи и знакомство масс с новыми гигиеническими веяниями³²⁴.

Все гигиенические выставки — и западноевропейские, и российские — подобно уже широко распространенным к тому времени выставкам художественно-промышленным, или универсальным (фр. *expositions universelles*), декларировали сугубо идеальные цели — просвещение, благотворительность, развитие промышленности на благо всего человечества³²⁵. Первая Всероссийская гигиеническая выставка не была исключением. Широкий тематический охват должен был продемонстрировать важность внедрения гигиены во все мыслимые области промышленности и человеческого общежития и подтвердить успехи Российской империи в науке и промышленности постольку, поскольку гигиена воспринималась как один из синонимов прогресса и цивилизованности.

Общественные деятели подчеркивали, что усвоение новых цивилизационных норм и санитарно-гигиенических стандартов было

³²² Положение о Всероссийской гигиенической выставке, устраиваемой с высочайшего соизволения Русским обществом охранения народного здоровья // Журнал Русского общества охранения народного здоровья. 1891. № 1. С. 46–48.

³²³ Биологический, отдел медицинской статистики, медицинской географии и эпидемиологии, отдел гигиены общественной и частной, отдел школьной (детской) гигиены, отдел климатологии и бальнеологии, больничный, железнодорожный и гигиенической литературы.

³²⁴ Иллюстрированное описание Первой Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге: в 12 вып. СПб.: Типография С. Ф. Яздовского и К°, 1893. Вып. 1. С. 4–5.

³²⁵ Питер Гриналг указывает, что выставки часто приурочивались к санитарно-гигиеническим конгрессам или каким-либо важным для национального самосознания и национального строительства праздникам. Это оправдывало пышность зтеи в глазах общества и попутно привлекало внимание к эмоционально важным вещам — общественному здоровью или национальной идее (*Greenhalgh P. Ephemeral Vistas*. P. 10–13).

тем более необходимо, что обещало счастливое будущее Российской империи, более молодой и энергичной по сравнению с Европой (так парадоксальным образом совмещались санитарно-гигиеническая антитеза европейского и азиатского и геополитическая — молодой России и гибнущей Европы). В частности, на торжественном открытии выставки вице-председатель Русского антропологического общества профессор Эдуард Петри, заведовавший антропологической секцией, заявил:

Выставке суждено сыграть крупную роль в деле изучения родной страны. С антропологической точки зрения русскому народу предстоит великая будущность. Другие народы уже изживают свои силы, склоняясь к старости. Русский же народ таит еще в себе громадный запас молодых сил, и необходимо освободить великую силу от врагов его; но с этими врагами нужно сражаться не оружием, а культурными средствами, одно из которых представляет и настоящая выставка, наглядно показывающая живую связь науки с жизнью³²⁶.

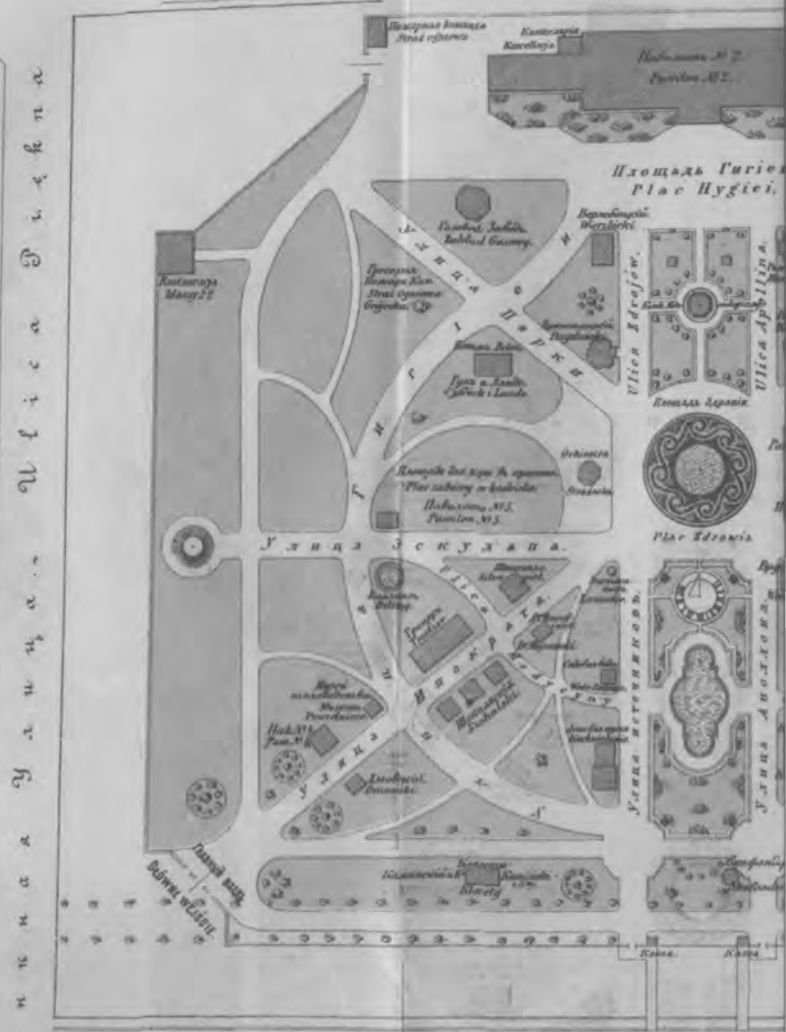
За полгода петербургскую выставку посетило почти полмиллиона человек; из них заплатили за вход 73 699, 2000 были розданы именные билеты, 500 — разовые входные билеты; бесплатный вход был организован для учащихся Петербурга и окрестностей, персонала санитарных учреждений и нижних чинов воинских частей³²⁷. По сравнению с успехом выставки в Лондоне, привлечшей более четырех миллионов посетителей, эти цифры были скромными. Впрочем, организаторы предпочитали сравнение с выставкой в Берлине (844 997 посетителей), которая, в отличие от лондонской, считалась менее коммерческой³²⁸. Для них было важно подчеркнуть научную и просветительскую стороны мероприятия, а не его финансовый успех:

³²⁶ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки / Журнал Общества охранения народного здоровья. 1893. № 6–7 / Приложение. СПб.: Типография Шредера, 1893. С. 12.

³²⁷ Первая Всероссийская гигиеническая выставка. Краткий очерк. СПб.: [Б. и.], 1894. С. 19.

³²⁸ Помимо дохода от продажи билетов лондонская выставка получала прибыль от двух десятков кафе и ресторанов, платных концертов и вечерней иллюминации (Поляк И. Гигиеническая выставка в Лондоне. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1885).

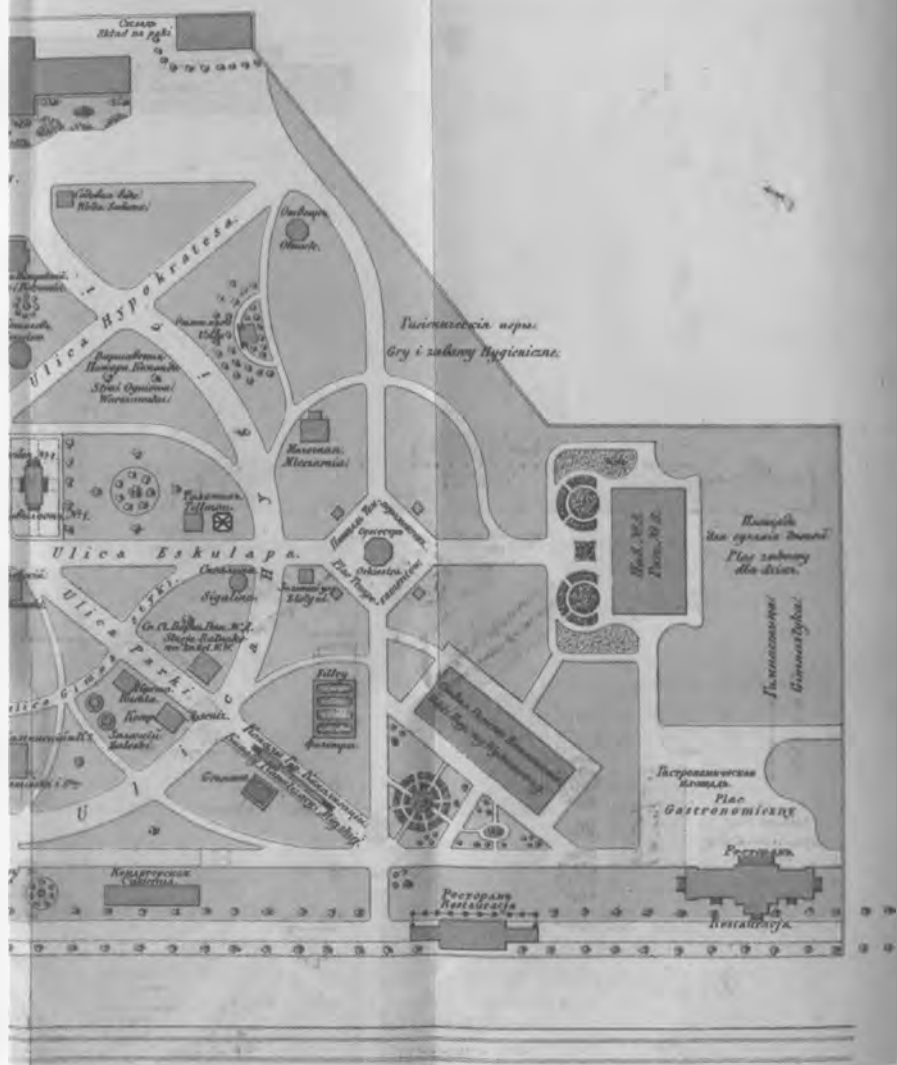
Военная Уездовская

План Гигиенической выставки в Варшаве в 1887 году (Катало

ICZNEJ w WARSZAWIE w 1887 r.

а болница, - Szpital Ujazdowski.

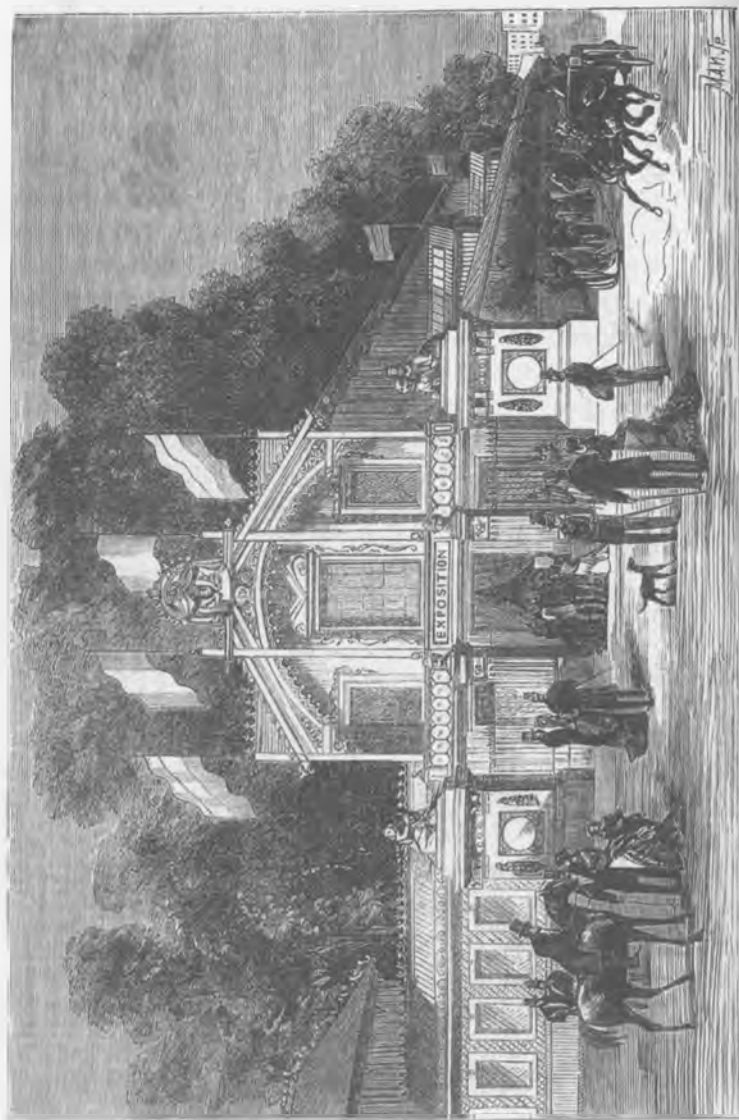
Цель гигиенической выставки <...> заключается в том, чтобы представить вниманию русского общества образцы новейших изобретений и усовершенствований, способствующих охранению народного здоровья и делу оказания помощи страждущим, пострадавшим в несчастных случаях и т. д., и, кроме того, выяснить существующие в наше время недостатки и слабые стороны санитарного дела в России³²⁹.

Рецензируя выставку, обозреватель «Вестника общественной гигиены, судебной и практической медицины» доктор Дмитрий Никольский первостепенной задачей называл санитарную ревизию империи и признавал, что в целом она выполнена³³⁰.

Гигиенические выставки принято рассматривать как одну из форм «превентивного» санитарного подхода и вписывать в санитарно-локалистский теоретический контекст. Однако в случае российской выставки 1893 года картина была несколько более сложной и эклектичной, и именно благодаря этой эклектичности она имела ряд последствий, существенных для изменения конфигураций чувствительности. В отличие от первых гигиенических выставок в Европе, Всероссийская выставка проводилась уже в эпоху санитарно-бактериологического синтеза (воспользуемся вновь термином, предложенным американским историком медицины Дэвидом Барнсом). Для этой эпохи характерно сочетание социально-ориентированного санитарно-гигиенического подхода и специфических методов бактериологии и эпидемиологии³³¹.

Материалы российских гигиенических выставок демонстрируют две основные стратегии, которые использовались организаторами и участниками выставки: 1) расширение гигиены на весь окружающий мир, ее тотализация и 2) ее максимальная спецификация. В совокупности эти стратегии способствовали нарушению сложившегося равновесия между повседневным ольфакторным опытом и представлениями о приемлемом и неприемлемом, характерными для городского населения. Сверхзадача, которая стояла перед гигиенистами, — по-новому сформировать режимы чувствительности и изменить ожидания общества. Опыт эпидемий должен был внушить публике необходимость новых санитарно-

³²⁹ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки.
³³⁰ Никольский Д. П. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 30.
³³¹ Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs; Ламур Б. Пастер: война и мир микробов. Р. 83–97.

Грав. О. Май. Брюссель. Здание международной санитарной выставки (Всемирная иллюстрация. 1876. Т. 16. Вып. 395. С. 84)

гигиенических правил — ведь администрирование санитарного дела шло крайне медленно³³². В обстановке всеобщего напряжения и страха, порожденного эпидемиями (а первая всероссийская гигиеническая выставка открылась на фоне голода и холерной пандемии 1892–1893 годов), выставки предлагали наглядную и осязаемую положительную программу.

Рубрикация и наполнение отделов выставки демонстрировали как объем понятия «гигиена», так и популяризацию этого понятия в последние десятилетия XIX века. В 1876 году, готовясь к международной гигиенической выставке в Брюсселе, организаторы распределили экспонаты по 10 классам в соответствии с бельгийской программой³³³. Однако подавляющее большинство российских экспонатов (154 единицы) попадало в категории предметов, применявшихся для предотвращения или ликвидации последствий каких-либо несчастий, эксцессов и катастроф. Российская промышленность, как и российское правительство, непосредственно участвовавшее в формировании павильона, понимали гигиену достаточно узко и приписывали ей скорее репрессивную, чем профилактическую функцию. Модель западноевропейских гигиенических выставок, на которую ориентировались организаторы, в свою очередь во многом опиралась на структуру универсальных художественно-промышленных выставок, определявшуюся четырьмя факторами — массовым производством, урбанизацией, массовыми коммуникациями и производством полуфабрикатов³³⁴. Попытка ее скопировать оказывалась малоуспешной из-за нерелевантности или неоформленности этих факторов в российских условиях.

Полтора десятилетия спустя гигиена была на слуху у большей части городского населения — прежде всего благодаря прессе, просветительской работе врачей-гигиенистов и общественных деятелей и эпидемиям. Российские общественные деятели искали и находили идеальную модель, по которой должен развиваться российский город, на Западе, а врачи регулярно публиковали

³³² К 1910 году санитарные бюро существовали в 28 губернских городах (из 71), канализация существовала в 52 российских городах (в 994 городах ее не было), в 14 губернских городах не было ни одного врача (Ульянов Ф. А. Города на Всероссийской гигиенической выставке. Минск: Типография И. Каплана, 1913. С. 2–4).

³³³ Международная гигиеническая выставка. С. 6.

³³⁴ Greenhalgh P. *Ephemeral Vistas*. P. 142.

отчеты о своем посещении различных общественно-полезных учреждений (школ, больниц, тюрем, рынков, боен, водоочистных сооружений и т. п.) и гигиенических выставок в западноевропейских городах — и писали о необходимости перенесения самых удачных образцов на российскую почву³³⁵. В 1882 году гигиена впервые вошла в тематику неспециализированной выставки: гигиенический отдел был организован на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве³³⁶. По первоначальному плану 1879 года такого отдела не предполагалось³³⁷, но после эпидемии чумы и общественной реакции на нее гигиена оказалась не только общественно важным, но и модным понятием. В отчетах о выставке высказывалось обещание создать в России город нового, западного типа соответственно представленной на выставке идеальной модели³³⁸. Тем не менее набор экспонатов гигиенического раздела, который назывался «Предметы подания помощи страждущим», ограничивался предметами «репрессивной» санитарии³³⁹. Это противоречило основному тезису тогдашней общественной гигиены, настаивавшей в первую очередь на превентивных мерах, и потому вызывало неодобрение российских специалистов³⁴⁰. Но уже на следующей, специализированной выставке в Варшаве 1887 года картина изменилась.

³³⁵ Сковорцов И. П. Санитарный быт западноевропейских городов и Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. С. 96–154; Ковальковский К. П. Санитарные учреждения Берлина, Лондона и Парижа // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. № 1. С. 17–28; № 2. С. 99–110; № 5. С. 417–429.

³³⁶ Попытки анализировать промышленные выставки с санитарно-гигиенической точки зрения предпринимались и до этого. См., например: Губнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 231–242; 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 143–157.

³³⁷ Положение о Всероссийской гигиенической выставке. С. 46–48.

³³⁸ Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года: в 6 т. СПб.: [Б. и.], 1883–1884. Т. 6. С. 7.

³³⁹ В этом отделе были выставлены «предметы по переноске и перевозке больных, для оказания первой помощи на поле сражений, образцы палаток и барачков, предметы госпитального снабжения, дезинфекционные средства, протезы, средства предупреждения гибели людей и судов, спасательные суда, спасательные приборы, принадлежности и учреждения» (Там же. Т. 1. С. 34–35).

³⁴⁰ Сковорцов И. П. Гигиена на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве. Варшава: [Б. и.], 1883.

Варшавская выставка была организована редакцией польского журнала *Zdrowie* под покровительством известной благотворительницы графини Александры Потоцкой. Главный редактор журнала, врач Иосиф Поляк, писал в выставочном проспекте:

В настоящее время уже нет сомнения, что гигиена понижает общую смертность и смертность детей, уменьшает число заболеваний и предупреждает эпидемии <...> мы в состоянии ослабить эти бедствия, и заботы об этом составляют нашу личную, семейную и общественную обязанность³⁴¹.

Организаторы сумели привлечь значительное для Царства Польского число участников (289) и обеспечить широкий тематический охват и научную базу³⁴². Гигиена представляла антитезой «санитарным безобразиям», грязи и неряшеству и приравнивалась к здоровью, цивилизованности и прогрессу.

Тем самым выставка транслировала характерный для европейской медицины второй половины XIX века «тотальный» санитарно-гигиенический подход, который утверждал приоритет предупредительных мер и возводил всевозможные болезни к некоему инварианту (*контагию* (*contagium*), *заразе*, *яду*, *горячке*, *лихорадке*), возникающему в результате дисбаланса, нарушения гармонии³⁴³. Таким образом, предупреждение болезни напрямую зависело от человека: умеренность, пристальное внимание к состоянию окружающей среды, поддержание личной чистоты согласно новым стандартам и душевное равновесие обеспечивали защиту от заразы. Однако для полного успеха оздоровлению и очищению должно было подвергнуться все общество сверху донизу: санитарно-гигиенический подход начинался с личной гигиены и заканчивался требованием чистоты для каждого члена общества и каждого фрагмента публичного пространства. Как сформулировал в своей речи на открытии Всероссийской гигиенической выставки 1893 года граф Сюзор, «если здоровый дух может находиться только

³⁴¹ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887. С. 1.
³⁴² Из 289 участников 100 значилось по ведомству биологического комитета (Физико-химическое отделение и отделение чужеродных, т. е. паразитов), 51 — строительно-архитектурного, 54 — педагогического (гигиена младенцев, детей и молодежи, гигиена школьных помещений, 51 — больницы (среди прочего был выставлен электрический аппарат для уничтожения бактерий в воздухе), 18 — промышленного и 15 — статистического.
³⁴³ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 128 et passim.

в здоровом теле, то здоровое тело — в здоровом жилище, а здоровое жилище — в здоровом городе»³⁴⁴. Таким образом, санитария прямо или косвенно апеллировала к определенной социальной утопии³⁴⁵. Кроме того, по наблюдению Бруно Латура, сама расплывчатость и широта понятия «гигиена» обеспечивали врачам-гигиенистам возможность говорить за всех и выражать интересы всех слоев общества: в коммуникативном смысле именно некая абстрактная гигиена была адресантом сообщений, транслировавших универсальный конфликт между здоровьем и благосостоянием³⁴⁶.

На варшавской выставке этот подход выражался, во-первых, в создании особого выставочного пространства, моделирующего безопасный, здоровый, дезодорированный и рационально устроенный город будущего. Выставка напоминала регулярный парк XVIII века, где дорожки и улицы носили говорящие названия в просветительском духе: площадь Гигиены, площадь Здравия, площадь Темпераментов, улица Гиппократы. «Гигеополь», как варшавскую выставку окрестила пресса, иллюстрировал мечты гигиенистов о городе, построенном с соблюдением всех санитарных стандартов. К проекту идеального города отсылала и следующая варшавская выставка 1896 года; о просветительских и утопистских аллюзиях свидетельствует, например, опубликованная в выставочном каталоге инструкция, в каком порядке надлежит осматривать выставку, которая типологически напоминала знаменитую инструкцию Людовика XIV по осмотру Версаля³⁴⁷. Во-вторых, санированный мир будущего должен был проступать за планами строений, схемами устройств и образцами товаров, изготовленных в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями. Например, в строительно-архитектурном отделе были выставлены планы «здорового жилища» с пояснением: «Мы считаем идеалом жилой дом на одно или два семейства, окруженный садиком и отдаленный

³⁴⁴ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 11.

³⁴⁵ Никольский Д. П. Жилые помещения для рабочих на уральских золотых приисках и рудниках // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. № 5. С. 470–473; Гуринов Е. Г. О крытых помещениях для рабочих и биржах для чернорабочих рынков // Там же. № 6–7. С. 619–620. Подробнее см.: Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 130.

³⁴⁶ Латур Б. Пастер: война и мир микробов. С. 51–55.

³⁴⁷ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1896. С. XX.

от тротуара на целую ширину улицы, а в таких домах в Варшаве чувствуется огромный недостаток»³⁴⁸.

Этой же тенденцией к санитарно-гигиеническому моделированию была проникнута и Первая Всероссийская гигиеническая выставка 1893 года в Петербурге. Помимо планов и схем, выражавших урбанистические идеалы гигиенистов, само пространство выставки означало и изображало пространство Российской империи, очищенное и преображенное средствами прогресса, — со стендами губерний и городов, с особыми отделами Царства Польского и Великого княжества Финляндского. Последнее было представлено своеобразной выставкой внутри выставки, дублировавшей исходную структуру и частично дополненной новыми разделами, что в каком-то смысле соответствовало автономному положению Финляндии в составе Российской империи³⁴⁹. Высокую структурированность создаваемого выставкой мира, его идеальность и образцовость подчеркивал в своей речи и председатель оргкомитета, архитектор Павел Сюзор³⁵⁰.

Однако радикального социализма, свойственного, к примеру, британской санитарно-гигиенической традиции, участники российской выставки тщательно избегали. Выставленные образцы диверсифицировались по социальным классам: для достаточно-го городского населения — условного среднего класса, для рабочих, для крестьян и даже для бездомных предлагались свои модели гигиенически приемлемого жилья, одежды, пищи, утвари, промышленных товаров. Но, при всех социальных отличиях, продвигаемые выставкой санитарно-гигиенические нормы объединялись общими императивами чистоты, безопасности для здоровья и дезодорированности — или, по крайней мере, ольфакторной нейтрализации публичной и приватной сфер. Особой санитарной регламентации подвергались пекарни, кондитерские, сыроварни и другие предприятия, производившие съестное, а также производства и ремесла, которые исторически считались нездоровыми, — бойни, бумагопрядильни, мыловарни, текстильные мануфактуры, кожевенные и свечные фабрики и т. п.

³⁴⁸ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887. С. 50.

³⁴⁹ Всероссийская гигиеническая выставка: Санкт-Петербург / Отдел Великого княжества Финляндского / Каталог. Гельсингфорс: [Б. и.], 1893.

³⁵⁰ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 11.

Многие владельцы «подозрительных в санитарном отношении» заводов и фабрик считали необходимым продемонстрировать на выставке не свой товар, а гигиеничность и современность условий труда. О гигиене рабочих и борьбе с дурнопахнущими отбросами повествовали брошюры и стенды текстильной фабрики братьев Морозовых, Рижской писчебумажной фабрики, Роменской бумагопрядильни, казанского завода Крестовниковых и пермского завода Любимовых — переработчиков каменного угля и его производных и соды. В частности, Никольская мануфактура Морозовых, где в 1885 году из-за тяжелых условий работы и снижения заработной платы разразилась многотысячная забастовка — знаменитая «Морозовская стачка», демонстрировала не ситцы и сатины, а отчеты о вакцинации против оспы, чертежи родильного и детского приюта, барака для хирургических больных, барака для хронических больных, аптеки и приемной, казармы для семейных рабочих, артельной казармы, дома для служащих, бани, больницы и артезианского колодца³⁵¹.

Убедившись, что фабрика устроена в соответствии с современными требованиями прогресса и гигиены, посетитель должен был сделать вывод и о безопасности, и о качестве производимого ею товара³⁵². К концу XIX века понятие «гигиеничность», тесно связанное с понятием «прогресс», подразумевало в том числе и автоматическое, механизированное производство товаров: страх перед заразными болезнями выражался в том числе в имплицитном требовании, чтобы производимых товаров не касались чужие руки, чтобы в вещи и продукты не впитывались эманации чужого тела³⁵³. Механизация производства воспринималась не только как признак прогресса, но и как прикладное воплощение санитарно-гигиенических стандартов.

Ощутимый общественный спрос на гигиену вызвал к жизни и новую рекламную стратегию: производители и продавцы стали добавлять к названию товара или услуги прилагательное «гигиенический». В 1887 году «гигиеническими» именовались: мыло, гимнастика, игры, одежда — чулки, кофточки, костюмы, одеяльца,

³⁵¹ Поткина И. В. Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг. XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 25–61.

³⁵² Журнал Общества охранения народного здоровья. 1893. № 12. С. 936.

³⁵³ Никольский Д. П. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 99–103.

предохраняющие от простуды (все из трико)»; в 1893 году — лампы для занятий, губки, мостовые («водонепроницаемые, бесшумные, нескользкие»), выгребные ямы, печи с вентиляционным устройством, ледяные шкафы, плевательницы; в 1896 году — бакалейные товары, сетчатые фуфайки, хозяйственные постройки (конюшня, коровник, скотобойня), курительные трубки, обувь, колодцы, аппараты для доения коров, сельские бани. Как видно из этих примеров, прилагательное «гигиенический» было синонимично «безопасный», «безвредный», «чистый»/«очищенный», «полезный для здоровья», «устроенный в соответствии с последними требованиями санитарии и гигиены».

В соответствии с широкой санитарно-гигиенической программой пореформенной медицины понятие «гигиена» включало такие предметы заботы и беспокойства врачей-гигиенистов, как качество воды и воздуха, безопасность жилья и места работы, безвредность одежды и обуви, питательность и полезность пищи. Обсуждение проблем профилактики эпидемий и очищения частного и публичного пространства выводила в сферу общественного внимания массу новых предметов и явлений, которые прежде не ассоциировались с научной гигиеной и не требовали непосредственной медицинской экспертизы. Все, что оставалось вне очищающего воздействия прогресса и не было снабжено удостоверением «гигиеничности», отныне могло представлять опасность, угрозу здоровью и благополучию. Выставочные стенды, каталоги и рекламные объявления, утверждавшие, что любой товар может (и должен) быть гигиеническим, исподволь утверждали и обратное — повсеместность заразы.

На фоне выставочной санитарно-гигиенической утопии насущные проблемы и несовершенства становились еще конкретнее и осязаемее. Выставки облекали зло — эпидемии, заразу, «санитарные безобразия» — в наглядную форму фотографий, рисунков, схем, медицинских отчетов, статистических графиков, содержащих сведения о количестве умерших и заболевших, масштабах эпизодов, объемах скопившихся нечистот и т. п. Например, на варшавской выставке таблицы сведений о болезнях населения, анализы проб воды, воздуха, земли, взятых как в самой Варшаве, так и в различных уездах Царства Польского, напоминали посетителям выставки о заключенной в повседневности угрозе; об этом же говорилось в сопроводительных лекциях и докладах. На гигиенической выставке в Петербурге демонстрировались диаграммы

школьного воздуха (в них указывалось количество вдыхаемых детьми вредных микроорганизмов) и сравнительные анализы ключных и дренажных вод с точки зрения цвета, мутности, осадка и запаха³⁵⁴. Посетитель мог сравнить санитарно-гигиенические нормативы с анализами воды из российских рек, вывешенными по соседству, и прийти в ужас.

Наряду с всеобъемлющим и социально ориентированным подходом к гигиене и здоровью петербургская выставка 1893 года демонстрировала и спецификаторский подход, обязанный своим происхождением лабораторной и полевой бактериологии³⁵⁵. Опыты Пастера и Коха 1860–1880-х годов дали возможность изолировать возбудитель и выявлять причину той или иной болезни с помощью экспериментов³⁵⁶, но сказать, что бактериология сразу вытеснила санитарию, ни в коем случае нельзя. Даже приняв предположение, что у каждой инфекционной болезни есть своя специфическая причина, европейские и российские врачи не отказывались от проектов тотального санитарного очищения — в том числе и потому, что знание этиологии зачастую не могло быть использовано в терапевтических или профилактических целях. Напротив, результаты конкретных бактериологических экспериментов и описания обеззараживающих методов, эффективность которых подтверждалась в лаборатории, стали включаться в труды по общественной гигиене в качестве дополнительных аргументов³⁵⁷.

Тем самым в сфере повседневного опыта образованного горожанина, вдобавок к идеям очищения и санитарного контроля, возникал новый, прежде не существовавший актор — микробы и бактерии³⁵⁸. Новая бактериологическая наука во многом наследовала старым контагионистским взглядам на заразные болезни и связанной с ним контролирующей карантинистской стратегией. Но если карантинистский подход пытался контролировать человека,

³⁵⁴ Никольский Д. П. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 99–103.

³⁵⁵ О взаимоотношениях лабораторной и полевой работы в пастеровской бактериологии см., в частности: *Mendelsohn J. A. The Microscopist of Modern Life* // *Osiris*. 2003. Vol. 18. P. 150–170.

³⁵⁶ *Evans R. J. Death in Hamburg*. P. 490–497, 502–507.

³⁵⁷ *Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow*. P. 23–26.

³⁵⁸ *Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs; Tomes N. The Private Side of Public Health: Sanitary Science, Domestic Hygiene, and Germ Theory, 1870–1900* // *Bulletin of the History of Medicine*. 1990. Vol. 64. N 4. P. 509–539.

а санитарный — среду обитания, то пастеровская бактериология не проводила различий между первым и вторым, поскольку была нацелена на поиск, фиксацию и контроль нечеловеческого — не видимых для невооруженного глаза микробов и бактерий.

На Первой Всероссийской гигиенической выставке специфический подход практиковали бактериологи и микробиологи из Патологоанатомического музея и Зоологического кабинета Военно-медицинской академии, Института экспериментальной медицины, анатомических кабинетов Мариинской и Обуховской больниц, Кронштадтского морского госпиталя, клинко-бактериологической лаборатории Клинического института великой княгини Елены Павловны. Они показывали рисунки паразита болотной лихорадки, фотограммы *Bacilla asiaticus* из извержений холерного больного, препараты из крови здоровых и зараженных холерой животных — их все желающие могли рассмотреть под микроскопом³⁵⁹. Отдел общей микробиологии демонстрировал фотографии почвенных микроорганизмов на бумаге и стекле; биологический отдел выставлял «образцы животных, полезных или вредных для человека в медицинском и гигиеническом отношении» — в их число попали ядовитые животные, насекомые, портящие припасы, и наружные и внутренние паразиты. Экспонаты — спиртовые препараты, восковые модели и рисунки — должны были познакомить посетителей выставки со всем разнообразием «чужеядных» (бактерий и паразитов)³⁶⁰. Отдел Военного министерства наряду со статистическими таблицами санитарного состояния российской армии за 1887–1893 годы поместил среди экспонатов микрофотограммы болезнетворных микроорганизмов из бактериологической лаборатории Главного военно-медицинского управления. Самая обширная коллекция — 127 образцов — принадлежала отделу патогенной бактериологии. Чтобы каждый посетитель мог убедиться в существовании бактерий, в пробирках с питательными средами были получены «чистые разводки» — колонии, видимые и невооруженным глазом, а всем желающим выдавались увеличительные стекла.

В отличие от теории миазмов и связанной с ней общественной гигиены, бактериологическое знание о патогенезе генерировало

³⁵⁹ Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки. С. 26.

³⁶⁰ Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1893. № 10. С. 690.

не беспокойство по поводу запахов, миазмов и «санитарных безобразий», а страх перед невидимым чужим. Говоря о бытовом аспекте пастеровской революции, французский историк медицины Франсуа Дагонье отмечал:

Взрослому человеку свойственно страшиться микробов, так как он не в состоянии их увидеть, удалить их, отделить их от себя... Микробиология влечет за собой фобии; хотя, с одной стороны, как утверждает, пастеровский подход успокаивает больного [буквально — зараженного, фр. *l'infecté*. — М. П.], поскольку снимает с него чувство вины — ведь зло приходит извне; с другой стороны, он населяет привычный мир скрытыми и вездесущими врагами. В социальном воображении он замещает бесконечное ипохондрическое самоедство навязчивым страхом перед грязью³⁶¹.

Этот страх оборачивался сомнениями в безопасности окружающей среды и собственного тела и попытками с помощью разнообразных тактик предупредить возможность заражения. Мытью тела и особенно рук приписывались новые функции: им предстояло не ликвидировать запахи, а уничтожить невидимых микробов³⁶². Рекомендации гигиенистов мыть руки с мылом так часто, как необходимо, влияли на повседневные практики: наиболее чувствительные к санитарной пропаганде делали это десятки раз в день. Один из самых известных, хотя и поздних примеров подобного рода — повышенная бытовая брезгливость Владимира Маяковского, которую отмечали все знавшие его люди и которую он самим своим примером вольно или невольно в них взращивал:

Наивсегдашняя <...> повышенная осторожность, переходящая зачастую в мнительность, особенно за последние годы. В парикмахерской требовал полной генеральной и безусловной дезинфекции всего инвентаря перед своей стрижкой. Брался за ручку открываемой двери, устроив между пальцами и ею полу пиджака, —

³⁶¹ *Dagognet F.* La raison et les remèdes. Essai sur l'imaginaire et le réel dans la thérapeutique contemporaine. Paris: Presses universitaires de France, 1964. P. 184–186.

³⁶² В связи с этим Жорж Вигарелло упоминает французские медицинские публикации с подсчетами «среднего числа бактерий», содержащихся в ванне после здорового человека, солдата, не мывшегося месяцами, и разных частей тела (*Vigarello G.* Concepts of Cleanliness. P. 202).

чтоб не голой рукой. Приучил и меня к этой мнительности, которая стала привычкой. В кармане одно время носил маленькую мыльницу, чтоб мыть руки мылом, до которого не прикасались другие³⁶³.

Мемуарист вспоминает 1920-е годы, но уже в 1890-е годы фельетоны ежедневных газет и массовая беллетристика рисовали образ обывателя, маниакально одержимого и миазмами, и глубинным очищением, вызванным страхом перед бактериями: так санитарно-бактериологический синтез функционировал в массовом сознании³⁶⁴.

Способом визуализации заразы становились описания, лабораторные фотографии и рисунки, которые печатались в прессе, появлялись в рекламе и демонстрировались в научных и прикладных секциях гигиенических выставок. Но глаз, не вооруженный микроскопом, утрачивал свое значение как инструмент наблюдения и предохранения; в деле обеспечения безопасности жизни повседневное зрение оказывалось не вполне надежным³⁶⁵. Напряженный поиск заразы с помощью зрения сопровождался интериоризацией страхов: пристальное вглядывание оказывалось безрезультатным, ведь «чистые разводки» бактерий не встречались в повседневной жизни, и потому не приносило успокоения. Беспокойство переносилось в другие сенсорные режимы — обонятельный и осязательный, в зону «низких чувств».

Исследователи позднего модерна отмечают двойственные последствия повышенного внимания к телу и среде обитания на рубеже XIX и XX веков. С одной стороны, благодаря новому знанию человеческое тело начало осознаться более активно и внимательно, его воображаемые границы укреплялись³⁶⁶. С другой стороны, это внимание способствовало воспитанию брезгливости и страха перед чужой телесностью и чужим телом, нарушающим пространственные и социальные границы. Например, автор каталога Варшавской гигиенической выставки сравнивал смерть дома

³⁶³ Асеев Н. Володя маленький и Володя большой // Красная новь. 1930. № 6. С. 177.

³⁶⁴ Лейкин Н. А. В родном углу. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1905.

³⁶⁵ Smith M. M. Sensing the Past. P. 32–34; Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 202–203.

³⁶⁶ Hau M. The Cult of Health and Beauty in Germany: A Social History, 1890–1930. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. P. 3–4.

со смертью в больнице и категорично делал вывод о заразности и опасности первой, когда труп заражает своими эманациями домашнюю обстановку, и безопасности второй³⁶⁷.

Опасность, которую можно было заметить без микроскопа и лабораторной чашки и, заметив, предотвратить, располагалась не в сфере знания о бактериях, а в сфере представлений о чистом и очищенном. Например, среди экспонатов Первой Всероссийской гигиенической выставки 1893 года была коллекция затычек для молочных сосудов, выставленная лабораторией Гигиенического института при Московском университете под управлением Федора Эрисмана. Рецензент описывал этот стенд следующим образом:

Этот продукт (молоко) едва ли не более всего фальсифицируется у нас и загрязняется. Интересный в этом отношении экспонат находится в отделе Московского Гигиенического Института, выставивший <sic> затычки молочных сосудов, в которых продается молоко на московских рынках. От одного вида этих затычек охватывает ужас и отвращение: пожалуй, готов навсегда отказаться от молока. Тут вы видите комки соломы, обрывки грязной бумаги, обмотанные тряпками, оторванными от старого изношенного платка или рубах, старого голенища и т. п. В молоке найдено грязи от 0,006 до 0,0056 грамм на литр³⁶⁸.

В данном описании апелляция к должным эмоциям (ужасу и отвращению) сочетается с научной, «объективной» фиксацией количества грязи (без уточнения, что же именно представляет собой эта грязь): санитарно-бактериологический синтез позволял эксплицировать представления о чистоте и грязи с помощью научного метода и научного языка.

С 1890-х годов санкция медицинского эксперта становится все более распространенной практикой, призванной гарантировать безопасность того или иного товара. В рекламных объявлениях и на выставочных стендах появлялись апелляции к муниципальным постановлениям («фабрика <...> рекомендует сифонные горловки <...> утвержденные Врачебною управою за № 786 в 1894 году как вполне соответствующие условиям гигиены и состоящие из 92,53 % олова»), ссылки на лабораторную проверку, авторитет профессоров медицины или сведения о полученных на гигиени-

³⁶⁷ Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава, 1887. С. 33–34.

³⁶⁸ Никольский Д. П. Первая Всероссийская гигиеническая выставка. С. 121.

ческих выставках медалях. Например, реклама воздухоочистительной ждановской жидкости содержала информацию о медали Брюссельской санитарной выставки и ссылалась на авторитет «профессоров Зинина, Пирогова и Платонова», реклама винного negocianta подчеркивала «многократный анализ для констатирования их [вин. — М. П.] абсолютной чистоты и неподдельности».

Таким образом, гигиена, какой она представляла на гигиенических выставках, оказывалась производной двух подходов — санитарного, нацеленного на «обезвонивание», обеззараживание, облагораживание и очищение среды обитания, и экспериментального бактериологического, нацеленного на выявление причинно-следственных связей между невидимыми возбудителями и различными заболеваниями. Основанные на разных теоретических предпосылках, санитария и бактериология совмещались в массовом сознании, образуя специфический санитарно-бактериологический комплекс, формировали представления городских жителей о здоровом и нездоровом, опасном и безвредном, своем и чужом. Сообща они способствовали реконфигурации чувствительности, создавая новые фобии, влияя на повседневные практики и изменяя границы телесности и самоощущения.

Глава 3.

Нормы и вариации

Запахи как социальные характеристики

Благодаря интенсивной культурной вестернизации петровского времени российское дворянство было вынуждено взглянуть на себя со стороны, осознать, как телесное присутствие субъекта ощущается окружающими, и предпринять определенные усилия для производства благоприятного впечатления. Навязываемая сверху необходимость осознанного реформирования собственного поведения и собственной телесности проблематизировала жизненный уклад и телесный габитус. На вопросы, которые при этом возникали, должны были ответить справочники и учебники (одним из первых стало «Юности честное зерцало» 1717 года), объяснявшие, как именно следует вести себя по-европейски, в соответствии с новой ориентацией государства.

Юрий Лотман в статье «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века» подчеркивал: «Та область, которая обычно отводится бессознательному, “естественному” поведению, сделалась сферой обучения. <...> весь сложившийся в этой области уклад был отвергнут как неправильный и заменен “правильным” — европейским»¹. Это не значит, что все социальные группы в равной мере испытывали необходимость овладеть новым, «правильным» языком телесного поведения, или *габитусом* (воспользуемся в данном случае термином Марселя Мосса и Пьера Бурдьё)², или что освоение этого нового языка предполагало полное исчезновение старых моделей. Однако «европейская» модель, поддерживаемая придворной культурой, была гораздо более престижной, чем остальные. Во второй трети XVIII века

¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 249.

² Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 304–325; Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 100–127.

европеизация повседневного поведения и житейского обихода начала распространяться на партикулярное дворянство и провинциально-помещичьи круги, в том числе благодаря расцвету переводов и книгопечатания, которые снабжали все более многочисленных читателей описаниями благопристойного поведения³. Как отмечает Дмитрий Захарьин, уже в екатерининское время требования внешнего «порядка», манер и благопристойности, составляющие дворянский поведенческий стандарт, включали и требования определенного ольфакторного облика, а к концу XVIII века европеизированные манеры придворной аристократии начали свой путь в круги провинциального дворянства⁴.

Светский регламент, запрещавший, среди прочего, «дышать так, чтобы другим дух из носа или изо рта был чувствителен»⁵, во-первых, указывал на недопустимость запахов, интенсивность которых преодолевала дистанцию между индивидами. Тем самым любой слишком ощутимый запах, независимо от того, был он приятным или противным, должен был нарушать этикетные требования. Однако практически осуждались лишь неприятные запахи (черед чересчур «громких» парфюмерных ароматов наступит позже)⁶. Во-вторых, этикет персонифицировал и телесно определял нормы учтивости, вводя понятие «другого». С присутствием этого «другого» воспитанный человек должен был считаться: памятью о чувствах визави, в том числе — о его обонянии, следовало по возможности умерять свое телесное присутствие⁷.

³ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. С. 44, 50–51.

⁴ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. См. также: Kelly C. Refining Russia. P. 7.

⁵ Правила учтивости. СПб.: Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1779. С. 9.

⁶ Отметим, что, например, во Франции второй половины XVIII века в естественнонаучных и медицинских текстах разных жанров избыточные парфюмерные ароматы осуждались — как вредные для здоровья и нравственности, противные «естественности», понимавшейся в руссоистском ключе, и способные замаскировать неопрятность. С точки зрения Жоржа Вигарелло, эти соображения оставляли ароматы за пределами гигиенических и очищающих практик (Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 137–138). Однако нельзя сказать, что медицинский взгляд на парфюмерию и ароматические вещества был вполне усвоен современниками: даже в аристократической среде вплоть до середины XIX века наблюдались колебания моды на интенсивные парфюмерные запахи (мускус, цибетин, камфару, амбру).
⁷ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 294–295.

Мотивировкой для более утонченных правил светского поведения служили в том числе медицинские соображения, отсылавшие к физиологическим образам тела, проницаемого и открытого для внешних воздействий. Поэтому и в руководствах по этикету, и в медицинских справочниках ощутимые телесные запахи — несвежее дыхание, чесночный запах изо рта, запахи ног и подмышек, запахи ношеной одежды и обуви — отмечались не только как свидетельства неумения себя держать в свете, но и как свидетельства неумения заботиться о собственном здоровье. Неопрятность связывалась с нездоровьем и поэтому считалась опасной. Причину неприятных телесных запахов, способных еще сильнее ухудшить состояние человека и повлиять на здоровье окружающих, видели в недостаточной личной гигиене (выражавшейся прежде всего в редкой смене белья и небрежной чистке платья), в действии страстей и в образе жизни — режиме дня, диете, занятиях, уклонившихся от идеала умеренности и сбалансированности.

Эти факторы, восходившие к гуморальной медицине в трактовке Галена, с середины XVIII столетия соединялись с новым понятием «чувствительности» (фр. *sensibilité*), которое выступало как промежуточное звено между физиологией и нравственностью, телом и обществом, личным и публичным⁸. В частности, расстройства чувствительности — как «притупление» чувств, так и их чрезмерная возбудимость и изнеженность⁹ — в руссоистской медицине последних десятилетий XVIII века объяснялись как внешними влияниями среды, так и неумением управлять своими страстями. Роль ароматических веществ в этих процессах осмыслялась двояким образом. В зависимости от своей природы и дозировки они могли умирять страсти, улучшать работу органов чувств и возвращать взбудораженную чувствительность к «естественному состоянию» — и, напротив, подобно миазмам оглушать органы чувств и усиливать болезненное действие страстей. В этом вопро-

⁸ Moravia S. From *Homme Machine* to *Homme Sensible*. Changing Eighteenth-Century Models of Man's Image // *Journal of the History of Ideas*. 1978. Vol. 39. N 1. P. 45–60; Porter R. The Greatest Benefit to Mankind. P. 249–251; Jordanova L. Sexual Visions. P. 26–27; Vila A. C. Enlightenment and Pathology. Sensibility in the Literature and Medicine of Eighteenth-Century France. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

⁹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 2. С. 93.

се, как и в ряде других, так или иначе связанных с понятием «чувствительности», медицинские советы совпадали с этикетными: избыточные запахи, запахи повышенной «громкости», угрожали как «социальному лицу», так и здоровью.

Одной из практических медицинских импликаций такого подхода были рекомендации беречь органы чувств, и прежде всего вкуса и обоняния, от излишних впечатлений. В частности, популярная медицинская литература советовала избегать слишком выраженных вкусов и ароматов, которые могли нарушить равновесие жизненных соков и негативно отозваться на тонкости чувств¹⁰. Составитель «Сельского лечебника» Михаил Чулков заимствовал из справочника Бьюкена следующее рассуждение:

Когда поднебенье и нос беспрестанно раздражаются пищею, имеющей весьма острый вкус или запах очень сильный, то сии чувства скоро теряют способность подробно различать сладость и запахи. Человек в естественном состоянии должен, кажется, иметь органы сии толико же нежными и чувствительными, каковы они у других животных¹¹.

В этом примере примечателен оборот «человек в естественном состоянии», который употребляется в сугубо позитивном смысле: болезнь интерпретировалась как отход от естественного состояния, а цивилизация (в данном случае принявшая вид поварского искусства, но способная выступать и в форме городской жизни) возвращала чувствительность, данную человеку от природы.

¹⁰ Эти предостережения касались и младенцев, которые могли заболеть от грудного молока с резким вкусом и запахом. Результатом таких представлений были подробные советы по выбору кормилиц и предостережения относительно их диеты и допустимых занятий (Жиро Ж. Карманная книжка для чадолубивых матерей. М.: Типография С. Селивановского, 1794. С. 14; см. также: Аммон Ф.-А. Первые обязанности матери и первое попечение о новорожденных. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861 [оригинал — 1827]. С. 112–117).

¹¹ Чулков М. Д. Сельский лечебник. Ч. 1. Вып. 7. С. 1923–1924. Ср. во французском переводе Бьюкена, которым, скорее всего, пользовался Чулков: «Lorsque le palais et le nez sont perpétuellement irrités par des mets de trop haut goût, ou d'un odeur trop forte, ces sens perdent bientôt la faculté de distinguer avec précision les saveurs et les odeurs. L'homme, dans l'état de nature, pourroit peut-être avoir ces organes aussi délicats et aussi fins que les autres animaux» (Buchan G. Médecine domestique: 5 t. 4e éd. Paris: Froullé, 1788. T. 3. P. 406).

В ситуации непосредственного взаимодействия всегда есть те, кто источает запахи, и те, кто их вдыхает, распознает и оценивает: как вредные или полезные, как опасные и очищающие, как приятательные или отталкивающие¹². Этикетные правила, усвоенные высшими слоями российского общества к концу XVIII века, не поощряли непосредственное обсуждение и оценку телесных запахов, за исключением асимметричной коммуникации с представителями низших социальных групп и профессиональной дискуссии медиков. Дворянин мог попенять слугам на исходящий от них «дух» (об этом пойдет речь ниже); врач (или же усвоивший медицинский взгляд философ) мог высказать мнение о телесном запахе больного или качестве «надышанного» воздуха в комнатах. Однако первоначально определенные ольфакторные ожидания предъявлялись лишь к равным или, по крайней мере, к представителям своего сословия. Лишь в последние десятилетия XVIII века требования опрятности и телесной гигиены, выражаемые в различных терминах, в том числе ольфакторных, начинают предъявляться к стоящим ниже по социальной лестнице — по крайней мере, об этом эксплицитно говорит справочная и хозяйственная литература¹³. Стандарты, принятые к тому времени в дворянской среде, постепенно распространялись и на круг ближней прислуги, вхожей в «чистые», т. е. господские, покои, — камердинеров, лакеев, горничных, которые, в свою очередь, начинают подражать манерам и привычкам дворян.

Право на ольфакторную экспертизу увязывалось, с одной стороны, с европейскими привычками к чистоте и повышенной чувствительностью образованного человека и, с другой стороны, с профессиональным вниманием. Оценивать запахи других могли

¹² Briot E. De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar: Le jeu social des élégances olfactives dans le Paris du XIXe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2008. Vol. 55. N 1. P. 29.

¹³ Ср., например, наставления дворецкому и домашней прислуге, переключаясь с более ранними советами молодым дворянам: «Всегда у стола, когда господа сядут кушать, быть безотлучно и смотреть, чтобы разночинцы или официанты и лакеи за столом были в порядке одежды, убраны и напудрены и выбриты, в галстуках и манжетах, лакеи в ливрее, а официанты в своем разночинском платье, в приличной и порядочной обуви, состоящей из сапогов и башмаков. <...> У буфета и в передней чтобы люди наблюдали всякую благопристойность, имели бы глубокий страх и почитание к господам своим, к их детям, фамилии и к гостям, не шумели, не хохотали, не ввали, не говорили б противных сквернословий, неискусно не харкали бы, иметь на то ящики с песком, сморкали б не голою рукою, а в платок» (Ляликов И. Городской и деревенский эконом. Ч. 1. С. 56, 85).

Аноним. Хитров рынок: за игрой в шашки. Русские. Москва.
Начало XX века (Собрание МАЭ РАН)

представители высших сословий, наделявшиеся (и наделявшие себя) более тонкими «фибрами», более чувствительными нервами и более изощренным обонянием, чем представители низов, — и медик, к высшим сословиям не принадлежавшие, но имевшие доступ к европейскому научному знанию. Тем самым утонченное обоняние, посредством которого человек мог оценивать безопасность окружающей среды и качество воздуха — а также определять место любого встречного на социальной лестнице, оказалось зарезервировано за более или менее привилегированными группами.

Обоняние есть верный слугитель, от которого ничто не скрывается; оно есть бодрствующий спутник <sic!>, отвращающий опасности, он приумножает приятность вкуса. Мы посредством его отвращаемся того, что нам неприятно <...> разумные люди привели в такое совершенство сие чувство, какое только можно себе представить, —

сообщал французский переводной справочник по вопросам женского здоровья¹⁴. Несовершенство обоняния и неумение выделять и распознавать неприятные и нездоровые запахи должны были свидетельствовать о неразумии или неумении управлять собой. Так, гигиенические условия крестьян, чья близость к природе должна была обеспечить им «нежность и чувствительность» органов чувств, объяснялись в первую очередь их неопрятностью и неразумием.

И миазматическая теория, и правила учтивости с разных исходных позиций учили замечать запахи. Формируемое ими внимание к запахам простиралось не только на непосредственную среду обитания (жилище, город и деревню, окружающий ландшафт), но и на тело человека. С врачебной точки зрения телесные эманации конституировали симптомы — как медицинские, так и социальные¹⁵. Сами тела рассматривались не только как объекты внешних влияний, но и как активные источники испарений, вносящие свой вклад в общую миазматическую картину, которую врачам предстояло описать, расшифровать и взять под контроль. Тела, занимавшие разные позиции на социальной лестнице, обладали качественными различиями: их чувствительность определялась

¹⁴ Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б. Дамский врач. С. 125, 127.

¹⁵ См., например: Landré-Beauvais A.-J. Des signes tirés des odeurs // Landré-Beauvais A.-J. Séméiotique, ou traité des signes des maladies. 3e éd. Paris. J. A. Brosson, 1818.

вариациями конституции, возрастом, гендером, средой обитания и занятиями¹⁶. Они заболевали разными болезнями и по-разному пахли. Эти обстоятельства побуждали врачей к конструированию своеобразной шкалы, на которой чувствительность и способность замечать свои и чужие телесные запахи коррелировали с уровнем личной гигиены, склонностью к тем или иным болезням, средствами, необходимыми для лечения и дезодорации, и привычками, свойственными той или иной социальной группе. В свою очередь правила этикета поддерживали социальные границы, тем самым проводя и границы между разными видами чувствительности.

Яркий пример корреляции между сословной принадлежностью, чувствительностью и восприимчивостью к запахам и профилактическими мерами можно обнаружить в популярной брошюре об употреблении хлористых соединений, переведенной с французского и изданной в 1830 году Вольным экономическим обществом ввиду холерной эпидемии в Одессе и южных областях России. Эта брошюра содержала следующие профилактические советы по дезодорации. В прихожих, людских, кухнях и прочих местах, «куда входит часто простой народ, наиболее по неопрятности и неосторожности своей распространяющий прилипчивые болезни», надлежало ставить по одной-две тарелки с хлорной известью, чтобы был «ощутительный запах хлора». В приемных, куда «входят многие сторонние люди» (но уже не вхожи социальные низы), дозу уменьшали до такой степени, чтоб чувствовался лишь «слабый запах хлора», в залах и гостиных, «куда входят немногие сторонние, опрятно ведущие себя люди», можно было обойтись одной тарелкой с небольшим количеством извести. В спальнях и кабинетах автор советовал пользоваться хлорным курением и прибегать к раствору хлорной извести для омовения рук и ополаскивания вещей и писем, прибывших из неблагополучных мест¹⁷.

Во-первых, болезненность увязывалась с гигиеническими привычками, которые заявляли о себе более или менее интенсивными запахами тела. Во-вторых, телесные запахи свидетельствовали о том или ином социальном статусе: чем сильнее был запах, тем ниже на социальной лестнице располагался его носитель и тем более мощные средства требовались для нейтрализации исходящей

¹⁶ Pirogovskaya M. Constructing the Delicate Subject. P. 107.

¹⁷ Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. С. 31–32.

от него опасности. В-третьих, эффективность дезодорирующего вещества также измерялась силой его запаха; необходимое количество можно было отмерить, опираясь на субъективное впечатление. В данном случае речь идет об особой ситуации, когда близость эпидемии оказывала существенное влияние на бытовую чувствительность к миазмам и неприятным запахам. Однако сам факт четкого конструирования ольфакторного эквивалента социальной лестницы в высшей степени примечателен. Он свидетельствует об изменениях, которые затронули осознанность, от-рефлексированность запахов, готовность (или неготовность) мириться с некоторыми из них. Телесные запахи простонародья, склонного «к неопрятности и неосторожности», в этой инструкции противопоставлены эманациям «опратно ведущих себя» верхов.

Иерархическая шкала, увязывающая социальный статус и чувствительность, возникала как во время эпидемий, так и в более спокойных контекстах. Все дезодорирующие и дезинфицирующие вещества делились на грубые, дешевые и доступные — порошок, уксус, можжевеловые щепки, подходящие для простонародья, и более изысканные — ароматические масла, душистые курения и одеколоны, предназначавшиеся для порядочного обихода. Например, петербургский врач Юрий Гюбнер в своем отзыве о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года саркастически описывал дезинфицирующий порошок, формы выпуска которого учитывали «сословные потребности»: «1-й сорт кабинетный, душистый в склянках; 2-й сорт несколько менее душистый, укупорен в бочонках и 3-й сорт порошка вовсе без душистых веществ, может быть употребляем людьми небогатыми»¹⁸. Состоятельные люди, покупая ароматизированный и, следовательно, более дорогой курительный порошок, подтверждали не только свой социальный статус, свою образованность и умение оценить степень «душистости» запаха¹⁹, но и физическую утонченность своей натуры: их фибры и нервы считались слишком нежными и от грубых запахов могли прийти в расстройство. Социальная дистрибуция запахов имела как экономический, так и физиологический аспект: телесная чувствительность играла в ней столь же важную роль, как и возможность тратить.

¹⁸ Гюбнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 года в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 1. Отд. III. С. 151.

¹⁹ Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. P. 38–40.

Ту же иерархию телесного и социального можно обнаружить во французской культуре XVII века, когда произошло расподобление ароматов аристократических и простонародных. Например, в популярном сборнике советов по сохранению здоровья (1709) врач и фармацевт Николя Лемери делил ароматы на королевские, буржуазные и предназначенные для бедняков; в последних никаких душистых веществ не содержалось²⁰.

В первой половине XIX века, по мере просачивания «высоких» стандартов телесного присутствия в нижестоящие социальные группы, базовое ольфакторное противопоставление разумных и опрятных верхов и неразумных и пренебрегающих гигиеной низов стало более нюансированным. В частности, запахи создавали новые темпоральные границы внутри сословий, свидетельствуя об устаревших манерах, гигиенических и повседневных привычках. В мемуарах Сергея Аксакова есть эпизод, описывающий семейный визит к старшим родственникам. Мальчик, воспитанный матерью в стиле «новой чувствительности», остро воспринимал непривычные порядки, звуки и запахи провинциального дворянского дома:

Дедушка хотел нас кормить разными своими кушаньями, но бабушка остановила его, сказав, что Софья Николаевна ничего такого детям не дает и что для них приготовлен суп. Дедушка поморщился и сказал: «Ну, так пусть отец кормит их как знает». <...> Запах постного масла бросился мне в нос, и я сказал: «Как нехорошо пахнет!» Отец дернул меня за рукав и опять шепнул мне, чтоб я не смел этого говорить, но дедушка слышал мои слова и сказал: «Эге, брат, какой ты неженка»²¹.

Более пристальное внимание к телесному габитусу различных чинов и сословий создавало предпосылки для ольфакторной классификации социума. В 1830–1850-е годы фельетон и в особенности физиологический очерк заимствуют из медицины навык «объективного описания» и антитезу наблюдателя (оценивающего субъекта) и наблюдаемого (оцениваемого объекта). Эти жанры демонстрируют читателям череду социальных типов со всеми особенностями их облика, поведенческих и среды обитания. Примеры слияния медицинского и социального,

²⁰ Vigarello G. Concepts of Cleanliness. P. 86.

²¹ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. С. 57.

выраженного с помощью указания на индивидуальные запахи, можно найти в классическом сборнике «Физиология Петербурга» (1845):

Между людьми, которых зовут пьющими, и настоящими пьяницами — огромная разница. От первых несет вином только в известных случаях, и запах бывает сносный, даже для некоторых не чуждый приятности: такие люди, будучи большею частью тонкими политиками, знают испытанные средства к отвращению смрадной резкости винного духа и не забывают ими пользоваться. Употребительнейшие из таких средств: гвоздика, чай (в нормальном состоянии), гофмановы капли, пеперменты [мята перечная. — М. П.], фиалковый корень [корень ириса. — М. П.], наконец, лук, чеснок. От вторых несет постоянно, хоть бы они неделю не брали в рот капли вина, и запах бывает особенный, даже, если хотите, не запах — как будто вам под нос подставляют бочку из-под вина, которая долго была заткнута, и вдруг ототкнута²².

В приведенном отрывке из Некрасовских «Петербургских углов» оттенки телесных запахов образуют симптомы, служащие для медицинской и социальной диагностики. Вслед за медициной «патографическая» литература переводила различные элементы внешнего вида и поведения в систему знаков. Запах оказывался одним из наиболее красноречивых симптомов, свидетельствуя о социальной приписке индивида, пороках или тайных устремлениях. Запах транслировал то, что не всегда было видно стороннему наблюдателю и что зрение самого индивида не могло контролировать: что человек ел на обед, какими гигиеническими средствами пользовался, каким делом или ремеслом был занят.

С развитием жанра физиологического очерка описательная программа становилась все более подробной и запахи занимали в ней все более существенное место. Приведем обширную, но показательную цитату из цикла Ивана Генслера (1860), посвященного обитателям захолустной окраины Петербурга:

Вы видите две комнаты с особенными входами в каждую и с круглым ходом, необходимым для того, чтоб мог свободно разгуливать дым, выбиваемый ветром из трубы, и чад от жаримых

²² Некрасов Н. А. Петербургские углы // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 101–102.

кофе или цикория, которым прокопчены гаванские заборы и вицмундиры, несмотря даже на то, что тамошние служащие, подражая своим прелестным повелительницам, прыскают себя по воскресеньям и праздничным дням одеколоном, лавандовым и амброю, приготовления французско-московских парфюмеров, Парамона Кирилловича Дюбуа-Нащокина и Авксентия Максимовича Лепельте-Петухова и др. <...> Наши патриотические русские запахи, действующие на обоняние входящего в любой гаванский дом, можно разделить на двухнедельные, возобновляющиеся чрез каждые две недели, это — кроме упомянутых [запахи стирки. — М. П.] — запах от только что испеченного черного хлеба; далее, на запахи воскресные; это запах от домашних сдобных булок и от больших пирогов <...> потом, тамошние запахи еще можно разделить на запахи скоромные и постные, горячих и жарких; еще потом можно разделить их на запахи ежедневные, от щей и от матушки нашей гречневой каши <...> Наконец, запахи, дающие вам в гаванских домах толчок по носу, можно разделить на запахи, приятно и не слишком-то букетно цекоотящие ваши обонятельные нервы (курсив мой. — М. П.)²³.

В данном случае социальными симптомами для бытописателя (и врача по образованию) служат не только телесные запахи с их покушениями на ольфакторную элегантность, но и бытовые, специфически распределяемые во времени и пространстве.

Особое внимание — юмористическое или раздраженное — привлекали претензии на телесный габитус вышестоящих сословий. И умелая имитация дворянских манер и телесных привычек, и неумелые попытки замаскировать низкие, непрестижные запахи престижными — ароматами одеколона, лавандовой воды, помады для волос — приравнялись к социальной мимикрии, к желанию скрыть свое истинное место в социальной иерархии и занять чужое, более высокое. Обладатели искусственных носов разоблачали попытки затушевать социальную дистанцию и указывали на «объективные» сословные, имущественные, образовательные различия, выраженные на языке телесных эманаций и бытовых ароматов²⁴.

²³ Генслер И. Гаванские чиновники в домашнем быту. СПб.: В. И. Губинский, 1904. С. 36–37, 51–52.

²⁴ В европейской литературе второй половины XIX века телесный запах мог служить единственным указанием на социальные различия: в повседневной жизни госпожа и служанка могли обладать равной степенью физической привлекательности, если бы не костюм, визуализировавший раз-

Ольфакторные нюансы, бытовые и метафорические, выдавали «истинную» сословную принадлежность: например, в толстовском «Детстве» (1852) мальчик-дворянин с раздражением отмечает запах сала от волос дворни, которая пытается подражать барской манере помадить волосы²⁵. В «Войне и мире» появление Платона Каратаева дает о себе знать «крепким запахом пота», который служит первым знаком возвращения Пьера к жизни и вере в жизнь и говорит и об источнике этой веры — народе²⁶. Примечательно, что и Толстой и Тургенев называли «клоповоняющим господином» разночинца Чернышевского: так подчеркивались и различие в габитусе между аристократией и разночинцами, и дистанция между высокой литературной традицией и беллетристикой²⁷.

В пореформенный период, по мере популяризации санитарно-гигиенической повестки, социальная лестница запахов преобразовалась в соответствии с новой программой чистоты и очищения. Сильные телесные запахи, как и повышенная душистость используемых парфюмерно-косметических средств, наводили на мысль о недостаточном и нерегулярном поддержании личной гигиены²⁸. В это время парфюмерия и ароматизированные гигиенические средства становились более дешевыми и доступными для людей среднего состояния, что ослабляло связь между доходами и наличием приятного запаха. Зато усиливалась всесторонняя связь между образованием, достатком и знанием одобренных наукой новых гигиенических стандартов, соблюдение которых требовало существенных вложений — как материальных, так и временных. Так выстраивалось риторическое противопоставление тех, кто внимал требованиям врачей-гигиенистов чаще

нищу в статусе, и не запах, переводящий эту разницу в эмоциональную реакцию отвращения. Ср. анализ ольфакторной поэтики Мопассана в: Perras J.-A., Wicky É. *La sémiologie des odeurs au XIXe siècle*. P. 120–125.

²⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 50.

²⁶ Указано в: Frierson C. A. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 36–37. Ср. тот же ольфакторный мотив в «Отцах и детях» (1862): «Он всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 34).

²⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2000–. Т. 60. С. 74–75; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 42–43.

²⁸ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 93.

Натуральная школа

*Литераторъ натуральной школы.
Оне не столь хоть видно,
Да сытно!*

Крыловъ Кн. II басня 18

Литератор натуральной школы.

Оне не столь хоть видно,
Да сытно!

Крылов Кн. II; басня 18.

М. Л. Невахович. Натуральная школа (Волшебный фонарь.
Карикатурный альбом. СПб., 1846–1850. Собрание РНБ)

мыть голову, переменять белье, пользоваться строго определенным репертуаром гигиенических и косметических средств, чистить платье, проветривать комнаты, вывозить отбросы, и тех, для кого основным ритуалом очищения служила дискредитированная гигиенистами русская баня, а домашний обиход сохранял консервативные черты²⁹.

С точки зрения гигиенистов, главными признаками устаревшего и негигиеничного быта служили разделение комнат на жилые и парадные, свечное освещение, русская печь вместо плиты на кухне, отсутствие водопровода и ванны, отхожие места во дворах и на черных лестницах вместо ватерклозета³⁰. Далеко не случайно, что первым делом гигиенисты порицали гигиенические привычки купцов. В отличие от крестьян купцы обладали необходимыми для очищения и гигиенизации своих жилищ финансовыми ресурсами, но не обладали необходимым уровнем образования и социальной ответственностью и тем самым наносили ущерб общественному благу — в тех сферах, где их приватные привычки соприкасались с публичным пространством. «Миллионы какого-нибудь купца не дают ему никакого понятия о том, что такое воздух и как нужно о нем заботиться; никакое богатство не заставит понять вреда близкого соседства отхожего места и колодца и т. д.», — писал земский врач Михаил Капустин в журнале «Здоровье»³¹. Ему вторил обозреватель из Самары:

Нечистота в купеческой среде заходит и того далее. Любовь «маменек» и «тятенек» к «потению» за чаем, в пуховиках и даже на печке — все это несомненно способствует загрязнению тела, не говоря уже о других вредных последствиях. К тому же белье меняется редко, не более раза в неделю, без смены днем и ночью...

²⁹ См., например, публиковавшиеся в газете «Врач» очерки Владимира Чугина об антисанитарии в банях Харькова (1880. № 35. С. 577–578; № 36. С. 585–587). Очерки сопровождался следующим примечанием от редакции: «Хотя исследование почтенного автора и произведено только над харьковскими банями, но мы убеждены, что указываемые им недостатки, *mutatis mutandis*, существуют и во всех русских банях вообще: по крайней мере по собственным наблюдениям, мы можем подтвердить их существование в большей части бань Петербурга, Москвы и Казани; разница только в том, что в некоторых банях столиц блестящая наружность маскирует действительную грязь, отсутствие проветривания и т. д.» (№ 35. С. 577). Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 294.

³⁰ Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1876. Т. 2. № 35. С. 118; ср. также: Современные известия. 1879, 25 января. № 24. С. 2.

найдутся сотни мелочей, указывающих на антигигиеничность жилья большинства купцов, нередко богатых, с сотысячным капиталом³².

Личная нечистота поддерживала негигиеничность жилища, а вместе они мешали купечеству не только осознать свои привычки как устаревшие и опасные, но и делегировать гигиенистам санитарное реформирование своих фабрик и промыслов.

Санитарно-гигиеническая пресса конструировала новую социальную иерархию, основанием которой служила «цивилизованность», конституируемая образованием, стремлением к прогрессу и чистотой. Чистота при этом понималась по-новому — как отсутствие подозрительных или слишком сильных запахов, дезинфекция, вентиляция, одобренная врачами домашняя обстановка (что соответственно переопределяло понятие «грязи»). На вершине новой иерархии находились сами гигиенисты, озабоченные тотальным очищением среды обитания и успешно интериоризировавшие новый подход к здоровью³³.

Ступенькой ниже располагались представители «интеллигентного класса», имевшие возможность контролировать чистоту собственных квартир, но вынужденные терпеть антисанитарию инфраструктуры в целом — дома, двора, улицы, города. Они-то и составляли большинство жалобщиков, поощряемых либеральной и медицинской прессой. За ними следовали мелкие чиновники и купцы, для которых чистота составляла своего рода престижную вывеску, предназначенную для внешнего потребления (это понимание чистоты отсылало к устаревшему стандарту «чистоты для взгляда»)³⁴. У них парадные и жилые комнаты, уличная и домашняя одежда, верхнее платье и белье разительно отличались друг от друга: наружная чистота оказывалась маской для скрытой грязи, а выставленное напоказ богатство соседствовало с архаичными

³² Кувайцев Н. Г. Голос из Самары // Здоровье. 1878. Т. 4. № 100. С. 458.

³³ Ср.: «Личное удобство — первый признак цивилизации. Человек необразованный игнорирует его совершенно, полуобразованный понимает его как нечто внешнее, в виде покойных сапогов, покойного кресла и т. п. и при этом никогда не поинтересуется узнать, что он пьет, чем он дышит — разве только то или другое *очень уж сильно в нос ударит* [курсив мой. — М. П.]; образованный... впрочем, таких у нас еще слишком мало...» (Лихачев. Известия и заметки // Здоровье. 1876. Т. 2. № 40. С. 255).

³⁴ Скворцов И. П. Материалы для гигиены в России: в 3 ч. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1884. С. 25.

представлениями об уходе за собой³⁵. Еще ниже находились ремесленники, обиталища которых сравнивались со «свиным логовищем», поденные рабочие, озабоченные лишь пропитанием, и крестьяне: «Здесь <...> понятие о здоровье сводится лишь только на то, чтоб быть сытому; об остальном — и в ум не приходит»³⁶.

Как можно заметить, переосмысление социальной иерархии в санитарно-ольфакторном ключе нередко сопровождалось присвоением низшим классам не только тех или иных запахов, но и ответственности за них. В таких случаях внедрению новых понятий о гигиене должны были помочь дисциплинарные меры. Например, рассуждая о «свойственном прислуге пренебрежении к порядку», публицист «Здоровья» предлагал ввести штрафы за нечистоплотность и порчу атмосферы, уже опробованные за границей и в Варшаве³⁷. По мере расширения и распространения санитарно-гигиенической пропаганды испарения и болезни низших слоев вызвали все большее беспокойство. Популярные и медицинские публикации прямо или косвенно напоминали, что избежать контактов с миазмами, исходящими от низов, невозможно: они могли настигнуть в церкви, в присутственном месте, в театре или увеселительном заведении³⁸. Подобно тому как в теории фон Петтенкофера почва при сочетании определенных факторов (погоды, климата, состояния атмосферы) способствовала активизации миазматических ядов и порождала эпидемии, так городские низы и крестьяне-отходники мыслились питательной средой для болезней: «Неимущий класс населения особенно должен обращать на себя внимание общества как почва, наиболее способная к размножению заразного яда, который, умножаясь и накапливаясь, становится более и более опасным и для самых высших и самых достаточных классов»³⁹. К этой риторике мы вернемся чуть позже.

³⁵ Ср. описание купчих-посетительниц Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года, обращавших на себя внимание сочетанием бриллиантов и несвежего белья (Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»: в 32 вып. М.: «Всемирная иллюстрация», 1882. Вып. 4. С. 55).

³⁶ Кувайцев Н. Г. Голос из Самары. С. 459. См. также: Картинки общественной жизни // Дело. 1879. № 2. С. 176–177.

³⁷ Временные меры ассенизации Петербурга // Здоровье. 1876. Т. 2. № 39. С. 212.

³⁸ Обер Э. Гигиена нервных женщин. М.: А. И. Манухин, 1869. С. 158.

³⁹ Меры против чумы // Здоровье. 1879. Т. 5. № 104. С. 26. См. также: Молва. 1880. № 158.

Образованность XIX века

Большинство врачей, желавших привлечь к проблеме общественное внимание, подчеркивали альтруистические мотивы санитарно-гигиенического просвещения. Но журналисты и фельетонисты говорили и об эгоистической выгоде, о заботе о себе, которая должна была инициировать пристальный контроль за низами. Прислуга, извозчики, дворники, разносчики, уличные торговцы хлебом и лимонадом представляли непосредственную опасность для «чистой публики». Например, в 1889 году в «Петербургском листке» был опубликован фельетон, в котором прослеживался путь разносчика хлеба — от трущоб и квартир рабочих на рассвете до кухарок, горничных богатых домов и трактирной прислуги ближе к полудню⁴⁰. Соответственно каждая ступенька социальной лестницы наделяла хлеб и выпечку новой порцией миазмов и микробов.

Метафорика, основанная на подобной гигиенической интерпретации социальной иерархии, могла распространяться и на публичное пространство города. Приведем выписку из журнала «Здоровье» 1874 года, в которой видимое и обоняемое, публичное и приватное, чистое и грязное, благополучие и нездоровье последовательно образуют контрастные пары:

Петербург <...> напоминает купеческую квартиру средней руки. Парадные комнаты чисты, прибраны, хорошо меблированы, а рядом, в спальне, детской, людских и кладовых — грязь, мириады насекомых, вонь от сперттого воздуха и киснувших нужных и ненужных кухонных запасов. Мелкий приказчик или чиновник, надевая на грязную рубашку манишку из чистого голландского полотна, думает убедить других, что он постоянно носит чистое и тонкое белье, тогда как на самом деле он меняет его раз в неделю, от бани до бани <...> смрад, выходящий отсюда [со дворов. — М. П.] густым столбом, растворяется в воздухе, застаивается на дворе, проникает в окна жилых помещений, разносится по улицам и придает петербургской атмосфере тот специфический промозгло-удушливый характер, который так резко поражает обоняние всякого, вновь прибывшего в город. В этой зловредной примеси кроются зачатки многих заразительных болезней <...> Как бы вы чисто не содержали свои комнаты, как бы не вентилировали их, какие бы карантинные не предпринимали, зараза попадет к вам со двора, с улицы, через скважины дверей и окон,

⁴⁰ Гигиена и хлеб насущный.

через стены домов, так как защитить себя от носящего миазму внешнего воздуха невозможно. Остается, следовательно, единственное, простое и радикальное средство — уничтожить самые источники миазмы⁴¹.

Сама структура рассуждения недвусмысленно намекала, что за источники имеются в виду и какой масштаб должно принять желаемое очищение.

Усиление позиций бактериологии и формирование санитарно-бактериологического синтеза не ликвидировали беспокойство, а, напротив, усиливали. Видимая чистота более не могла гарантировать безопасности, если ее не удостоверяли обоняние и медицинский осмотр: санитарно-гигиеническая пропаганда, вступив в союз с пастерианством, требовала глубинного очищения. Врачи требовали ввести обязательный медицинский надзор над прислугой, который позволил бы выявить скрытые болезни, в первую очередь сифилис⁴². И в объявлениях о найме, и в фельетонах того времени встречаются пожелания, чтобы горничная «держала себя чисто», лакей мылся не менее тщательно, чем барин, а кухарка соблюдала опрятность (в противном случае ее могли обвинить в распространении заразной болезни, включая чуму и холеру)⁴³. С одной стороны, размывались сословные перегородки; с другой стороны, границы между разными социальными группами воссоздавались на новых основаниях. Например, в «Петербургских очерках» (1900) Василия Авсеенко представительница нового среднего класса жалуется, что «на лестнице сторожами пахнет»: низы осознавались как потенциально заразные, дурнопахнущие

⁴¹ В. Ф. Петербургские задворки // Здоровье. 1874. Т. 1. № 2. С. 30–31.

⁴² Крапивина С. М. Как нам быть с прислугой? // Здоровье. 1880. Т. 6. № 146. С. 381–382. См. также: О необходимости санитарного надзора за прислугой // Здоровье. 1883. № 46. С. 2–3.

⁴³ Способ мгновенного уничтожения на кухне вредного зловонного запаха, а равно чистка посуды и вообще уничтожение всякой заразы. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1881. С. 2–3, 7; Гигиено-экономический словарь практических познаний. Т. 2. С. 16. В фельетоне Николая Лейкина «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» (1874) купцы-гостинодворцы отказывают приказчику от места на следующих основаниях: «Ты не годишься; во-первых, потому, что у тебя нос красный, а во-вторых, нам нужно такого приказчика, чтобы был с бакенбардами, не ел луку, потому что пахнет, а также чтоб одевался по моде и душился духами» (Лейкин Н. А. Веселые рассказы. С. 258).

или попросту пахнувшие⁴⁴. Престижной нормой становилось декларируемое отсутствие телесных запахов (к этому вопросу мы еще вернемся); все, что ее нарушало, свидетельствовало о низком статусе, необразованности и потенциальной опасности.

Медикализация бедности и запах «другого»

Вторую половину XIX века и в особенности пореформенный период можно назвать периодом активной медикализации. В это время медицинский и естественнонаучный взгляд захватывал все новые бытовые сферы, в результате чего в поле зрения обывателя, «читателя газет», попадали явления и признаки, прежде не рефлексировавшиеся и воспринимавшиеся как данность. Одним из импульсов для интенсивной медикализации был обсуждавшийся выше санитарно-локалистский подход, нацеленный на всесторонний анализ и оздоровление «социальной обстановки человека»⁴⁵. Социальная среда понималась врачами-гигиенистами достаточно широко — и как ближайшее окружение человека, создаваемое семейными и профессиональными связями, и как среда обитания, и как условия местности.

Санитарно-гигиенический контроль, поначалу сфокусированный преимущественно на проблемных зонах публичного пространства, постепенно получал все более широкий охват и внедрялся в частную жизнь. Особое внимание уделялось повседневному существованию тех групп, которые, с точки зрения гигиенистов, представляли собой возможную опасность для общества в целом. Несмотря на утверждения о демократической природе миазмов и связанных с ними эпидемических болезней⁴⁶, врачи не могли игнорировать статистические подсчеты, наглядно демонстрировавшие, что возвратная горячка (холера, тиф, лихорадка, чума, дифтерит и т. д.) — это в первую очередь «болезнь бедного слоя общества»⁴⁷. Повседневные привычки высших слоев поначалу не привлекали внимания гигиенистов: несмотря на стереотипное

⁴⁴ Цит. по: Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 293.

⁴⁵ П-ов В. Причины болезней. С. 6.

⁴⁶ П. П. Демократка // Здоровье. 1884. № 35. С. 424–426.

⁴⁷ П-ов В. Причины болезней. С. 19. См. также: Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. P. 347–352.

порицание роскоши и излишеств, которые могли привести к утомлению организма и нервному расстройству и тем самым сделать человека более подверженным болезням, состоятельные люди казались достаточно чистыми и здоровыми. Гигиенисты обратили на них внимание лишь к концу 1880-х годов, с распространением бактериологической теории и победой дезинфекции над дезодорацией. Тогда пришло понимание, что то, что выглядит чистым, необязательно является чистым⁴⁸.

Напротив, повседневная жизнь крестьян и городских низов привлекала пристальное внимание как университетских гигиенистов, так и земских врачей, непосредственно работавших «в поле». К этому времени в Российской империи уже сложилась целая традиция обсуждения крестьянского вопроса и крестьянской жизни: после отмены крепостного права в 1861 году российское общество пыталось понять, что такое народ и чем он живет⁴⁹. Среди образов народа, созданных славянофилами и западниками, народниками и либералами, весьма существенное место занимал образ медицинский. Вызванный освобождением крестьян резкий рост трудовой миграции (отходничества) влиял не только на экономическое и демографическое, но и на эпидемиологическое состояние российских городов⁵⁰. Именно сезонных рабочих часто считали главными источниками антисанитарии и упрекали в преступном пренебрежении гигиеной и — буквально — порче воздуха: «Пришельцы-рабочие <...> считая себя временными жителями столицы, весьма мало заботятся о своей гигиенической обстановке и по причине своего невежества не придают даже никакого значения соблюдению гигиенических правил»⁵¹. В основе медицинских претензий, предъявлявшихся к трудовым мигрантам, лежал страх перед миазмами, эпидемическими болезнями и порождавшей их скученностью⁵², ответственность за которую порой переносилась на самих рабочих. Возвращаясь домой, отходники приносили из города в деревню новые

⁴⁸ *Tomes N. The Private Side of Public Health. P. 510.*

⁴⁹ *Frierson C. A. Peasant Icons. P. 24, 32–53.*

⁵⁰ *Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. С. 40–42;*

Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity. P. 75–91;

Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change.

⁵¹ *Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 43.*

⁵² *Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении. С. 168.*

городские привычки, городские товары и городские болезни; согласно статистическим данным, маршруты сезонных рабочих совпадали с путями распространения заразных болезней (главными очагами эпидемий оказывались торговые ярмарки, собиравшие большие людские потоки из разных местностей)⁵³.

Описывая общественные интерпретации бедности во время холерной эпидемии и голода 1892–1893 годов, Шарлотта Хенце справедливо отмечает пересмотр отношения к неимущим. Прежние православные представления о бедности-несчастье мутировали в медицинский взгляд на бедность как на источник заразы, угрозу политической стабильности, общественному порядку и экономическому прогрессу. Эти взгляды вызывали к жизни такие институционализированные формы управления и контроля над социальными низами, как дома трудолюбия, кухонные школы, ремесленные училища, народные лектории и народные дома, общества трезвости⁵⁴. Но начинается медиализация бедности не в 1890-е годы, а двумя десятилетиями раньше, с оформления движения гигиенистов.

На основе информации, полученной из медико-топографических описаний и санитарных отчетов, гигиенисты критиковали принятые стратегии борьбы с эпидемиями и требовали повсеместного внедрения своей программы — устройства больниц, регулярной инспекции и радикального очищения жилищ, обучения масс основам санитарии и гигиены. Санитарно-локалистский подход видел спасение в профилактике, а не в карантинах, хотя нельзя сказать, что эффект последних был сугубо отрицательным. Косвенный и прямой ущерб торговым сношениям, насильственная госпитализация и ограничение перемещений действительно ухудшали положение крестьян, фабричных, разнорабочих, бродячих торговцев; с другой стороны, карантинные меры применялись к представителям всех сословий, оказавшихся в опасной зоне, невзирая на лица, и нередко служили спасением для менее защищенных социальных групп⁵⁵.

С начала 1870-х годов частное пространство и гигиенические практики крестьян и городских бедняков стали предметом

⁵³ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 217.

⁵⁴ Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. P. 108.

⁵⁵ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 538–541.

пристального медицинского наблюдения и изучения. В городах внимание врачей привлекали затхлые запахи съемных углов, чердаков и подвалов, спертый воздух мастерских и фабрик и невыносимая вонь ночлежных домов; в деревнях — состояние крестьянских изб, кучи навоза во дворах и под окнами, запахи домашней птицы, телят, овец и коз, которые в зимнее время содержались прямо в домах в специальных выгородках⁵⁶. Все, что вызывало отторжение и брезгливость образованного горожанина, фиксировалось и описывалось с помощью риторических оборотов, сплавлявших воедино медицинские термины и эмоции⁵⁷:

Духота и грязь в избах доходят до ужасающих размеров, особенно зимой, когда в избе же помещаются и мелкие животные! Обыкновенно сернистый водород, уголекислота, аммиачные газы и гнилой органический пар сообщают воздуху крестьянских изб тот удушливый, захватывающий дыхание запах, который так характерен для помещений четвероногих⁵⁸.

Все, что так или иначе порождало невыносимые для просвещенного наблюдателя миазмы — от планировки крестьянского двора до дешевой снеди вроде квашеной капусты, объявлялось нездоровым и противным гигиене и прогрессу⁵⁹.

⁵⁶ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 85; Грязнов П. И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и К°, 1880; Наши сельские жилища как одна из главных причин жестокости эпидемий // Врач. 1880. № 26. С. 437–438. Такие же наблюдения можно обнаружить и в конце XVIII века (см., например: Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 168), но тогда они не сопровождались требованием реформ.

⁵⁷ Frykman J., Löfgren O. Culture Builders. P. 160.

⁵⁸ Распопов В. Санитарное состояние Великолуцкого уезда (Псковской губернии) // Здоровье. 1879. Т. 5. № 109. С. 135. Ср. сходный пример из врачебных записок 1900-х годов (Рудинский Н. Д. Записки земского врача. СПб.: Типолитография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910. С. 43–44).

⁵⁹ Врач. 1880. № 26. С. 437–438. Поваренная книга того времени не рекомендует готовить что-либо вместе с капустой, пахнущей низшими сословиями: «Мясо, пропитанное запахом капусты, уже нельзя подать под каким-либо соусом, вторым блюдом, и оно потребляется без всякого удовольствия» (Кухня, кондитерская и погреб. М.: Типография П. А. Глушкова, 1870. С. LXV).

Из медицинских текстов эти представления проникали в фельетоны, художественную литературу и публицистику, где начиная с отмены крепостного права широко обсуждался крестьянский вопрос. В этих обсуждениях социальное также плотно переплеталось с медицинским — как, например, в следующем отрывке из «Мелочей жизни» Салтыкова-Щедрина (1886–1887):

Домочадцев скучилось так много, что и пол занят, и полати, и лавки по стенам. Изба полна смрадом и стопами этого замученного хозяйственностью люда. <...> Хорошо еще, что жилая изба топится “по-черному”; утром, чуть свет, затопит хозяйка печку, и дым поглотит скопившиеся в избе миазмы⁶⁰.

Изначально гигиенисты надеялись на поддержку низов, которые, как ожидалось, должны были рано или поздно признать преимущества очищения и поддержать медиков в борьбе с миазмами⁶¹. Но и равнодушие или откровенная враждебность масс, с которыми последовательно сталкивались все реформаторы, от народников до земских врачей, получали объяснение в санитарно-гигиенических терминах: дурные жизненные условия, смрад и грязь отрицательно влияют на нравственность и сознательность. Так обосновывалась необходимость масштабного очищения и социальных реформ, так оправдывалось патерналистское отношение к социальным низам, которые нуждались в помощи и грамотном руководстве для привития им чистоплотности и нравственных норм. В целом попытки гигиенистов и земских врачей внедрить в массы новые гигиенические стандарты, научить медицински фундированной брезгливости и распространить на их обиталища режим ольфакторной и санитарной безопасности можно трактовать не только как процесс распространения цивилизованности (в понимании Норберта Элиаса), но и как расширение сферы контроля. Те группы, которые создавали эпидемическую и политическую угрозу для социума, следовало перевоспитать и дезодорировать (а позднее — дезинфицировать). В российском медицинском дискурсе беднейшие классы, обитавшие в сырых грязных подвалах, сравнивались публицистами с пороховой бочкой: тем самым эпидемиологический язык сращивался с политическим⁶².

⁶⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 16. С. 50.

⁶¹ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 539.

⁶² О ночлежных приютах // Здоровье. 1880. Т. 6. № 137. С. 217–218. О связи обеззараживания с умирением беспокойных и политически неблагона-

В. А. Каррик. Крестьянские избы. Русские. Симбирская губ. 1871–1878 гг. (Собрание МАЭ РАН)

Конфликты между медиками и их невольными пациентами возникали в том числе потому, что в российском обществе у обеих сторон недоставало административных или финансовых ресурсов. Низы не имели физической или финансовой возможности выполнять новые санитарные требования и следовать новым гигиеническим стандартам, которые зачастую противоречили сложившейся практике и крестьянскому «здоровому смыслу». Образованным реформаторам — врачам и земским деятелям — не хватало властных полномочий для создания соответствующих муниципальных структур и осуществления контроля.

Многие гигиенисты и общественные деятели осознавали, что у низших и беднейших слоев нет возможностей для надлежащей гигиенизации их жилищ и личных привычек. Совет переехать из комнаты или квартиры, расположенной рядом с выгребной или помойной ямой (такие квартиры были самыми дешевыми), или очистить крестьянский двор от навоза⁶³ не имел никакого практического смысла для тех, чьих средств хватало только на такую квартиру и чей урожай зависел от количества собранного навоза. Отказ от регулярного проветривания нередко был связан не только с боязнью сквозняков и внешних атмосферных влияний, но и с невозможностью купить дрова: впустить в комнату свежий воздух значило выпустить из нее тепло⁶⁴. Частое проветривание комнат и мытье исподнего и верхнего платья означало увеличение расходов, которого обитатели «углов», погребов и подвалов не могли себе позволить. Поддержание требуемой гигиенистами стерильной, городской и лишенной запахов чистоты для крестьян означало непроизводительную трату сил и времени. Эти соображения также могли приниматься врачами в расчет и служить аргументом для требования перемены социального порядка. Только так можно было снизить смертность и, следовательно, увеличить благосостояние государства.

дежных групп населения см.: *Csergo J. Liberté, Égalité, Propreté: La morale de l'hygiène au XIXe siècle. Paris: Albin Michel, 1988. P. 34–50; Beer D. The Medicalization of Religious Deviance in the Russian Orthodox Church (1880–1905).*

⁶³ Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 127.

⁶⁴ Эту особенность жилищ неимущих отмечали еще авторы первых медикотопографических описаний. См.: Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 80–81.

Там, где человек ест один черствый кусок хлеба пополам с песком и мякиной, запивая его каким-то крайне двусмысленным квасом, там, где в его жилье отводится ему 105 кубических футов воздуха, пропитанного продуктами дыхания, кожной перспирации и продуктами разложения различных сорных отбросков, и там, где он, несмотря на такие неблагоприятные условия, работает в сутки до 20, а иногда и более часов, там, говорю я, не место думать о смертности в 2, 3 %!⁶⁵

Улучшение гигиенических стандартов должно было привести к уничтожению миазмов, уменьшить болезненность, вызвать рост самосознания и усиление нравственного начала крестьян и сезонных рабочих. Резюмируя положения, выработанные Первой международной санитарно-гигиенической конференцией в Париже в 1851 году, Питер Болдуин отмечает: «С помощью пристойных жилищных условий, которые влекли за собой улучшение поведения, одежды, мебели, вкусов и нравственного облика рабочего класса, гигиена сулила улучшение общественной нравственности. По ироническому замечанию французов в адрес британцев, гигиена и была истинной цивилизацией»⁶⁶.

Российские гигиенисты были далеки от того, чтобы иронизировать, и проводили параллели между уровнем гигиенического просвещения и нравственностью серьезно и последовательно: миазмы и отсутствие современной гигиены назывались причиной равнодушия, аморальности и уголовных преступлений⁶⁷. Например, специфическая моральная экономика русского крестьянства по отношению к детям — когда родители отказывались покупать дорогие лекарства или везти заболевшего ребенка к земскому врачу — объяснялась дымом, угаром и смрадом курных изб, отрицательно влиявших на нравственное чувство⁶⁸.

⁶⁵ Фавр В. В. Кое-что из санитарной обстановки крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии // Здоровье. 1878. Т. 4. № 91. С. 263.

⁶⁶ Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 128.

⁶⁷ Сворцов И. П. Гигиена и цивилизация. Речь, читанная 27 августа 1873 года // Труды IV съезда русских естествоиспытателей в Казани, 20–30 августа 1873 года. Казань: [Б. и.], 1874–1875. С. 83–92; Бертенсон И. В. Гигиеническая сторона крестьянского вопроса. М.: Типография Каткова и К°, 1858. С. 7–8, 20, 34–37; Сворцов И. П. Общепонятная гигиена. С. 329–330.

⁶⁸ Крапивина С. М. Болезненность детей в окрестностях Вильны // Здоровье. 1878. Т. 4. № 84. С. 117.

Тем самым безрелигиозность и нравственность отождествлялись.

[У крестьян] самое понятие о чистоте весьма неразвито или лучше сказать извращено; так, если крестьянин или крестьянка приносят в аптеку чистую по их мнению склянку, то в большинстве случаев она с вашей точки зрения будет совершенно грязна; если вам подадут чашку или стакан для питья, то вам приходится удивлять своей безрелигиозностью, прося тщательно вымыть эту посуду... Понятного чувства безрелигиозности, выработанного имущими классами, в ограждение своей личности от всякой заразы и нечистоты, в крестьянской среде почти не встречается, —

так земский врач Михаил Капустин описывал свой опыт работы в Костромской губернии⁶⁹. В попытках найти объяснение отсутствию безрелигиозности, иным понятиям о чистоте и грязи, терпимости к запахам, которые с позиций новой гигиены казались невыносимыми, врачи и публицисты прибегали к физиологической аргументации.

«Притупленное обоняние городского жителя», в первую очередь представителя неблагополучных низших слоев, мотивировалось воздействием агрессивной городской среды. Некоторые врачи вообще полагали своей первоочередной задачей оздоровление города, утверждая, что «деревенский житель, окруженный природой, охранен от всего того, что именно губит горожан в их тесных улицах и домах»⁷⁰. Однако другие возражали: крестьяне не умеют пользоваться благами природы и по собственной глупости и невежеству создают вокруг себя нездоровую атмосферу, которая извращает их естественную чувствительность и нравственные правила. Тем самым санитарно-гигиеническая риторика ревитализировала представления вековой давности, переводя на современный язык образы и метафоры гуморальной патологии. Так, врачи конца XVIII — первой половины XIX века полагали, что конституция человека и сложность его болезней зависит от многообразия болезнетворных факторов, которых в городе больше, чем в деревне. Поэтому крестьянам приписывалось обладание более устойчивыми и сбалансированными гуморами и более толстыми и грубыми «фибрами» (мышечными и нервными волокнами), а болезни, ко-

⁶⁹ Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1876. Т. 2. № 35. С. 118.

⁷⁰ Осипов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина. С. 151.

В. А. Каррик. Крестьяне за трапезой. Русские. Симбирская губ.
1871–1878 гг. (Собрание МАЭ РАН)

торами они страдали, были проще и малочисленнее, чем у городских жителей, — из-за меньшего числа переменных, конституирующих их среду обитания⁷¹. «Всякому известно, что городской житель здоровьем своим не может равняться с деревенским. Даже самые болезни у сего последнего бывают гораздо менее сложны, нежели у жителя городского», — писал в 1834 году лейб-медик Семен Гаевский в одном из первых медико-топографических описаний Петербурга, подспудно проводя мысль о нездоровости столицы⁷².

Медицина конца XVIII века возводила причины крестьянских болезней к неумеренности и неосторожности, т. е. к неразумию и неумению управлять собой⁷³. Этими свойствами, якобы имманентно присущими простонародью, объяснялись царившие на деревенских улицах и в крестьянских избах грязь, вонь и беспорядок.

Крестьяне не перестанут быть крестьянами, суть такие неопрятные и чистоты собственно для себя ненаблюдающие крестьяне, что умирающих в летнее время телят, овец, свиней, собак и других тому подобных вытаскивают или рано поутру или поздно ввечеру из своих домов, бросают их на выпусках, улицах, переулках, около городьбы, а иные невежды кидают в воду, и от таких публично лежащих стерв и мерзостей делается нестерпимая вонь, так что заражается воздух⁷⁴.

Почувствовать это крестьяне не могли в силу привычки и из-за неразумия, поэтому указывать им на нездоровую атмосферу, советовать «антимефитические» средства и при необходимости принуждать к соблюдению чистоты предписывалось не врачу, а сельскому священнику или образованному помещику — единственным носителям рационального знания в деревенской глуши⁷⁵.

⁷¹ Вицман А. О болезнях богатых и светских людей. С. 2, 6; Луц И. [Люце И.-В.-Л.] Друг здоровья. СПб.: Типография Медицинской коллегии, 1800. С. 7. Автор последней брошюры служил штаб-лекарем лейб-гвардии Гренадерского полка; написанный им по-немецки лечебник был переведен на русский язык по заказу Медицинской коллегии. Сходную риторику Самюэля-Андре Тиссо анализирует Мишель Фуко (Фуко М. Рождение клиники. С. 42–43).

⁷² Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 51.

⁷³ Рост Х. Деревенский врачевник. С. 7, 25, 28, 36.

⁷⁴ Ляликов И. Городской и деревенский эконо́м. Ч. 2. С. 99.

⁷⁵ Рост И.-И. Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простого народа примечаемом и о средствах удобных к поправлению оного. М.: Типография Императорского Московского университета, 1772.

Не в последнюю очередь такое делегирование медицинской экспертизы было связано с нехваткой врачей: подавляющее большинство докторов были заняты на государственной службе, медицинская помощь была платной и труднодоступной, а все остальные способы справляться с болезнями рассматривались как проявление невежества и суеверия⁷⁶. Моральная философия и рекомендательная литература рисовали образ идеального помещика, наставляющего крестьян в вопросах профилактики и лечения. Например, написанный в интересах простого народа справочник «Деревенское зеркало» (1798–1799) содержал иллюстрацию, на которой просвещенный помещик «Правдинин рассказывает на сходебище крестьянам причины болезней и охраняющие от них средства»⁷⁷.

Характерные для конца XVIII века представления о качественных различиях в чувствительности между сословиями сохранялись в течение всего XIX века; санитарно-гигиеническое движение лишь способствовало их большей популяризации⁷⁸. В литературе и периодике последней трети XIX века встречаются рассуждения о том,

⁷⁶ Renner A. Progress through Power? P. 36–38. Согласно первому «Российскому медицинскому списку», в 1809 году в сорокамиллионной Российской империи насчитывалось всего 2508 врачей, находившихся на военной и гражданской службе, не считая дантистов и окулистов (указано в: Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. С. 17). Но лечением занимались не только дипломированные врачи. Несмотря на возобновлявшиеся запреты на самовольную медицинскую практику, лечебные услуги оказывали священники, аптекари, повитухи, коновалы, знахари и знахарки, цирюльники и бродячие торговцы, мельники и пашечники, к услугам которых прибегали представители самых разных социальных групп. Во второй половине XVIII века лекарь-самоучка и шарлатаны еще пользовались покровительством придворной знати (Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. С. 541–542), а хозяйственные записки конца XVIII — первой половины XIX века свидетельствуют о популярности самодиагностики и самолечения (см., например: Выписки из лечебника. Вторая половина XVIII века // ОР РНБ. Q.VI.21).

⁷⁷ Приведено в: Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. С. 183–184. В этом же издании описывается устройство деревенской больницы, где помещик исполняет функции врача. Один из популярных переводных лечебников апеллировал к помещикам, «пекущихся о сохранении здоровья, как своего собственного, так и своих подчиненных» (Путь к здоровью. М.: Университетская типография у В. Огорокова, 1791).

⁷⁸ Сходные наблюдения на материале французской литературы второй половины XIX века делает Ж.-Л. Кабанес (Cabanès J.-L. Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856–1893). Vol. 1. P. 73–75).

что прислуга не чувствует запаха угара и способна без ущерба для здоровья съесть испортившуюся провизию, что обитатели крестьянских изб и ночлежных домов без ущерба для себя дышат воздухом, в котором любой «свежий» человек задохнется и заболеет⁷⁹.

Наряду с этим все чаще формулировалась мысль, что грубость чувств не делает низы более защищенными от эпидемий и хронических болезней. Ослабленная чувствительность масс объяснялась не только их природой, но и болезненной привычкой и отсутствием образования, мешавшими представителям низов осознать запах своего тела и своего жилища, понять, как эти запахи могут восприниматься другими людьми, и проникнуться к ним отвращением⁸⁰. Поэтому чувства нижестоящих по социальной лестнице объявлялись одновременно грубыми и ненадежными. Подобное осмысление социальной иерархии в чувственных категориях существовало и в других культурах: например, в средневековом Китае крестьянам было отказано в способности как следует видеть и слышать, в отличие от элиты, претендовавшей на тонкий слух и острое зрение⁸¹.

Те же физиологические основания иногда служили для врачей предлогом к введению санитарного надзора за ремесленниками и рабочими. Таким способом можно было контролировать не только купцов и промышленников, уклонявшихся от вмешательства гигиенистов в вопросы охраны труда, но и самих рабочих, которые в силу привычки были не способны адекватно оценивать запахи собственного тела и качество вдыхаемого воздуха и потому могли нанести ущерб собственному здоровью и здоровью окружающих⁸². В обязанности санитарных надзирателей, которые действительно появились на некоторых фабриках в конце 1880-х — начале 1890-х годов,

⁷⁹ Радаков А. Н. Влияние на здоровье нечистого воздуха. С. 7; Гигиено-экономический словарь практических познаний. Т. 1. С. 97.

⁸⁰ Новороссийский телеграф. 1880, 19 (31) декабря. № 1774. С. 2; Эйдам В. Сохранение здоровья: Общая гигиена в применении к обыденной жизни. СПб.: Типография И. Г. Салова, 1891. С. 17.

⁸¹ Geaney J. On the Epistemology of the Senses in Early Chinese Thought. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. P. 50–57; приведено в: Smith M. M. Sensing the Past. P. 29–30.

⁸² Зеленский М. С. Наши тряпичники: Исследование одного из главных источников заразы // Вестник Европы. 1885. Кн. 6. С. 836–847; Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882–1883 годы. СПб.: Типография В. Ф. Киришбаума, 1884; Смоленский П. О. О тряпичном промысле в санитарном отношении. СПб.: Яблонский и Перотт, 1890.

*В. А. Каррик. Странствующий мужик. Русские. Симбирская губ.
1871–1878 гг. (Собрание МАЭ РАН)*

входили надзор за чистотой на фабрике и в жилых бараках для рабочих и мастеровых, проветривание помещений и даже контроль за умыванием, т. е. за «локальной» чистотой лица и рук⁸³.

Как уже говорилось выше, само присутствие человека из низов безошибочно опознавалось по запаху: его статус «другого» получил ольфакторное измерение, воспринимавшееся не только экспертами-гигиенистами, но и любым носителем новой гигиенической сознательности. Если для гигиенистов запахи низов подтверждали необходимость реформ, то для образованных горожан они служили источником беспокойства, страха и отчуждения. Поход на рынок, где в платье незаметно впитываются «миазматические яды», прогулка по бульвару, визит в парикмахерскую, канцелярию, к мировому судье или в церковь — всюду дыхание и испарения не знакомых с гигиеной масс могли заразить чистую публику⁸⁴. Популярными брошюры рекомендовали «избегать всех мест, где воздух отравлен испарением нечистоплотной или бедной толпы, например, трактиров, ресторанов, тесных почтовых и торговых контор, магазинов, театров, разных общественных зал и т. п.»⁸⁵

Для носителя новых гигиенических стандартов, которые предписывали подавлять и искоренять подозрительные испарения и разделять бытовые запахи по функциональным сферам, любые чужие и непривычные эманации тела, личных вещей, жилья манифестировали качественное различие в степени цивилизованности. Так, привычка низов — крестьян и городских поденщиков — менять белье раз в две-три недели давала повод сравнивать их с «дикарями»: «Утверждают, что негры нестерпимо воняют; думаем, что простой русский люд немногим уступит в этом отношении неграм»⁸⁶. Возникший в пореформенный период этнографический

⁸³ Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге 1893 г. Рига: [Б. и.], 1893. С. 8–10; Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика промышленного и торгового товарищества П. Малютина сыновей. М.: Типография И. Н. Кушнерева и К°, 1893.

⁸⁴ Петербургский листок. 1864, 23 мая; *Архангельский Г. И.* Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 3. Отд. III. С. 105; [Письмо в редакцию] // Одесский вестник. 1877, 7 июня. № 121. С. 3; Новороссийский телеграф. 1880, 9 (21) января. № 1448. С. 3; 6 (18) декабря. № 1762. С. 2.

⁸⁵ *Гурин Е. Г.* Чахотка: Природа, припадки, распознавание и предупреждение ее. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1898. С. 26.

⁸⁶ *Португалов В. О.* Вопросы общественной гигиены. С. 92–93.

поворот к изучению русского крестьянства и простонародья сопровождался не только романтическими поисками «души народа», но и предельно физиологичными «объективными описаниями», в которых естественнонаучный стандарт совмещался с медицинским взглядом реформатора на реформируемых⁸⁷.

В ольфакторных и гигиенических терминах рационализировались антисемитские настроения; точнее, в терминах новой европейской науки перекодировался старый, восходящий к Средневековью (и, возможно, к предшествующей латинской культуре) европейский миф об особом «еврейском запахе» (лат. *foetor judaicus*), связанном с сатанинским смрадом и исчезающем только после крещения⁸⁸. Запах, царящий в жилище кочевников или крестьянской избе, служил призывом к исправлению, очищению и европеизации «азиатского дикаря», погрязшего в антисанитарии и зловонии⁸⁹, или к реформированию обихода «нашего младшего брата в лаптях», по выражению Дмитрия Мамина-Сибиряка⁹⁰. Образ «другого» раз за разом конструировался с помощью санитарно-гигиенического дискурса и ольфакторного кода. Речь могла идти об азиатских кочевниках, представителях северных и сибирских народов, местечковых евреях, крестьянах, обитателях ночлежных домов и т. д.⁹¹ В каждом случае одним из важных способов выражения «инаковости» служило указание на отличающиеся

⁸⁷ Frierson C. A. Peasant Icons. P. 26–30, 125–127, 193–194.

⁸⁸ Smith M. M. Transcending, Othering, Detecting: Smell, Premodernity, Modernity // Postmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies. 2012. Vol. 3. N 4. P. 383–385; Трахтенберг Д. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим: Гешарим, 1998. С. 44–47.

⁸⁹ Бентковский И. Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868. Вып. 1. Отд. 1. С. 89–90, 103–104; Харузин А. Н. Степные очерки. С. 70–71; Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад: Паровая типография К. М. Федорова, 1897. С. 199.

⁹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 4. С. 16.

⁹¹ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1887 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора. Ташкент: Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, 1889. С. 161, 167–169; Львов-Кочетов Е. Л. По студеному морю: Поездка на Север. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. С. 196–197; Гилякская деревня // Здоровье. 1877. Т. 3. № 60. С. 131; Новороссийский телеграф. 1880, 1 (13) марта. № 1498. С. 3; 5 (17) июня. № 1587. С. 2; 16 (28) июля. № 1625. С. 2; 30 октября (11 ноября). № 1726. С. 5.

ольфакторные характеристики и гигиенические стандарты, не совпадающие с воображаемыми европейскими нормами.

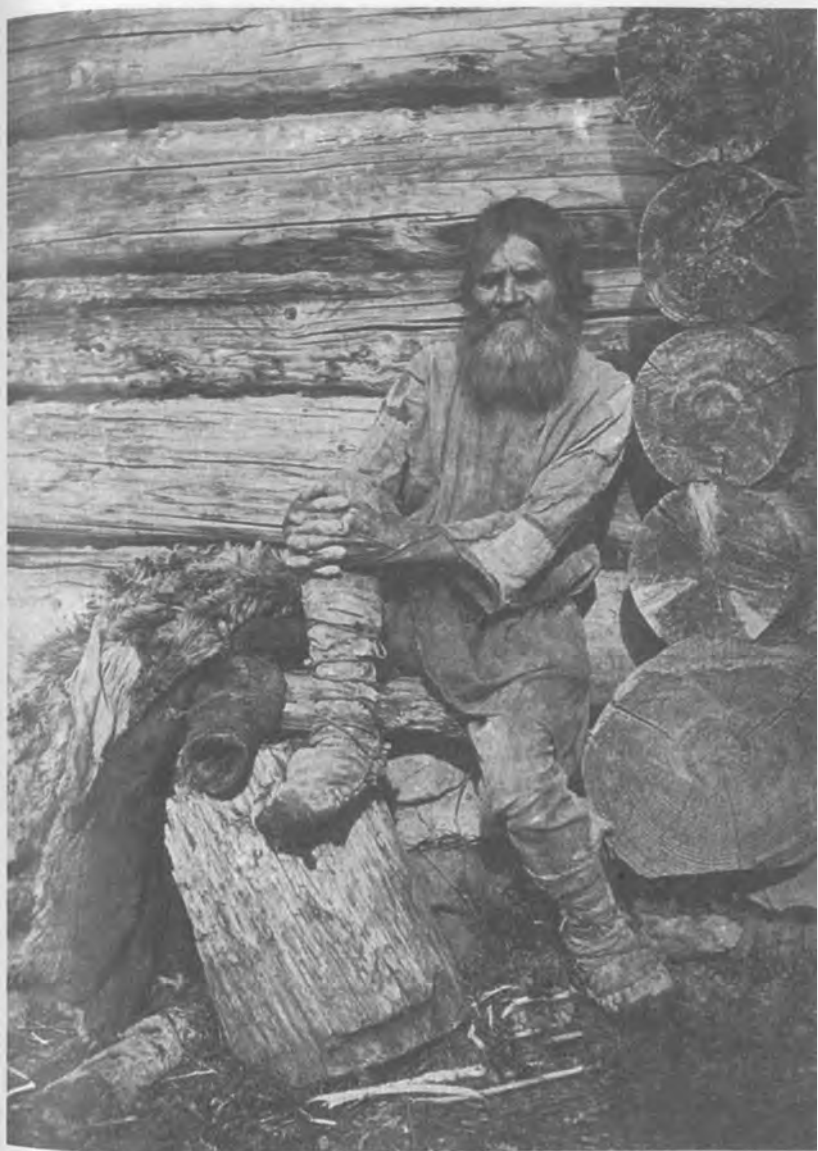
Примечательно, что санитарно-гигиеническая и, шире, медицинская риторика могла активно использоваться для конструирования отсталости, болезненности и инаковости и в тех случаях, когда речь шла о конфессиональных различиях. Например, к секулярному языку медикализации и эпидемиологическим метафорам «заражения», «болезни», «распада» и «миазмов» прибегали церковные публицисты 1880–1900-х годов, озабоченные как существованием меньшинств неправославного вероисповедания, так и региональной популярностью старообрядчества и сектантства, которые рисовались как угроза «здоровью» и целостности церкви и государства⁹².

Эти представления в некоторой степени влияли и на лечебную практику, и на степень репрессивности санитарных мер. Чем менее цивилизованным считался «другой», тем более мощные средства следовало применять — только они были способны подействовать на «грубые натуры» и проникнуть сквозь самые неотзывчивые «фибры». В этом аспекте санитарный подход неожиданно смыкался с карантинным, проповедующим репрессивные меры, и с жесткими терапевтическими практиками, которые были приняты в европейской медицине до «поворота» к индивидуальной чувствительности в последней трети XVIII века. Характерный пример мы находим в записках о Туркестане генерал-лейтенанта Михаила Терентьева, участвовавшего в завоевании и последующем администрировании азиатских земель:

«Я убедился на деле, что такому непосредственному человеку [здесь и далее курсив мой. — М. П.], как киргиз, кураmineц и даже сарт⁹³, больше всего внушают доверие “чувствительные” средства:

⁹² Beer D. The Medicalization of Religious Deviance in the Russian Orthodox Church (1880–1905). О медикализованных описаниях шаманских традиций см.: Хаккарайнен М. Традиция как желание: Перечитывая шаманизм // *Experto crede Alberto*: Сборник статей к 70-летию А. К. Байбурина / под ред. А. М. Пиир, М. М. Пироговской. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 351–377.

⁹³ Киргизами до начала XX века в Российской империи называли кочевых казахов; кураминцами — смешанные этнические группы Средней Азии, ведущие полuosедлый образ жизни; сартами — оседлые (т. е. с точки зрения российских администраторов, более цивилизованные) группы населения Средней Азии — оседлых узбеков и равнинных таджиков. Соот-

В. А. Каррик. Крестьянин у дома. Русские. Санкт-Петербургская губ.
1860–1869 гг. (Собрание МАЭ РАН)

горькая хина, выжимающий слезы нашатырный спирт, обжигающий паршу раствор едкого кали, несмываемый ничем адский камень, ментально действующие рвотные, слабительные и проч. Когда действие лекарства скоро и заметно — дикому человеку лучше ничего и не надо. Он доволен будет даже и одним впечатлением вкуса, обоняния, осязания: горько, воняет, щиплет — вот это и лекарство!»⁹⁴

Описание иного рода чувствительности и связанных с ней запахов и привычек служило способом продемонстрировать читателю свою чувствительность, чувствительность «цивилизованного европейца». Подобная демонстрация могла оправдывать репрессивные меры, но могла и быть призывом к изменению условий существования «других»⁹⁵.

Фиксация чуждых запахов и иных гигиенических стандартов согласуется с многочисленными этнографическими материалами о стереотипном восприятии «другого»: настороженность по отношению к ближайшим соседям или к какому-либо меньшинству нередко сопровождается упреками в нечистоплотности. Например, в славянских народных культурах неприятные или странные запахи отмечали чужаков (немцев, евреев, цыган, турок)⁹⁶. Парадокс гигиенического движения (если не всего модернизационного проекта) и в России, и в европейских странах заключался в том, что «другими» — носителями слишком сильных, неприятных, нецивилизованных запахов, обладателями грубых и нуждавшихся в реформировании чувств и нежелательных гигиенических стандартов — оказывалось не меньшинство, а большинство. Задачей горстки гигиенистов, поначалу даже не обладавших полноценной

ветственно автором выстраивалась некоторая шкала, на которой оседлость коррелировала с цивилизованностью.

⁹⁴ Терентьев М. А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Кн. 10. С. 503.

⁹⁵ Corbin A. Charting the Cultural History of the Senses // *Empire of the Senses: The Sensual Culture Reader* / ed. by D. Howes. Oxford, NY: Berg Publishers, 2005. P. 133.

⁹⁶ Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. С. 53–57; Кабакова Г. И. Запах. С. 269. Сходные стереотипы восприятия кочевников русскими поселенцами уже в советское время описаны в работе Елены Лярской (Лярская Е. В. «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258, особенно 249).

поддержкой государства, были гигиенизация и очищение всего немалого пространства и огромного населения Российской империи.

Всему свое место: смешанные запахи и ольфакторный нейтралитет

Миазматическая теория считала опасные эманации результатом не только брожения органических остатков и телесных отделений, но и смешения летучих ароматических частиц — природных и антропогенных, кислых и щелочных, запахов тела и пищи, запахов съедобного и несъедобного, запахов животных и промышленных материалов. Неприятные запахи и вредные миазмы в этой перспективе были продуктом соединения различных по природе запахов, смешения того, что должно было быть разделено, упорядочено и очищено. Эти представления, характерные для пневматической химии и связанных с ней камеральных наук XVIII века, актуализировались во второй половине XIX столетия благодаря ориентации на медицинскую точность описания. И санитарные отчеты, и журнальные очерки о чужом быте — быте крестьян или инородцев — фиксировали одновременное присутствие разнообразных запахов, прямо или косвенно свидетельствовавших о «нездоровости обстановки»⁹⁷.

Не только тот или иной заметный запах оказывался результатом смешения ароматических частиц, но и миазмы в целом интерпретировались как смешение того, что с медицинской, естественно-научной или повседневной точки зрения принадлежало к разным категориям⁹⁸. В «Очерках бursы» Николая Помяловского (1863) приводится характерное описание бурсаков, делящих домашние гостинцы:

Сюда стекалось все училище <...>. С дома, особенно с деревень, привозились в запас огромные белые хлеба, масло, толокно, грибы в сметане, моченые яблоки. От этих припасов отделялись особого рода запахи и наполняли собою воздух; с этими запахами мешались нецензурные миазмы; от стен, промерзавших зимою

⁹⁷ Курятный ряд в Одессе // Здоровье. 1877. Т. 3. № 62. С. 180; Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии. С. 52–53, 83.

⁹⁸ Дуглас М. Чистота и опасность. С. 65–66.

в сильные морозы насквозь, несла сырость, сальные свечи в шандалах делали атмосферу горькою и едкою, и ко всему этому надо прибавить, что в углу у дверей стоял огромный ушат, наполненный до половины какою-то жидкостью и заменявший место нечистот. К такой ядовитой атмосфере должен был привыкать ученик, и поверит ли кто, что большинство, живя в зараженном воздухе, утрачивало наконец способность чувствовать отвращение к нему!⁹⁹

В этом отрывке ядовитая атмосфера, разрушающая естественную чувствительность человека, создается совокупностью запахов пищи, телесных испарений, свечного дыма, сырости и нечистот.

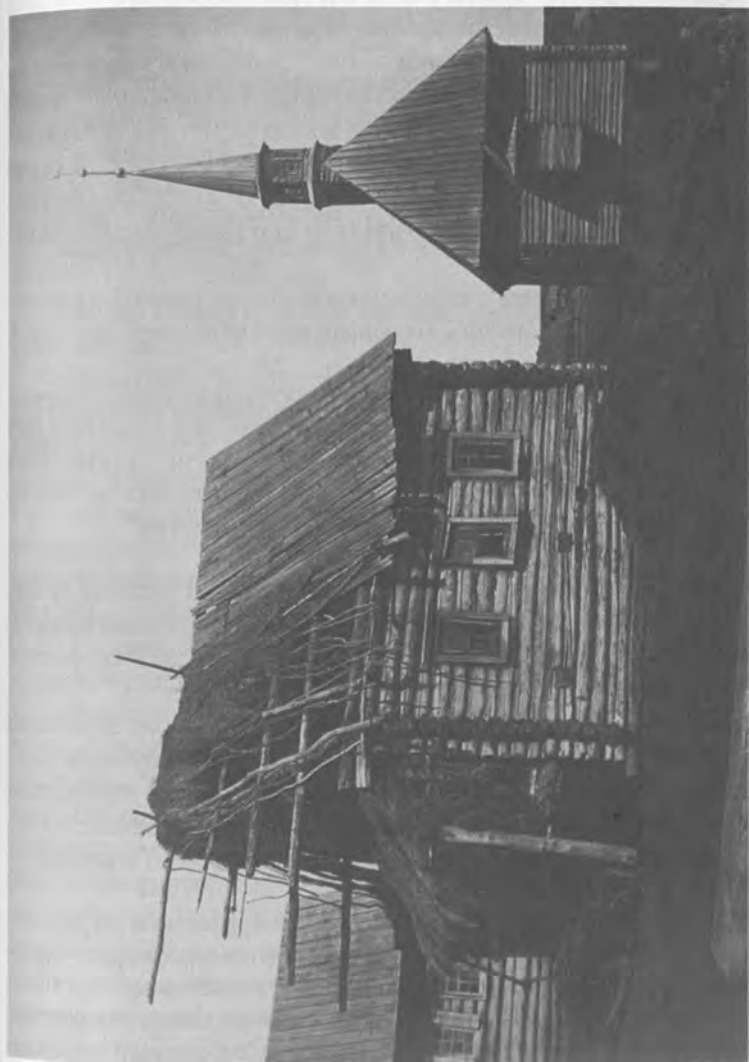
Санитарно-гигиеническая программа видела в смешанных запахах индикатор санитарного и социального неблагополучия; одним из требований гигиенистов стало разделение источников запахов по функциональным сферам. Этим принципом руководствовались санитарные врачи и инспекторы при проверке общественных мест на соответствие гигиеническим нормам¹⁰⁰. В первую очередь внимание привлекали склады, фабрики и мастерские, где рабочие трудились, ели и спали в одном помещении; жилища бедняков, ютившихся в одной комнате или в одном углу со всем своим скарбом; трактиры и меблированные комнаты, хранившие испарения сотен жильцов; рынки и мелочные лавки, торговавшие разнокалиберными товарами. На рынках и в лавках подверженная гниению снедь лежала рядом с хлебом и бакалеей, и миазмы смешивались друг с другом и заражали воздух¹⁰¹.

Кроме того, смешанные запахи воспринимались как знак принадлежности к социальным низам, которые не могли или не умели преобразовать свой домашний обиход так, чтобы сферы личной гигиены, приготовления и приема пищи, ремесла и производства, сна и труда не соприкасались между собой. На практике это означало, что гигиенически правильное жилище должно было напоминать

⁹⁹ Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб.: Просвещение, 1903–1904. Т. 2. С. 57–58.

¹⁰⁰ Верекундов С. П. Санитарное состояние Киева в 1887–1889 гг. С. 1–2, 10.

¹⁰¹ Ср., например: «Улицы этого местечка представляют собой склад навозу, мусору и всякой гнили — твердой и жидкой. Мясо продается на базаре на столиках, под открытым небом, причем обрезки не убираются и беспрепятственно проходят все степени разложения. Тут же разлагаются целыми горами наваленные арбузы, дыни и копченая рыба. В результате получается сонм ароматов, в полном смысле отравляющих существование» (Заметки и известия // Здоровье. 1875. Т. 1. № 28. С. 605).

В. А. Каррик. Виды татарских деревень. Татары, Казанская губ.
1871–1878 гг. (Собрание МАЭ РАН)

квартиру, в которой имелись ванная комната и ватерклозет, спальня и кухня; а обитатель этой квартиры имел возможность регулярно мыться, отдавать белье в прачечную, покупать хлеб в дорогой булочной, а не у разносчика, и т. п. Не случайно проекты жилья для рабочих, демонстрировавшиеся на гигиенических выставках, предполагали новую, функциональную планировку и включали в состав фабричного квартала центральную пекарню и общую прачечную, поскольку «печение хлеба дома почти всегда перегревало бы температуру, а мытье грязного белья портило бы воздух»¹⁰². В свою очередь прачечные, пекарни и мелочные лавки в подвалах считались большим злом, поскольку отравляли атмосферу расположенных над ними квартир.

Запахи мелочных лавок отмечались и в более ранних медикотопографических описаниях и вызывали настороженность врачей.

Исходящие из мелочных лавочек разнородные испарения нимало не исправляют воздуха и для живущих над ними бывают довольно ощутительны. Кислая капуста и другие пахучие или в брожение приходящие вещества <...> делают воздух не только для обоняния тягостным, но и для дыхания вредным¹⁰³.

В эпоху санитарно-гигиенической пропаганды картина не изменилась: врачей по-прежнему беспокоили гетерогенные запахи, но теперь у них было больше возможностей донести свое беспокойство до широкой публики.

Тем не менее изменения в отношении рутинных запахов были медленными: за исключением образованных слоев, публика оказывалась весьма инертной и не спешила отказываться от покупок на рынках и в мелочных лавках. Старший брат Антона Чехова, Александр, так описывал атмосферу отцовской бакалеи в Таганроге:

Рядом с дорогим прованским маслом и дорогими же духами «Эсс-Букет» продавались маслины, винные ягоды, мраморная бумага для оклейки книг, керосин, макароны, слабительный александрийский лист, рис, аравийский кофе и сальные свечи. Рядом с настоящим чаем продавался и спитой чай, собранный евреями

¹⁰² Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате. С. 14–15.

¹⁰³ Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. С. 24–25.

в трактирах и гостиницах, высушенный и подкрашенный. Конфеты, пряники и мармелад помещались по соседству с ваксою, сардинами, сандалом, селедками и жестянками для керосина или конопляного масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табак-махорка, нашатырь, проволочные мышеловки, камфара, лавровый лист, сигары «Лео Виссера в Риге», веники, серные спички, изюм и даже стрихнин (кучелаба) уживались в самом мирном соседстве. Казанское мыло, душистый кардамон, гвоздика и крымская крупная соль лежали в одном углу с лимонами, копченой рыбой и ременными поясами. <...> В лавке, несмотря на постоянно открытые двери на улицу, стоял смешанный запах с преобладающим букетом деревянного масла, казанского мыла, керосина и селедок, а иногда и сивухи¹⁰⁴.

Однако покупатели Чехова-отца, как сообщает мемуарист, не жаловались.

Несмотря на это, врачи-гигиенисты прилагали все усилия, чтобы привлечь внимание к опасности подобных заведений для здоровья. Мелочная лавка, в которой делали покупки представители низших и средних слоев, служила эпонимом всего, что описывалось гигиенистами как грязь и антисанитария и что следовало очистить и дезинфицировать. С наведения чистоты и порядка, дезодорации и дезинфекции проблематичных зон — лавок, рюмочных, трактиров, рынков и мастерских — гигиенисты предполагали начать свой проект очищения и воспитания масс. И наоборот, таким образом осуществлялся перевод частных гигиенических норм в публичное пространство. Телесная чистота достаточной городской публики требовала глубинного очищения всего города, а для этого следовало навязать представителям всех социальных групп новые понятия о чистоте, требуя от них своеобразного «ольфакторного нейтралитета»¹⁰⁵. Новые концепции чистоты и новые представления об ольфакторных нормах распространялись концентрическими кругами, захватывая сферы, все более удаленные от частной жизни воображаемого среднего класса.

Вместе с новыми гигиеническими и ольфакторными стандартами, которые насаждались врачами, началось и массовое

¹⁰⁴ Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова. С. 34–35.

¹⁰⁵ Fernandez A. Des villes sans odeurs? Représentations de l'urbanité au XXème siècle // Odeurs et parfums. Actes du 121e congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Nice, 1996 / sous la dir. de D. Musset, C. Fabre-Vassas. Paris: Editions du CTHS, 1999. P. 24–28.

распространение определенных гигиенических средств. Усиление санитарно-гигиенической озабоченности запахами происходило на фоне бурного роста парфюмерно-косметической промышленности, которая активно расширяла свою покупательскую аудиторию. Если в начале 1860-х годов производство парфюмерных и гигиенических товаров было еще относительно невелико и законодательно не выделялось в отдельную отрасль (в основном такие товары делали и продавали в аптеках, а небольшая доля продолжала изготавливаться кустарным или домашним образом), то через два десятилетия производители мыла, помады и одеколонов были отнесены к особому ведомству.

В исследовательской литературе встречаются утверждения, что до первой трети XIX века в России практически не знали мыла¹⁰⁶. Это не соответствует историческим свидетельствам: первые документы и косвенные свидетельства о выработке различной мыловаренной продукции относятся к XIV веку, а к середине XVII века уже существовало множество средних и мелких мыловаренных производств¹⁰⁷. К концу XVIII века в России продавались твердое и жидкое хозяйственное мыло, «мыло холщевое» — для стирки, туалетное мыло («с духами»), мыльная эссенция и дегтярное мыло — «для скотских их хворостей весьма целебное» (т. е. использовавшееся для лечения животных), отечественного и импортного производства¹⁰⁸. В переводных и компилятивных изданиях по домоводству XVIII — начала XIX века обнаруживаются рецепты различных моющих и гигиенических средств на основе покупного мыла и советы по превращению простого мыла в туалетное (умывальное), употреблявшееся для умывания лица и рук¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. С. 208–210.

¹⁰⁷ Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России: Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань: Издательство Казанского университета, 1971. С. 49, 53–56, 108–131.

¹⁰⁸ Там же. С. 178–183. См., например, анонимную рекламу мыла, опубликованную в «Санкт-Петербургских ведомостях» (Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление к № 25 от 26 марта 1779 года. С. 370). Адрес указывает на подателя объявления — химика и техника Дмитрия Ладыгина, владельца мыловаренного предприятия в Петербурге (приведено в: Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. С. 180).

¹⁰⁹ Осипов Н. П. Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. С. 125–126.

Специфическим было скорее употребление, необычайно широкое с современной точки зрения: мыло использовалось для смазки инструментов, стирки одежды, отбеливания пряжи, в составе красок, лекарств и даже курений¹¹⁰. В меньшей степени мыло использовалось для личной гигиены. В аристократической среде с петровского времени основным умывальным средством служили разбавляемые водой туалетные уксусы и одеколоны; эта практика была в ходу вплоть до 1860-х годов¹¹¹. Представители других сословий мыли лицо и руки водой; в бане для мытья пользовались очищенным дегтем, тертой редькой, щелоком или отрубями¹¹².

Что еще важнее, мыло, сваренное в основном из животных жиров (сливочного масла, говяжьего и бараньего сала, бычьего мозга, ворвани, рыбьего жира), обладало сильным выраженным запахом, который, впрочем, не был предметом особого беспокойства до второй половины XIX века. Запах не замечали, терпели, если мыло использовалось в промышленных или хозяйственных целях, или маскировали душистыми добавками, если оно предназначалось для личного обихода. Например, химик и мыловар Дмитрий Ладыгин отмечал эту особенность хозяйственного мыла, но указывал, что неприятный запах ощущают только «нежные люди», обладавшие высокой степенью чувствительности; в редких случаях составители хозяйственных сборников давали рекомендации, как «отнять» неприятный запах у мыла¹¹³. Первые признаки беспокойства из-за дурного запаха средств, призванных обеспечивать чистоту, обнаруживаются в 1830–1840-х годах. С усилением ольфакторной рефлексии осознаются и социальные импликации различных «запахов чистоты»: например, Елизавета Водовозова вспоминает беседу институтки с «классной дамой,

¹¹⁰ Ладыгин Д. М. Новое приспорье всякому домоводству на Руси. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1778. С. 35–37; Собрание некоторых экономических записок, нужных для домашнего употребления. М.: Типография А. Анненкова, 1787. С. 47; Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. С. 180, 185.

¹¹¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 165.

¹¹² Богданов И. А. Три века петербургской бани. С. 29.

¹¹³ Ладыгин Д. М. Новое приспорье всякому домоводству на Руси. С. 20. Ученными и корреспондентами Вольного экономического общества высказывались пожелания, чтобы «все же люди на Руси умывались и мыли... чистым и не мертвечинным мылом», имевшим отвратительный запах (Собрание некоторых экономических записок. С. 53).

которая заставляет девочку покупать дорогое мыло, а не то, от которого «несет салом»¹¹⁴.

В пореформенный период, с началом промышленного бума, количество мыловаренных предприятий стало расти, а органолептические характеристики гигиенических средств менялись вместе с контурами терпимости к запахам. К началу 1860-х годов в России насчитывалось около двадцати центров мыловарения; в европейской части России в год производилось около 797 тысяч пудов мыла, и только в Петербургской губернии работало 8 заводов с выработкой мыла в 74,6 тысяч пудов¹¹⁵. На популяризацию различных гигиенических средств влияли и их возрастающая доступность, и санитарно-гигиеническая пропаганда, и престиж городского образа жизни, с которым все теснее соприкасались крестьяне-отходники, и возраставшие бытовые стандарты средних и высших социальных групп. В 1865 году секретарь Вольного экономического общества, химик и экономист Алексей Ходнев писал: «Гигиена и промышленность прославляют пользу мыла и нуждаются в нем»¹¹⁶.

Мыло, помада для волос, одеколон, разнообразные туалетные воды и укусы стали пользоваться большей популярностью у широкой публики в 1830-е годы, когда появились новые технологии, позволявшие получать душистые вещества более дешевым способом¹¹⁷. Следующим технологическим прорывом стало создание синтетических веществ, которое еще более удешевило парфюмерное сырье и сделало душистое мыло предметом массового спроса. Со своей стороны гигиенисты видели в мыле и других средствах личной гигиены символ нового быта, устроенного в соответствии с последними научными достижениями, и активно продвигали в массы новые стандарты чистоты — с помощью брошюр, чтений и лекций для народа, непосредственных разговоров с пациентами (чему в большой степени способствовала система земской медицины). Спрос на товары гигиенического спектра расширялся,

¹¹⁴ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. С. 405.

¹¹⁵ Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. С. 270–271, 274). Значительный объем составляли промышленное и хозяйственное мыло.

¹¹⁶ Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. С. 352.

¹¹⁷ Вайнштейн О. Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 1. С. 440–441.

и производители туалетного мыла и других парфюмерно-косметических средств получали новую покупательскую аудиторию. Производство дешевого туалетного мыла началось на рубеже 1860–1870-х годов; к концу века в России работали крупные мыловаренные заводы Ширмера, Бонакера, косметические заводы Брокера, Ралле, Сиу, Лемерсье, Тассара, Анонимного русско-французского гигиенического общества, Кёлера (одним из его директоров был крупный химик Владимир Марковников)¹¹⁸.

В частности, «нисходящей мобильностью» гигиенических средств объясняется успех мыловаренной компании Генриха Брокера, основанной в 1864 году и с помпой отпраздновавшей пятидесятилетний юбилей в 1915-м. Хотя официальная история компании подчеркивала наличие клиентов из аристократических кругов, основными покупателями брокеровских товаров были крестьяне, небогатые купцы и мещане, а основным источником доходов — виды мыла, выпускавшиеся для крестьянской аудитории: пятикопеечное мыло, затем — копейные мыла «Народное» и «Сельское»¹¹⁹. На мелких чиновников, младших военных чинов и разночинцев средней руки были рассчитаны доступные парфюмерные наборы, выпускавшиеся с 1878 года, и цветочные одеколоны, разработанные для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года¹²⁰.

Развитие парфюмерно-косметической индустрии, с одной стороны, и насаждение новых стандартов чистоты — с другой, едва ли

¹¹⁸ Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Санкт-Петербурге. СПб.: [Б. и.], 1871. С. 38; Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 г. Казань: Типография Губернского правления, 1888. С. 79. Оборот Санкт-Петербургской химической лаборатории, специализировавшейся на мыле и туалетной воде, за 22 года достиг 1 млн рублей в год (Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Вып. 14. С. 106).

¹¹⁹ С середины XIX века в некоторых крестьянских общинах кусок мыла, как престижный городской товар, входил в перечень свадебных подарков жениха невесте (Максимов С. В. Год на Севере. М.: П. К. Прянишников, 1890. С. 362, 371).

¹²⁰ Золотой юбилей: К 50-летию со дня основания товарищества Брокер и К°. М.: [Б. и.], 1915. Любопытно, что рекламный ход, которым фабрикант привлек внимание прессы и публики к одеколону «Цветочный» на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве 1882 года, совпадает с описанным в «Дамском счастье» Эмиля Золя (1883): на стенде компании был установлен фонтан с одеколоном, в котором все желающие смачивали носовые платки, веера и даже сюртуки.

способствовали «обезвониванию» общества и достижению желаемого ольфакторного нейтралитета. Дезодорация подразумевала не исчезновение запахов вообще, а вытеснение тех, которые казались болезнетворными, опасными или отвратительными. В результате одни запахи замещались или дополнялись другими, телесные эманации исчезали под натиском синтетических ароматизаторов и отдушек, а границы между чинами/сословиями/классами получали новое выражение на старом языке запахов: уместные запахи — и их неуместное смешение; копеечное мыло — и дорогой одеколон.

Понятие «хорошего тона» и феминизация чувствительности

По предположению Алена Корбена, возрастающая в XIX веке рефлексия по поводу запахов свидетельствует об усилении индивидуализма в обществе, о новом (нарциссическом) типе внимания, направленного на себя, на личные границы и индивидуальные ощущения¹²¹. Как уже было сказано выше, в Российской империи первый всплеск осознанного внимания к границам телесности, к ольфакторному впечатлению, производимому на собеседника, относился к эпохе петровских реформ и был связан с интенсивной вестернизацией. В екатерининское время новые аристократические нормы начали спускаться вниз и интериоризироваться в среде провинциального дворянства. Следующий значительный сдвиг в практиках внимания и самонаблюдения произошел во второй половине XIX века, с размыванием сословных границ и оформлением новых общностей городских жителей, которые для бесконфликтного существования нуждались в унификации поведенческих, гигиенических и ольфакторных стандартов.

Нормы, которые должны были обеспечить эту унификацию, входили в понятие «хорошего тона» (фр. *du bon ton, du bon goût, du comme il faut*). Проводником все более детализированных правил и норм — качественных и количественных, гендерных и возрастных — служила рекомендательная литература, которая начала

¹²¹ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 81–85.

массово издаваться с 1860-х годов¹²². Если прежде сведения о том, как себя вести, как ухаживать за собой и вести себя с другими адресовались не столь многочисленным образованным и состоятельным слоям, которые располагали как средствами для покупки дорогостоящих гигиенических средств и парфюмерии, так и досугом для чтения книг, то в пореформенный период круг адресатов книг по гигиене и этикету быстро расширился. Адресуясь к горожанам вообще, рекомендательная литература, в значительной пропорции состоявшая из переводов с французского, конструировала буржуазию, тот средний класс, каждый представитель которого должен был привести свои повседневные привычки и свое телесное поведение в соответствие с правилами хорошего тона.

Проповедуемые гигиенистами идеалы чистоты и здоровой умеренности подразумевали определенный ольфакторный «нейтралитет»: любые сильные запахи должны были быть изгнаны как из публичного пространства, так и из пространства приватного. Запахи человеческого тела также следовало нейтрализовать — с помощью гигиенических манипуляций и строго определенных парфюмерных средств. Лишить тела присущих им запахов означало не только избавиться от антропогенных миазмов, но и установить контроль за индивидуальной чувствительностью. Тем самым объективная и рациональная медицинская забота распространялась на внутренний мир фибров и нервов. В 1862 году анонимный составитель «Секретного портфеля для мужчин и женщин» уверял, со ссылкой на Монтеня, что «чтобы пахнуть хорошо, надобно ничем не пахнуть»¹²³. Все телесные эманации и запахи-артефакты становились предметом тщательного рассмотрения как гигиенистов, так и опиравшихся на их труды — прямо или косвенно — авторов рекомендательной литературы. Так запахи конструировались и интерпретировались в двух смыслах — медицинском и социальном.

В первую очередь строгому регулированию подвергалась интенсивность запаха. Сформулированное еще в изданиях XVIII века представление, что запахи — это яды или лекарства, силу которых

¹²² Kelly C. Refining Russia. P. 85–155, 156–229.

¹²³ Секретный портфель для четырех мужчин и женщин, содержащий в себе четыре рода житейских потребностей. М.: Типография С. Орлова, 1862. С. 45, 65, 69–72.

нельзя недооценивать¹²⁴, благодаря санитарно-гигиенической пропаганде и общественному влиянию естественных наук получило новое истолкование. Запахи могли содержать в себе заразное начало — в этом случае они становились причиной «повальных и заразительных болезней». Запахи духов и косметики могли маскировать вредные эманации. Более того, запахи, сами по себе полезные или безвредные, при неумеренном или неправильном использовании могли расстроить восприимчивые нервы и нанести вред индивидуальной чувствительности. Эти соображения служили основанием для пересмотра гигиенических и санитарных практик.

Курения, которые во второй половине XIX века по-прежнему использовались как обеззараживающие средства, все чаще попадали под подозрения — не только потому, что маскировали дурные запахи и тем самым противоречили программе глубокого очищения, но и потому, что сами по себе пахли слишком интенсивно, раздражая слабые нервы и деликатные носы¹²⁵. Из репертуара популярных средств личной гигиены и косметики постепенно начали исчезать самые пахучие, в состав которых входили животные жиры и животные душистые вещества, — помады для волос и мускусные духи. Например, учебник хорошего тона середины XIX века советовал помадиться не чаще двух-трех раз в неделю, поскольку «запах от головы должен быть приятный, но не сальный»¹²⁶. Через тридцать лет, в руководстве 1877 года, запах помады для волос описывается как неприятный — к этому времени основным рекомендуемым способом ухода за волосами стало мытье по меньшей мере раз в одну-две недели¹²⁷. Выраженный запах казался опасным, и использование средства с таким запахом нивелировало все мыслимые косметические эффек-

¹²⁴ Рюбель И.-Ф. Полный и всеобщий лечебник. С. 122; Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б. Дамский врач. С. 126–127.

¹²⁵ О преждевременном увядании женской красоты. С. 39. К 1900 годам курения исчезли из «порядочного обихода»; Цветаева, упоминая в стихах курение ладаном — «Кудельную расправить бабке нить, / Да ладаном курить по дому росным, / Да под руку торжественно проплыть / Соборной площадью, гремя шелками, с крестным» (Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 1. С. 265), — рассчитывает на ассоциации с архаическими обычаями купечества.

¹²⁶ Лю-ая В. Секреты дамского туалета и тайны женского сердца: в 2 ч. М.: Типография Готье и Монигетти, 1848. С. 35–36.

¹²⁷ Мещерский К. Ю. Роль современного мужчины. М.: Типография И. И. Смирнова, 1877. С. 21.

ты: «Помада лишь грязнит голову, парфюмерии лишь заглушают, а не уничтожают те непривлекательные запахи, которые отделяются на коже, и вдобавок они портят воздух»¹²⁸. В 1890-х годах помада окончательно превратилась в архаизм, а ее употребление свидетельствовало о низком социальном статусе и о незнакомстве с новыми стандартами гигиены. Подобные идеи высказывались еще в медицинских изданиях конца XVIII века, когда помады — смеси из говяжьего и бараньего жира, костного мозга и душистых масел — служили базовым средством ухода за прической¹²⁹, но широкое распространение они получили лишь во второй половине XIX века.

Первоочередным предметом заботы медиков-терапевтов были женские нервы, наиболее подверженные как действию страстей, так и внешним влияниям атмосферы, миазмов и разнообразных запахов (речь шла, разумеется, о женщинах из среднего и высшего классов). В трактате «Гигиена нервных женщин», вышедшем на русском языке через 28 лет после публикации оригинала (что свидетельствует о восприятии его как актуального знания)¹³⁰, французский врач Эдуар Обер подробно объяснял, почему чувствительным особам необходимы спокойствие, умеренный климат, продуманная диета без специй, пряностей, алкоголя, блюд и продуктов с сильными вкусами, одежда, защищающая от переменчивой погоды и образующая футляр, «вторую кожу»¹³¹. Не меньшую осторожность следовало проявить и при выборе духов, которые были чем сильнее, тем опаснее.

Есть различные запахи, делающие женщину попеременно или постоянно: любезною, доверчивою, откровенною и влюбленною, или набожною, печальною, раздражительною, недоверчивою или меланхолическою. Все это происходит от ее нервного состояния и ее особенного сложения. <...> Нервные женщины в особенности займутся разбором тех действий, которые различные духи производят на них: они будут осторожно избегать всякий запах, вредный их деликатным и капризным нервам¹³².

¹²⁸ Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. С. 93–94.

¹²⁹ Goscilo H. *Cosmetics — or Dying to Overcome Nature in an Age of Art and Artifice*. P. 91.

¹³⁰ Auber T.-C.-E.-E. *Hygiène des femmes nerveuses*. Paris: Germer Baillière, 1841.

¹³¹ Обер Э. Гигиена нервных женщин. М.: А. И. Манухин, 1869. С. 161.

¹³² Там же. С. 161–162.

«Женщины, употребляющие слишком много духов, бледнеют и страдают нервами», — вторил Оберу другой французский врач, книга которого вышла на русском языке в 1860 году¹³³.

В подобных публикациях женский организм представлял принципиально отличным от мужского и рисовался более подвижным, изменчивым, мягким и слабым, из-за большей тонкости фибров и нервов более чувствительным к запахам и более подверженным страстям и болезням. Эти соображения высказывались уже в конце XVIII века, когда была сформирована идея большей, по сравнению с мужчинами, близости женщин к природе и естественному состоянию — и как причина их последующей «доместикации», и как результат социального и политического распределения власти, необходимого для процветания общества¹³⁴.

Хотя в последние десятилетия XIX века «нервность» превратилась в массовый диагноз (как женский, так и мужской) и объяснялась скудостью крови и избытком нервных окончаний в теле современного человека¹³⁵, врачи предлагали профилактическую программу в первую очередь женщинам и подросткам. Если причиной «нервности» было раздражение чувств слишком сильными запахами, то на всякий случай следовало заранее отказаться от всего пахучего, пока дело не дошло до невропатии и морального разложения¹³⁶. Эти установки проникали и в литературу по этикету, авторы которой постоянно переключались между социальными и медицинскими объяснениями.

¹³³ Макель В. Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастье женщины. М.: Типография Т. Волкова и К°, 1860. С. 46; оригинал: *Maquet V. Etudes hygiéniques sur la santé, la beauté et le bonheur des femmes*. Paris: Desloges, 1858.

¹³⁴ *Jordanova L. Sexual Visions*. P. 28–29; *Weiss P. A. Rousseau, Antifeminism and Woman's Nature // Political Theory*. 1987. Vol. 15. N 1. P. 81–98. О функциональном сходстве сентименталистского и натуралистского (реалистического) дискурсов о женственности см.: *Heyder C., Rosenholm A. Feminisation as Functionalisation: The Presentation of Femininity by the Sentimentalist Man // Women and Gender in 18th-Century Russia / ed. by W. Rosslyn*. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 52–53.

¹³⁵ *Gay P. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud: 5 vols. Vol. 2*. P. 330–352. См., например: *Кюллер А. Нервность и неврозы: Гигиена нервных людей*. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. С. 1; оригинал: *Cullère A. Nervosisme et névroses: Hygiène des énérvés et des névropathes* (Paris: Baillière, 1887; первый русский перевод — 1887).

¹³⁶ *Кюллер А. Нервность и неврозы*. С. 240–241.

Не говоря уже о сильных духах, например, мускусе и пачули, которых всегда следует избегать, надо также быть очень осторожной в употреблении благовоний, хотя бы очень нежного запаха, потому что многие нервные личности положительно не в состоянии переносить их, и слабо чувствуемый, хотя бы и приятный аромат может легко быть причиной их нездоровья¹³⁷.

Предпочтение нежелательных запахов могло говорить о неумении следовать моде, о беспечном отношении к своему здоровью и о распушенности. В свою очередь нервозность и различные болезненные состояния могли вызвать ненормальные обонятельные ощущения и предпочтения, и в этом смысле настойчивое употребление мускусных духов или определенных пахучих продуктов имело диагностический потенциал. Так устанавливалась связь между нейтральными, деликатными, незаметными запахами, физическим и душевным здоровьем, приличным поведением и безукоризненным нравственным обликом: «Дезодорация оказывалась одним из критериев буржуазной респектабельности»¹³⁸.

Медицинские интерпретации нервности влияли и на толкование природы обоняния. В отличие от зрения, получившего к этому времени статус интеллектуального чувства, обоняние считалось близким к природе, непосредственно связанным с импульсами и интуицией. Его относили и к высшим чувствам — поскольку оно способствовало работе воображения, и к низшим — поскольку оно роднило человека с животными, а животное начало нуждалось в неусыпном контроле¹³⁹. Чувства проецировались на социальное поле, на расы и этносы, класс и гендер: более несовершенные определяли поведение людей менее цивилизованных и рациональных. Например, и низшие чувства, и способность к эмоциям считались более развитыми у женщин и детей; женщинам, как существам более эмоциональным, приписывалось обладание более тонким обонянием по сравнению с рациональными мужчинами¹⁴⁰. В частности, считалось, что женщины лучше распознают дурные эманации

¹³⁷ Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной. СПб.: Г. Гоппе, 1885. С. 431.

¹³⁸ Perras J.-A., Wicky É. *La sémiologie des odeurs au XIXe siècle*. P. 128.

¹³⁹ Л-д Д. Мужчина и женщина: в 2 ч. СПб.: Холмушин, 1865. Ч. 2. С. 82.

¹⁴⁰ Там же. С. 84–85. См. также анализ этих представлений на западноевропейском материале: Smith M. M. *Sensing the Past*. P. 65–66; Classen C. *Worlds of Sense*. P. 86–94.

и примеси в воздухе, но и легче поддаются пагубному влиянию различных запахов и ароматов — как физически (поэтому в удущливой атмосфере они чахнут и «мрут», как чижики в «Бедных людях» Достоевского), так и нравственно¹⁴¹.

Изменение представлений о чистоте значило и изменение гигиенических практик; в частности, это означало дискредитацию определенных средств и определенных запахов. Например, обтирание тела одеколонами и туалетными уксусами стало считаться вредным: их запах слишком раздражал нервы¹⁴². Вслед за врачами, ассоциировавшими интенсивные запахи с расстройствами чувствительности, издания по хорошему тону второй половины XIX века описывали мигрени и нервные расстройства от сладких духов, ароматов дыни и земляники, обмороки от шафрана, мускуса, амбры, ореховых листьев, нездоровое сексуальное возбуждение от ванили, тимьяна, сандала, розы, общее ослабление здоровья и потерю румянца, причиненные благовониями¹⁴³. Пользоваться пахучими субстанциями животного происхождения — мускусом, бобровой струей, цибетином, амброй — следовало с величайшей осторожностью под присмотром врача¹⁴⁴. Отметим, что рекомендуемые в качестве здоровой альтернативы цветочные запахи зачастую имели меньшую стойкость по сравнению с «животными», но не меньшую интенсивность: вероятно, запрет «животных» ароматов основывался главным образом на ассоциациях с неподконтрольной сексуальностью¹⁴⁵.

¹⁴¹ Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 200.

¹⁴² Лю-ая В. Секреты дамского туалета и тайны женского сердца. С. 52.

¹⁴³ Обер Э. Гигиена нервных женщин. С. 161; Монен Э. Гигиена красоты и косметические средства. СПб.: В. И. Губинский, 1887. С. 159–161 (оригинал: Monin E. L'Hygiène de la beauté. Paris: O. Doin, 1886); Мецкерский К. Ю. Роль современного мужчины. С. 153; Секретный портфель для четырех мужчин и женщин. С. 65.

¹⁴⁴ Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 199. В конце XIX века мускус окончательно выпал из повседневного узуса и превратился в анахронизм, в знак давнопрошедшего времени. Ср. у Апухтина (1892): «Вот зала в два света, вот семейная гостиная, увешанная семейными портретами. Даже особенный, специфический запах этой гостиной — какой-то смешанный запах мускуса, плесени и розового дерева — поразил меня как что-то слишком знакомое» (Апухтин А. Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 490).

¹⁴⁵ Избыточное употребление духов с начала XIX века могло служить признаком холерического темперамента и связывалось с сексуальным воз-

С каждым десятилетием второй половины XIX века приемлемая ольфакторная «громкость» уменьшалась, а запреты детализировались. Например, девицам, чтобы сохранить физическое и душевное здоровье, не следовало контактировать с сильными запахами; в пореформенный период был сформулирован запрет душиться до замужества, чтобы не растравлять чувственность. В романе Ольги Форш «Одеты камнем» (1924–1925) описывается, как смолянки 1860-х годов, несмотря на запрет, душились мылом: «Наскоблили ножом, натерлись — и запахи, как целая лавка сквернейших духов. Душиться ведь нам разрешается только в самых старших классах, и бергамот — неприличнейший запах»¹⁴⁶. Вдобавок институткам запрещалось употреблять в пищу продукты с острыми запахами (сыр с плесенью, колбасу, селедку): эта еда, считавшаяся слишком раздражающей для девушек высшего социального, «конфисковалась в пользу жен швейцаров»¹⁴⁷.

Важно было не только контролировать интенсивность искусственных запахов, но и тщательно ограничивать их репертуар: вольность и непостоянство в выборе духов, использование нескольких парфюмированных средств сразу ставили под сомнение идеал умеренности, которому должна была следовать женщина хорошего тона, и намекали на нездоровую чувственность кокеток и дам полусвета. Некоторые издания без околичностей приводили перечень духов, «которые может употреблять элегантная женщина»¹⁴⁸. «Женщина, меняющая духи согласно моде, есть женщина

буждением. Так, в анекдоте о ночном визите Пушкина к некоей придворной даме эротическая сцена включает и обливание «всеми духами, какие были в комнате» (Цявловский М. А. Пушкин и графиня Д. Фикельмон // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 108–123).

¹⁴⁶ Форш О. Д. Одеты камнем. Современники. Л.: Художественная литература, 1983. С. 45. Запрет пользоваться духами упоминается и в повести Куприна «Юнкера» (1932): «Никто из нас не душится, у нас даже нет душистых мыл. — Не позволяют? — Совсем не потому. Просто у нас не принято. Считается очень дурным тоном. Наша *tatam* как-то сказала: “Чем крепче барышня надушена, тем она хуже пахнет” (Куприн А. И. Юнкера. Роман, повести, рассказы. М.: Эксмо-пресс, 2008. С. 399).

¹⁴⁷ Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 102.

¹⁴⁸ Будуар: Туалетная книга: в 2 т. СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. Т. 1. С. 166–168. См. также: Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф. Парфюмерия и косметика. М.: Типография торгового дома «Мысль», 1912. С. 192–195.

надушенная. Женщина же, всегда употребляющая одни и те же духи, уподобившая их себе, есть женщина благовонная», — писал анонимный автор справочника по светским манерам, очевидно противопоставляя первую второй¹⁴⁹. Этот пассаж компилятор целиком заимствовал из трактата о духах известного франко-британского парфюмера Эжена Риммеля, который советовал женщинам выбрать аромат раз и навсегда, сделав его частью своей индивидуальности¹⁵⁰.

Некоторые авторы выстраивали на основе этих представлений целые классификации женских типов. Например, популярный беллетрист Николай Гейнце в романе «Герой конца века» (1896) писал:

По выбору тех или других духов можно всегда почти безошибочно, не видя женщины, определить степень ее привлекательности и сознания ее силы, ее обаяния, а также и ее лета. Только очень хорошенькие и молоденькие женщины употребляют духи нежных запахов, ласкающие обоняние и не раздражающие его. Менее красивые, миловидные и грациозные, душатся смесью, составляемою ими из разных запахов, в которой сильные духи парализуются несколько нежными запахами¹⁵¹ — секрет этой смеси составляет тайну женщин, которую они не выдают даже своей задушевной подруге. К такой же смеси прибегают и очень хорошенькие, но несколько пожившие дамы. Женщины некрасивые или уже чересчур вкусившие от жизни, к числу последних принадлежат и «милые, но погибшие создания», предпочитают сильные запахи, действующие на мужские нервы, распалюющие воображение и таким образом заставляющие не замечать в этих представительницах прекрасного пола недостатков природы и изъянов, нанесенных жизнью и временем¹⁵².

¹⁴⁹ Л-д Д. Мужчина и женщина. Ч. 2. С. 152.

¹⁵⁰ Rimmel E. Le livre des parfums. Paris: E. Dentu, s. d. P. x–xv.

¹⁵¹ Т. е. «сильный» запах, недвусмысленно намекающий на чувственность и желание соблазнить, маскируется «нежным», манифестирующим настоящую благовоспитанную красавицу.

¹⁵² Гейнце Н. Э. Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра, 1994. Т. 6. С. 231. Ср. также в рассказе Петра Боборыкина «Труп» (1892): «Ашимову опять охватило жуткое чувство, и она не могла его отбросить. <...> Запах, стоявший в комнате, усилил ее жуткое чувство. В нем были и пудра, и *eau de Botot*, и духи, подаренные им. Вся эта смесь говорила не о строгой, трудовой жизни одинокой девушки, а о чем-то совсем ином: о постоянном желании нравиться, о заботах и привычках красивой женщины, у которой есть тайная связь. Когда она раскрыла глаза — слова: “квартира содержанки” точно выско-

Тем самым возможности обоняния задействовались не только в случае необходимости маркировать сословные, классовые или этнические границы, определить степень нервности и сформулировать диагноз, но и для описания различных гендерных ролей и связанного с ними поведения. Запахи позволяли сделать нравственность явной и закрепить ее за той или иной социальной позицией.

Но даже разрешенные врачами духи и ароматизированные средства могли дурно отразиться на женском здоровье. Поэтому следующим шагом стало требование минимальной ольфакторной «громкости» даже вполне приемлемых ароматов. «Гигиена красоты» (1886) французского врача Эрнеста Монена, много и подробно писавшего о медицинском значении запахов¹⁵³, советовала читательницам следить, чтобы «пудра для лица не должна быть слишком надушена, так как при этом легко появляются головные боли и нервные припадки»¹⁵⁴. Для здоровья девушек главную опасность представляло бездействие в «тесном будуаре, надушенном хорошими, но вредными духами»¹⁵⁵. Спектр ароматов, приличных замужним дамам, ограничивался несколькими цветочными ароматами-солифлорами (воспроизводящими запах одного цветка), уподоблявшими буржуазную даму цветку¹⁵⁶.

Интенсивность и былая популярность аромата способствовали его дискредитации — с медицинских и социальных позиций. Такой, в частности, была участь пачулей и жасмина, к последней трети XIX века утративших респектабельность. В эпоху ампир пачули считались аристократическим ароматом¹⁵⁷, но уже в «Москве и московичах» Михаила Загоскина (1842–1850) он описывается как вульгарный и неприятный одновременно.

чили у ней, откуда-то, в голове, и она не могла отделаться от верности впечатления» (Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1993. Т. 1. С. 462).

¹⁵³ Perras J.-A., Wicky É. La sémiologie des odeurs au XIXe siècle. P. 127–128.

¹⁵⁴ Монен Э. Гигиена красоты и косметические средства. С. 79.

¹⁵⁵ Обер Э. Гигиена нервных женщин. С. 114.

¹⁵⁶ С модой на солифлоры связана парфюмерная традиция номинации духов по названию растения: таковы, например, дореволюционные *Muguet Merveille*, «Персидская сирень», «Ночная красавица», «Нильская лилия» фабрики Генриха Брокара, «Махровый ландыш» фабрики Альфонса Ралле и наследовавшие им советские «Душистый горошек», «Красный мак», «Маки», «Ландыш серебристый», «Белые цветы», «Красная роза».

¹⁵⁷ Вайнштейн О. Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули. С. 436–437.

Она очень добрая женщина, но так раздушена этим гнусным пачули, что от нее пахнет за версту аптекой!.. И как могла быть мода на эти отвратительные духи?.. Какой-то запах камфоры, проникнутый мускусом... Фуй, мерзость какая! <...> Человек, раздушенный этой гадостью, походит на чуму; он заражает все своим прикосновением; ему стоит только пожать вашу руку, и вы на целый день получите запах египетской мумии¹⁵⁸.

Кроме того, запах пачулей мог обличать выскочку, пытавшегося неумело подражать великосветским франтам.

Его бакенбарды сходились на подбородке, волосы были острижены в кружок, на манишке блистала стразовая булавочка, по бархатному жилету висела цепочка, вероятно бронзовая; но что более всего изобличало в этих господах самых отчаянных львов своего квартала, так это было то, что от них пахло за версту пачули [курсив автора. — М. П.] и что они говорили во услышание всем на французском диалекте¹⁵⁹.

Руководство 1867 года по составлению «косметиков» в домашних условиях, рассчитанное на аудиторию среднего достатка, характеризовало пачули как аромат «ныне столь распространенный»¹⁶⁰; более рафинированные издания называли его претенциозным и старомодным, типичным для «сантиментальных кокеток» былых времен¹⁶¹.

По сходной траектории развивалась социальная репутация жасмина. В середине 1840-х годов Владимир Одоевский, описывая свою юношескую влюбленность в кузину, упоминает исходивший от девушки сильный запах жасмина: «Тогда жасмин был в моде, Наташа любила эти духи»¹⁶². Ни в 1820-е (время юности Одоевского), ни в 1840-е (время создания текста) употребление жасминовых

¹⁵⁸ Загоскин М. Н. Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1988. С. 92. В тургеневском «Дворянском гнезде» (1858) запах пачулей, «весьма противный» главному герою, предвосхищает появление его лицемерной и распутной жены.

¹⁵⁹ Загоскин М. Н. Москва и москвичи. С. 116.

¹⁶⁰ Андреевский П. А. Новейший химик-парфюмер. С. 19.

¹⁶¹ [Как следует одеваться] // Модный свет. 1875. № 30. С. 266; Боборыкин П. Д. Сочинения. Т. 2. С. 487.

¹⁶² Одоевский В. Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. С. 438–439.

духов юной девушкой не считалось предосудительным. В «Мертвых душах» (1842) им пахнет просто приятная дама («жасмины понесли по всей комнате») ¹⁶³, в тургеневском «Дыме» (1867) — молодые генералы, описанные с изрядной долей иронии ¹⁶⁴. В 1870-е жасмином уже благоухают персонажи Островского, а в рассказе Чехова «Тина» (1886) приторный аромат жасмина служит ольфакторным эквивалентом болезненности, физической и нравственной нечистоты и указывает на опасность и испорченность героини — еврейки-парвеню:

...с первого же шага его поразило изобилие цветущих растений и сладковатый, густой до отвращения запах жасмина. <...> И поручику казалось, что приторный жасминный запах идет не от цветов, а от постели и ряда туфель. <...> Вообще к нерусским лицам он питал предубеждение, а тут к тому же нашел, что к черным кудряшкам и густым бровям хозяйки очень не шло белое лицо, своею белизною напоминавшее ему почему-то приторный жасминный запах, что уши и нос были поразительно бледны, как мертвые или вылитые из прозрачного воска. <...> «Бледная немочь... — подумал он. — Вероятно, нервна, как индюшка» ¹⁶⁵.

Дискредитация аромата могла следовать различным сценариям. Один и тот же запах мог оцениваться позитивно, если использовался представителями аристократии, и негативно, если исходил от выходцев из низов, покушавшихся на более высокий статус. Он мог объявляться «старомодным» — и тем самым ностальгически свидетельствовать о следовании устаревшей ольфакторной норме — или «вульгарным», что говорило о его распространенности в массовом обиходе ¹⁶⁶. Помимо гигиенических и медицинских

¹⁶³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1952. Т. 6. С. 180.

¹⁶⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 296.

¹⁶⁵ Чехов А. П. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 362–363, 366.

¹⁶⁶ К началу XX века многие ароматы выпускались в разных ценовых регистрах, тем самым похожие запахи оказывались доступны аристократии и мещанам. В «Книге о последнем царствовании» (1933) Георгий Иванов передает ходившие по Петербургу толки об императрице Александре Федоровне: «Рассказывают анекдот о горничной, которую княгине Белосельской пришлось прогнать: так дурно от нее пахло трехрублевой “Вербеной” — любимыми духами императрицы» (Иванов Г. В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2. С. 389–390). Сходство вкусов императрицы и горничной в глазах придворных плохо говорило об обеих: первая не пони-

соображений важным фактором в оценке запахов и их обладателей были мода и стоимость парфюмерии и ароматизированной косметики. Исследования Эжени Брио, посвященные истории французской парфюмерии XIX века, демонстрируют, что колебания моды на те или иные ароматы были связаны в том числе с появлением новых технологий и маркетинговой реакцией на переход от ремесленного изготовления косметики и парфюмерии к промышленному производству¹⁶⁷. Французская парфюмерная мода последней трети XIX века коррелировала с датами выдачи патентов на различные синтетические вещества, востребованные в парфюмерном деле: в 1870-е годы в моде был иланг-иланг, в 1880-е — гелиотроп (гелиотропин), в 1890-е — фиалка (ионон), свежескошенное сено (кумарин), ландыш и сирень (терпинеол)¹⁶⁸.

Выявить столь же четкие закономерности по российской рекомендательной литературе и модным журналам нельзя по двум причинам. Во-первых, справочники по красоте и хорошему тону базировались преимущественно на французских изданиях, которые переводились с некоторым запаздыванием; во-вторых, химические новинки зачастую оптом выкупались французскими производителями и попадали на российский рынок не сразу. Тем не менее общий вектор проследить можно: от животных ароматов — к растительным, от сильных — к слабым и деликатным.

Расстояние, на которое мог распространяться очищенный от всего лишнего и телесного аромат, становилось все меньше по мере того, как парфюмированные средства продвигались из сферы лечебно-гигиенических средств в сферу предметов роскоши. Требования скромности и умеренности не поощряли демонстративное поведение, в том числе ольфакторное. Запах духов должен был быть таким, чтобы его можно было заметить, «лишь совершенно приблизившись к надушенной особе»¹⁶⁹. Образцом безвкусицы объявлялась темная, заставленная мебелью и надушенная комната кокетки: в этом случае предметом порицания оказывалось даже

мала необходимости размежевания со вкусами прислуги, вторая не умела пользоваться духами в правильной «незаметной» пропорции.

¹⁶⁷ Briot E. From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century. P. 273–294.

¹⁶⁸ Briot E. De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar. P. 38–41.

¹⁶⁹ Светлов О. П. Светская благовоспитанная молодая женщина: в 2 ч. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898. С. 41.

«легкое, неопределенное благоухание»¹⁷⁰. Сборник «Светская благовоспитанная молодая женщина», в деталях регламентировавший выбор одежды, белья, средств гигиены и ухода и даже учивший правильной походке, комментировал создание ольфакторного силуэта молодой дамы следующим образом:

Кто душитя так, что от него слышно благовоние чуть ли не за десять шагов, тот выказывает этим весьма дурной вкус. <...> Присутствие женщины не должно обнаруживаться ничем поразительным, значит, и не запахом, поражающим обоняние¹⁷¹.

Хотя требование «деликатности» в изданиях по этикету и гигиене сохранялось всю вторую половину XIX века, смысл этого понятия постоянно переопределялся и менялся в сторону все большей строгости. Деликатность отождествлялась с хорошим тоном, а рефлексия над собственными телесными эманациями и производимым ольфакторным впечатлением была необходимым элементом к благовоспитанности¹⁷². Сильный запах духов свидетельствовал о незнании приличий, о неумении «попасть в тон» — и, следовательно, о выпадении из определенного социального регистра; он выдавал социальную роль своего обладателя или обладательницы с той же очевидностью, что и одежда, жесты, позы, манера говорить и смеяться, походка, вновь и вновь оказываясь симптомом — уже не медицинским, а социальным¹⁷³.

Умозрительная чувствительность приличной женщины подавалась в изданиях пореформенного периода как эталон, от которого отсчитывались прочие социально приемлемые или нуждающиеся в коррективах варианты. В частности, воспитанный мужчина должен был выстраивать свое ольфакторное поведение с учетом деликатного обоняния дамы. В целом репертуар запахов-артефактов, доступных для мужчин во второй половине XIX века, был намного разнообразнее женского: мужчинам разрешалось

¹⁷⁰ Хороший тон. С. 6.

¹⁷¹ Светлов О. П. Светская благовоспитанная молодая женщина. С. 40–42.

¹⁷² Там же. С. 3.

¹⁷³ Мещерский К. Ю. Роль современного мужчины. С. 11. Примечательно, что, описывая правильную походку, авторы учебников хорошего тона классифицировали отклонения от идеала как проявления мещанства и невоспитанности (Светлов О. П. Светская благовоспитанная молодая женщина. С. 16).

пользоваться резкими сильными ароматами, поскольку их нервы считались более прочными, но специальных ограничений при этом не возникало¹⁷⁴. Беспокойство по поводу «слишком женственных» — сладких или цветочных — ароматов возникнет намного позже, с упрочением гендерной дифференциации духов. Однако в обществе мужчинам предписывалось умерять свое ольфакторное присутствие: запах одеколона или духов разрешалось ощущаться постольку, поскольку он не беспокоил женщин.

Среди прочего эти правила регламентировали употребление табака. Курильщикам рекомендовалось выбирать не «вонючие папиросы» (т. е. предпочитать более дорогие сорта с ароматизаторами) и помнить о возможном дискомфорте окружающих, куря так, «чтобы дым и запах не распространялись далее места, на котором вы сидите»¹⁷⁵, а лучше — в отдельной комнате. После этого следовало «сполоснуть водой рот и зубы, и только тогда подойти к своей даме»¹⁷⁶. Злоупотреблять визитами в курительную также не следовало, «чтобы не пропитываться табачным дымом, что для некурящих дам крайне неприятно»¹⁷⁷. Стоит подчеркнуть, что в первой половине XIX века запах табака не считался оскорбительным для женского обоняния: например, в хозяйственном справочнике Владимира Бурнашева, написанном в фельетонной форме (1839), автор и его приятель курят не просто при даме, а в ее кабинете, «окружая себя нежным облаком благовонного дыма пакитосов»¹⁷⁸. Новые требования объяснялись именно повышенной женской чувствительностью — с медицинской точки зрения — и за-

¹⁷⁴ Ср. описание туалета Нехлюдова в «Воскресении» Толстого: «Он вздохнул и, бросив выкуренную папироску, хотел достать из серебряного портсигара другую, но раздумал и, спустив с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат и, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней уборную, всю пропитанную искусственным запахом эликсиров, одеколона, фиксаторов, духов. Там он вычистил особенным порошком пломбированные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканием, потом стал со всех сторон мыться и вытираться разными полотенцами» (Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 13. С. 16).

¹⁷⁵ Житейская мудрость. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. С. 57. См. также: Светозарская К. Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий. СПб.: [Б. и.], 1880. С. 137.

¹⁷⁶ Светлов О. П. Светский благовоспитанный молодой человек: в 2 ч. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1898. С. 30–32.

¹⁷⁷ Мецкерский К. Ю. Роль современного мужчины. С. 108.

¹⁷⁸ Волжин Б. [Бурнашев В. П.] Энциклопедия молодой русской хозяйки: в 2 ч. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1839. С. 244.

ботой о комфорте визави. Если расстояние между мужчинами при светском общении было достаточно велико, то дистанция между мужчиной и женщиной в некоторых ситуациях — например, на балу, во время танцев — могла сокращаться до интимной. Этим же, в частности, объяснялся запрет пить вино тем, кто собирался танцевать. «Мне, как танцору, пить шампанского не полагалось, чтобы при дыхании не пахло вином», — пояснял свой рассказ о приеме в Зимнем дворце 26 января 1904 года граф Игнатьев¹⁷⁹. Само мужское право курить почти не оспаривалось врачами, но и сам табак, и формы его употребления во второй половине XIX века имели социальное ранжирование. Табак мог быть дорогим и дешевым, чистым и смешанным с ароматизаторами, продаваться россыпью для набивки трубок и самокруток или готовым к употреблению — в виде папирос, пакитос и сигар. Так в ольфакторном пейзаже возникают «аромат дорогого табака» и «дым дешевых папирос». Другие формы употребления табака — жеванье и нюханье — воспринимались как устаревшие и ассоциировались с низшими социальными слоями¹⁸⁰.

Этикетные правила, регулирующие поведение курильщика в обществе, предполагали, что курят только мужчины. Женщина, пахнущая табаком, во второй половине XIX века нарушала существовавший гендерный порядок. Однако с елизаветинского времени и до эпохи романтизма дамам из общества пахнуть табаком и ароматическими смесями на основе табачных листьев не возбранялось. Гендерную дифференциацию имели лишь формы его употребления: курение было исключительно мужским занятием (и не слишком популярным в высших социальных слоях), а жеванье и нюханье считались гендерно нейтральными практиками, подчеркивавшими ориентацию на европейскую моду¹⁸¹. В 1810-е годы

¹⁷⁹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. С. 138.

¹⁸⁰ Kliutchkine K. "I Smoke, Therefore I Think": Tobacco and Liberation in Russian Nineteenth-Century Literature and Culture // Tobacco in Russian History and Culture: From the Seventeenth Century to the Present / ed. by M. P. Romanello and T. Starks. NY; London: Routledge, 2009. P. 84–85.

¹⁸¹ Богданов И. А. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 89; Goscilo H. Cosmetics — or Dying to Overcome Nature in an Age of Art and Artifice. P. 79–80. Популярность нюхательного табака в середине XVIII века была такова, что в 1747 году Елизавета II даже выпустила указ «О неупотреблении табаку в церквях во время отправления службы... кавалерам и фрейлинам и прочим...» (Ша-рафадина К. И. Игра «во вкусе грососо»... С. 138).

нюханье уже считалось до некоторой степени устаревшей практикой, но все еще практиковалось барышнями и молодыми дамами из высшего света (к замужней даме обращено пушкинское стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» 1814 года¹⁸²). Мужчины в эту эпоху начали курить трубки и сигары, что привело к выделению для этого занятия особого места (курительные комнаты, кабинеты) и времени (после приема пищи во второй половине дня)¹⁸³.

Полностью запретными для женщин нюханье и жевание табака стали в николаевское время, с ужесточением гендерных норм телесного поведения и популяризацией этих практик на нижних ступеньках сословной лестницы. Примечательно, что рецепты домашнего приготовления нюхательного табака — т. е. его ароматизации различными эфирными маслами, травами и пряностями — встречаются в книгах по домоводству вплоть до 1880-х годов, а фабричное производство нюхательных смесей продолжалось и после 1900 года¹⁸⁴. Популярность нюханья табака в чиновничьей и мещанской среде может служить косвенным свидетельством медленного распространения «прогрессивных гигиенических стандартов», предполагавших подозрительность по отношению к чужой телесности. В отличие от более индивидуализированного курения, нюханье как социальный ритуал предполагало активное угощение без разбора чистоты рук: табакерка пускалась по кругу, табаком могли «потчевать» шапочных знакомых, встреченных на улице¹⁸⁵.

Осуждению подвергался сам табачный запах, несовместимый, с точки зрения современников, с женственностью. Вероятно, по этой причине нюханье табака оставалось вполне легитимной, хотя и малопrestiжной практикой для мужчин: для них жеванье и нюханье табака стали запретными или, по крайней мере, нежелательными позже, в последние десятилетия XIX века, что мотивировалось

¹⁸² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 41–42.

¹⁸³ Булгарин Ф. В. Хладнокровное путешествие по гостиним // Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. СПб.: Петрополис, 2010. С. 130.

¹⁸⁴ West S. Smokescreens: Tobacco Manufacturers' Projections of Class and Gender in Late Imperial Russian Advertising // Tobacco in Russian History and Culture: From the Seventeenth Century to the Present / ed. by M. P. Romanello and T. Starks. NY; London: Routledge, 2009. P. 102.

¹⁸⁵ Гиляровский В. А. Собр. соч. Т. 4. С. 141–143; см. также: Богданов И. А. Дым отечества... С. 83–84.

связанной с ними неопытностью¹⁸⁶. Издания по хорошему тону и медицинские справочники утверждали, что табачный запах заглушает собственно «запах женщины» — нежный цветочный аромат¹⁸⁷, служивший ольфакторным эквивалентом добродетелей, предписанных образованным горожанкам из хорошего общества: скромности, нежности, слабости¹⁸⁸. Наряду с другими ароматами, выходящими за пределы узкого рекомендованного репертуара, табачный запах нарушал гендерные ожидания и лишал женщину женственности; он оказывался исключительно мужским «аксессуаром», а курение — мужской привычкой¹⁸⁹. Демонстративное нарушение этих предписаний практиковали те женщины, которые были недовольны актуальными стереотипами феминности, ставили под сомнение мужскую власть и пытались присваивать ее знаки: эмансипированные женщины 1860-х годов, подражавшие самой известной европейской курильнице — Жорж Санд; народницы 1870–1890-х годов; курсистки и декадентки рубежа веков¹⁹⁰.

Ольфакторное антиповедение: вариации нормы

Воображаемая буржуазная норма последней трети XIX века предписывала употребление духов и парфюмированных гигиенических и косметических средств лишь в качестве дополнения к новым стандартам чистоты и строго регламентировала их качество и количество. Телесные запахи ассоциировались с социальной принадлежностью и определенным уровнем нравственности. На одном полюсе шкалы находился «низкий» запах немытого тела, на другом — стойкие и сильные ароматы, связанные с соблазном и вышедшей из-под контроля женской сексуальностью; и те и другие противоречили новым правилам и возбуждали беспокойство и неодобрение. Соответственно избыточное употребление духов

¹⁸⁶ Светлов О. П. Светский благовоспитанный молодой человек. С. 32.

¹⁸⁷ Стафф Б. Что должно знать каждой женщине. М.: Типография В. П. Быкова, 1912. С. 128.

¹⁸⁸ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 73, 75, 185–188.

¹⁸⁹ В свою очередь эти ассоциации вызывали трудности у российских производителей табака, пытавшихся найти подходящие образы для рекламирования папирос женской аудитории (West S. Smokescreens. P. 103–106).

¹⁹⁰ Klioutchkine K. "I Smoke, Therefore I Think". P. 94–98.

стало одним из наиболее заметных способов эти правила нарушить.

С одной стороны, многочисленные рекомендательные издания последних десятилетий XIX века открыто регулировали ольфакторные силуэты мужчины и женщины согласно возрасту, роду занятий и социальной ситуации, а санитарно-гигиеническая публицистика столь же открыто требовала ольфакторной нейтральности публичного пространства. Это отчасти способствовало «разглаживанию» разнообразия запахов и снижению интенсивности и «громкости» ароматов. С другой стороны, ужесточение ольфакторных норм и их гендерная детализация привлекали дополнительное внимание к нарушениям и тем самым усиливали их семиотизацию. Ольфакторный код становился все более нюансированным, социальные нормы и ожидания относительно запахов — более жесткими (несмотря на то что исполнение любой нормы может варьироваться в пределах некоторого диапазона), а нарушения — более значимыми и заметными. Код вызывающего, эксцентричного поведения возможен лишь на «фоне становления единых тактик общения» — на фоне все более общепринятой и обязательной к исполнению нормы¹⁹¹. В последние десятилетия XIX века в русской культуре встречается множество случаев сознательного ольфакторного «антиповедения»¹⁹². Их принципиальное отличие от традиционных образцов антиповедения вроде юродства или аскезы заключается в том, что трансгрессия задествовала социальные нормы и установления без какой бы то ни было теологической или метафизической рефлексии. Она возникала в секулярную эпоху и носила исключительно эстетический характер¹⁹³.

Нарушители проверяли на прочность буржуазные представления и нормы, что делало их поведение своего рода адресным посланием, более точным и выразительным, но и менее универсальным,

¹⁹¹ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 294–295.

¹⁹² Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды: в 3 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 320.

¹⁹³ Из-за возведения антиповедения к сакральным основам концепция Успенского подверглась критике Сергея Юркова, отмечавшего, что в русской культуре позднего Нового времени обнаруживается множество примеров антиповедения, несмотря на явную секуляризацию культуры (Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003. С. 17–18).

вызывавшим реакцию (осуждение или одобрение) лишь у определенных социальных групп. В каком-то смысле нарушения устанавливали новую норму, принятую внутри сообщества — декадентского круга или театральной богемы. В этом случае можно говорить о вписанности различных случаев антиповедения в тот или иной ольфакторный социолект. Например, выстраивание мифа о Черубине де Габриаке предполагало столкновение юности, невинности и монастырского воспитания с запретным для девушки запахом пряных духов¹⁹⁴, а мода на подкожные впрыскивания духов, сообщавшие телу стойкий аромат, удерживалась в кругу опереточных и кафешантантных певиц¹⁹⁵.

Современники оставили свидетельства о ярком ольфакторном поведении Михаила Кузмина, «русского Оскара Уайльда»; Лидии Зиновьевой-Аннибал; Федора Сологуба; Зинаиды Гиппиус; Александра Добролюбова; Паллады Богдановой-Бельской и других персонажей Серебряного века¹⁹⁶. Ремизов так описывал облик Кузмина начала 1900-х годов:

Кузмин тогда ходил с бородой — чернющая! — в вишневой бархатной поддевке... глаза и без того — у Сомова хорошо это нарисовано! — скосится — ну, конь! а тут еще карандашом слегка, и так смотрит, не то сам фараон Ту-танк-хамен, не то с костра из скитов заволжских, и очень душился розой — от него, как от иконы в праздник¹⁹⁷.

¹⁹⁴ «Впечатление заострялось и почерком, на редкость изящным, и запахом пряных духов, пропитавших бумагу, и засушенными слезами “богородичных травков”, которыми были переложены траурные листки» (Маковский С. К. Портреты современников. М.: Аграф, 2000. С. 211). О пряных духах, пропитывавших письма Черубины, вспоминала Цветаева: «Помню узкий лиловый конверт с острым почерком и сильным запахом духов, Черубинины конверт и почерк, меня в моей рожденной простоте скорее оттолкнувшие, чем привлекавшие» (Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 4. С. 173).

¹⁹⁵ Петербургская газета. 1910. 30 июня.

¹⁹⁶ Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 516–517; Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. С. 70–71; Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. С. 458, 463, 484; Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып. 458 (Блоковский сборник. № 3). Тарту, 1979. С. 123–128); Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 426–428.

¹⁹⁷ Ремизов А. М. Кукха: Розановы письма. Берлин: З. И. Гржебин, 1923. С. 106.

Розовое благоухание — запах модных духов *La Rose Jasqueminot* (Coty, 1904) — представляло собой семиотически нагруженный телесный жест, о высокойотрефлексированности которого говорит и запись в дневнике самого Кузмина:

Мой вид. Небольшая выдающаяся борода, стриженные под скобку волосы, красные сапоги с серебряными подковами, парчовые рубашки, армяки из тонкого сукна в соединении с духами (от меня пахло, как от плащаницы), румянами, подведенными глазами, обилие колец с камнями, мои «Александрийские песни», музыка и вкусы — должны были производить ошарашивающее впечатление¹⁹⁸.

Каждый из упомянутых элементов нарушал нормы буржуазной респектабельности и вносил свой вклад в театрализацию поведения: почти маскарадный костюм, макияж¹⁹⁹, слишком сильный и слишком сладкий запах духов, который, с точки зрения современников, не только нарушал гендерные нормы, ассоциируясь с женской парфюмерией, но и кощунственно отсылал к церковному обиходу²⁰⁰.

Следует отметить, что сходным механизмом построения конфликтного телесного жеста пользовались и западноевропейские декаденты, на которых, очевидно, ориентировались и Кузмин, и Зиновьева-Аннибал, и другие представители российской богемы Серебряного века. Ольфакторный код декаданса составляли ароматы экзотические, «животные» — вроде мускуса и амбры — или же ситуативно необычные; вдобавок декадентская эстетика отвергала буржуазные правила, регулирующие интенсивность запаха и запрещающие смешение ароматов.

Как было сказано выше, дискредитация веществ с сильным ароматом во второй половине XIX века обосновывалась заботой

¹⁹⁸ Кузмин М. А. Дневник 1934 года. С. 72. Как замечал Георгий Иванов, «в биографии Кузмина сбритая борода, фасон костюма, сорт духов или ресторана, где он завтракал, — факты первостепенные» (Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 100–101).

¹⁹⁹ Уже в 1920-е годы подведенные глаза и накрашенные губы Кузмина описывала Ирина Одоевцева (Одоевцева И. В. На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989. С. 101).

²⁰⁰ Розовым маслом умащивали иконы и реликварии с мощами, оно входило в состав мира, его добавляли в тесто для пасхального кулича (Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999. С. 57–58).

о здоровье и нравственности. И врачи-гигиенисты, и составители учебников хорошего тона запрещали ароматы животного происхождения как излишне возбуждающие, разжигающие страсти, извращающие чувственность. Всем людям хрупкого сложения и деликатного здоровья, подросткам, девушкам и юношам употреблять духи с двусмысленной репутацией строго запрещалось. Однако эти коннотации и привлекали нарушителей. В декадентской культуре запахи-артефакты этого типа, считавшиеся неприличными в буржуазном обществе, широко использовались как знаки (и признаки) чувственности и подчеркнутого эротизма, подчас вульгарного или, напротив, утонченного. Сонет Шарля Бодлера «Соответствия» (1855), один из ключевых текстов для европейского декаданса, обыгрывал эти ассоциации, соединяя ароматы богослужения (ладан) и алькова (мускус, амбра и бензойная смола)²⁰¹. Бодлер был внимательно прочитан в России, а трансгрессивный опыт европейских проклятых поэтов и символистов оказался исключительно важным для разных поколений русских модернистов²⁰². В эпоху, когда поведенческие нормы навязывали массам незаметные, деликатные запахи, употребление подобных ароматических средств и даже одно только упоминание их названий превращалось в шокирующий жест, который мгновенно распознавался и адекватно прочитывался людьми определенного круга.

Если европейский натурализм с его стремлением к медицинской точности описания отвел запахам одно из важнейших мест

²⁰¹ «Comme l'ambre, le musc, le benjoin et l'encens, / Qui chantent les transports de l'esprit et des sens» (*Baudelaire Ch. Les fleurs du mal*. Paris: Poulet-Malassis et De Broise, 1857. P. 20). Подстрочный перевод: «Подобно амбре, мускусу, бензою и ладану, которые воспевают восторги духа и чувств».

²⁰² Ср.: «Погасил я все светила, / И на ложе я возлегу, — / Благовонный дым кадила / У моих клубится ног. / Я лежу в дыму курений, / Как бессильный бог» (*Сологуб Ф. Собрание сочинений Федора Сологуба: в 12 т. СПб.: Шиповник, 1909–1912. Т. 5. С. 143*). Те же метафоры использовал Андрей Белый для описания салона Мережковских: «Дмитрий Сергеич — оранжевый, утонченный “попик”, воздвигший молеленку среди духов туберозы, гаванских сигар; видом — постник: всос щеку, строго-выпуклые, водянистые очи; душою — чиновник, а духом — капризник и чувственник» (*Белый А. Начало века. С. 463*). Жданов, в докладе 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» назвавший Ахматову «взбесившейся барынькой, мечущейся между будуаром и молеленкой», апеллировал именно к этому стереотипному представлению о декадансе (прямым источником ждановской реплики была «Литературная энциклопедия» 1930 года, использовавшая формулировку Бориса Эйхенбаума).

в своей эстетической программе, то наследовавшие ему символисты стали первыми, кто использовал в художественном тексте названия конкретных парфюмерных произведений. Ханс Риндисбахер, автор исследования о запахах в русской литературе конца XIX века, полагает, что число ольфакторных описаний возрастало благодаря двум направлениям — натурализму и декадансу, которые соответственно стремились к точности ольфакторного анализа и экспрессивности²⁰³. Место запахов-симптомов, характерных сначала для литературных физиологий, а затем для произведений русского реализма, стали занимать запахи-артефакты, функционировавшие как своеобразные эстетические жесты. К осмыслению эстетики запахов русских авторов подталкивали не только и не столько учебники хорошего тона, много и подробно писавшие о смысле тех или иных ароматов, сколько собственно литературные влияния — проза Эмиля Золя и Жориса Карла Гюисманса (и в особенности роман «Наоборот»)²⁰⁴, поэзия французских символистов и проклятых поэтов. Разговор о запахах, который велся в эстетическом, а не в медицинском, гигиеническом или дидактическом ключе, оказался значимым и плодотворным для декадентского искусства и жизнестроительства, предполагавшего размытие границ быта и творчества: вещи и другие артефакты, в том числе ольфакторные, находили свое место в бытовом поведении и в художественном тексте.

Статус самих парфюмерных ароматов также изменился. В последние десятилетия XIX века, не в последнюю очередь из-за дискредитации дезодорации как профилактической и терапевтической техники, парфюмерия вышла из сферы фармацевтики и гигиены и стала восприниматься как специфический вид искусства, неуловимостью гармонии и высокой степенью абстракции родственной музыке²⁰⁵. В эстетике *fin de siècle* парфюмерные,

²⁰³ Rindisbacher H. J. The Smell of Books. P. 116.

²⁰⁴ Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 158–168.

²⁰⁵ Corbin A. The Foul and the Fragrant. P. 198–199. Первые описания запахов как звуков обнаруживаются в натуралистических текстах; один из самых известных примеров такого рода — «сырная симфония» в «Чреве Парижа» Золя (русский перевод романа вышел в свет в 1873 году), где запахи образуют специфическое музыкальное произведение. С 1880-х годов по мере увеличения репертуара синтетических молекул парфюмерия испытывала все больший интерес к запахам искусственным, абстрактным, которым человеческий нос не сразу находил объяснение или соответствие в сфере повседневного опыта. О связи *Chanel N 5* и других работ парфю-

цветочные и некоторые другие ароматы могли смешиваться друг с другом. В этом случае знаток духов, вслед за героем Гюисманса Дез Эссентом, принимал на себя функцию парфюмера или композитора и создавал из доступного материала свой собственный, подобный произведению искусства аромат. В частности, к этой практике и стоящей за ней символистской риторике слияния быта и искусства отсылает Тэффи в рассказе «За стеной» (1910):

Женщина должна благоухать. Тонкие духи действуют на сердце... Я люблю тонкие духи! Нужно понимать. Вербена — запах легкий и сладкий; амбр-рояль — густой. Возьмите две капельки амбре, одну капельку вербены и получите дух настоящий... настоящий, — она пожевала губами, ища слова, — земной и небесный. А то возьмите основной дух Трефль инкарнат²⁰⁶, пряный, точно с корицей, да в него на три капли одну белого ириса... С ума сой-дете! Прямо с ума сойдете!²⁰⁷

Кроме того, ароматы могли образовывать специфические синестетические единства со звуками и цветами²⁰⁸. Рассуждения об аналогии запахов и звуков можно обнаружить в руководствах по поддержанию красоты, учебниках парфюмерии, частной переписке и литературе²⁰⁹. Например, Лидия Зиновьева-Аннибал в письмах к Вячеславу Иванову сравнивает духи *Corilopsis*²¹⁰ с арией Далилы из оперы Сен-Санса, а *Le Trèfle Incarnat* (L. T. Piver, 1896) — с романсом «Les fenouilles m'ont dit...»²¹¹. В рамках символистской эстетики

мера Эрнеста Бо с кубизмом см.: Вайнштейн О. Б. Семиотика Шанель № 5 // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. С. 355–360.

²⁰⁶ См. ниже.

²⁰⁷ Тэффи Н. Э. Юмористические рассказы. М.: Художественная литература, 1990. С. 84.

²⁰⁸ По мысли Юрия Лотмана, символизм тяготел к перемещению смысла между естественным языком и «языками отношений», отсюда его пристрастие к музыке и математике (Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. 1969. Вып. 4. С. 229–230). И, добавим, к языку запахов, в котором значения образуются на основе отношений и сочетаний «нот».

²⁰⁹ Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С. 192–200.

²¹⁰ Вероятнее всего, *Corylopsis du Japon* (L. T. Piver, 1882).

²¹¹ Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванову 3–4/16–17 марта 1902 // Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 2. С. 365. См. также: Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванову 26 декабря 1901 // Там же. С. 65; Письмо Вяч. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 6/19 марта 1902 // Там же. С. 371–

и природные запахи также «словно обретают аромат духов, сравниваются с духами и воспринимаются как духи»²¹². Выразительные примеры подобной трансформации можно обнаружить в поэзии Иннокентия Анненского, внимательного читателя и переводчика французских поэтов второй половины XIX века, умевшего распознать и назвать запахи, окружающие измученного горожанина:

Обряд похоронный там шел,
Там свечи пылали иплыли,
И крался дыханьем фенол
В дыханья левкоев и лилий²¹³.

Многочисленные названия духов и упоминания различных ароматов в литературе рубежа веков служили своего рода паролями или маркерами, сигнализируя посвященным читателям об определенной эстетической программе, в которой запахи-артефакты занимали важное место, намекая на повышенную чувствительность и чувственность автора или лирического героя, свидетельствуя о владении определенным габитусом, вводя в текст быт — и обыгрывая его. Модные на рубеже веков духи *Le Trèfle Incarnat* (буквально — «пунцовый клевер») упоминаются в любовном стихотворении Алексея Лозины-Лозинского:

Что все ее горе от скуки,
Что просто она холодна,
Но любят ее, ее руки
Духи ее *Trèfle Incarnat*²¹⁴.

Le Trèfle Incarnat принадлежали к так называемому фужеровому типу духов, который вошел в моду после синтеза кумарина (1868)

372. Более поздний пример такого рода — стихотворение Вадима Шершеневича «Парфюмерная интродукция» (1913): «Вы пропитаны запахом; в Ваших браслетах / Экстравагантные флаконы парижских благовоний / <...> Аккорды запахов... В правой руке фиалки, / А в левой, как басы, тяжелый мускус... / Маленькая раздетая! Мы ужасно жалкие. / Оглушенные музыкой в будуаре узком» (Шершеневич В. Романтическая пудра: Поэзы: Opus 8-й. СПб.: Петербургский глашатай И. В. Игнатьева, 1913. С. 15).

²¹² Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. С. 363.

²¹³ Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1959. С. 215 (Библиотека поэта. Большая серия). «Близорукость И. Ф. Анненского обнаруживает себя в обостренном внимании к “обонятельным” образам. Цветочный аромат появляется в стихотворении раньше самого цветка или даже вместо невидимого цветка» (Кушлина О. Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. С. 130–131).

²¹⁴ Лозина-Лозинский А. Противоречия. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 47.

Духи Le Trèfle Incarnat de L. T. River. Конец XIX — начало XX века

и его освоения парфюмерами (1880-е годы). Кумарин, синтетический и доступный аналог дорогостоящих бобов тонка с запахом свежескошенной травы, в 1880–1900-е годы входил в тройку самых востребованных ароматических компонентов²¹⁵. Однако с ростом популярности кумарин постепенно утрачивал свой престиж: этим, в частности, может объясняться сравнение «июльского сена» с «плохими духами» у Бориса Пильняка²¹⁶. Аромат *White Rose* британской фирмы *Atkinson* (1910), один из самых популярных запахов 1910-х годов, упомянут в цветаевском цикле «Подруга» (1915) и в «Первом свидании» Андрея Белого (1921)²¹⁷. Аромат вербены обсуждается в переписке Иванова и Зиновьевой-Аннибал; ему же посвящено позднее стихотворение Игоря Северянина²¹⁸. Духи *Sœur de Jeanette* (Houbigant, 1899) фигурируют в мемуарной прозе Белого и Гиппиус; описывая салоны Серебряного века, от гостиной Мережковских до кабинета Сологуба, Белый дает точные названия духов *Tubéreuse* (вероятно, Lubin, 1920) и *Fleur Qui Meurt* (Guerlain, 1901)²¹⁹.

Сам Сологуб использовал парфюмерию как один из сюжетных двигателей в своем романе «Мелкий бес» (1892–1913). Контраст между двумя линиями романа — помешательством Передонова и любовной историей Людмилы и Саши — выражен в том числе с помощью ольфакторного языка, в котором натуралистические описания повседневных запахов соседствуют с ароматами-артефактами²²⁰. В мире Передонова господствуют отвратительные

²¹⁵ Pybus D., *Sell Ch. The Chemistry of Fragrances*. P. 22.

²¹⁶ Указано в: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. С. 363–364.

²¹⁷ Белый А. Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921. С. 17; Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф. Парфюмерия и косметика. С. 27.

²¹⁸ «Среди опустевших флаконов / Под пылью чуланного тлена / Нашел я флакон Аткинсона, / В котором когда-то Вербэна... <...> Духи, мои светлые духи, / Иссякшие в скудной дорожке! / Флаконы мучительно сухи, / А средства наполнить — убоги... Но память! Она осиянна / Струей упоительно близкой / Любимых духов Мопассана, / Духов Генриетты Английской...» (Северянин Игорь. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М.: Наука, 2004. С. 320).

²¹⁹ Гиппиус З. Н. Живые лица. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 405; Белый А. Начало века. С. 458, 484.

²²⁰ Тот же прием использовал беллетрист Иван Новиков в романе «Золотые кресты» (1907): одна из ключевых сцен романа — мистическое обручение — выстроена вокруг флакона духов с «пчелиным» ароматом белой акации, которая воплощает чистоту и самопожертвование героини (Новиков И. А. Золотые кресты. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2004. С. 175).

эманации и пошлые ароматы резеды, оппопонакса и пачулей, которые отсылают читателя к мещанскому быту²²¹. Вторую линию романа, линию Людмилы и Саши, построенную на контрастном чередовании буржуазных и декадентских ароматов, Зинаида Гиппиус выразительно назвала «симфонией духов»²²². В тексте романа упомянуто десять видов духов, с помощью которых героиня вступает в ольфакторную коммуникацию с окружающими, а автор — со своими читателями, считывающими разницу между благопристойностью и соблазном, между запахом фиалки и запахом цикламена, между «невинным ландышем» и «душным, плотским, раздражающим ирисом» — не только с опорой на декадентскую эстетику, но и с опорой на тогдашнюю буржуазную норму²²³.

На рубеже XIX–XX веков запахи-артефакты и уподобляемые им природные ароматы не только оказывались объектами эстетизации — в соответствии с правилами символистского романа или мистической поэзии. Использование одних запахов и избегание других помогало одним подтверждать свою социальную роль, а другим — эту роль признавать; свидетельствовало о соблюдении буржуазных норм — или о презрении к ним; позволяло обозначать и нарушать границы незаметным, но весьма чувствительным образом.

²²¹ О пачулях см. выше. Когда в «Горе от ума» (1824) Молчалин пытается соблазнить Лизу, он предлагает ей престижные, дорогостоящие вещи из барского обихода — туалетное зеркало, вышитую подушечку и набор косметики, включающий резеду и жасмин. Этот же набор упомянут в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (1825. № 2. С. 17). Через шестьдесят лет эти товары стали доступны представителям средних и низших классов и утратили былой престиж. О сходных изменениях французского рынка косметики см.: *Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности. С. 223–225.

²²² *Гиппиус З.* Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб.: Шиповник, 1911. С. 74. Ср. отзыв Иннокентия Анненского о поэзии Сологуба: «Я говорю только о запахе, о нюханье, т. е. о болезненной тоске человека, который осмыслил в себе бывшего зверя и хочет и боится им быть, и знает, что не может не быть» (*Анненский И. Ф.* Книги отражений. С. 351).

²²³ «Аткинсонова серинга», *Pao Rosa* (Guerlain, 1873), *Rosiris* (L. T. Piver, 1899), цикламен, *Corylopsis du Japon* (L. T. Piver, 1882), *Extra-muguet* (E. Coudray, 1870), *Funkia du Japon* (Oriza L. Legrand, 1901), травяной (фужеровый) аромат, духи с запахом ириса и *Eau de Clématite* (Guerlain, 1895). Подробнее см.: *Пироговская М. М.* Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (опыт комментария) // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции, Пушкинский Дом. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354–369.

Заключение:

Запахи модерна и чувствующие субъекты

На протяжении данного исследования я пыталась понять, как в России второй половины XIX века менялась социальная конфигурация чувствительности и благодаря каким факторам чувство обоняния оказалось выдвинуто в социальное пространство, а различные запахи стали интерпретироваться как те или иные социальные факты. Структура исследования была задана такими понятиями, как *медикализация* — конструирование и истолкование явлений повседневной жизни в медицинском ключе — и *общественное здоровье*, которое в России возникло как предмет публичной дискуссии благодаря сложным общественным процессам 1850–1870-х годов.

Оформление конфигурации чувствительности, в рамках которой существенная роль была отведена обонянию, было тесно связано, с одной стороны, с интенсивной вестернизацией российского общества и, с другой стороны, с процессом усвоения российскими элитами, учеными и врачами специфической научной теории, устанавливающей непосредственную связь между запахом и болезнью, а также запахом и лечением. Импорт европейских представлений об этикете и правилах коммуникации задавал новый взгляд на себя со стороны; импорт миазматической теории патогенеза способствовал новому осмыслению запахов собственного тела и запахов окружающей среды обитания. Естественные науки, с одной стороны, и культура поведения — с другой, способствовали усвоению ольфакторного беспокойства в аристократических кругах: пропуском в светское общество и одновременно гарантией личного здоровья оказывалось умение контролировать свои телесные эманации. В екатерининское время это сознательное отношение к запахам было поддержано эстетикой сентиментализма.

Следующий значимый шаг к реконфигурации чувствительности был сделан во второй половине XIX века, когда благодаря урбанизации и Великим реформам в Российской империи началось

формирование общества на новых, несловных, основаниях. Для поддержания нормального, бесконфликтного существования такому обществу, и прежде всего растущему «среднему классу», была необходима унификация стандартов поведения и правил коммуникации (что объясняет всплеск популярности массовой рекомендательной литературы в позднеимперский период). Тогда нормы и конвенции дворянского телесного поведения, приведенные в соответствие с научными гигиеническими стандартами, начали распространяться на остальные социальные слои.

Нисходящая мобильность гигиенических и ольфакторных норм была обусловлена, во-первых, понятием «хорошего тона», который побуждал представителей нижестоящих социальных групп подражать более престижной норме, но главной движущей силой для распространения более высоких стандартов, принятых у верхов, стали эпидемии и медикализация повседневной жизни. Представители социально активных групп — врачи и общественные деятели — формулировали понятие «общественного здоровья» («народного здравия») в публичных дискуссиях на площадках, которые предоставляла пресса, ориентированная на разные социальные слои. С помощью этого понятия объяснялась необходимость транслировать массам гигиенические и ольфакторные нормы воображаемых и идеализированных европейских элит: в условиях индустриализации и урбанизации максимальное распространение высоких стандартов оказывалось единственным залогом здоровой жизни для общества в целом. При этом вместе с гигиеническими нормами вниз распространялись и новые представления о телесных границах, об индивидуальном пространстве и приватности, которые наряду с эгоистическими мотивировками задействовали мотивировки альтруистические. Таким образом, само понятие «общественного здравия» подразумевало укрепление личных границ и рефлексию над восприятием тела.

Страх перед эпидемиями позволял врачам претендовать на экспертные функции, обосновывая право на вмешательство и контроль над повседневной жизнью, и создавал возможности для широкой санитарно-гигиенической пропаганды. Медицинская публицистика пыталась доводить основные положения миазматической теории, которая сохраняла позиции основной объяснительной модели патогенеза вплоть до конца XIX века, до разных слоев общества. Для этого врачи использовали все возможности, предоставляемые чтением: помимо специализированных медицинских

изданий материалы по санитарии и гигиене печатались в ежедневных газетах разных политических взглядов и направлений, тонких и толстых журналах; извлечения и оттиски отдельных статей и очерков выходили в брошюрах и адаптировались для народного чтения. Увеличение читательской аудитории и рост книгоиздания во второй половине XIX века поддерживали новую для России публичную сферу, а постоянное участие в дискуссиях врачей, журналистов и общественных деятелей, озабоченных «народным здоровьем», превращало специализированные вопросы санитарии и гигиены в общезначимые.

Уверенность российских врачей в приоритете европейской медицины и санитарии соответствующим образом перекодировала понятия и топоры, задействованные в санитарно-гигиеническом дискурсе. Риторическое соотнесение европейских достижений и нововведений с очищением и прогрессом, а загрязненности и отсталости — с «азиатчиной» побуждало публику к предпочтению престижной европейской модели, а проблемы санитарного обеспечения российских городов превращало в вопрос выбора цивилизационного пути. Кроме того, пресса, публикуя санитарные отчеты врачей и приглашая читателей присылать жалобы на дурные запахи и плачевное состояние частных домов и дворов, куда эксперту было не так легко проникнуть, не только обеспечивала публику площадкой для санитарных lamentаций, но и способствовала снижению ольфакторной терпимости и воспитанию навыков самоконтроля и наблюдения.

Социальное измерение эпидемий и хронических болезней позволяло санитарно-гигиенической пропаганде охватывать те сферы, которые изначально находились вне врачебной компетенции. Характерное для европейской медицины восприятие запаха как симптома и улики постепенно проникало в научно-популярные, а затем и в массовые издания, посвященные домашнему хозяйству, — поваренные книги, руководства по домоводству, сборники советов, которые в той или иной форме транслировали медицинский взгляд на повседневность самому широкому кругу читателей (чиновникам, военным, разночинцам, образованным купцам и мещанам). Именно в этих изданиях читающая публика могла почерпнуть навыки органолептического анализа, основанного на восприятии и критическом осмыслении данных, предоставляемых чувствами, и научиться не только фокусировать свое внимание на сенсорных характеристиках вещей и предметов, но и по-новому

называть их, устанавливая соответствие между оттенками ощущений и научными терминами. Постепенно представители медицинского и научного сообществ — врачи, химики, биологи — начали говорить с этой аудиторией без посредников, сочиняя или составляя популярные издания по гигиене «предметов повседневной жизни».

Другим инструментом, воздействовавшим на конфигурацию чувств, стали гигиенические выставки, в которых Российская империя участвовала за границей и которые проводила у себя дома. В эпоху огромного влияния санитарно-гигиенической пропаганды каждая из выставок служила своеобразной ревизией санитарного состояния империи, привлекая внимание к идеализированным европейским нормам и их бесчисленным локальным нарушениям. На выставках воспитанию чувствительности способствовала визуализация: зараза, болезни, чистота и грязь, облеченные в форму цифр, микрофотографий и выставочных образцов, побуждали массового зрителя по-новому увидеть среду обитания — от комнаты до улицы — и, взглянув на «чистые разводки» бактерий и паразитов сквозь увеличительное стекло, по-новому отнестись к санитарно-гигиеническим императивам.

С формированием новой чувствительности и социальной динамикой гигиенических и ольфакторных норм были связаны изменения в оценке ряда запахов и ароматов. Снижение терпимости к запахам и создание очищенной городской среды подразумевало не только уничтожение миазмов и функциональное разделение запахов в публичном пространстве, но и осуждение «громких» запахов в приватной сфере. Ароматы частной жизни подверглись качественному и количественному нормированию: вдобавок к обязательному подавлению телесных эманаций сократился и спектр парфюмов, разрешенных хорошим тоном в повседневной коммуникации. Запахи, поколение назад считавшиеся допустимыми в среде образованных городских жителей, выпадали за пределы социальной нормы, оказываясь признаком малообразованной публики, которая еще не освоила правила «хорошего тона». Избыточный аромат говорил или о недостаточной гигиене низов, или о недостаточной образованности парвеню, или о недостаточной нравственности кокоток. Дистанция, в пределах которой могли ощущаться духи, становилась все меньше — сфера приватного отделялась от сферы публичного, в том числе и в ольфакторном аспекте.

При изучении приватности и публичной сферы в поздней имперской России обычно речь идет о таких факторах, как становление протобуржуазии, урбанизация и трудовая миграция, выделение досуга и изменение сферы потребления. Обращение санитарно-гигиеническому аспекту повседневной жизни второй половины XIX века позволяет добавить к этим факторам влияние естественных наук и публичной гигиены. В эту эпоху санитарно-гигиеническая пропаганда, отталкиваясь от представлений о здоровых и нездоровых запахах, о заразе и миазмах, способствовала еконфигурации чувств и основывала «заботу о себе» на ольфакторной бдительности, а понятие «порядочности» — на ольфакторной деликатности. Нормы и стандарты телесного присутствия, осходящие к рефлексам миазматической теории, в последние десятилетия XIX века влияли на организацию публичного пространства и частного жилища, определяли массовые гигиенические практики и служили проводниками приватных ценностей в сфере социального взаимодействия.

Модернизация не сводима к одному триумфу зрения над всеми остальными чувствами. Напротив, процесс модернизации способствовал перестройке и переосмыслению всей чувственной еконфигурации. В течение всего XIX века и особенно во второй его половине специализированное медицинское знание о запахах превращалось в знание повседневное, научные понятия переходили сферу эстетики, а запахи, служившие медицинскими симптомами, расшифровывались и интерпретировались как симптомы социальные, способные указать на дефекты социального порядка и подтвердить социальную иерархию. В период санитарно-бактериологического синтеза обоняние вступало в альянсы со зрением, вооруженным специальными знаниями и аппаратурой: незримое для носа требовалось исследовать с помощью пробирки и микроскопа. В повседневной сфере обоняние и вкус взаимно усиливали друг друга, когда речь шла о проверке съестных припасов и создании нового, гигиенически безукоризненного быта. В сфере социальных отношений обоняние обуславливало дистанцию взаимодействия и участвовало в культурном конструировании или воссоздании границ между социальными группами.

Библиография

Словари и справочные издания

Большая медицинская энциклопедия: в 29 т. М.: Советская энциклопедия, 1974–1988. Режим доступа: http://big_medicine.academic.ru.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880–1882. Электронная версия: <http://vidahl.agava.ru>.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.

Картотека Словаря русского языка XVIII века / Словарный отдел ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М.: Издание книгопродавца А. И. Манухина, 1865.

Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках: в 2 ч. / пер. С. Волчкова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, [1755]—1764.

Полное собрание законов Российской империи. II Собрание: в 55 т. 1825–1881.

Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей: в 2 т. СПб.: Императорская типография, 1786.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975–.

Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–. Вып. 7–.

Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Императорской Академии Наук: В 9 т. СПб.; Л.: Типография Императорской Академии наук, Издательство АН СССР, 1891–1930.

Шайкевич А. Я., Андрущенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Ф. М. Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. Режим доступа: http://cfrl.ru/dost_cd0/dostoevski.htm.

Экстракт Савариева лексикона о коммерции / пер. с фр. С. Волчкова. СПб.: Типография Академии наук, 1747.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. 4e éd. Paris: C. Klincksieck, 1959.

Liddell H. G., Jones H. S., McKenzie R., Scott R. A Greek-English Lexicon. 9th ed. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Газеты

Астраханские губернские ведомости.

Биржевые ведомости.

Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции.

Врач.

Голос.

Здоровье.

Молва.

Московские ведомости.

Новое время.

Новороссийский телеграф.

Одесский вестник.

Петербургская газета.

Петербургский листок.

Правительственный вестник.

Современные известия.

Страна.

Рукописные источники

Выписки из лечебника. Вторая половина XVIII века // ОР РНБ. .VI.21.

Гаевский С. Ф. О сочинении Страхова о холере // РГИА. Ф. 1294. п. 5 (1832). № 142.

[Гурчин Д.] Аптека домовая большая. 1708 г. // ОР РНБ. Q.VI.45.

Дело по прошению артиллерии подпоручика Карцова о выдаче ему привилегии на переносную паровую ванну. 1831–1832 гг. // РГИА. Ф. 1285. Оп. 4. № 86.

Записная книжка // РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418.

Картотека Словаря русского языка XVIII века // Словарный отдел ЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Краткое показание болезней, нередко случающихся <sic!>, и врачевание оных. Кон. XVIII—первая четверть XIX в. // ОР РНБ. Q.VI.7.

Краткое предохранительное познание для избавления от заразной болезни. 1771 г. // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. № 439.

Лечебник, употребляемый 1813 года <sic!> в Вологодской губернии по случаю прилипчивых болезней от провод пленных французов; дополнение к наставлению, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, объясняющее причины болезней и средства предохранительные // ОР РНБ. F.VI.10.

О благовонных водах, привезенных для Его Величества из Руана на французском корабле. 1825 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 8. № 359.

О доставлении в комнату Государя Императора ящика с духами, привезенного из Руана. 1818 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 2. № 528.

О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 6. № 348а.

О заплате фабриканту Рибану за духи для Государя Императора и сведения о вещах, делаемых фабрикантом Валлером. 1816 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 1. № 43.

О пользе употребления можжевельника. Не ранее 1758 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. № 117.

О сдаче 4 ящиков, привезенных из Руана в Зимний дворец. 1816 г. // РГИА. Ф. 519. Оп. 1. № 132.

О составе и употреблении элексира <sic!> в болезни эпидемической холеры употребляемого // ОР РНБ. Q.VI.18.

Руководство к врачебной науке. Кон. XVIII — начало XIX века // ОР РНБ. Q.VI.19.

Травник // ОР РНБ. F.VI.9–1, 2.

Травник // ОР РНБ. Q.VI.33.

Травник. Нач. XVIII в. // РГБ. Собрание С. О. Долгова. № 111.

Травник // ГИМ. Увар. 705.

Опубликованные источники

Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. Л.: Лениздат, 1984.

Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. № 5 (153). С. 89–95.

Алексеев Н. Н., Симсон П. Ф. Парфюмерия и косметика. М.: Типография торгового дома «Мысль», 1912.

Аллец П.-О. Новый Альберт. М.: Университетская типография Любиа, Гария и Попова, 1804.

Альмединген А. Н. Домашний определитель подделок питательных, вкусовых, а также и других веществ. СПб.: Ф. Павленков, 1891.

Аммон Ф.-А. Первые обязанности матери и первое попечение новорожденных. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861.

Андреев П. П. Домоведение. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1893.

Андреевский И. Е. Санитарное дело в Англии // Здоровье. 1874. Т. 1. № 4. С. 73–76; № 5. С. 94–96; № 6. С. 110–113.

Андреевский И. Е. Исторический очерк организации санитарного дела в Санкт-Петербурге // Здоровье. 1875. Т. 1. № 7. С. 125–128.

Андреевский И. Е. О мерах против чумы, которые могут быть приняты правительством и обществом // Здоровье. 1879. Т. 5. № 105. С. 42–45.

Андреевский П. А. Новейший химик-парфюмер. СПб.: Типография Штауфа, 1867.

Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1959 (Библиотека поэта. Большая серия).

Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979.

Антонов А. А. Общедоступная гигиена. СПб.: Издательство С. Суворина, 1889.

Апухтин А. Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1985.

Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–448.

Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.

Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. н. 2. Отд. III. С. 33–85; Кн. 3. Отд. III. С. 84–143.

Архангельский Г. И. Амбулантная форма чумы (*Pestis ambulans*) и ее значение в эпидемиологии // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 132–193.

Асеев Н. Володя маленький и Володя большой // Красная новь. 1930. № 6. С. 176–184.

Байе К.-С. Осмотр мяса. Харьков: Типография И. В. Попова, 1882.

Бахерахт А. Г., Венечанский С. А. Собрание разных полезных лекарств на разные болезни с рецептами. СПб.: Сенатская типография, 1779.

Белинский В. Г. Из неизданной переписки Белинского с К. С. Аксаковым, В. П. Боткиным, А. И. Герценом, А. П. Ефремовым и М. Н. Катковым // Литературное наследство. Т. 56. М.: Издательство АН СССР, 1950.

Беллин Э. Ф. Очерк условий деятельности нашей судебно-медицинской экспертизы, причины неудовлетворительности ее и меры

к устранению их // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. № 2. С. 1–24.

Белый А. Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921.

Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.

Бентковский И. В. Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Отд. 1. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868. С. 82–104.

Бертенсон И. В. Гигиеническая сторона крестьянского вопроса. М.: Типография Каткова и К°, 1858.

Бертенсон И. В. Барачные лазареты в военное и мирное время. СПб.: Общество попечения о раненых и больных воинах, 1871.

Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1993.

Богданович П. И. Правила для соблюдения здоровья. СПб.: Типография П. И. Богдановича (?), 1788.

Боткин Я. А. Заметки и воспоминания врача. Симферополь: Электротипография М. М. Эйдлина, 1909.

Будуар: Туалетная книга: в 2 т. СПб.: Товарищество художественной печати, 1904.

Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов. СПб.: Типография Э. Праца, 1843.

Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник: в 5 т. М.: Университетская типография, 1790–1792.

В. Ф. Петербургские задворки // Здоровье. 1874. Т. 1. № 2. С. 30–31.

Васильчиков А. И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 3 т. СПб.: Типография В. В. Пратц, 1872.

Вениаминов П. Д. Слово о свойствах и пользе растений. М.: Типография Московского университета, 1767.

Вербицкий В. О проветривании зданий // Здоровье. 1876. Т. 2. № 40. С. 241–243.

Верекундов С. П. Санитарное состояние Киева в 1887–1889 гг. по отчетам Киевской городской санитарной комиссии. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1890.

Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1899 год / ред. Н. И. Игнатов. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1898.

Виен И. Лоймология. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1786.

Визнер Ю. Техническая микроскопия для врачей. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1871.

Вильденов К.-Л. Ботаника. М.: Театральная типография, 1819.

Виль И. Диететическая поваренная книга для здоровых и больных. Саратов: Д. Д. Котюхов, 1882.

Виль И. Как и из чего готовить кушанья для больных и здоровых: Гигиеническая домашняя кухня. СПб.: Н. Н. Цылов, 1883.

Вирхов Р. Изложение учения о трихинах. СПб.: Типография Д. И. Бакста, 1864.

Вицман А. Правила для желающих наслаждаться долголетней жизнью. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1799.

Вицман А. О болезнях богатых и светских людей. СПб.: Типография Первого Кадетского корпуса, 1805.

Вишняков Н. П. Из купеческой жизни // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 274–311.

Внутреннее обозрение // Здоровье. 1878. Т. 4. № 81. С. 69–71.

Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. Т. ССXLIII. № 3–4. Отд. 2. [Современное обозрение]. С. 123–146.

Водовозова Е. Н. На заре жизни: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964.

Войно И. К. Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений Правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов: в 3 ч. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1871.

Волжин Б. [Бурнашев В. П.] Энциклопедия молодой русской хозяйки: в 2 ч. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1839.

Временные меры ассенизации Петербурга // Здоровье. 1876. Т. 2. № 39. С. 211–213.

Всероссийская гигиеническая выставка: Санкт-Петербург / Отдел Великого княжества Финляндского / Каталог. Гельсингфорс: [Б. и.], 1893.

Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»: 32 вып. М.: Всемирная иллюстрация, 1882.

Вывоз нечистот из Москвы // Здоровье. 1876. Т. 2. № 33. С. 74–75.

Высочайше утвержденное положение и правила для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1881 года в Москве. СПб.: [Б. и.], 1879.

Выступление А. П. Доброславина // Протокол Первого Санкт-Петербургского губернского санитарного съезда. 29 января — 6 февраля 1875 года. СПб.: [Б. и.], 1875.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003.

Гаевский С. Ф. Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. СПб.: Типография К. Крайя, 1834.

Галанин М. И. Бубонная чума, ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматология и профилактика. СПб.: Н. П. Петров, 1897.

Геберлейн. Самонужнейшая домашняя аптечка с рецептами и наставлениями как употреблять предписываемые в оной лекарства, в пользу помещиков и жителей деревенских. М.: Сенатская типография у В. Окорокова, 1800.

Гейнце Н. Э. Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра, 1994.

Генслер И. Гаванские чиновники в домашнем быту. СПб.: В. И. Губинский, 1904.

Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб.: Типография Императорского Сухопутного шляхетного корпуса, 1794.

Гигиена и хлеб насущный: Из записок столичного обывателя. СПб.: Типография А. Лашинского, 1889.

Гигиено-экономический словарь практических познаний, необходимых каждому для сохранения и продления жизни в хозяйстве и экономии: в 2 т. / под ред. И. Кустаревского. М.: С. И. Мухин, 1888.

Гилякская деревня // Здоровье. 1877. Т. 3. № 60. С. 131.

Гиляровский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989.

Гиппиус З. Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб.: Шиповник, 1911. С. 72–78.

Гиппиус З. Н. Живые лица. М.: Олма-Пресс, 2002.

Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936.

Гирш А. Чего опасаться Европе в ближайшем будущем от восточной чумы? // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 3. С. 70–89.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1952.

Городской и деревенский садовник: в 4 ч. М.: Типография Московского университета, 1779.

Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1952.

Горянинов П. Ф. Начальные основания ботаники. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1827.

Гринберг Л. П. Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на лат., нем. и рус. яз.: в 4 ч. Берлин; Лейпциг: Г. Реймер, 1840–1841.

Грязнов П. И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и К°, 1880.

Гулен Ж., Журден А.-Л.-Б. Дамский врач: в 3 ч. М.: Типография Решетникова, 1793.

Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением в врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году: в 2 ч. СПб.: Типография Государственной Медицинской коллегии, 1803.

Гурин Е. Г. О крытых помещениях для рабочих и биржах для черно-абочих рынков // Журнал Общества охранения народного здоровья. 892. № 6–7. С. 619–620.

Гурин Е. Г. Чахотка: Природа, припадки, распознавание и предложение ее. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1898.

Гюбнер Ю. Ю. Современное состояние вопроса о кладбищах // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. III. С. 100–112; Кн. 4. Отд. III. С. 32–107.

Гюбнер Ю. Ю. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. в общественно-гигиеническом отношении // Архив судебной медицины общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 231–242; 1871. Кн. 1. тд. III. С. 143–157.

Гюбнер Ю. Ю. Корреспонденция из Феодосии // Здоровье. 1871. . 1. № 2. С. 33–35; 1874. Т. 1. № 1. С. 21–22.

Гюбнер Ю. Ю. Воздух в Мариинском театре во время спектакля // доровье. 1874. Т. 1. № 5. С. 97–98.

Д. М. Петербург — европейский ли город? // Дело. 1877. № 1. С. 53–3.

Двигубский И. А. Изображения растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства: в 4 ч. М.: Университетская типография, 1828–1834.

Державин Г. Р. Сочинения Державина: в 7 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868–1878.

Джонстон Д. Ф. Химические сведения о различных предметах из ежедневной жизни: в 2 ч. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Поитонова, Н. Водова и К°, 1858.

Доброславин А. П. О почве и о болезнях, которые от нее бывают. гение для народа. Читано в Санкт-Петербурге в аудитории Соляного родка, в Москве, в народных читальнях комиссии по устройству народных чтений. (Труды комиссии Педагогического музея по составлению чтений для войск и для народа). М.: А. А. Торлецкий, 1878.

Доброславин А. П. О результатах исследований санитарного состояния города Астрахани. Из отчета графу Лорис-Меликову, временному генерал-губернатору Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, в 1879 году // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 379. Т. 3. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. С. 119–155.

Доброславин А. П. Чума Ветлянки и наш карантинный устав с медико-полицейской точки зрения. СПб.: [Б. и.], 1887.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997.

Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни: в 2 т. СПб.: Наука, 2004.

Домашнее сокровище. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1857.

Домашний стол. М.: А. А. Левенсон, 1894.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989–1996.

Драгендорф Г. Л. Судебно-химическое открытие ядов в пищевых веществах, воздухе, остатках пищи, частях тела и т. д. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1875.

Дрейер А. Космосоматика. М.: Университетская типография, 1840.

Друковцов С. В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. 2-е изд. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1773.

Ж. Политическая и общественная хроника // Дело. 1880. № 10. С. 144–177.

Желательный, но далеко не идеальный контракт для найма квартир // Здоровье. 1883. № 32. С. 2–7.

Жиро Ж. Карманная книжка для чадолюбивых матерей. М.: Типография С. Селивановского, 1794.

Житейская мудрость. СПб.: Печатня В. Головина, 1871.

Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1960.

Завадская В. Литовская хозяйка. Вильно: Издательство О. Завадского, 1884.

Загоскин М. Н. Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1988.

Зайцев В. А., Якоби П. И. О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3. Отд. III. С. 160–216.

Заметки и известия // Здоровье. 1875. Т. 1. № 28. С. 605–606.

Заметки участкового санитарного попечителя // Здоровье. 1879. Т. 5. № 121. С. 359–361; № 122. С. 380–382.

Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999.

Здекауэр Н. Ф. О рыбном яде // Журнал Русского Общества охранения народного здравия. 1892. № 1. С. 1–16.

Зеленский М. С. Наши тряпичники: Исследование одного из главных источников заразы // Вестник Европы. 1885. Кн. 6. С. 836–847.

Золотой юбилей: К 50-летию со дня основания товарищества Брокер и К°. М.: [Б. и.], 1915.

Зубковский И. П. Опыт исследований по вопросам санитарного состояния и гигиенической обстановки военно-учебных заведений. Санитарное состояние Полоцкой военной гимназии и гигиеническая ее обстановка. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879.

Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Иванов Г. В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1988.

Игнатъев М. А. Об убое скота в городских скотобойнях и приспособлениях на них для освидетельствования как состояния здоровья скота, так и доброкачественности мяса // Третий санитарный съезд земских врачей Санкт-Петербургской губернии. 20–29 августа 1882 года. вып. 2. СПб.: [Б. и.], 1884.

Известия и заметки // Здоровье. 1877. Т. 3. № 67. С. 298; № 70. С. 346–347.

Из Москвы // Здоровье. 1877. Т. 3. № 60. С. 123–124.

Илинский П. А. Что такое чума, чем спастись от нее и других опасных болезней? СПб.: Редакция «Врачебных ведомостей», 1879.

Иллюстрированное описание Первой Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге: в 12 вып. СПб.: Типография Ф. Яздовского и К°, 1893.

Ильенков П. А. Курс химической технологии: в 2 вып. СПб.: А. Исаков, 1861.

Инструкция Коллегии Медицинской. СПб.: Сенатская типография, 1763.

История и современные понятия о чуме человека. Протокол заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге 11 января 1879 года. СПб.: Типография Я. Третья, 1879.

Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 г. Казань: Типография Губернского правления, 1888.

[Как следует одеваться] // Модный свет. 1875. № 30. С. 266.

Каменецкий О. К., Саполович Я. О. Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами: в 2 ч. М.: Синодальная типография, 1805.

Капустин М. Я. Очерки земской медицины // Здоровье. 1875. Т. 1. № 8. С. 161–165; 1876. Т. 2. № 35. С. 115–121.

Капустин М. Я. Краткий обзор 25-летней деятельности общества // двадцатипятилетие (1868–1895) Общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань: [Б. и.], 1897.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина: в 7 т. М.: Типография С. Семеновского, 1803.

Карвасовский И. А. Кулинарная гигиена и практический повар. Царство: Типография К. Ковалевского, 1891.

- Карпинский Н. К.* Российская фармакопея: в 2 ч. М.: [Б. и.], 1802.
- Картинки общественной жизни // Дело. 1878. № 2. С. 452–483.
- Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1887.
- Каталог Гигиенической выставки в Варшаве. Варшава: [Б. и.], 1896.
- Каталог-путеводитель Первой Всероссийской гигиенической выставки / Журнал Общества охранения народного здоровья. 1893. № 6–7 / Приложение. СПб.: Типография Шредера, 1893.
- Кашкадамов В. П.* Санитарная организация в Англии. СПб.: [Б. и.], 1905.
- Кашкадамов В. П.* Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургская городская типография, 1909.
- Керстенс И.-Х.* Наставление и правила врачебные для деревенских жителей. М.: Типография Императорского Московского университета, 1769.
- Клапитанов П. А.* Краткое наставление народу о том, как предохранять себя от прилипчивых болезней, наиболее от чумы: в 3 ч. М.: Синодальная типография, 1827.
- Клима М.* Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразования и женских учебных заведений. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1883.
- Книга, глаголемая «Прохладный вертоград» / сост., предисл., вступ. ст., переводы, коммент. Т. А. Исаченко. М.: Археографический центр, 1997.
- Ковалевская С. В.* Воспоминания. М.: Аст-Пресс, 2005.
- Ковальковский К. П.* Санитарные учреждения Берлина, Лондона и Парижа // Журнал Общества охранения народного здоровья. 1892. № 1. С. 17–28; № 2. С. 99–110; № 5. С. 417–429.
- Ковен.* Пилюли из растительных веществ приятного вкуса слабительные и очистительные. Paris: V. Couru, 1873.
- Коховский В. П.* Общий обзор педагогической части Международной выставки гигиены и спасения погибающих в Брюсселе, в 1876 г. Ч. 1. Бельгия // Педагогический сборник. 1877. Кн. 1. С. 1–41; Кн. 2. С. 115–150; Кн. 3. С. 223–271; Кн. 4. С. 331–375; Кн. 5. С. 461–492.
- Крапивина С. М.* Заметка о дачной жизни // Здоровье. 1875. Т. 1. № 23. С. 470–471.
- Крапивина С. М.* Болезненность детей в окрестностях Вильны // Здоровье. 1878. Т. 4. № 84. С. 117–118; № 85. С. 158–159.
- Крапивина С. М.* Как нам быть с прислугою? // Здоровье. 1880. Т. 6. № 146. С. 381–382.
- Кривонос домосед страдалец модной. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1789.
- Кувайцев Н. Г.* Из Екатеринослава // Здоровье. 1877. Т. 3. № 77. С. 493–494.

- Кувайцев Н. Г. Голос из Самары // Здоровье. 1878. Т. 4. № 100. 157–459.
- Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 17.
- Кузьминский Н. Чума на Востоке // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1876. Т. 2. С. 1–4.
- Куприн А. И. Юнкера. Роман, повести, рассказы. М.: Эксмо-пресс, 18.
- Курятный ряд в Одессе // Здоровье. 1877. Т. 3. № 62. С. 180.
- Кухня, искусство есть здорово, вкусно и дешево. М.: Типография Качева и К°, 1864.
- Кухня, кондитерская и погреб. М.: Типография П. А. Глушкова, 0.
- Кюллер А. Нервность и неврозы: Гигиена нервных людей. СПб.: типография А. С. Суворина, 1893.
- Л. Заметки и известия // Здоровье. 1876. Т. 2. № 32. С. 128.
- Л-д Д. Мужчина и женщина: в 2 ч. СПб.: Холмушин, 1865.
- Л-ъ М. Темные стороны «латинской кухни» // Дело. 1877. № 11. 28–442.
- Ладыгин Д. М. Новое приспорье всякому домоводству на Руси. 5.: Типография Императорской Академии наук, 1778.
- Лейкин Н. А. Веселые рассказы. СПб.: Колесов и Михин, 1874.
- Летеби Г. Вопросы питания. СПб.: Типография К. Сорванова и К°, 2.
- Либошиц О. Я. Флора Санкт-Петербургская и московская: в 4 ч. 5.: Морская типография, 1818.
- Линней К. Философия ботаники. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1800.
- Лихачев. Известия и заметки // Здоровье. 1876. Т. 2. № 40. С. 255.
- Ловцов С. П. Об устройстве санитарной части в России // Здоровье. 4. Т. 1. № 4. С. 65–72; № 5. С. 85–90.
- Лозина-Лозинский А. Противоречия. Собрание стихотворений. М.: олей Publishers, 2008.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Издательство АН СССР, 0–1983.
- Луц И. [Люце И.-В.-Л.] Друг здоровья. СПб.: Типография Медицинской коллегии, 1800.
- Львов Н. А. Избр. соч. СПб.: Пушкинский Дом; РХГИ; Акрополь, 4.
- Львов-Кочетов Е. Л. По студенному морю: Поездка на Север. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895.

Лю-ая В. Секреты дамского туалета и тайны женского сердца: в 2 ч. М.: Типография Готье и Монигетти, 1848.

Ляликов И. Городской и деревенский эконо́м: в 2 ч. М.: Типография И. Зеленникова, 1796.

Майер И.-Ф. Искусный эконо́м: в 2 ч. М.: Университетская типография, 1819.

Макель В. Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастье женщины. М.: Типография Т. Волкова и К°, 1860.

Маковский С. К. Портреты современников. М.: Аграф, 2000.

Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие: в 4 ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1783–1789.

Максимович-Амбодик Н. М. Первоначальные основания ботаники: в 2 ч. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1796.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1958.

Марковников В. В. Несколько слов о санитарных мерах в военное время. М.: Университетская типография, 1877.

Марковников В. В., Отрадинский П. М. Появление чумы в России и средства предохранительные от нее с кратким указанием способов обеззараживания (дезинфекции). М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1879.

Мартынов И. И. Техно-ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1820.

Матвеевский М. А. Правила лечения гнойной чахотки легких навозными испарениями и другими домашними средствами. СПб.: Типография Вингебера, 1849.

Материалы для истории Гангутской операции. Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713–1714 гг. Вып. 1. Ч. 2. Пг.: Архив Морского ведомства, 1914.

Медикус Л. Судебно-медицинское исследование пищевых и вкусовых средств. СПб.: [Б. и.], 1881.

Медицинский отчет Санкт-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечных / под ред. Ю. Т. Чудновского. СПб.: [Б. и.], 1881.

Международная гигиеническая выставка. Брюссель. 1876. Правила для русских экспонентов. СПб.: [Б. и.], 1875.

Мейер А. К. Ботанический подробный словарь. М.: Типография Н. Новикова, 1781–1783.

Мелкие нужды петербуржцев // Здоровье. 1884. № 37. С. 461–462.

Меры против чумы // Здоровье. 1879. Т. 5. № 104. С. 25–26.

Мещерский К. Ю. Роль современного мужчины. М.: Типография И. И. Смирнова, 1877.

Мизантропов Н. Калейдоскоп: литературные и общественные заметки // Дело. 1879. № 3. С. 126–151.

- Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Вып. 1–4. Саратов: Типография Губернского земства, 1898–1902.
- Минх Г. Н. Отчет об Астраханской эпидемии. Отдел I. Ветлянская эпидемия. М.: Типография М. П. Щепкина, 1881.
- Минх Г. Н. Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–79 г.): в 2 ч. ев: Типография П. Барского, 1898.
- Мошешотт Я. Учение о пище. СПб.: Серно-Соловьевич, 1863.
- Молотов А. Гигиенические условия Киева // Здоровье. 1875. Т. 1. 24. С. 489–490.
- Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам. Курск: Типография губернского правления, 1861.
- Монен Э. Гигиена красоты и косметические средства. СПб.: В. И. Гунский, 1887.
- Московские боины // Здоровье. 1876. Т. 2. № 39. С. 216.
- Мудров М. Я. Краткое наставление о холере и способ, как предохранять себя от оной, как излечивать ее и как останавливать распространение оной. М.: Университетская типография, 1831.
- Навроцкий И. А. Новая полная поваренная книга, состоящая из 710 авил. М.: Типография Академии наук, 1786.
- Наке А. Судебная химия. М.: Редакция «Природы», 1874.
- Наумов А. М. О питательных веществах и о важнейших способах дионального их приготовления, сбережения и открытия в них при-сей. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водои К°, 1859.
- Наумов А. М. Экономическое значение примесей, вводимых в различного рода съестные припасы. СПб.: Типография товарищества бщественная польза», 1860.
- Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. М.: Печатня П. Яковлева, 1897.
- Некрасов Н. А. Петербургские углы // Физиология Петербурга. М.: ука, 1991. С. 93–111.
- Никольский Д. П. Жилые помещения для рабочих на уральских зогых приисках и рудниках // Журнал Общества охранения народно-здравия. 1892. № 5. С. 470–473.
- Никольский Д. П. Первая всероссийская гигиеническая выставка // стник общественной гигиены, судебной и практической медици-. 1893. Т. 20. № 3. С. 99–103.
- Новейшие исследования и научная хроника гигиены // Здоровье. 78. Т. 4. № 79. С. 16.
- Новиков И. А. Золотые кресты. Мценск: Мценская городская би-отека им. И. А. Новикова, 2004.
- Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского селения Европейской России. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1911.

О влиянии весны на здоровье человека. СПб.: Типография С. Н. Бекенева, 1861.

О воспитании // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. № 40, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 60, 66, 70, 72, 74.

О гигиенической обстановке наших городов // Здоровье. 1879. Т. 5. № 112. С. 193–195.

О необходимости санитарного надзора за прислугою // Здоровье. 1883. № 46. С. 2–3.

О ночлежных приютах // Здоровье. 1880. Т. 6. № 137. С. 217–218.

О преждевременном увядании женской красоты. М.: Типография Б. Бахметева, 1859.

Обер Э. Гигиена нервных женщин. М.: А. И. Манухин, 1869.

Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад: Паровая типография К. М. Федорова, 1897.

Обзор Сыр-Дарьинской области за 1887 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора. Ташкент: Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, 1889.

Одоевский В. Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007.

Одоевцева И. В. На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1989.

Окулов А. М. Рассуждение о свойстве и силе воздуха, сочиненное и читанное на французском языке 1782 года 25 ноября. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1783.

Описание экспонатов Компании писчебумажных фабрик в Лигате на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге 1893 г. Рига: [Б. и.], 1893.

Осипов Е. А. Городские взгляды на земскую медицину. М.: Университетская типография, 1874.

Осипов Н. П. Любопытный домоводец. СПб.: Типография Крылова с товарищи, 1792.

Осипов Н. П. Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. СПб.: Типография Ф. Мейера, 1794.

Осипов Н. П. Новый и полный российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик: в 2 ч. М.: Типография А. Решетникова, 1796.

Островский А. Н. Пьесы. Л.: Лениздат, 1977.

Отчет Медицинского департамента за 1877 год. СПб.: [Б. и.], 1878.

Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Санкт-Петербурге. СПб.: [Б. и.], 1871.

Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве: в 6 т. СПб.: [Б. и.], 1883–1884.

Оценка лекарств. Устав аптекарский. Устав повивальным баб-м. Устав о должной плате медицинским чинам. СПб.: Императорская типография, 1789.

Очерк III съезда Общества русских врачей // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 2. № 2. 70–89.

П. П. Демократка // Здоровье. 1884. № 35. С. 424–426.

П-ов В. Причины болезней // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 1. Отд. III. С. 1–23.

Павловская С. Скоромный и постный стол. СПб.: [Б. и.], 1876.

Паллас П. С. Описание и изображение российских произрастений. Иб.: Императорская типография, 1786.

Парнасский щепетильник. СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1770.

Пашутин В. В. Понятие о миазматических и контагиозных началах. Место, занимаемое чумой в ряду других заразных болезней // орник статей о чуме. Вып. 1. Казань: Типография Казанского университета, 1879. С. 123–153.

Пекен Х. Домашний лечебник / пер. А. Протасова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1765.

Первая Всероссийская гигиеническая выставка. Краткий очерк. Иб.: [Б. и.], 1894.

Перро К. Сокращенный Витрувий. М.: Университетская типография, 1789.

Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 82–1883 годы. СПб.: Типография В. Ф. Киришбаума, 1884.

Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. СПб.: Петрополис, 2010.

Петров Я. В. Начальные основания ботаники для преподаваний. Иб.: Императорская типография, 1815.

Пирогов Н. И. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний Крымской войне и кавказской экспедиции. Дрезден: Типография Блохмана и сына, 1866.

Пирогов Н. И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре йны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 годах: ч. СПб.: Главное управление Общества попечения о больных и ран-ных воинах, 1879.

Пихлер И.-Ф.-Х. Наставление сочинять рецепты. М.: Типография омарева, 1796.

Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1990–1994.

Поваренная книга, содержащая в себе 1039 наставлений, в 15 отделениях, составленная Обществом опытных хозяек. М.: П. А. Ерофеев, 47.

Поваренный календарь: в 6 ч. СПб.: Типография И. Глазунова, 1808.

Подъяпольский П. П. Чума в России. Саратов: Типография губернского земства, 1898.

Положение о Всероссийской гигиенической выставке, устраиваемой с высочайшего соизволения Русским обществом охранения народного здравия // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1891. № 1. С. 46–48.

Поляк И. Гигиеническая выставка в Лондоне. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1885.

Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб.: Просвещение, 1903–1904.

Португалов В. О. Вопросы общественной гигиены. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1873.

Португалов В. О. Наши калькуттские пещеры // Здоровье. 1875. Т. 1. № 29. С. 622–623; № 30. С. 653–655.

Похитонова М. Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб.: Г. Гоппе, 1893.

Правила учтивости. СПб.: Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1779.

Предохранительные размышления для всякого человека о причинах жестоких болезней и скоропостижной смерти, кои внезапно похищают людей всякого состояния. Важное открытие осмнадцатого века. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1789.

Прибавление // Московский телеграф. 1825. № 2.

Примечания к «Ведомостям». СПб.: Типография Академии наук, 1728–1742.

Протоколы съезда земских врачей Таврической губернии 1873–1880 гг. Симферополь: Типография Спиро, 1881.

Протоколы IV санитарного съезда земских врачей Санкт-Петербургской губернии 3–13 апреля 1885 года. Приложение 2 к протоколу 13 апреля. СПб.: Санкт-Петербургская губернская земская управа, 1885.

Прохоров П. Н. О противугиенических обрядах при праздновании дня Прасковей-Пятницы в селе Ильяши, Ямбургского уезда Петербургской губернии // Здоровье. 1883. № 41. С. 3–4.

Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М.: Наука, 1992.

Путь к здравью. М.: Университетская типография у В. Огорокова, 1791.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

Пэви Ф. В. Учение о пище в физиологическом и терапевтическом отношениях. СПб.: Главное военно-медицинское управление, 1876.

Равич И. И. Современное учение о заразе и миазме. СПб.: Типография Я. Трея, 1872.

Равич И. И. Руководство к изучению патологии и терапии инфекционных и заразительных болезней домашних животных и ветеринарной полиции. СПб.: Типография Я. Трея, 1873.

Радаков А. Н. Влияние на здоровье нечистого воздуха. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1876.

Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958–1954.

Разные известия // Здоровье. 1874. Т. 1. № 4. С. 82.

Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика промышленно-и торгового товарищества П. Малютина сыновей. М.: Типография Н. Кушнерева и К°, 1893.

Распопов В. Санитарное состояние Великолуцкого уезда (Псковской губернии) // Здоровье. 1879. Т. 5. № 109. С. 133–135; № 110. С. 155–157; № 112. С. 201–203.

Рафалович А. А. Три статьи о чуме. Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879.

Ределин М. Дом и хозяйство: в 2 т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1895.

Рейс Ф. Ф. Краткое наставление, как употреблять средство, надеж-предохраняющее от прилипчивости горячки, моровой язвы и от других заразительных болезней, случающихся между людьми и скотом. : Университетская типография, 1807.

Рейтлингер Л. Р. К истории эпидемии в Ветлянке // Протоколы заседания общества русских врачей в Санкт-Петербурге. 1879–1880. Т. 11. СПб.: Типография Я. Трея, 1879. С. 403–454.

Рейтлингер Л. Р. О тифозной эпидемии в Кавказской армии в 1877–1878 годах. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1879.

Ремизов А. М. Кухня: Розановы письма. Берлин: З. И. Гржебин, 1923.

Рихтер Г.-Г. Полная диететика. М.: Университетская типография, 1800.

Рост И.-И. Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простого народа примечаемом и о средствах удобных к поправлению оного. Типография Императорского Московского университета, 1772.

Рост Х. Деревенский врачевник. М.: Университетская типография, 1793.

Рудинский Н. Д. Записки земского врача. СПб.: Типолитография Вайсберга и П. Гершунина, 1910.

Рубель И.-Ф. Полный и всеобщий лечебник. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1791.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.

Самойлович Д. С. Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. СПб.: Типография П. И. Богдановича, 1792.

Сбережение от порчи хлеба, рыб, мяс, плодов и вообще всяких домашних съестных припасов. М.: Типография И. Смирнова, 1837.

Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879.

Сведения о чумных эпидемиях в Персии и азиатской Турции с 1863 по февраль 1878 г., по официальным источникам // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 194–212.

Светлов О. П. Светская благовоспитанная молодая женщина: в 2 ч. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898.

Светлов О. П. Светский благовоспитанный молодой человек: в 2 ч. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1898.

Светозарская К. Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий. СПб.: [Б. и.], 1880.

Святловский В. В. О чуме у человека и о мерах против этой болезни. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1879.

Северянин Игорь. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М.: Наука, 2004.

Сезонные болезни в Петербурге // Здоровье. 1883. № 15. С. 7–8.

Секретный портфель для четырех мужчин и женщин, содержащий в себе четыре рода житейских необходимостей. М.: Типография С. Орлова, 1862.

Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. VI. Туркестанский край. М.: Книжный магазин наследников братьев Салаевых, 1887.

Серебренников А. Г. Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания: в 22 т. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912–1915.

Серебренников П. Н. Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и г. Перми. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1892.

Симанский В. К. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1881.

Симоненко П. Ф. Образцовая кухня. М.: И. Д. Сытин и К°, 1892.

Скворцов И. П. Гигиена и цивилизация. Речь, читанная 27 августа 1873 года // Труды IV съезда русских естествоиспытателей в Казани, 20–30 августа 1873 года. Казань: [Б. и.], 1874–1875. С. 83–92.

Скворцов И. П. Обзор способов удаления из населенных мест нечистот // Здоровье. 1875. Т. 1. № 15. С. 313–316; № 16. С. 331–336; № 17. С. 347–353.

Скворцов И. П. Основные вопросы народной гигиены. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1877.

Скворцов И. П. Санитарный быт западноевропейских городов Международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Краткий отчет по заграничной поездке // Известия Императорского Казанского университета за 1877 год. Казань: [Б. и.], 1877. С. 96–154.

Скворцов И. П. Ветлянская эпидемия и вызванные ею санитарно-медицинские меры // Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879. Вып. 2. С. 117–181.

Скворцов И. П. О заразных болезнях вообще и о чуме в частности с этиологической и санитарной точек зрения // Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879. Вып. 1. С. 77–108.

Скворцов И. П. Очерк санитарных мер в виду и во время эпидемии // Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879. Вып. 2. С. 15–30.

Скворцов И. П. Взгляды Н. И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дело. Казань: Типография Казанского университета, 1881.

Скворцов И. П. Общепонятная гигиена. СПб.: К. Риккер, 1881.

Скворцов И. П. Гигиена на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве. Варшава: [Б. и.], 1883.

Скворцов И. П. Материалы для гигиены в России: в 3 ч. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1884.

Слюнин Н. Разные известия // Здоровье. 1882. Т. 9. № 171. С. 280–293.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.

Смоленский П. О. Об угольной кислоте почвенного воздуха. Материалы для гигиены Красносельского лагеря. Дисс. д-ра мед. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880.

Смоленский П. О. Исследование воздуха одного караульного домика близ Санкт-Петербурга / Сообщено в Русском Обществе охранения народного здоровья. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882.

Смоленский П. О. Письма из-за границы. СПб.: Типография Б. Г. Янпольского, 1882.

Смоленский П. О. О задачах и деятельности санитарных обществ Англии и Франции, в особенности по популяризации гигиены. СПб.: Типография П. И. Шмидта, 1883.

Смоленский П. О. Краткие заметки о дезинфекции. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889.

Смоленский П. О. О тряпичном промысле в санитарном отношении. СПб.: Яблонский и Перотт, 1890.

Смоленский П. О. Простейшие и общедоступные способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов, напитков, воздуха, воды, жилищ и проч. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1892.

[С наступлением ноября...] // Здоровье. 1874. Т. 1. № 3. С. 47–48.

[Советы, рецепты и указания] // Здоровье. 1884. № 24. С. 301–302.

Соловьев Н. И. Москва и Петербург в санитарном отношении // Русский вестник. 1871. Март. С. 153–179.

Сологуб Ф. Собрание сочинений Федора Сологуба: в 12 т. СПб.: Шиповник, 1909–1912.

Соломон О. Замечания о холере, поразившей Астрахань в июле 1830 года. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830.

[Сообщение санитарного врача Туркестанской области] // Здоровье. 1876. Т. 2. № 37. С. 162.

Способ мгновенного уничтожения на кухне вредного зловонного запаха, а равно чистка посуды и вообще уничтожение всякой заразы. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1881.

Стабровский И. С. К вопросу о санитарном состоянии Астраханских рыбных промыслов // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Т. 4. № 3. С. 125–148.

Стафф Б. Что должно знать каждой женщине. М.: Типография В. П. Быкова, 1912.

Степанов Г. Семейная общепонятная поваренная, кондитерская и хозяйственная книга: в 5 ч. М.: Типография Ведомства московской городской полиции, 1857.

Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 69–126.

Столыпин П. А. Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной Думе 11 января 1911 года // Столыпин П. А. Избранное: Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010.

Страхович И. В. Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий СПб.: Типография Морского министерства, 1906.

Сумароков П. П. Источник здравия. М.: Университетская типография, 1800.

Т. К. Санитарное положение Воронежа // Здоровье. 1875. Т. 1. № 18. С. 361–362; № 19. С. 379–382.

Терентьев М. А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Кн. 9. С. 65–112; Кн. 10. С. 499–529; Кн. 11. С. 142–172.

Тереховский М. М. Польза, которую растения смертным приносят. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1796.

Теряев А. М. Начальные основания ботанической философии. СПб.: Императорская Академия наук, 1809.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.

- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2000—.
- Торговая полиция у нас и за границей // Здоровье. 1877. Т. 3. № 59. 107.
- Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и про-
о Василья Тредиаковского: в 2 т. СПб.: Императорская Академия
ук, 1752.
- Трусколявский Ц. Ф. К вопросу о загрязнении скорбных листов
зиг в больницах микроорганизмами. Дисс. д-ра мед. СПб.: Паро-
т скоропечатня Я. И. Либермана, 1894.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978—
36.
- Тэффи Н. Э. Юмористические рассказы. М.: Художественная лите-
гура, 1990.
- Уле О. Химия кухни: в 3 ч. СПб.: Ковалевский, 1865—1867.
- Ульянов Ф. А. Города на Всероссийской гигиенической выставке.
инск: Типография И. Каплана, 1913.
- Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970.
- Устав для фармацевтов, материалистов и купцов; для аптек, скла-
з и лавок с аптечными материалами и красками: в 3 ч. Варшава:
Москва, 1839.
- Фавр В. В. Кое-что из санитарной обстановки крестьян Боро-
ского уезда Новгородской губернии // Здоровье. 1878. Т. 4. № 87.
186—188; № 88. С. 205—207; № 89. С. 224—226; № 90. С. 248—251;
91. С. 262—263.
- Фавр В. В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отноше-
и. Харьков: Печатня С. П. Яковлева, 1903.
- [Фельетон] // Здоровье. 1884. № 9. С. 130—132.
- Феофраст. Исследование о растениях. М.: Издательство АН СССР,
1
- Флюгге К. Руководство к гигиеническим способам исследования:
вып. СПб.: Типография Б. Н. Янпольского, 1881—1882.
- Форш О. Д. Одеты камнем. Современники. Л.: Художественная ли-
атура, 1983.
- Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении.
Издательство АН СССР, 1951.
- Харузин А. Н. Степные очерки. М.: А. А. Левенсон, 1888.
- Харузина В. Н. Прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Ходасевич В. Ф. Избранная проза: в 2 т. Нью-Йорк: Серебряный век,
Ю.
- Ходнев А. И. Химическая часть товароведения. Напитки и съест-
е припасы. СПб.: Типография товарищества «Общественная поль-
, 1859.

Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1865.

Ходнев Л. Власть человека над болезнями. М.: Ф. К. Иогансон, 1877.

Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной. СПб.: Г. Гоппе, 1885.

Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.

Цылов Н. Н. О выборе дачных местностей // Здоровье. 1883. № 16. С. 3–5; № 18. С. 4–7; № 19. С. 5–7; № 22. С. 5–8; № 23. С. 5–6; № 24. С. 5–7; № 25. С. 4–5.

Черепнин Н. П. Чума в СПб в 1879 году // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 3. С. 935–945.

Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 29–75.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Чорбин С. Т. Рыбные ватаги Астраханской губернии в промысловом и гигиеническом отношениях // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 1–16.

Что такое чума и чем нам спастись. Наставление народное и общедоступное. СПб.: [Б. и.], 1879.

Чудновский Ю. Т. Предохранительные меры от чумы. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1879.

Чулков М. Д. Сельский лечебник: в 7 вып. М.: Типография Пономарева, 1789–1805.

Чума и наши нравы // Вестник Европы. 1879. Кн. 3. С. 373–376.

Чума и предохранительные меры против нее. Для народного чтения. Кострома: Типография Андроникова, 1879.

Шафонский А. Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве. М.: Типография Московского университета, 1775.

Шершеневич В. Романтическая пудра: Поэзы: Opus 8-й. СПб.: Петербургский глашатай И. В. Игнатьева, 1913.

Шмелев М. Н. О сожигании трупов // Здоровье. 1875. Т. 1. № 12. С. 255–262.

Шрейбер И.-Ф. Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних: в 2 ч. СПб.: Типография Морского кадетского шляхетского корпуса, 1781.

Щеглов Н. П. Наставление о приготовлении хлористых соединений и употреблении оных для очищения от заразительных веществ и белины. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1829.

Щеглов Н. П. Краткое наставление о употреблении хлористых соединений. СПб.: Издано иждивением Вольного экономического общества, 1830.

Щепотьев Н. К. Материал для изучения астраханской лихорадки, издано в заседании Казанского Общества врачей 28 марта 1883 года. Казань: Типография Казанского университета, 1883.

Щепотьев Н. К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань: Типография Казанского университета, 1884.

Щербаков А. Я. О значении дезинфекции и некоторых дезинфицирующих средств // Сборник статей о чуме: в 2 вып. Казань: Типография Казанского университета, 1879. Вып. 2. С. 31–53.

Эйдам В. Сохранение здоровья: Общая гигиена в применении к обыденной жизни. СПб.: Типография И. Г. Салова, 1891.

Эрисман Ф. Ф. Настоящее состояние в санитарном отношении домов кн. Вяземского в Петербурге в марте 1871 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. III. С. 45–78.

Эрисман Ф. Ф. Подвальные жилища в Петербурге // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 3. Отд. III. С. 37–85; Кн. 4. Отд. III. С. 1–56.

Эрисман Ф. Ф. Курс гигиены: в 3 т. М.: Типография А. А. Карцева, 187–1888.

Юрьев, Владимирский. Правила светской жизни и этикета. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1889.

Яценков Н. М. Новейшая и полная поваренная книга: в 2 ч. (с приложением ч. 3). М.: Университетская типография В. Огорокова, 1790–1791.

Bacheracht H. Pharmacopoea navalis Rossica. Petropoli: S. n., 1784.

Buchan G. Médecine domestique: 5 t. 4e éd. Paris: Froullé, 1788. Т. 3.

Bulliard J.-F.-P. Flora Parisiensis: 6 t. Paris: Didot le Jeune, 1776–1780.

Bulliard J.-F.-P. Herbar de la France: 9 t. Paris: Didot le Jeune, 1780–1793.

Furetière A. Dictionnaire universel. 2 vols. La Haye; Rotterdam: Arnout Reinier Leers, 1690. Vol. 1.

Gacon-Dufour M.-A.-J. Manuel du parfumeur. Paris: Roret, 1825.

Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. London: John Murray, 1831.

Lamarck J.-B.-P.-A. Philosophia zoologiae: 2 t. Paris: Dentu, 1809.

Landré-Beauvais A.-J. Des signes tirés des odeurs // *Landré-Beauvais A.-J.* Sémiotique, ou traité des signes des maladies. 3e éd. Paris: J. A. Brosson, 1718.

Liget L. La nouvelle maison rustique: 2 vols. Paris: Chez les libraires associés, 1790. Vol. 2.

Linnaeus C. Systema naturae per regna tria naturae. Ed. XII. Holmiae: Laurentii Salvii, 1767.

Nouveau Dictionnaire de l'Académie Française: 2 vols. Paris: Jean-Baptiste Coignard, 1718.

Oesterlen F. Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Tübingen: Laupp, 1873.

Pharmacopoea castrensis. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1765, 1779.

Pharmacopoea Rossica. Petropoli: Typis Academiae scientiarum, 1778, 1782, 1798.

Plaigne Chevalier de. L'art d'améliorer et de conserver les vins. Paris: Lamy, 1781.

Renaut F. H. [Sur les conditions bactériologiques déplorable de l'eau bénite dans les églises, par le Dr. F. Abba (de Turin)] // Revue d'hygiène et de police sanitaire. 1899. N 21. P. 929–930.

Rimmel E. Le livre des parfums. Paris: E. Dentu, s. d.

Stahl G. E. Zymotechnia fundamentalis theoria generalis. [Halae Magdeburgicae]: Typis & sumptibus Christoph. Salfeldii, 1697.

Tardieu A. Etude médico-légale sur les maladies produites accidentellement ou involontairement par imprudence, négligence ou transmission contagieuse. Paris: J.-B. Baillière et fils, 1879.

Tournefort J. P. Histoire des plantes qui naissent aux environs de Paris, avec leur usage dans la médecine. 2e éd. 2 t. Paris: S. n., 1725.

Tournefort J. P. Institutiones rei herbariae: 2 t. Parisiis: E Typographia Regia, 1700.

Walker. Report on the Cholera in Russia, addressed to the British Government // Hawkins B. F. History of the Epidemic Spasmodic Cholera of Russia. London: John Murray, 1831. P. 247–256.

Zuber C. La peste du gouvernement d'Astrakhan en 1878–1879 // Recueil des travaux. Comité consultatif d'hygiène publique de France. Paris, 1880. P. 87–167. Vol. 9.

Исследования

Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1979. Вып. 458 (Блоковский сборник. № 3). С. 121–146.

Арутюнов Ю. А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Афанасьева А. Э. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 113–150.

- Афанасьева А. Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. Сб. ст. / под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 419–437.
- Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России (XVIII веке. М.: Наука, 2006.
- Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии следнего периода императорской России. М.: Новое литературное озрение, 2004.
- Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь сской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX веков. Иб.: Алетейя, 2010.
- Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной лтыры славян (этнолингвистическое исследование). Дисс. ... д-ра лол. наук. М., 2006.
- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство Сабашниковых, 03.
- Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб.: Искусство-СПб, 00.
- Богданов И. А. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по сеютике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001.
- Богданов К. А. «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 101–133.
- Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические текы русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005.
- Богданов К. А. Преждевременные похороны: филантропы, беллеисты, визионеры // Русская литература и медицина: Тело, предисания, социальная практика / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 55–80.
- Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв.: источники для изучения истории русской медицины. М.: Медгиз, 60.
- Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / под д. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский иверситет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008.
- Брысина Е. В. Карта ЛСЛ 130. Общее название душистой травы / ообщные карты лексического атласа русских народных говоров //

Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования—2009. СПб.: Наука, 2009. С. 436–444.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2001.

Вайндрах Г. М. Подвиги русских врачей. Из истории борьбы с различными болезнями. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Вайнштейн О. Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 1. С. 437–462.

Вайнштейн О. Б. Семиотика Шанель № 5 // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 352–366.

Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: Материалы и очерки. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960.

Велижев М. Б. Цивилизация и средний класс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 249–293.

Визарелло Ж. Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Визе В. Ю. Моря российской Арктики: в 2 т. М.: Paulsen; Европейские издания, 2008.

Вишленкова Е. А. Здоровый режим: поиск баланса власти, ресурсов и экспертизы и рождение медицинской профессии в Российской империи // *Ab Imperio*. 2013. № 3. С. 39–75.

Вишленкова Е. А. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX века // История медицины. 2016. Т. 3. № 2. С. 186–201.

Вишленкова Е. А., Гатина З. С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169.

Волков В. В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи. Дисс. ... канд. соц. наук. Кембридж, 1995.

Гаспаров М. Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 307–315.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Гирц К. Здравый смысл как культурная система // Неприкосновенный запас. 2007. 4 (54). С. 19–42.

- Голицына О. Ю. Медицина в культуре России XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
- Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М.: Издательство АМН СССР, 1953.
- Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Ин-к, 1993.
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утрачен-ый и обретенный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Долинин А. А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верова-я // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издатель-о Пушкинского Дома; Издательский дом «Петрополис», 2010. 26–76.
- Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквер-тии и табу. М.: Канон-пресс, 2000.
- Жирицкая Е. Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в рос-ском обществе 1917–1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 167–270.
- Заблудовский П. Е. Учение о заразных болезнях и книга Фракасто-// Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. Издательство АН СССР, 1951.
- Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской ории // Россия/Russia. Вып. 3 (11). М.: ОГИ, 1999. С. 54–70.
- Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской ории // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное зрение, 2003. Т. 2. С. 280–308.
- Змеев Л. Ф. Наши первые карантинны не там, где их искали. СПб.: тография М. М. Стасюлевича, 1888.
- Змеев Л. Ф. Русские учебники: Исследование в области нашей вней учебной письменности. СПб.: Общество любителей древ-й письменности, 1895.
- Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: ледование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008.
- Исаченко Т. М. Из истории Государевой аптеки (неизвестные ав-рафы Холмогорского архиепископа Афанасия) / Доклад, прочи-нный на VII Иоанновских чтениях, 1–5 ноября 2005 года, Архан-ьск — Северодвинск — Новодвинск — Сийский монастырь. Режим тупа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=1852>.
- Итунина А. Л. Формирование ботанической терминологии в язы-русской науки XVIII — первой четверти XIX века. Автореф. дисс. ... ид. филол. наук. Смоленск, 1999.
- Кабакова Г. И. Запахи в традиционной русской культуре // Живая рина. 1997. № 1. С. 36–38.

Кабакова Г. И. Запах // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012. М., 1999. Т. 2. С. 266–269.

Кабакова Г. И. Запах смерти // Славяноведение. 2000. № 6. С. 21–25.

Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964.

Кириченко Е. И. Жилая застройка Санкт-Петербурга эпохи классицизма и ее влияние на развитие архитектуры // Архитектурное наследство. 1967. № 16. С. 81–95.

Кирсанова Р. М. Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 270–279.

Клеман М. К. Эмиль Золя в России // Литературное наследство. Т. 2. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 235–248.

Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России: Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань: Издательство Казанского университета, 1971.

Кожаринов В. В. Русская парфюмерия. М.: Советский спорт, 1998.

Козубовская Г. П. Середина века: Миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009.

Корсун В. П. Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX — начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.

Кунките М. И. К вопросу о борьбе со слюнявливанием пальцев и плеванием в общественных местах: по материалам специализированной прессы рубежа XIX–XX вв. Доклад, прочитанный на семинаре «История медицины, здравоохранения и благотворительности» 4 октября 2012 года, Российская национальная библиотека, Музей истории сестринского дела в Петербурге.

Курпьянов А. В. Развитие принципов систематики в XVII–XVIII веках. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2005.

Кушлина О. Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001.

Лазарев А. Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра // Мандру Р. Франция раннего Нового времени. 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010.

Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

Латур Б. Пастер: война и мир микробов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

- Левит М. М. Становление общественной медицины в России. М.: медицина, 1974.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: Бактория, 2007.
- Лелина Е. И. Русский отдел на Первой международной гигиенической выставке 1876 года в Брюсселе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2006. № 4. С. 103–107.
- Лехциер В. Л. Эффекты медиализации и апология патоса // Топос. 2006. № 1 (12). С. 114–126.
- Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Наука, 1982.
- Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. 1969. Вып. 4. С. 206–238.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992.
- Лотова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1952.
- Лярская Е. В. «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундраках // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003.
- Макшейн К., Тарр Д. А. Роль лошади в американском городе XIX века // Человек и природа: экологическая история / под ред. А. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. А. Лайус. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 285–324.
- Малинова О. Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 38–59.
- Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Матич О. Б. «Рассечение трупов» и «срывание покровов» как культурные метафоры // Новое литературное обозрение. 1993. № 6. С. 139–150.
- Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / под ред. Л. А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М.: Госиздат, 1925.
- Мертен С. Поэтика медицины: От физиологии к психологии в раннем русском реализме // Русская литература и медицина: Тело, пред-

писания, социальная практика / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 103–122.

Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 304–325.

Назаров В. В. Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX — начале XX веков (по материалам Саратовской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

Невский С. А., Сычев Е. А., Аганесов Д. Е. Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX — начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 369–376.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.

Осинов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина: Обзор развития земской медицины в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния. М.: Правление Общества русских врачей, Печатня С. П. Яковлева, 1899.

Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. № 1. С. 46–52.

Пироговская М. М. Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (опыт комментария) // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции, Пушкинский Дом. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354–369.

Пироговская М. М. Ветлянская чума 1878–1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 198–229.

Пироговская М. М. От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 144–164.

Поткина И. В. Социальная политика Морозовых: Никольская мауфактура (60-е гг. XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2002. С. 25–61.

Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины / под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. С. 41–72.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010.

Рогачева Н. А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Романов Н. А. Русская анатомическая терминология XVIII века. Смоленск: САУ, 1997.

Сакс О. Бестелесная Кристи // Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 72–86.

Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

Сердюк А. М. Запах как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 239–240.

Сикорская Л. Н. Синонимические средства выражения в сфере русской ботанической терминологии конца XVIII — первой половины XIX века // Лексическая и синтаксическая синонимия. Смоленск: СГПИ, 1989. С. 33–43.

Соболь С. Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.

Сорокин Ю. С. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин *растение* и его синонимы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 3. С. 218–225.

Старенченко Ю. Л. Деятельность земских учреждений Санкт-Петербургской губернии по созданию начал общественной медицины (1857–1880 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907–1917 гг.). М.: Медицина, 1964.

Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: в 2 т. М.: Вузовская книга, 2006.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Издательство Товарищества типографии А. И. Мамонтова, 1902.

Трахтенберг Д. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим: Гешарим, 1998.

Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды: в 3 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 320–332.

Фарино Е. Запах // Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 333–342.

Февр Л. Чувствительность и история: как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // *Февр Л. Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 109–125.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

Фуко М. Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // *Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8. № 3. С. 37–60.

Хаккарайнен М. Традиция как желание: Перечитывая шаманизм // *Experto crede Alberto*: Сборник статей к 70-летию А. К. Байбурина / под ред. А. М. Пиир, М. М. Пироговской. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 351–377.

Хомякова Е. Ю. Русская химическая терминология XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Цявловский М. А. Пушкин и графиня Д. Фикельмон // *Голос минувшего*. 1922. № 2. С. 108–123.

Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Типография Я. Трея, 1870.

Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Я. Трея, 1883.

Шарафадина К. И. Игра «во вкусе гососо» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814) // *Русская литература*. 2001. № 4. С. 118–141.

Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // *Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины* / под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетей, 2008. С. 8–40.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Юрков С. Е. Антиповедение — гротеск — антимир // *Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.)*. СПб.: Летний сад, 2003. С. 15–35.

Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. М.; СПб.: Центрполиграф, 2012.

Ackerknecht E. H. Anticontagionism between 1821 and 1867 // *Bulletin of the History of Medicine*. 1948. N 22. P. 562–593.

Alexander J. T. Medical Developments in Petrine Russia // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. N 2. P. 198–221.

Almagor U. The Cycle and Stagnation of Smells: Pastoralists-Fishermen Relationships in an East African Society // *Res: Anthropology and Aesthetics*. 1987. Vol. 13. P. 106–121.

Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India. Berkeley; London: University of California Press, 1993.

Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Barnes D. S. The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. London: Arnold, 1976.

Bauman Z. The Sweet Scent of Decomposition // *Forget Baudrillard?* / ed. by Ch. Rojek, B. S. Turner. London: Routledge, 1993. P. 22–46.

Baxandall M. Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Becker E. M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts // *Law and History Review*. 1999. Vol. 17. N 1. P. 1–26.

Beer D. The Medicalization of Religious Deviance in the Russian Orthodox Church (1880–1905) // *Kritika*. 2004. Vol. 5. N 3. P. 451–482.

Behrends J. C., Kohlrausch M. Introduction // *Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940* / ed. by J. C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; New York: CEU Press, 2014. P. 1–19.

Benedict B. The Anthropology of World's Fairs // *The Anthropology of World's Fairs: San-Francisco's Panama-Pacific International Exposition* / ed. by B. Benedict. Berkeley: Lowie Museum of Anthropology; London: Scholar Press, 1983.

Bensaude-Vincent B. A Geographical History of the 18th Century Chemistry // *Lavoisier in European Context: Negotiating a New Language for Chemistry* / ed. by B. Bensaude-Vincent, F. Abbri F. Canton, Mass.: Science History Publications, 1995.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969.

Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Identity in Late-Imperial Russia / ed. by E. Clowes, S. Cassow, J. West. Princeton: Princeton University Press, 1991.

Boccara M. Pets parfumés et souffle vital // Odeurs du monde: Écriture de la nuit. Textes édités par D. Rey-Hulman, M. Boccara. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 171–188.

Bourdelaïs P. La construction de la notion de contagion: entre médecine et société // Communications. 1998. N 66. P. 21–39.

Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century // Past and Present. 1961. N 19. P. 76–96.

Briot E. De l'Eau Impériale aux Violettes du Czar: Le jeu social des élégances olfactives dans le Paris du XIXe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2008. Vol. 55. N 1. P. 28–49.

Briot E. From Industry to Luxury: French Perfume in the Nineteenth Century // Business History Review. 2011. Vol. 85. N 2. P. 273–294.

Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley: University of California Press, 1990.

Bunle H., Lévy C. Histoire et chronologie des réunions et congrès internationaux sur la population // Population. 1954. N 1. P. 34–35.

Burenhult N., Majid A. Olfaction in Asian Ideology and Language // The Senses and Society. 2011. Vol. 6. N 1. P. 19–29.

Burke P. What is Cultural History? Cambridge: Polity Press, 2008.

Burnett J. Plenty and Want: A Social History of Diet in England from 1815 to the Present Day. Harmondsworth: Penguin, 1968.

Bynum W. F. Policing Hearts of Darkness: Aspects of the International Sanitary Conferences // History and Philosophy of the Life Sciences. 1993. N 15. P. 421–434.

Cabanès J.-L. Le corps et la maladie dans les récits réalistes (1856–1893): 2 vols. Paris: Klincksieck, 1991.

Classen C. Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // American Ethnologist. 1990. Vol. 17. N 4. P. 722–735.

Classen C. Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London; NY: Routledge, 1993.

Classen C. Foundations for an Anthropology of the Senses // International Social Science Journal. 1997. Vol. 49. N 153. P. 401–412.

Classen C., Howes D., Synnott A. Aroma: The Cultural History of Smell. London; NY: Routledge, 2004.

Cockayne E. Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600–1770. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007.

Collart M. Climat et Maladies: les Tables Nîmoises du Docteur Razoux. Доклад, прочитанный на XIV международном конгрессе по исследованию XVIII века 27 июля 2015 года, Университет Эразма, Роттердам. Режим доступа: <https://isecs2015.files.wordpress.com/2014/10/150726-isecs2015-1-abstracts-monday1.pdf>.

Conklin H. C. Review of Basic Color Terms // American Anthropologist. 1975. Vol. 75. N 4. P. 931–942.

Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982.

Corbin A. The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.

Corbin A. Histoire et anthropologie sensorielle // *Anthropologie et Sociétés*. 1990. Vol. 14. N 2. P. 13–24.

Corbin A. Charting the Cultural History of the Senses // *Empire of the Senses: The Sensual Culture Reader* / ed. by D. Howes. Oxford; NY: Berg Publishers, 2005. P. 128–139.

Crosland M. P. Historical Studies in the Language of Chemistry. London: Heinemann, 1962.

Csergo J. Liberté, Égalité, Propreté: La morale de l'hygiène au XIXe siècle. Paris: Albin Michel, 1988.

Curtis V. Don't Look, Don't Touch, Don't Eat: The Science behind Revulsion. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Dagognet F. La raison et les remèdes. Essai sur l'imaginaire et le réel dans la thérapeutique contemporaine. Paris: Presses universitaires de France, 1964.

Dhombres J., Dhombres N. Naissance d'un pouvoir: sciences et savants en France, 1793–1824. Paris: Payot, 1989.

Dianina K. The Feuilleton: An Everyday Guide to Public Culture in the Age of the Great Reforms // *The Slavic and East European Journal*. 2003. Vol. 47. N 2. P. 187–210.

Dobson M. J. Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Douglas M. Self-evidence // *Douglas M. Implicit Meanings: Essays in Anthropology*. London; Boston; Melbourne; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1984. P. 276–318.

Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge & Kegan Paul, 1970.

Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London; NY: Routledge, 2002.

Driessen H. Anthropology and History: Narcissism of Decreasing Differences? Доклад, прочитанный на воркшопе Bridging Disciplines, Scales, and Methods. Synergies between History and Anthropology Today Высшей школы по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы 21 июля 2017 года в Регенсбурге.

Ducos J. L'air corrompu dans les traités de peste // *Air, miasmes et contagion: Les épidémies dans l'Antiquité et au Moyen Âge* / sous la dir. de S. Bazu-Tacchella, D. Quéruel, É. Samama. Langres: Dominique Guéniot, 2001. P. 87–104.

Dupire M. Des goûts et des odeurs: classifications et universaux // *L'Homme*. 1987. T. 27. N 104. P. 5–25.

Eggen T. Odor, Sensation and Memory. NY: Praeger, 1991.

Engelstein L. Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // *Representations*. 1986. N 14. P. 169–208.

Evans R. J. Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Febvre L. Le Problème de l'incroyance au XVIe: La religion de Rabelais. Paris: Albin Michel, 1942.

Febvre L. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.

Feld S. Sound as a Symbolic System: The Kaluli Drum // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 79–99.

Fernandez A. Des villes sans odeurs? Représentations de l'urbanité au XXème siècle // *Odeurs et parfums. Actes du 121e congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Nice, 1996* / sous la dir. de D. Musset, C. Fabre-Vassas. Paris: Editions du CTHS, 1999. P. 21–28.

Fichman M. French Stahlism and Chemical Studies of Air // *Ambix*. 1971. Vol. 18. N 2. P. 94–122.

Findlen P. Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994.

Freeze G. L. The *Soslovie* (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. N 1. P. 11–36.

Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892–1893, and Medical Professionalization // *Journal of Social History*. 1977. Vol. 10. N 4. P. 538–559.

Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Frieden N. M. The Politics of Zemstvo Medicine // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government* / ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 1982. P. 315–342.

Frierson C. A. Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia. NY; Oxford: Oxford University Press, 1993.

Frykman J., Löfgren O. Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987.

Gade D. W. Redolence and Land Use on Nosy Be, Madagascar // *Journal of Cultural Geography*. 1984. Vol. 4. N 2. P. 29–40.

Gaukroger S. The Collapse of Mechanism and the Rise of Sensibility: Science and the Shaping of Modernity, 1680–1760. Oxford: Clarendon Press, 2010.

Gay P. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud: 5 vols. Vol. 1: Education of Senses. NY; London: Norton, 1984–1998.

Gell A. Magic, Perfume, Dream // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism / ed. by I. Lewis. London; NY; San Francisco: New York Press, 1977. P. 25–38.

Geurts K. L. Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002.

Gilman S. L. Inscribing the Other. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991.

Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations // La Ricerca Folklorica. 2002. N 45: Antropologia delle sensazioni. P. 17–28.

Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5. N 3. P. 304–345.

Goscilo H. Cosmetics — or Dying to Overcome Nature in an Age of Art and Artifice // Women and Gender in 18th-Century Russia / ed. by W. Rosslyn. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 73–104.

Gossen G. Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.

Greenhalgh P. Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851–1939. Manchester: Manchester University Press, 1991.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.

Hall E. T. The Hidden Dimension. NY: Doubleday, 1969.

Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Gruner + Jahr, 1983.

Halliday S. Great Stink of London: Sir Joseph Bazalgette and the Cleansing of the Victorian Metropolis. Stroud: Sutton Publishing, 2001.

Hamlin Ch. Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800–1854. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Hamlin Ch. Cholera: The Biography. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Hannaway C. Environment and Miasmata // Companion Encyclopedia of the History of Medicine / ed. by W. F. Bynum, R. Porter. London: Routledge, 1993. P. 292–308.

Hardy A. The Epidemic Streets: Infectious Disease and the Rise of Preventive Medicine (1856–1900). Oxford: Clarendon Press, 1993.

Harris N. E. The Idea of Lapidary Medicine: Its Circulation and Practical Applications in Medieval and Early Modern England, 1000–1750. PhD dissertation, Rutgers University, New Brunswick, 2009.

Hau M. The Cult of Health and Beauty in Germany: A Social History, 1890–1930. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2003.

Havelock E. A. The Literate Revolution in Greece and Its Cultural Consequences. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Heilbronner H. The Russian Plague of 1878–79 // *Slavic Review*. 1962. Vol. 21. N 1. P. 89–112.

Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. Abingdon; NY: Routledge, 2011.

Herzfeld M. Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society. Oxford: Blackwell, 2001.

Heyder C., Rosenholm A. Feminisation as Functionalisation: The Presentation of Feminity by the Sentimentalist Man // *Women and Gender in 18th-Century Russia* / ed. by W. Rosslyn. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 51–71.

Howard-Jones N. The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851–1938. Geneva: World Health Organization, 1975.

Howes D. Olfaction and Transition // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 128–147.

Howes D. Charting the Sensorial Revolution // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1. N 1. P. 113–128.

Hsu E. The Senses and the Social: An Introduction // *Ethnos*. 2008. Vol. 73. N 4. P. 433–443.

Hutchinson J. F. Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1985. Vol. 40. N 4. P. 420–439.

Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1990.

Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling, and Skill. London: Routledge, 2000.

Jenner M. S. R. Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture // *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas* / ed. by P. Burke, B. Harrison, P. Slack. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 127–144.

Jordanova L. Sexual Visions: Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989.

Jørgensen D. The Medieval Sense of Smell, Stench and Sanitation // *Les cinq sens de la ville: Du Moyen Âge à nos jours / sous la dir. de R. Beck, U. Krampl, E. Retailaud-Bajac*. Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2013. P. 301–313.

Jung D. Ethnography of Fragrance: The Perfumery Arts of Adan/Lahj. Leiden; Boston: Brill, 2011.

Kearns G. Private Property and Public Health Reform in England, 1830–1870 // *Social Science and Medicine*. 1988. Vol. 26. N 1. P. 187–199.

Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Klioutchkine K. "I Smoke, Therefore I Think": Tobacco and Liberation in Russian Nineteenth-Century Literature and Culture // *Tobacco in Russian History and Culture: From the Seventeenth Century to the Present* / ed. by M. P. Romaniello and T. Starks. NY; London: Routledge, 2009. P. 83–101.

La Berge A. F. Mission and Method: The Early Nineteenth-Century Public Health Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Labisch A. The Social Construction of Health: From Early Modern Times to the Beginnings of the Industrialization // *The Social Construction of Illness: Illness and Medical Knowledge in Past and Present* / ed. by J. Lachmund, G. Stollberg. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 85–101.

Lécuyer B. Hygiène en France avant Pasteur, 1750–1850 // *Pasteur et la révolution pastoriennne* / sous la dir. de C. Salomon-Bayet et B. Lécuyer. Paris: Payot, 1986. P. 67–139.

Leeming H. Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pre-Petrine Russian // *The Slavonic and East European Review*. 1963. Vol. 42. N 98. P. 89–109.

Leicester H. M. The Spread of the Theory of Lavoisier in Russia // *Chymia*. 1959. Vol. 5. P. 138–144.

Lévy-Ward A. Le chauve, la femme souillée, la vierge // *Odeurs du monde: Écriture de la nuit. Textes édités par D. Rey-Hulman, M. Boccara*. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 129–148.

Lowe D. M. History of Bourgeois Perception. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.

Majid A., Burenhult N. Odors Are Expressible in Language, as Long as You Speak the Right Language // *Cognition*. 2014. Vol. 130. N 2. P. 266–270.

Majid A., Speed L., Croijmans I., Arshamian A. What Makes a Better Smeller? // *Perception*. 2017. Vol. 46. N 3–4. P. 406–430.

Mandrou R. Pour une histoire de la sensibilité // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1959. N 3. P. 581–588.

Martin A. M. Sewage and the City: Filth, Smell, and Representations of Urban Life in Moscow, 1770–1880 // *The Russian Review*. 2008. Vol. 67. N 2. P. 243–274.

Mazanik A. Sanitation, Urban Environment and the Politics of Public Health in Late Imperial Moscow. PhD thesis. Central European University, 2015.

McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press, 1965.

La médicalisation de la société française 1770–1830 / sous la dir. de J.-P. Goubert. Waterloo; Ontario: Historical Reflections Press, 1982.

Medicine and the Five Senses / ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Mendelsohn J. A. The Microscopist of Modern Life // *Osiris*. 2003. Vol. 18. P. 150–170.

Moravia S. From *Homme Machine* to *Homme Sensible*. Changing Eighteenth-Century Models of Man's Image // *Journal of the History of Ideas*. 1978. Vol. 39. N 1. P. 45–60.

Morris R. J. Cholera, 1832: The Social Response to an Epidemic. London: Croom Helm, 1976.

Moussy H. Les topographies médicales françaises des années 1770 aux années 1880: essai d'interprétation d'un genre médical. Thèse de doctorat en Histoire, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 2003.

Murphy T. D. The French Medical Profession's Perception of Its Social Function between 1776 and 1830 // *Medical History*. 1979. Vol. 23. N 3. P. 259–278.

Neidhart Ch. Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

Nutton V. Greek Science in the Sixteenth-Century Renaissance // *Renaissance and Revolution: Humanists, Scholars, Craftsmen and Natural Philosophers in Early Modern Europe* / ed. by J. V. Field, F. A. J. L. James. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 15–28.

Ong W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London; NY: Methuen, 1982.

Ong W. J. The Shifting Sensorium // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 25–30.

Oris M. Hygiène publique et médicalisation dans une cité industrielle: Seraing au XIXe et au début du XXe siècle // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1995. T. 73. N 4. P. 983–1009.

Perras J.-A., Wicky É. La sémiologie des odeurs au XIXe siècle: du savoir médical à la norme sociale // *Études françaises*. 2013. Vol. 49. N 3. P. 119–135.

Pirogovskaya M. Constructing the Delicate Subject: Eighteenth-Century Russian Medical Books on Strong Flavours and Feeble Fibres // *De Achttiende Eeuw / The Eighteenth Century*. 2016. Vol. 48. N 1–2. P. 93–112.

Porter R. Foreword // Corbin A. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. P. I–XII.

Porter R. The Rise of Physical Examination // *Medicine and the Five Senses* / ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 179–197.

Porter R. *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present*. London: Fontana Press, 1999.

Potter C. Sense of Motion, Senses of Self: Becoming a Dancer // *Ethnos*. 2008. Vol. 73. N 4. P. 444–465.

Pybus D. Buying Fragrance Ingredients and Selling Fragrance Compounds // *The Chemistry of Fragrances: From Perfumer to Consumer* / ed. by Ch. Sell. Cambridge: The Royal Society of Chemistry Publishing, 2006. P. 294–301.

Reichardt E. Health, 'Race' and Empire: Popular-Scientific Spectacles and National Identity in Imperial Germany, 1871–1914. Morrisville, NC: Lulu.com, 2008.

Reichel-Dolmatoff G. Desana Animal Categories, Food Restrictions and the Concept of Color Energies // *Journal of Latin American Lore*. 1978. Vol. 4. N 2. P. 243–291.

Reinartz J. Past Scents: Historical Perspectives on Smell. Chicago: University of Illinois Press, 2014.

Renner A. Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-Century Russia as an Imperial Elite // *Acta Slavica Japonica*. 2009. Vol. 27. P. 29–54.

Richmond Ph. A. American Attitudes toward the Germ Theory of Disease (1860–1880) // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1955. N 9. P. 428–454.

Riese W. The Impact of Romanticism on the Experimental Method // *Studies in Romanticism*. 1962. Vol. 2. N 1. P. 12–22.

Rindisbacher H. J. The Smell of Books: The Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.

Ritchie I. Fusion of the Faculties: A Study of the Language of the Senses in Hausaland // *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses* / ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 192–202.

Roberts L. The Death of the Sensuous Chemist: The 'New' Chemistry and the Transformation of Sensuous Technology // *Empire of the Senses: The Sensual Culture Reader* / ed. by D. Howes. Oxford; NY: Berg Publishers, 2005. P. 106–127.

Rofort M.-F. Les observations médico-météorologiques au dix-huitième siècle // *Bulletin de l'Association de géographes français*. 65e année. 1988. N 5. P. 357–366.

Roubin L. A. Le monde des odeurs: Dynamique et fonctions du champ odorant. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989.

Rosenberg Ch. E. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge, NY, Oakleigh: Cambridge University Press, 1992.

Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. NY: Palgrave Macmillan, 2000.

Ryan W. F. *The Bathhouse at Midnight: A Historical Survey of Magic and Divination in Russia*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999.

Sahadeo J. Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. N 1. P. 117–139.

Sahlins M. Colors and Culture // *Semiotica*. 1976. Vol. 16. N 1. P. 1–22.

Salomon-Bayet C. *L'institution de la science et l'expérience du vivant: Méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793*. Paris: Flammarion, 1978.

Schafer R. M. *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester: Destiny Books, 1977.

Schaffer S. *Measuring Virtue: Eudiometry, Enlightenment and Pneumatic Medicine* // *The Medical Enlightenment of the Eighteenth Century* / ed. by A. Cunningham, R. French. Cambridge; NY; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1990. P. 281–318.

Schoenwald R. L. *Training Urban Man: A Hypothesis About the Sanitary Movement* // *The Victorian City: Images and Realities: 2 vols.* / ed. by H. J. Dyos, M. Wolff. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973. Vol. 2. P. 669–692.

Schubert U. *Vorgeschichte der Internationale Hygiene-Ausstellung, Dresden 1911* // *Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1911 und die Rolle Karl August Lingners. Materialien der Arbeitstagung. 19–29 November 1986*. Deutsches Hygiene-Museum in der DDR. Dresden, 1986. S. 14–16.

Seeger A. *Nature and Society in Central Brazil: The Suyá Indians of Mato Grosso*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981

Seremetakis C. N. *The Memory of the Senses. Part II: Still Acts* // *The Senses Still: Perception and Memory as Material Culture in Modernity* / ed. by C. N. Seremetakis. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. P. 23–43.

Sigerist H. E. *Civilization and Disease*. Ithaca: Cornell University Press, 1944.

Smith M. M. *Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History*. Berkeley: University of California Press, 2007.

Smith M. M. *Transcending, Othering, Detecting: Smell, Premodernity, Modernity* // *Postmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies*. 2012. Vol. 3. N 4. P. 380–390.

Smith R. *Kinaesthesia and Touching Reality* // *19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century*. 2014. N 19. Published online: <https://www.19.bbk.ac.uk/articles/10.16995/ntn.691/>.

Snowden F. *Naples in the Time of Cholera, 1884–1911*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Stearns P. N. The Middle Class: Toward a Precise Definition // Comparative Studies in Society and History. 1979. Vol. 21. N 3. P. 377–396.

Stevenson L. G. Science down the Drain: On the Hostility of Certain Sanitarians to Animal Experimentation, Bacteriology and Immunology // Bulletin of the History of Medicine. 1955. Vol. 29. N 1. P. 1–26.

Stieb E. W. Drug Adulteration and Its Detection, in the Writings of Theophrastus, Dioscorides and Pliny // Journal mondial de pharmacie. 1958. P. 117–134.

Stoller P. The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989.

Ševčenko I. Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. P. 321–345.

Taithe B. Defeated Flesh: Medicine, Welfare, and Warfare in the Making of Modern France. Manchester: Manchester University Press, 1999.

Thompson F. M. L. Victorian England: The Horse-Drawn Society. London: University of London Press, 1970.

Thomson F. J. The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classical Antiquity. The Causes and the Consequences // Mediaeval Antiquity / ed. by A. Welkenhuysen, H. Braet and W. Verbeke. Leuven: Leuven University Press, 1995. P. 303–364.

Tomes N. The Private Side of Public Health: Sanitary Science, Domestic Hygiene, and Germ Theory, 1870–1900 // Bulletin of the History of Medicine. 1990. Vol. 64. N 4. P. 509–539.

Vigarello G. Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 1988.

Vila A. C. Enlightenment and Pathology: Sensibility in the Literature and Medicine of Eighteenth-Century France. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

Wallace A. F. C. Culture and Personality. 2nd ed. NY: Random House, 1970.

Weiss P. A. Rousseau, Antifeminism and Woman's Nature // Political Theory. 1987. Vol. 15. N 1. P. 81–98.

West S. Smokescreens: Tobacco Manufacturers' Projections of Class and Gender in Late Imperial Russian Advertising // Tobacco in Russian History and Culture: From the Seventeenth Century to the Present / ed. by M. P. Romaniello and T. Starks. NY; London: Routledge, 2009. P. 102–119.

Wheeler J. Stench in Sixteenth-Century Venice // The City and the Senses: Urban Culture since 1500 / ed. by A. Cowan, J. Steward. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 25–38.

Wickberg D. What is the History of Sensibilities? On Cultural Histories, Old and New // The Amercian Historical Review. 2007. Vol. 112. N 3. P. 661–684.

Wilson C. The Invisible World: Early Modern Philosophy and the Invention of the Microscope. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Wnuk E., Majid A. Revisiting the Limits of Language: The Odor Lexicon of Maniq // *Cognition*. 2014. Vol. 131. N 1. P. 125–138.

Wober M. Sensotypes // *The Journal of Social Psychology*. 1966. Vol. 70. N 2. P. 181–189.

Worboys M. Was there a Bacteriological Revolution in Late Nineteenth-Century Medicine? // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2007. Vol. 38. N 1. P. 20–42.

Wohl A. S. Endangered Lives: Public Health in Victorian Britain. London: Methuen, 1984.

Zakharine D. Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit. Konstanz: UVK Verlag, 2005.

Zilsel E. The Genesis of the Concept of Scientific Progress // *Journal of the History of Ideas*. 1945. Vol. 6. N 3. P. 325–349.

Указатель

- Авсеенко В. Г. 275
Азия; «азиатчина» 111–117, 119,
121, 124–125, 153, 192, 199,
204, 291–292, 294
Акеркнехт Э. 72–73, 203
Аксаков С. Т. 92, 265
Александр I 88–89
Александр II 98, 103
Альмединген А. Н. 181
амбра 29, 144–145, 257, 267, 310,
324–325
анло-эве (народ) 13
Анненский И. Ф. 328
антиповедение 321–323
антропология чувств 10–12
Аристотель 126
Архангельский Г. И. 220

бактериология 62–64, 87, 169, 241,
250–255, 275, 277, 336
бани 26, 93–94, 219, 248–249, 270
Бауман З. 28
Блок М. 18
Блондель Ш. 18–19
Боборыкин П. Д. 112
бобровая струя 29, 87, 146, 310
Бодлер Ш. 325
бойни 52, 61, 108, 118, 209, 216, 219
Болдуин П. 40, 73–74, 283
ботаника 48, 130–132, 136–138,
141–146, 148–151
— трактаты по ботанике
133–136
— ботанические прогулки 132,
150
Боткин С. П. 197, 199, 229
брезгливость, см. отвращение
Брокар Г. 303
Бурдые П. 256
Буссенго Ж.-Б. 154
Бьюкен У. 54, 91–93, 155, 259

Вебер М. 18
Вениаминов П. Д. 146
вентиляция 58, 61, 69, 78, 117, 161,
249, 271, 282, 290
Вирхов Р. 75, 100
Витте С. Ю. 201
Вицман А. 54
Вишняков Н. П. 85
внимание; внимательность; режи-
мы внимания 139, 234–235,
260, 262, 304
Водовозова Е. Н. 89, 164, 301
воздух 44, 54, 58–59, 62, 65, 154–
158, 218, 279
— жилой воздух 57, 85, 154, 260,
288
— порча воздуха 52–53, 78–80,
154–158, 210, 272, 277, 290, 296
— содержание углекислоты
в воздухе 154–155, 157

- анализ воздуха 154–155, 157,
249–250, 262
- Вольное экономическое общество
52, 102, 142, 147, 263, 301–
302
- Восток 74, 113–116, 122
- врачебное вещевословие, см.
фармакология
- выставки;
— санитарно-гигиенические
выставки 235–241, 243–251,
298, 335
— художественно-промышлен-
ные выставки 236, 239, 243–244,
264, 303
- Габриак Ч. де 323
- Гаевский С. Ф. 67, 286
- Гален 134, 258
- Галлер А. фон 140
- Гейлс С. 44, 58–59
- Гей-Люссак Ж.-Л. 154
- гендер; гендерные стереотипы
127, 304, 308–309, 312–313,
318–321, 322, 324
- гигиена 27, 39, 40, 92, 124, 173, 175
— общественная гигиена 241,
243–244
— гигиена тела 92–93, 258,
260, 262–263, 266–267, 275–276,
288, 300–301, 306–307, 310, 321
— гигиена труда 92, 218, 248,
252–253, 288
— гигиенические товары 246–
249, 300–304
- Гиппиус З. Н. 323, 331
- Гиппократ 43–44, 130, 137
- Гирш А. 200
- горячка 56, 191
- Гумбольдт А. фон 154
- гуморы; гуморальная теория 53–
54, 86, 88, 90, 95, 130–132,
137, 146, 152, 258–259, 284
- Гюбнер Ю. Ю. 264
- Гюисманс Ж.-К. 326–327
- дезинфекция 165, 169, 183, 186,
214, 219, 227, 233, 271, 277,
280, 299
— дезинфицирующие вещества
169, 196, 264
- дезодорация 26, 27, 165–166, 167,
169, 183, 186, 207, 212, 247,
255, 263, 277, 280, 299, 304,
309, 326
- декаданс 321, 323–326, 331
- Декарт Р.; картезианство 16, 130
- десана (народ) 23
- Джонстон Дж. 170
- Диоскорид 130, 132–133
- дисциплина 28, 111, 188, 262, 272,
278, 280, 305
— дисциплинирование чувств
153, 188, 262
- дифтерит 61, 68, 191, 192, 204, 214,
233, 276
- Доброславин А. П. 171–172, 203,
215, 237
- Достоевский Ф. М. 35, 124, 209, 310
- Дюма Ж.-Б. 154
- Дюркгейм Э. 18
- евреи 291, 294, 315
- жасмин 314–315, 331
- железные дороги 123–124
- Закревский А. А. 201
- Запад 74, 113–117, 122
- запахи 24–25, 27, 29, 33–37, 48–52,
57–58, 62, 87, 110–111, 140–
146, 147, 151–152, 183, 186,
210–211, 219, 258, 262–264,
266–267, 290–291, 294, 305–
307

- классификации запахов 126–127, 136–137, 140, 144–146, 151–152, 159, 187
- смешение запахов 183, 295–299, 311–312
- ольфакторный нейтралитет 247, 295, 299, 305
- ольфакторный упадок 27–28
- Захарьин Д. Б. 34–35, 257
- Здекауэр Н. Ф. 237
- здоровье; общественное здоровье 40, 53–54, 73, 91, 96–97, 101, 103, 107, 121, 215–216, 228–230, 234, 332–334
- здравый смысл 12, 282
- земская медицина 39, 48, 76, 98–99, 173–175, 228–230
- Зиммель Г. 17
- Зиновьева-Аннибал Л. Д. 323–324, 327
- Золя Э. 303, 326
- Игнатъев А. А. 86, 319
- Игнатъев М. А. 176
- индустриализация 104–105, 224, 226, 333
- ипохондриа 54
- камералистика, камеральные науки 48, 137–138, 142, 149, 295
- канализация 120, 220–221
- Капустин М. Я. 270, 284
- Карамзин Н. М. 149–150
- карантин; карантинизм 69–70, 72, 74–75, 102, 105, 116, 192, 195–196, 200–201, 203–204, 250, 278, 292
- Карцов Д. 83, 84
- кастореум см. бобровая струя
- Катков М. Н. 201
- кинестезия 15
- кладбища 52, 108, 117, 212, 216, 219
- Классен К. 11, 16, 27
- Клоке И. 140
- когнитивные исследования 126, 141
- колонизация 124–125
- Кондоиди П. З. 77
- конструктивизм, социальный конструктивизм 30–31
- контагий; контагиозная теория 65–69, 82, 191, 215, 245, 250
- Корбен А. 23–25, 26–27, 29, 31, 304
- Кох Р. 42, 62–63, 69, 250
- крестьяне 53, 211–212, 228–229, 247, 268, 277–280, 282–291, 295, 303
 - крестьяне-отходники 272, 277, 302
 - физиология крестьян 262, 287–288, 290–291
 - моральная экономика крестьян 283
- Крымская война 76, 97, 104
- Кузмин М. А. 32–324
- купечество 220, 223, 227–229, 270–271, 275
- курения; окуривание 69, 80–87, 135, 160–161, 163, 165, 196, 263–264, 301, 306
- Лабаррак А. 83, 160
- Лавуазье А.-Л. 139, 154
- ладан 83, 135, 214, 306, 325
- Ладыгин Д. М. 300–301
- Латур Б. 31, 62, 246
- Ле Гофф Ж. 19, 24
- Леблан Ф. 154
- Леви-Брюль Л. 19
- Лемери Н. 265
- либерализм; либеральная пресса 70, 72–73, 109–111, 117, 199, 201, 204, 215, 229, 231, 233, 271, 277
- Либих Ю. 64
- Линней К. 65, 137, 140

- Ловцов С. П. 75, 215
Лорис-Меликов М. Т. 201, 203
Лотман Ю. М. 256
Львов Н. А. 150
- мая (язык) 127
Маклюэн М. 20–21
Максимович-Амбодик Н. М. 141
маярия 43, 64, 190–192, 195
Мандру Р. 19–20
маник (язык) 127
Марковников В. В. 303
Маяковский В. В. 252–253
медиализация 24, 90, 99–100, 105,
152–153, 276, 278, 332
Медицинская канцелярия; Меди-
цинская коллегия 77, 102,
129
Мейер А. К. 146
мелочные лавки 296, 298–299
метеорология 56, 76, 193
миазматическая теория 27, 38–39,
42–45, 58, 63–64, 65–69,
81–82, 86–87, 95, 108, 111,
140–142, 146–147, 153, 155,
160, 164, 191, 193, 205, 215,
251, 262, 295, 333
минералогия 130, 138
модернизация 104–105, 294, 336
Моллесон И. 64
Молоховец Е. И. 166, 185
Монен Э. 313
Монфалькон Э. 154
Мосс М. 256
Мудров М. Я. 84
мускус 29, 145, 257, 306, 309–310,
324–325
- навоз 87, 208–212, 279, 282, 296
Найтингейл Ф. 63
натурализм; натуральная школа
230, 325–326
- нервы; нервность 54, 120, 150,
182, 262, 264, 277, 284, 305,
307–310
«нечувствительное испарение» 53
Николай I 97
ноцицепция 15
нравственность 41, 70, 257–258,
280, 283–284, 308–310, 313,
315, 321
- Обер Э. 307–308
обоняние 16, 23–25, 26–27, 28, 29,
31, 41, 42, 45, 120–121, 157–
158, 170–171, 181, 207, 210,
219, 227, 257, 262, 275, 284,
309, 332, 336
общества врачей 98, 101, 109, 171–
172, 207, 239
— Русское общество охранения
народного здоровья 98, 237–238,
— Русское общество врачей
имени Н. И. Пирогова 63
общественность 106, 153, 223
Одоевский В. Ф. 314
Окен Л. 21
Онг У. 21, 23
органолептический анализ; орга-
нолептическое описание
128–129, 132–133, 136–137,
140–141, 148–149, 151, 172,
181–182, 186, 302, 334–335
Осипов Е. А. 64
Островский А. Н. 183, 315
отвращение 30, 120, 207, 231, 254,
284
- Паллас П.-С. 142
парфюмерия 28, 148–149, 257, 300,
302–307, 309–316
— парфюмированные средства
28, 88–90, 167, 264–265, 266–
268, 311–313, 316–317, 318, 321,
323, 326–331

- духи-солифлоры 313
 — парфюмерные синтетические компоненты 302–304, 316, 326, 328, 330
 — парфюмерия как музыка 326–327
- Пастер Л., пастерианство 42, 62–63, 72, 165, 169, 204, 214, 250–252, 275
- пачули 309, 313–314
- Пекле Э. 154
- Петри Э. Ю. 240
- Петтенкофер М. фон 64, 69–70, 197, 210, 219, 272
- Пирогов Н. И. 63, 64, 97–98, 108, 160
- Пихлер И.-Ф.-Х. 146
- планировка (городская) 107, 117–118, 224, 226, 246
- Платон 126
- Полонский Я. 60
- Помяловский Н. Г. 295
- Португалов В. 61, 86, 100
- проветривание, см. вентиляция
- прогресс 90, 103–104, 111–113, 124, 153, 227–229, 235, 238–239, 248, 271, 278–279, 320, 334
- проприоцепция 15
- профилактика; методы профилактики 87, 97, 241, 245–246, 249, 263, 278, 308
- Пруст А. 200
- публичная сфера 31–33, 106–107, 187, 336
- публичное пространство 103–104, 105, 153, 276, 335
- Пушкин А. С. 82
- Равич И. И. 199
- Рамаццини Б. 43
- раса 309
- Ределин М. 172, 181
- рекомендательная литература 91, 109, 141–142, 148, 159–164, 171–172, 179, 183–186, 256, 260, 287, 304–305, 320–321, 334–335
- Риммель Э. 312
- Рост И.-И. 58
- Руссо Ж.-Ж.; руссоизм 150, 182, 257
- Руэль Г.-Ф. 44–45
- Сакс О. 15
- самодержавие 72–73, 203
- Санд Ж. 321
- санитария 27, 74–75, 153, 233–234
 — санитарные жалобы 222–224, 271, 334
 — санитарные конференции; санитарные съезды 73, 165, 189–190, 236, 239, 283
 — санитарный контроль; санитарная инспекция 73, 75, 94, 172–173, 175, 177, 188, 201, 212, 218–220, 222–224, 227–228, 233–235, 288–289, 296
- сентиментализм 35, 149–152, 308, 332
- серер ндут (язык) 127
- Сигерист Г. 72–73, 203
- Синнот Э. 16, 27
- сифилис 85, 197, 199, 204, 275
- Скворцов И. П. 64, 227, 233, 235
- скупенность 69, 111, 154–155, 203, 204, 211, 277
- слухи 195, 212, 223
- смертность 77, 100–101, 115, 118, 121–122, 203, 215, 282–283
- Смоленский П. О. 182
- Сологуб Ф. 323, 330–331
- средний класс 32, 271, 275, 299, 305, 331, 333
- статистика 96, 100–101, 118, 121–122, 203, 276
- Стернс П. 32
- Столыпин П. А. 123–124
- Страхов Н. И. 67, 84

- суйя (народ) 15, 127–128
Сюзор П. Ю. 245, 247
- табак 43, 85, 89, 167, 318–321
тайский (язык) 127
Тард Г. 223
Тардьё А. 178
тело, телесность 15, 24, 252–254,
256–257, 262–263, 305, 332–
333
Теофраст 130
Терентьев М. А. 292
Тереховский М. М. 145
терминология, терминологические
системы 78, 128–130, 142–
145, 151
термоцепция 15
Тимирязев К. А. 104
Толстой Л. Н. 85, 268
топографии (медицинские) 60, 75,
76–78, 101, 103, 116, 191–
192, 203, 209, 278, 286
травники 133–136
Тредиakovский В. К. 138
Трепов Ф. Ф. 175
- уксус 83, 84, 85, 166, 181, 196, 264
Уле О. 170
- фальсификация; борьба с фальси-
фикацией 170, 172, 175,
178–179, 181, 186
фармакология 130–132, 140, 146–
147, 151
фармакопеи 128–130, 141
Февр Л. 19–20
фибры 90, 91, 262, 264, 284, 292,
305, 308
физиологический очерк 103, 152,
154–155, 265–267
Фракасторо Дж. 44, 65
Фриден Н. М. 97
Фуко М. 24–25, 139
- Хабермас Ю. 32
хауса (язык) 14, 22
химия; пневматическая химия 44–
45, 114, 130, 138–139, 140,
170–172, 179, 295
хлора производные; хлорная
известь 83, 160, 227, 263
Ходасевич В. Ф. 184
Ходнев А. И. 302
холера; холерные эпидемии 48, 63,
64, 67–68, 71, 74, 84, 102,
115, 116, 122, 123, 188, 190,
196–197, 200, 203, 212, 224,
231, 233–234, 236, 243, 263,
276, 278
Холл Э. Т. 25
хопи (народ) 23
хороший тон; правила хорошего
тона 20, 26, 304–305, 311,
317, 321, 335
Хоувз Д. 12, 16, 27
Хэвлор Э. 21, 23
- цензура 70, 104, 105
церковь; церковная публицистика
155, 203, 212, 214, 218, 272,
292, 324
цоциль (народ) 15
- чахотка 87
Чедвик Э. 59, 73
Чехов Ал. П. 167, 298
Чистович Я. А. 101
чистота 27, 29, 30, 92–94, 112–114,
118, 122, 165, 173, 208, 218,
220, 234, 245–247, 254, 260,
268–271, 282, 286, 301–302
чувства 10–12, 258, 288
— пять чувств 11–15, 17, 45,
120, 181
— конфигурация чувств 13–14,
20–22, 23, 25, 26, 37, 139–140,
188, 235, 253–255, 336

- консенсус (чувств) 12, 38
 — низшие чувства 21, 26, 37, 140, 253, 294, 309
- чувственность; чувствительность 16, 19–20, 30, 37, 41, 107, 146–147, 149, 207–208, 210, 212, 255, 258, 260, 262–265, 284, 287–288, 292, 294, 301, 305–306, 310–311, 317–318, 325, 328, 332–335
- Чулков М. Д. 115, 259
- чума; чумные эпидемии 56, 66, 82, 115, 122, 188, 190–191, 192–201, 204–205, 207–209, 212, 230–231, 244, 276
- Шидловский С. В. 165
- Школа «Анналов» 17–20, 24
- Шталь Г. 44, 64
- Щербаков А. Я. 205, 209
- Элиас Н. 20, 25, 280
- Эллиот Дж. 147
- Энгельгардт А. Н. 85
- эпидемиология 65–69, 101, 114, 241
 — эпидемиологический контроль 69–70, 77, 120
- Эрисман Ф. Ф. 63–64, 119, 229–230, 254
- эссенциализм 30
- этикет 256–259, 332–333
- Homo hygienicus* 33, 100, 153, 236

Summary

Maria Pirogovskaya

Miasmata, Symptoms, and Evidence.

Smells in Russian Culture, 1850–1900s:

Between Medicine and Morals

EUSP Press, 2018. — 392 pp. ISBN 978-5-94380-267-6

The book contributes to anthropology of the senses, medical anthropology and social history of medicine in modern societies. It examines the bourgeois transformation of sensibility and olfactory perception in late Imperial Russia. At the time, the sense of smell was “advanced” to the forefront of the social scene and widely debated in the public sphere.

Historical and anthropological studies of the senses are recently established subfields — or, one might say, approaches to the historical data; they can even be considered tools to rediscover phenomena and tendencies that had previously been overlooked. These studies expose and analyse the social dimension of the senses and related sensibilities. Since 1980s, a surge of interest in the sensorium of society and the social influence on senses has produced a number of remarkable works¹. Addressing the already delineated problems, the actual monograph focuses on the medical and moral reputations of olfaction in the late imperial Russian society. Besides, it investigates the social factors and strategies that helped to

¹ Cf.: Corbin A. *Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles*. Paris: Aubier Montaigne, 1982; Frykman J., Löfgren O. *Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987; Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. NY; London: Routledge, 1994; Zakharine D. *Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit*. Konstanz: UVK Verlag, 2005; Smith M. M. *Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History*. Berkeley: University of California Press, 2007.

disseminate the new olfactory norms and mythologies within the educated strata. The research design was shaped by the notions of *medicalisation* (i.e. the construction and interpretation of routine processes and phenomena in medical terms) and of *public health* which entered the agenda due to the social changes and challenges the Russian Empire was experiencing in the 1850–1870s.

In the 18th century, a new, more cautious and reflexive approach to smells (and a re-configuration of sensibility) was transferred to Russia along with the Western etiquette and Western medical knowledge. On the one hand, the imported behaviour models and communication rules brought about a new way of self-awareness. On the other hand, Western medical theories (particularly, the miasmatic theory) promoted a revaluation of bodily emanations and everyday smells. New ideas connected smells to epidemics, treatment and morals, and stirred an olfactory vigilance in the upper strata. This transformation quickened in the second half of the 19th century when the Great Reforms and urban growth challenged the social structure of the time. Both the new bourgeoisie and the Russian society in general needed shared standards of behaviour, communication and bodily presence; as a result, mass advice literature grew prolific. It was then that the conventions and norms of the gentry were modified to conform to the hygienic standards proposed by medical experts. Soon, experts were raising their voice to reform the habits and the *habitus* of various social groups.

There were several important drivers and media through which the reshaped hygienic and olfactory norms permeated downwards. Firstly, the concept of “good manners” (French *du bon ton*) urged the aspiring middle strata to imitate the more prestigious norms. Secondly, epidemics alerted laypeople and prompted them to internalise the medical gaze on themselves and their living conditions. Thirdly, public leaders and physicians used every opportunity to discuss public health and the public good in print ever popularizing current medical knowledge, theories and recommendations. Invoking public health, they spoke about “Europeanized” hygienic standards, new boundaries of the bodies, and a new type of privacy — these were the only means to secure the whole society.

As Russian physicians and hygienists prioritised European (most notably, German and British) public hygiene systems, they introduced a specific rhetoric in their popular writings. They equalled sanitation to European progress, and backwardness to Asiatic filth. In order to be progressive and European, their readers had to follow their hygienic recommendations. When contrasted with sanitation problems in Russian provincial towns and villages, such a rhetoric questioned the social order and the efficiency of the Russian bureaucracy. Through sanitary reports

and comic feuilletons, it was easily adopted by more or less educated readers who imitated the sanitary discourse in their private complaints and public petitions against foul odours and bad sanitation.

The social dimension of epidemics and dangerous diseases was clearly articulated in the printed media. The national importance of the problem gave physicians reasons and pretexts to expand the medical gaze and the medical "nose". Thus, the notion of smell as a medical symptom or legal evidence was infiltrating non-medical writings, such as popular books on housekeeping and advice literature. Their readers (mostly educated people of mixed background, merchants, petty bureaucrats, military officers, petty bourgeois) mastered the basics of chemistry, medicine and hygiene. They learned the language and essentials of organoleptic analysis, and adjusted their sensory experience to scientific terms through re-training their attention according to the books' guidelines. Hygienic exhibitions, both national and international, were another tool of inculcating new olfactory and hygienic standards.

As the olfactory and hygienic norms were undergoing changes, everyday smells and aromas were being revaluated and olfactory tolerance decreased. This process implied not only the eradication of miasma and the separation of mixed smells into components according to their functional spheres but also the disapproval of "loud" smells in the private sphere. Private aromas were regulated in terms of quantity and quality. Bodily emanations were criticised as utterly unhealthy; strong perfumes were treated as immoral; several smells lost their former prestige and signalled low social status and poor manners. An excessive odour signified either a lack of hygiene (in peasants or migrant workers), or a lack of education and manners (in nouveaux riches or social climbers), or a lack of modesty (in courtesans and fancy women). The shortening of the distance smell could be perceived at can in itself be interpreted as the olfactory separation of the public and the private.

Some social theories described this modernisation as the triumph of sight and the demise of the other senses in the social domain, but they could be too simplistic. An alternative model stresses the importance of olfaction, though it does not seem more convincing. In fact, modernisation influenced the whole sensorium and encouraged its transformation in several aspects. During the 'long 19th century', smell created specific alliances with taste, touch and sight: what was intolerable for the nose had to be thoroughly inspected with the naked eye and the microscope, and tested with the tongue and chemical reactions. While social barriers were dismantled and recreated through sensory means, olfactory medical symptoms were reinterpreted as social symptoms which signalled flaws in the social order or re-affirmed social hierarchies.

Научное издание

Мария Пироговская

**МИАЗМЫ, СИМПТОМЫ, УЛИКИ:
запахи между медициной и моралью
в русской культуре второй половины XIX века**

Редактор, корректор *Т. Л. Ломакина*

Дизайн *А. Ю. Ходот*

Верстка *Л. В. Васильева*

Издательство Европейского университета

в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

e-mail: books@eu.spb.ru

тел.: +7 812 386 76 27

факс: +7 812 386 76 39

Сайт и Интернет-магазин Издательства

WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 23.10.2018. Формат 60×90 1/16.

Усл. печ. л. 24,5. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1305.

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

тел./факс (812) 388-9000

e-mail: marketingberesta@yandex.ru

ISBN 978-5-94380-267-6

Эта книга — попытка уловить
трудноуловимое и упорядочить разнородное,
то, что носится в воздухе.

Эманации городских улиц и бальных зал,
дискуссии о здоровой атмосфере
и очищении выгребных ям,
лечение ароматическими веществами,
рассуждения о косметике и деликатесах,
гигиенические рекомендации и страхи
перед чужими испарениями, —
можно ли обнаружить общие принципы,
стоящие за массивом косвенных данных
о запахах прошлого?

На каких основаниях они выделялись
и классифицировались?

Что было привычным, а что — опасным?
Каким образом и благодаря кому привычные запахи
переосмыслились как опасные?

Что такое «чистый воздух» и зачем труды
по домоводству описывали запах корюшки?

В череде очерков о социальных аспектах обоняния
в русской городской культуре второй половины XIX века
разворачивается картина трансформации чувствительности —
процесса незаметного, но коренным образом
меняющего нормы
человеческого общежития.

Мария Пироговская
филолог и антрополог,
кандидат исторических наук,
преподаватель
Европейского университета
в Санкт-Петербурге.
Занимается антропологией чувств
и ощущений, а также социальными
исследованиями медицины
на российском материале
XVIII–XIX веков.

